

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

ISSN 2075-7794 | **2016** | **vol. 26** | **is. 4**

«Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН»

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963
ISSN 2410-7670 (online)
ISSN 2075-7794 (print)

The Journal is registered in the Federal Service for Inspection in Communication, Information Technologies and Mass Communication (Roskomnadzor) on July 1, 2009.
Registration number ПИ № ФС77-49346

2016. Vol. 26. Is.4
Released four times a year

Editor-in-chief:

Ph.D. of Philology *V. Kukanova*

Associate editor:

Ph.D. of History *U. Ochirov*

Editorial Council:

Acad. of the RAS *G. Matishov* (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),
Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov* (Moscow, Russia), Ph. D. of History *M. Balzer* (USA),
Acad. L. Bold (Mongolia), Ph. D. of History *N. Bugai* (Moscow, Russia),
Ph. D. of Jurisprudence *D. Demichev* (Belarus), Ph. D. of Economics *O. Inshakov* (Volgograd, Russia),
Ph. D. of Philology *M. Magomedov* (Makhachkala, Russia), Ph. D. of History *K. Maksimov* (Elista, Russia),
Ph. D. of History *I. Popova* (Saint-Petersburg, Russia), Ph. D. of History *Na. Sukhebaatar* (Mongolia),
Ph. D. of Philology *Chao Gedzhin* (China), Ph. D. of History *D. Schorkowitz* (Germany),
Acad. of RAE, Ph. D. of Pedagogy *P. Erdniev* (Elista, Russia)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS *Kh. Amir Khanov* (Makhachkala), Corr. Member of the RAS *B. Bazarov* (Ulan-Ude),
Ph. D. of Jurisprudence *L. Batiev* (Rostov-on-Don), Ph. D. of History *N. Zhukovskaya* (Moscow),
Ph. D. of Philology *G. Piurbeev* (Moscow), Ph. D. of History *V. Trepavlov* (Moscow)

Ph. D. of History *E. Badmaeva* (executive secretary),
Ph. D. of History *E. Bakaeva*, Ph. D. of Philology *T. Basangova*, Ph. D. of Philology *E. Bembeev*,
Ph. D. of Philosophy *B. Bicheev*, Ph. D. of Philology *B. Kichikova*, Ph. D. of Economics *E. Mantaeva*,
Ph. D. of Philology *D. Muzraeva*, Ph. D. of Sociology *A. Ovshinov*, Ph. D. of Philology *E. Omakaeva*,
Ph. D. of Political Sciences *N. Ochirova*, Ph. D. of Pedagogy *B. Salaev*, Ph. D. of History *V. Sanchirov* (Elista, Russia)

The Editorial Board and Publisher's address:
8, Ilishkin Street, Elista, 358000, the Republic of Kalmykia.
Tel.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; fax: (84722) 2-37-84.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

CONTENTS

HISTORY

Archaeology	<i>Stolyarov A.</i> Archaeological and Epigraphical Sources on the History of Bengal and Bihar in the 8 th –12 th Centuries	3
National History	<i>Tepkeev V., Sanchirov V.</i> Kalmyk-Tibetan Relations at the Turn of the 17 th and 18 th Centuries	12
	<i>Okonova L.</i> Consolidated Annual Reports of the Kalmyk Administration: Historiographic Heuristics	21
	<i>Ochirov U.</i> Annotated Lists of Participants of the Great Patriotic War Conscripted from Kalmykia: a Historiographic Review	29
	<i>Tsypilova S.</i> Women’s Non-Governmental Organizations in Contemporary Mongolia	41
Ethnology & Anthropology	<i>Bakaeva E.</i> The Colour Symbolism of the Oirat National Costume Revisited	48
	<i>Sharaeva T.</i> The Origins of the Uldchnr Ethnic Group Revisited	59

LINGUISTICS & LITERATURE STUDIES & FOLKLORE

Linguistics	<i>Mushaev V., Mushaeva V.</i> A Case Study of Ethnic Linguistic Consciousness and an Associative Experiment (Evidence from the Kalmyk Language)	68
	<i>Tregubova D.</i> The Buryat Language in the Global Language System.	75
	<i>Sagidolda G., Yeskeeva M., Abdualyuli B.</i> Comparative Studies of Western Yugur Noun-Forming Affixes Revisited	83
	<i>Abaeva Y.</i> The Phonetic Appearance of the Nizhneudinsk Dialect of the Buryat Language: Current State	95
	<i>Bayanova A.</i> The Peculiarities of Translation of Kalmyk Non-Equivalent Vocabulary into German (Evidence from Kalmyk Fairy Tales Recorded by G. J. Ramstedt)	103
	<i>Bembeev E.</i> The Kalmyk Obsolete Buddhist Vocabulary (Evidence from the Kalmyk National Corpus)	112
	<i>Kukanova V.</i> An Experiment on Reconstruction of the Meanings of the Lexical Items Applied in The Jangar Epic	121
	<i>Rassadin V., Trofimova S.</i> Lexis Denoting Some Traditional Meat, Flour and Vegetable Products in the Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk Languages	132
	<i>Burykin A.</i> Comparing the Mongolian Scriptural Graphics and that of Zaya Pandita’s Clear Script in the Light of the General Theory of Writing and History of Writing Systems of Central Asian Peoples in the 17 th Century	137
Literature studies	<i>Daribazarov D.</i> “Ploughing Ashes vs. Ploughing a Field”: Studies of Lamrim Texts at Buddhist Monasteries	146
	<i>Khohmandal Kh.</i> The Influence and Contribution of the Novel <i>Tungalag Tamir</i> to Inner Mongolian Literature	154
Folklore studies	<i>Bitkeev P., Bitkeeva G.</i> Sacral Values of the Jangar Epic	160
	<i>Thamokova Z.</i> On the Interaction between Folk Tales of Caucasian Peoples (Evidence from Household Fairy Tales)	168
	<i>Alieva F.</i> The Poetic World of Love Poetry in Dargin Folklore	177

CONTENTS

SOCIOLOGY	<i>Gapich A., Istomina A.</i> Communicative Solidarity in Social Media: Methodological Peculiarities of Research	185
	<i>Lushnikov D., Volchinski A.</i> Revisiting the Criteria and Indicators for Identifying the Middle Class within Contemporary Russian Society (before the Social and Economic Crisis of 2014)	192
	<i>Almazova L.</i> Radical Islamic Groups in Contemporary Russia: State Policy and Inner Processes in Muslim Communities	201
	<i>Dulina N., Anufrieva E.</i> Everyday Life and Gender: General and Special Aspects in Assessments of Social Justice by Contemporary Students	216
	<i>Istomina A., Samoylova A.</i> The Image of a University Teacher in Public Conscience	226
	<i>Zykova N., Tumbaeva I., Rukomojnikova V.</i> Sociocultural Resources of the Region as a Factor in the Development of Rural Tourism	234

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 3–11, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-3-11
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 904

Archaeological and Epigraphical Sources on the History of Bengal and Bihar in the 8th–12th centuries

Alexander A. Stolyarov ¹

¹ Ph. D in History, Senior Research Associate, Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: astol007@gattamelata.com.

Abstract

The paper provides a brief but complete overview of material (archaeological) and epigraphical sources on the history of Bengal and Bihar in the 8th–12th centuries published primarily in India during the last century and a half.

The material sources were discovered in the course of excavations conducted under the supervision of the Archaeological Survey of India founded in 1861 and Department of Archaeology and Museums of Bangladesh which became an autonomous organisation in 1972.

The epigraphical sources are grouped around the Pāla dynasty who ruled over the region for about four centuries — the longest period in North Indian history — as well as their neighbours, such as the Chandras, Senas, etc. All the inscriptions under consideration are divided into three large groups, namely: land grant letters carved on copper plates (59 items); inscriptions on large objects — stones, rocks, steles, walls, etc. (over 30 inscriptions of the Pāla period); and inscriptions on small objects (about 70 ones of the Pālas). It is difficult to define the exact number of all inscriptions of the period. The publishing process of pieces of Bengal and Bihar epigraphy goes back to the late 18th century when Narayanapāla's inscription of the Badal pillar was first published in vol. 1 (1788) of the *Asiatic Researches*. There were odd publications of Bengal and Bihar inscriptions throughout the 19th century in various special journals like the *Journal of the Asiatic Society of Bengal* (issued since 1832), *The Indian Antiquary* (issued since 1872) and *Epigraphia Indica* (issued since 1882 as a quarterly supplement to *The Indian Antiquary*). Collections of early medieval Bengal and Bihar Sanskrit inscriptions including those of the Pālas and their neighbours began to be published commencing from the first decades of the 20th century. All the publications, even those issued about one hundred and fifty years ago remain relevant to this day, principally because a substantial part of the sources have been lost, obliterated and deformed. Besides, the evidence of those who saw and described the inscriptions for the first time ever is of great value for further generations of scholars due to the accompanying details. In the final reckoning, palaeographers always make references to the initial publications when discussing the meaning of any signs, figures, letters or ligatures.

At the moment it is difficult to define the exact number of inscriptions related to the Pālas and their neighbours. The list of Bengal and Bihar inscriptions is being constantly extended. In recent 25 years there have appeared numerous publications of inscriptions of Bengal rulers, particularly those of the Pālas. The inscriptions are published in different subject-oriented editions like journals, jubilee volumes, etc.

Keywords: early mediaeval history of Bengal, Pala dynasty, Sena dynasty, cultural artefacts, archaeological monuments, epigraphy, numismatics.

Вторая половина I тысячелетия в Индии считается периодом упадка буддизма. Между тем на востоке Индии, в Бенгалии и Бихаре, буддизм просуществовал несколько дольше — до начала XIII в. Дело в том, что в VIII–XII вв. здесь правила династия Палов, покровительствовавшая буддизму и официально его исповедовавшая. Процветали известные школы и университеты, поддерживались существующие и основывались новые монашеские обители, создавались и переписывались рукописи, сложился даже своеобразный стиль изобразительного искусства и архитектуры, названный по имени династии. Именно в Бенгалии родился и начал свою деятельность великий проповедник и реформатор буддизма Дипанкара Щриджняна, известный в Тибете как Атиша (ок. 982–1054). Поэтому история Восточной Индии в указанный период представляет несомненный интерес для каждого, кто интересуется буддизмом.

Общий объем источников, относящихся к рассматриваемому времени, т. е. к векам правления династий Палов, современных им Сенов, а также более мелких правителей достаточно велик. Эти источники можно разделить на три большие группы: материальные; эпиграфические и нумизматические и нарративные, т. е. повествовательные. В свою очередь, группу нарративных источников можно разбить на несколько неравноценных по степени историчности подгрупп. Это памятники буддийской и джайнской традиций, так называемая литература *смрити* и поэма «Рамачарита», составленная придворным поэтом Сандхьякаранандином. Ее можно рассматривать и как поэтическое произведение, и как одну из первых хроник панегирического жанра, содержащую описание деяний и подвигов Рамапалы — одного из последних правителей династии Палов.

В настоящей статье описаны первые две из указанных групп источников: материаль-

ные, или археологические, и эпиграфические, включая нумизматику.

К группе археологических источников относятся любые образцы материальной культуры людей, дошедшие до настоящего времени. Обычно это произведения архитектуры и искусства, а также обнаруженные, чаще всего в результате археологических раскопок орудия труда, утварь, предметы домашнего обихода и культа, надписи и прочее.

Более чем за 150 лет деятельности Археологического управления Индии (англ. *Archaeological Survey of India*), созданного в 1861 г., его сотрудники проделали колоссальный объем работы. К наиболее крупным из археологических комплексов, вскрытых в районе нижнего течения Ганга, относятся Наланда, Гайя, Монгир, Викрамашила, Одантапури (современный Бихар-Шариф) в Бихаре, Пандуа, Гаур, Котиварша (современный Девкот) в Западной Бенгалии. На территории Бангладеш аналогичную работу по обнаружению и сохранению археологических памятников осуществляет Управление археологии и музеев Бангладеш, учрежденное в 1972 г. Здесь сохранились такие крупные археологические памятники, как Пундранагара, или Пундравардхананагара, Пахарпур (Сомапурамахавихара), находящиеся на северо-западе страны, а также Викрамपुर и Девапарвата, относящиеся к комплексу Лалмаи-Майнамати в дистрикте Комилла (Бангладеш), где обнаружено более 50 буддийских поселений, относящихся к VIII–XII вв. [Khan Sahib 1931; Shastri 1942; 1986; Goswami 1948; Das Gupta 1961; Khan 1963; Patil 1963; Husain 1997; Imam 2000; Banik 2009; и др.].

Комплексный сравнительный анализ наиболее характерных черт, присущих как массовым, так и индивидуальным видам археологического материала, позволяет рассматривать большинство названных комплексов как составные части большого

археологического массива, к которому по ряду характеристик тяготеют и остальные комплексы, расположенные в нижнем течении и дельте Ганга.

Специалисты, изучающие материальную культуру Восточной Индии и Бангладеш, постоянно находят новые подтверждения существования на этих территориях в древности и раннем средневековье интенсивной социально-экономической активности, о чем свидетельствует большое количество раскопанных поселений, число которых в настоящее время доходит до одной тысячи.

При изучении истории средневекового Востока эпиграфика, будучи одной из разновидностей материальных памятников, рассматривается в качестве наиболее информативного и в то же время достоверного источника, являясь для многих специалистов одним из основных объектов исследования.

В составленном на сегодняшний день списке насчитывается 125 надписей Палов, причем с каждым годом количество находок растет. Каждая из таких надписей содержит упоминание, по крайней мере, об одном из правителей династии, а в жалованных грамотах приводятся имена всех правителей, предшествовавших тому, от имени которого написана грамота (так называемый династийный миф). Помимо этого, сохранились надписи, написанные от лица представителей других династий или их подданных, но содержащие ссылку или намек на Палов, а также надписи, принадлежность которых к династии или государству Палов в силу отсутствия прямых на то указаний вероятна, но не бесспорна.

Надписи Палов создавались на протяжении 400 лет, при общем периоде правления династии около 450 лет. В целях удобства дальнейшего исследования надписи Палов целесообразно разделить на три условные группы: 1) жалованные грамоты на медных пластинках; 2) посвятельные надписи на крупных объектах (отдельные камни и стелы, надписи на архитектурных деталях, колонны, крупные статуи и пр.); 3) посвятельные надписи на мелких объектах (мелкие и средние статуи и части от них, печати, металлические пластинки и др.).

По состоянию на начало 2010-х гг. группа жалованных грамот Бенгалии и Бихара состояла из 59 надписей, 24 из которых принадлежат династии Палов. Из них опублико-

ваны 23 надписи. Дешифровка и публикация каждой такой надписи — крупное событие в мировой бенгалистике, право на которое дается не каждому специалисту. Так, публикуя оборотную сторону Муршидабадской жалованной грамоты в 11–12 томе Журнала бенгальского искусства, вышедшем в 2007 г., Суреш Чандра Бхаттачарья рассказал в преамбуле, что эта грамота была приобретена в 1991 г. Индийским музеем в Калькутте и ей был присвоен инвентарный номер, о чем появилась краткая информация в Бюллетене музея. Однако долгое время она оставалась неопубликованной, поскольку директор музея сам хотел опубликовать ее и держал в своем сейфе в кабинете, не подпуская к ней никого. Но его мечте не суждено было сбыться: в музее произошла кража, и директор был отправлен в отставку. Полиция на какое-то время изъяла все ключи от хранилищ. Специалисты, зная о существовании надписи, стали искать возможность ознакомиться с ее текстом хотя бы по фотографиям. Но им было сказано, что, кроме фотографии оборотной стороны, никаких других копий надписи не существует [Bhattacharya 2006–2007: 237]. И лишь в 2011 г., спустя более 20 лет после обнаружения, полный текст надписи был расшифрован и издан с комментарием и переводом японским специалистом по истории Бенгалии Рьесуке Фуруи, который ради этого приехал из Токійского университета в Индийский музей [Ryosuke Furui 2011: 145–156].

Жалованные грамоты служат одним из основных источников по истории и экономике соответствующего периода. Каждая грамота является документом, дающим право на обладание землей в соответствии с принципом *бхумиччхидры* (свободного от налогов владения землей, прежде не обрабатывавшейся) на условиях *аграхары* (*брахмадеи*) или *деваданы*, т. е. обельного религиозного (брахманского или храмового / монастырского) владения. Будучи наиболее крупными из рассматриваемых текстов, жалованные грамоты чрезвычайно информативны. Кроме того, они лучше всего изучены.

Следующей по значению группой надписей выступают посвятельные надписи на крупных объектах. Они представляют интерес, в первую очередь, как источник по политической истории Бенгалии и Бихара, поскольку большая их часть содержит обычно генеалогию лица, совершавшего религи-

озное подношение (строительство и ремонт храмов, сооружение при них водоемов и т. п.). Известно о существовании более чем 30 надписей, принадлежащих династии Палов. Лишь в двух из них речь идет о пожаловании земли (точнее — налога с земли). Это надпись на колонне с изображением Гаруды из Бадала, рядом с г. Мунгалбари, дистрикт Богра, Бангладеш [EI 2 (1892–1894): 160–167; SVI 1967: 150–163] и надпись на колонне из дер. Арма возле железнодорожной станции Киул, дистрикт Лакхисарай, Бихар [EI 36 (1965–1966): 42–44].

Группа посвященных надписей на мелких объектах — самая многочисленная (ок. 70 образцов) и в то же время наименее изученная. Это обстоятельство объясняется, прежде всего, меньшей по сравнению с предыдущими группами значимостью содержащейся в них информации. Однако, принимая во внимание их многочисленность и то обстоятельство, что содержащиеся в них датировки помогают уточнить период правления того или иного государя, важно использовать и такие источники.

Начиная с последних десятилетий XVIII в. и весь XIX в. эпиграфические источники публиковались в журналах и серийных изданиях. Так, уже в первом томе журнала «Азиатские исследования» (англ. *Asiatic Researches*), вышедшем в свет в 1788 г., сэр Чарльз Уилкинс (1749–1836), книгоиздатель и востоковед, известный как первый переводчик «Бхагавадгиты» и создатель первого наборного шрифта деванагари, опубликовал недатированную надпись Нараянапалы, восьмого государя династии Палов, на колонне с изображением Гаруды, которая была обнаружена им в 1780 г. в Бадале, в 6 км к северу от Сомапуре Махавихары, расположенной в Пахарпуре, в современном дистрикте Джойпурхат, Бангладеш.

Отдельные публикации надписей Палов и соседних с ними правителей печатались в «Журнале Азиатского общества Бенгалии» [JASB] с начала его существования, т. е. с 30-х гг. XIX в. Впрочем их научная ценность поначалу была невысока: эпиграфика как историческая дисциплина в то время делала свои первые шаги. Тем не менее после 1861 г., когда было учреждено Археологическое управление Индии, публикации надписей стали приобретать все более научный характер. Этому во многом способствовала деятельность Александра Каннингема, основателя и первого генерального директора

Археологического управления, заслуженно считающегося «отцом индийской археологии» и возведенного за свои заслуги в 1867 г. королевой Викторией в рыцарский сан. Сразу же после назначения на пост директора он стал осуществлять ежегодные инспекционные поездки по Индии. Итогом стали 23 тома Ежегодных археологических отчетов [CASIR]. Бенгалии и Бихару посвящены тома №№ 8, 11, 15 и 16. Уникальное описание комплекса Махабодхи в Бодх-Гайе содержится в 3-м томе. Авторами фундаментальных работ могли становиться энтузиасты, на первый взгляд, далекие и от археологии, и от эпиграфики. В 1872 г. в 41-м томе Журнала Азиатского общества Бенгалии появилась публикация молодого помощника мирового судьи и коллектора Патны А. М. Броудли (1847–1916) «Буддийские реликвии Бихара» [Broadley]. Как Каннингем, так и Броудли публиковали тексты надписей не в латинской транслитерации, а с использованием шрифта деванагари. Эти и последующие издания надписей, выпущенные около полутора столетий назад, не потеряли актуальности и по сей день, прежде всего, потому, что немалое количество самих источников в настоящее время утеряны, уничтожены или деформированы. Кроме того, ценность свидетельств тех, кто впервые увидел и описал надпись, для последующих исследователей заключается в деталях, сопутствовавших находке. Наконец, к первым публикациям всегда обращаются палеографы в дискуссиях о трактовке тех или иных знаков (цифр / букв / лигатур) оригинала.

Действительно научные, критические публикации надписей стали выходить начиная со второй половины 1880-х гг. в «Индийском Антиквариуме» [IA] и конечно же в фундаментальном периодическом издании «Эпиграфия Индика» [EI]. В первые десятилетия XX в. к этим изданиям добавились «Журнал Общества изучения Бихара и Ориссы» [JBORS] и «Индийский исторический кварталник» [INQ]. После прекращения публикации «Журнала Общества изучения Бихара и Ориссы» с 1943 г. начал выпускаться «Журнал Общества изучения Бихара», а с 1952 г. — «Журнал Общества изучения Ориссы», которые издаются и в настоящее время. С 1975 г. в Майсоре стал выходить ежегодник «Исследования индийской эпиграфики», также известный как «Бхаратия-пурабхилекхапатрика: Журнал

эпиграфического общества Индии» [BPP]. Это издание трудов участников ежегодных конференций Эпиграфического общества Индии. В 2008 г. первые 33 тома ежегодника были унифицированно переизданы [SIE].

В самом конце XIX в. выяснилось, что за весь предыдущий период исследований в Северной Индии было обнаружено и опубликовано не менее 716 надписей разных типов. Именно такое количество записей вошло в «Список надписей Северной Индии начиная примерно с 400 г.», подготовленный и изданный немецким санскритологом и эпиграфистом Францем Килхорном (1840–1908), одним из столпов мировой индологии, в 1899 г. в приложении к пятому тому «Эпиграфии Индики» [KLINI]. Подавляющее число надписей списка оказалось датировано в соответствии с так называемыми индийскими эрами. Килхорн сгруппировал записи в соответствии с этими датировками. Открывает список самая многочисленная группа из 348 надписей, датированных эрой Викрама, что составляет практически половину от общего числа. За этой группой следуют надписи, датированные эрой Щака, затем — датированные эрой Калачури–Чеди, за ними — датированные эрой Гупта–Валлабхи и т. п. Бенгальские надписи рассматриваемого периода можно найти в разделе G, где собраны источники, датированные разными эрами, в том числе эрой Лакшманасены. Таких записей всего три (№ 576–578); кроме того, в следующем разделе H — «недатированные надписи» — сгруппированы 15 надписей Палов (№ 631–645) и четыре — Сенов (№ 647–650).

Почти через 30 лет после появления Списка Килхорна, в 1928 г., в приложении к 19-му тому «Эпиграфии Индики» начал публиковаться более полный Список Бхандаркара [BLINI]. Создатель списка — Девадатта Рамакришна Бхандаркар (1875–1950) — был к тому времени заслуженным археологом и эпиграфистом, кармикаэльским профессором древнеиндийской истории и культуры в Калькутском университете. Он был сыном Рамакришны Гопала Бхандаркара (1837–1925), востоковеда и общественного деятеля, избранного в 1888 г. членом-корреспондентом Петербургской академии наук по разряду восточной словесности, в честь которого также назван всемирно известный Институт востоковедения в Пуне. Список Бхандаркара публиковался в течение восьми лет до 1936 г. В него вошли 2 114 записей.

Иными словами, за три с лишним десятилетия, прошедших с начала XX в., количество обнаруженных и опубликованных североиндийских надписей утроилось. Увеличилось и число бенгальских и бихарских надписей. Эрой Лакшманасены оказались датированы четыре надписи (№№ 1467–1470). Недатированные надписи были сгруппированы по династиям и размещены в алфавитном порядке. Надписей Палов Бенгала оказалось 40 (№№ 1609–1648). Примечательно, что сюда были включены надписи Махендрапалы, который в то время считался гурджаро-пратихарским государем. Надписей Сенов — 12 (№№ 1682–1693). В 1932 г. вышли дополнения к списку, где в разделе «Надписи других династий» были, в частности, опубликованы две надписи Палов (№№ 2082–2083) и четыре — Сенов (№№ 2092–2095). После Списка Бхандаркара попытки составления общеиндийских списков надписей больше не предпринимались.

Специализированные подборки, содержащие транслитерированные тексты раннесредневековых санскритских надписей Бенгалии и Бихара, в том числе династии Палов и их соседей, стали появляться с первых десятилетий XX в.

Первой такой подборкой стала «Гаудалекхамала» (Надписи Гауда) Акшая Кумара Майтрейи (1861–1930) [GLM], выдающегося бенгальского историка и просветителя, получившего известность благодаря диспуту с Рабиндранатом Тагором на тему, следует ли писателю строго придерживаться исторических фактов. В вышедшей в 1912 г. «Гаудалекхамале» были собраны надписи на камне и жалованные грамоты Палов, обнаруженные к началу XX в. Тексты надписей, набранные шрифтом деванагари, сопровождались переводом и комментарием на бенгали. В последующие годы все они были переизданы либо изданы заново с английским комментарием и переводом.

Через три года после выхода «Гаудалекхамалы» Ракхал Дас Банерджи, известный также как Ракхалдас Бандьопадхьяй (1885–1930), археолог, историк, писатель и знаменитый первооткрыватель Мохенджо-Даро, опубликовал в 5-м томе Мемуаров Азиатского общества Бенгалии работу «Палы Бенгала» [PB]. В ней Р. Д. Банерджи использовал ряд надписей, опубликованных в «Гаудалекхамале», а также ввел в научный оборот надписи на крупных предметах и колофоны буддийских рукописей,

относящихся ко времени Виграхапалы III и его преемников (середина XI–XII вв.).

В 1929 г. археолог и эпиграфист Нани Гопал Маджумдар (1897–1938) издал 3-й том «Надписей Бенгалии» [ПВ 3], в который вошли тексты 17 жалованных грамот и надписей на камне правителей Чандров, Варманов и Сенов, снабженные комментарием и переводом, а также описания еще семи надписей и жалованных грамот. Можно лишь предполагать, что в 1-м и 2-м томах, оставшихся неопубликованными, планировалась публикация надписей предшествующих правителей Бенгалии — от Великих Гуптов до Палов.

В 1940 г. Анантапрасад Банерджи-Састри (1894–?) опубликовал в «Журнале Общества изучения Бихара и Ориссы» 93 надписи на бронзовых скульптурах из Куркихара (дистрикт Гайя) из музея г. Патна, столицы штата Бихар [Banerji-Sastri 1940], получивших в индологической литературе название «Куркихарские бронзы». Ряд надписей содержит упоминания имен правителей династии Палов: Девапалы, Виграхапалы, Махипалы и Раджьяпалы.

Через два года, в 1942 г., появился фундаментальный труд историка и санскритолога пандита Хирананды Щастри (1853–1931) «Наланда и ее эпиграфический материал» [Shastri 1942; 1986]. Книга Х. Щастри была издана в выпуске № 66 «Мемуаров Археологического управления Индии» и сохранила актуальность и по сей день, выдержав в последующие годы два переиздания: в 1986 и 1999 гг. В ней представлена не только публикация собственно надписей различного типа — жалованных грамот, крупных надписей на камне и мелких на мелкой пластике, в том числе более десятка надписей, относящихся к правлению Палов, но также описание предметов архитектуры, скульптуры и терракотовых печатей. Тексты надписей опубликованы в латинской транслитерации и снабжены комментарием, а крупные надписи — переводом.

В 1958 г. вышли в свет «Избранные надписи Бихара» Радха Кришны Чаудхури (или Чоудхари) (1921–1985) [Choudhary 1958], профессора истории Колледжа им. Ганеша Датта в г. Бегхусараи (Бихар). Предисловие к книге написал главный эпиграфист Археологического управления Индии Динеш Чандра Сиркар (1907–1984). Это малоформатное издание, в котором собраны тексты более ста древних и раннесредневековых

надписей, относящихся в основном к штату Бихар, в том числе 36 надписей династии Палов. Надписи опубликованы шрифтом деванагари без каких-либо комментариев, иллюстраций и справочного аппарата. Профессор Р. К. Чаудхури преследовал скорее образовательные цели, издавая надписи как пособие для студентов, изучающих санскрит и историю Индии.

В качестве одной из последних крупных тематических подборок следует назвать «Корпус бенгальских надписей, базовых для истории и цивилизации Бенгалии» [СВІ], изданный Рамаранджаном Мукерджи, заведующим кафедрой санскрита Джадавпурского университета в Калькутте, и Сачиндрой Кумаром Майти, профессором истории того же университета. Авторы издали 47 крупных надписей, относящихся к III в. до н. э. — XII в. н. э. Среди них — 33 жалованных грамоты. 17 надписей относятся ко времени правления династии Палов. Все надписи снабжены английским переводом и комментарием. Заслуживает внимания тот факт, что авторы «Корпуса...» справедливо считают бенгальскими ряд надписей, обнаруженных вне территории Бенгалии (например, на территории Бихара и Уттар-Прадеша). Из недостатков издания стоит назвать небрежность составителей. Так, две надписи — №№ 23 и 24 — были изданы еще раз под №№ 25 и 26: в первом случае — как перепечатка из «Гаудалекхамалы», а во втором — без ссылок на какие-либо издания [СВІ: 184–192]. Кроме того, издавая надписи Палов, авторы обращались преимущественно к «Гаудалекхамале» как к первоисточнику, в то время как за 55 лет, прошедших после ее публикации, почти все надписи династии были заново опубликованы с более полным научным комментарием в таких изданиях, как «Эпиграфия Индика».

Наконец, в Приложении к книге Сьюзен Хантингтон «Скульптурные школы „Пала-Сена“» [PSSS] содержится критическое издание 72 текстов надписей на скульптурах, в основном, мелкой пластике, содержащих упоминания имен правителей Палов, Сенов, Чандров. Упомянуты практически все публикации надписей, дается их краткое описание, однако тексты самих надписей приводятся только из изданий, содержащих латинскую транслитерацию.

В настоящее время трудно определить точное количество надписей, относящихся к правлению династии Палов и их соседей.

Список их пополняется постоянно. В последнем десятилетии XX — начале XXI вв. отмечается активный процесс публикации надписей бенгальских правителей и, в частности, Палов. Надписи выходят в различных индийских и европейских специализированных изданиях — журналах, юбилейных томах и пр. Кроме того, с 1996 г. в Дакке начал выходить ежегодник «Журнал бенгальского искусства» [JBA], практически каждый том которого содержит статьи о новых находках надписей бенгальских правителей. Ежегодник печатается на прекрасной полиграфической базе и высоком академическом уровне. На сегодняшний день издано 18 томов.

К сожалению, пока не приходится ожидать издания всеобъемлющего каталога бенгальских надписей подобно тому, который издала г-жа Снигдха Трипатхи, соратница и заместитель легендарного Сатьянараяна Раджагуру (1903–1997), ставшая после его ухода главным эпиграфистом и куратором Музея штата Орисса в Бхубанешваре и опубликовавшая в 2010 г. описательный каталог орисских надписей [DTCOI]. В каталог вошли 1 548 описаний надписей, обнаруженных в 44 дистриктах, находящихся в восьми штатах современной Индии, включая Ориссу. Хронологический разброс превышает два тысячелетия: от Дхаулийских эдиктов Ашоки и Хатхигумпхской надписи правителя Калинги Кхаравелы, относящихся к III–II вв. до н. э., до поздних надписей середины XIX в.

Собственно, в этом и кроется причина невозможности издать подобный каталог, заключающаяся в отсутствии единого мнения в рядах специалистов и разобщенности самих надписей по различным хранилищам разных государств. Можно лишь предпринимать попытки составления списка или списков, более или менее приближенных к полноте.

References

- Banerji-Sastri A.* Ninety-Three Inscriptions on the Kurkihar Bronzes: Patna Museum // JBORS. Bankipore, Bihar and Orissa Research Society, 1915–1943. Vol. 1 (1915)–Vol. 29, no. 3 (1943) — Vol. 26 (1940), Part 3. Pp. 236–251.
- Banik B. K.* Maināmāti: Sanskrit inscriptional and archaeological study. New Delhi, Bharatiya Kala Prakashan, 2009. 338 p.
- Bhattacharya S. Ch.* The Murshidabad (Indian Museum) Copper-Plate Grant of Dharmapāla and the Somapura Mahāvihāra // JBA. Dhaka, The International Centre for Study of Bengal Art, 2006–2007. Vol. 11–12. Pp. 237–249.
- BLINI — Bhandarkar, Devadatta Ramakrishna. A List of Inscriptions of Northern India written in Brahmi and its Derivative Scripts from about A.C. 200 // Epigraphia Indica. Calcutta, Vol. 19 (App. pp. 1–42), 1928; Vol. 20 (App. pp. 43–266), 1930; Vol. 21 (App. pp. 265–296, Index to App. pp. 297–310), 1932; Vol. 22 (Index to App. pp. 311–362), 1934; Vol. 23 (App. pp. 363–406), 1936.
- BPP — Bhāratīya purābhilēkha patrikā = Studies in Indian epigraphy: Journal of the Epigraphical Society of India / edit. by Z. A. Desai and Ajay Mitra Shastri. Mysore, Geetha Book House, 1975.
- Broadley A. M.* The Buddhistic Remains of Bihar (JASB NS. Vol. 41, pt. 1). Calcutta, Asiatic Society of Bengal, 1872. Repr.: 1979. 104 p.
- CASIR — Cunningham A. Archaeological Survey of India Reports. Calcutta, 1871–1887. Vol. 1–23. Reprint, Delhi, Archaeological Survey of India, 2000.
- CBI — Mukherji R., Maity S. K. Corpus of Bengal Inscriptions Bearing on History and Civilization of Bengal. Calcutta, K. L. Mukhopadhyay, 1967, viii, 436 p.
- Choudhary R. K.* Select inscriptions of Bihar (Introduction and appendix in English and text in Sanskrit; with a forew. by D. C. Sircar). [Madhipura], The author, 1958. 138 p.
- Das Gupta C. C.* Paharpur and its Monuments. Calcutta, K. L. Mukhopadhyay, 1961. 31 p.
- DTCOI — Tripathy, Snigdha. Descriptive Topographical Catalogue of Orissan Inscriptions. New Delhi, Manohar, 2010. 1186 p.
- EI — Epigraphia Indica. Calcutta, Delhi, etc.: Archaeological Survey of India, 1888–hitherto. Vol. 1–43 [Between 1892 and 1920 «Epigraphia Indica» was published as a quarterly supplement to «The Indian Antiquary»].
- GLM — Maitreya A. K. Gaudalekhamālā (The epigraphs of Gaud). Rajshahi 1319 B.S. (1912). 159 p.
- Gosvami K. G.* Excavations at Bangarh (1938–1941). Calcutta, University of Calcutta, 1948. 42 p.
- Husain A. B. M., Rashid M. H., Chowdhury A. M., Khan F.* Mainamati–Devaparvata. Dhaka, Asiatic Society of Bangladesh, 1997. 304 p.
- IA — The Indian Antiquary; A Journal of Oriental Research in Archaeology, Epigraphy, Ethnology, Geography, History, Folklore, Languages, Literature, Numismatics, Philosophy, Religion, etc. Bombay, Education Society's Press, etc., 1872–1933 [Vols. for 1925 to 1932 were «published under the authority

- of the Council of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland»].
- IB 3 — Majumdar N. G. (ed., tr., notes). *Inscriptions of Bengal*. Vol. 3. Containing Inscriptions of the Chandras, the Varmans and the Senas, and of Isvaraghosha and Damodara. Rajshahi, 1929. 200 p.
- IHQ — *The Indian Historical Quarterly*. Calcutta: Calcutta Oriental Press, 1925–1963. Vol. 1, no. 1 (March 1925) — vol. 39, no. 3, 4 (Sept. 1963).
- Imam A., Haque E.* Excavations at Mainamati: an exploratory study. Dhaka, The International Centre for Study of Bengal Art, 2000. 189 p.
- JASB — *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. Calcutta, Asiatic Society of Bengal, 1832–1864. Vol. 1 (1832) — vol. 33 (1864).
- JASB NS — *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1865–1904. P. 1: History, archaeology, numismatics, philology and literature. Vol. 34 (1865) — vol. 73 (1904).
- JBA — *Journal of Bengal Art* / edit. by Enamul Haque. Dhaka, The International Centre for Study of Bengal Art, 1996.
- JBORS — *Journal of the Bihar and Orissa Research Society*. Bankipore, Bihar and Orissa Research Society, 1915–1943. Vol. 1 (1915) — Vol. 29, no. 3 (1943).
- Khan Sahib M.* Abid Ali Khan. *Memoirs of Gaur and Pandua* / Edit. and revised by H. E. Stapleton. Calcutta, Bengal Secretariat Book Depot, 1931. 190 p. Reprint. *Abid Ali Khan M.* History and Archaeology of Bengal or Memoirs of Gaur and Pandua. New Delhi, Asian Publication Services, 1980. 190 p.
- Khan F. A.* Mainamati: a preliminary report on the recent archaeological excavations in East Pakistan. Karachi, 1963. 38 p.
- KLINI — Kielhorn F. A List of Inscriptions of Northern India from about A. D. 400. // *Epigraphia Indica*. Calcutta, 1899. Vol. 5 (App. pp. 1–121), 1906. Vol. 8 (App. 1: Suppl. to the List of Inscriptions of Northern India). Pp. 1–19.
- Patil D. R.* The antiquarian remains in Bihar. Patna, Kashi Prasad Jayaswal Research Institute, 1963. 665 p.
- PB — Banerji R. D. *The Pālas of Bengal* // *Memoirs of the Royal Asiatic Society of Bengal*. Calcutta, 1915. Vol. 5. Pp. 43–113.
- PSSS — Huntington S. L. *The 'Pāla-Sena' Schools of Sculpture*. Leiden, Brill, 1984. XXXIV, 296 p., [120] p. pl. [Ser. Studies in South Asian culture; vol. 10].
- Ryosuke Furui.* Indian Museum Copper Plate Inscription of Dharmapala, Year 26: Tentative Reading and Study // *South Asian Studies: Journal of the Society for South Asian Studies*. 2011. Vol. 27, No 2. Pp. 145–156.
- Shastri H.* Nalanda and its Epigraphic Material. Delhi, 1942 [Ser. *Memoirs of the Archaeological Survey of India*. Calcutta: Archaeological Survey of India, 1919. № 66]. Reprint. Delhi, Sri Satguru Publ., 1986 [Ser. *Asian Arts & Archaeology series*. № 3].
- SIE — *Studies in Indian Epigraphy: Journal of the Epigraphical Society of India* / edit. by Z. A. Desai, Ajay Mitra Shastri; exec. ed. K. V. Ramesh. Mysore, Epigraphical Society of India; Delhi, Caxton Publ., 2008. Vol. 1 (1974) — Vol. 33 (2007).

УДК 904

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БЕНГАЛИИ И БИХАРА VIII–XII вв.

Столяров Александр Александрович¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории Востока, Институт Востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: astol007@gattamelata.com.

Аннотация. В статье даётся краткая и в то же время достаточно полная характеристика материальных (археологических) и эпиграфических источников по истории Бенгалии и Бихара VIII–XII вв., опубликованных преимущественно в Индии за последние полтора века. Описана история их ввода в научный оборот.

Специалисты, изучающие материальную культуру Восточной Индии и Бангладеш, постоянно находят новые подтверждения существования на этих территориях в древности и раннем средневековье интенсивной социально-экономической активности, о чём свидетельствует большое количество раскопанных поселений, число которых в настоящее время доходит до одной тысячи.

Эпиграфические источники поделены на три большие группы: жалованные грамоты на медных пластинках, надписи на крупных объектах и надписи на мелких объектах. Дана краткая характеристика основных типов надписей.

Начиная с последних десятилетий XVIII в. и весь XIX в. эпиграфические источники публиковались в журналах и серийных изданиях. Специализированные подборки, содержащие транслитерированные тексты раннесредневековых санскритских надписей Бенгалии и Бихара, в том числе династии Палов и их соседей, стали появляться с первых десятилетий XX в.

Определить точное количество источников всех типов не представляется возможным, поскольку работа по поиску новых источников ведётся постоянно. Список их пополняется каждый год. Вместе с тем, к сожалению, пока не приходится ожидать издания всеобъемлющего каталога бенгальских надписей. В ряду причин можно назвать отсутствие единства мнений в рядах специалистов и разобщённость самих надписей по различным хранилищам разных государств.

Ключевые слова: раннесредневековая история Бенгалии, династия Палов, династия Сеннов, материальные памятники, археологические памятники, эпиграфика, нумизматика.

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 26, Is. 4, pp. 12–20, 2016
 DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-12-20
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47)

Kalmyk-Tibetan Relations at the Turn of the 17th and 18th Centuries

Vladimir T. Tepkeev ¹, Vladimir P. Sanchirov ²

¹ Ph. D. in History, Senior Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: tvt75@mail.com.

² Ph. D. in History, Senior Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kigiran@mail.ru.

Abstract

The article deals with an episode in the history of Tibetan-Kalmyk relations at the turn of the 17th and 18th centuries. Galdan Boshugtu Khan's death and the 6th Dalai Lama's formal assumption of political power in Tibet in 1697, arrival of Arabjur's mission in Lhasa in 1698 — all these events like links in a chain caused the Tibetan-Kalmyk negotiations aimed to discuss the possibility of the Kalmyks' resettlement from the Volga to the Kokonor (Qinghai) region for the protection of Tibet from Manchu aggression. The available sources — though numerous enough — do not clarify the reasons for the contacts and urgent endowment of the title of '*Khan*' alongside with the corresponding signet to the Kalmyk ruler. However, the circumstances and miserable consequences that shaped the dramatic fate of the 6th Dalai Lama and that of Sangye Gyatso clearly identify the vector of development of Tibetan-Kalmyk relations during the period under consideration.

There is no doubt that it was *Desi* Sangye Gyatso who conducted Tibet's foreign policy on behalf of the young 6th Dalai Lama and, thus, acted as the initiator of the secret agreement. The endowment of the title '*Khan*' to Ayuka (Ayushi) by the Buddhist clergy was supposed to contribute to the soonest implementation of the idea. As for Ayuka himself, this could open a prospect of becoming not only a "Dharma protector" but rather — the leader of a unified Oirat state.

The main obstacle for implementing the idea was that the then Kalmyk community was disintegrated enough which was aggravated by the centrifugal processes, namely the mass resettlement of Kalmyks to the Don River region. These very circumstances as well as the reluctance of the Kalmyk elites to leave eastwards undermined Ayuka's determination to move beyond the Russian borders. The idea of returning to the ancestral lands was finally supported by his eldest sons, with Sanjab being the main inspirer. The 1701 conflict was also caused by the struggle for power within the ruling family and resembled an attempted "palace coup". In its aftermath the mutineers faced the resistance of that part of the Kalmyk elites who strongly opposed to leaving eastwards. The lack of a clear action plan, open siding with Ayuka of most influential *taishas* (noble chieftains) and strenuous support for him from the Tsarist government finally resulted in the defeat of the mutineers. A part of them headed by Chakdorjab reconciled with Ayuka while the others headed by Sanjab chose to completely sever relations and left for Dzungaria. Still, the author concludes that their ultimate destination point was not Dzungaria but rather — the highlands of Tibet revered and worshipped by the Buddhist believers.

Keywords: Tibet, Kalmyks, Ayuka, 6th Dalai Lama, Dzungaria, Kalmyk Khanate, Tibetan-Kalmyk relations.

Интерес к истории тибетско-калмыцких отношений, особенно на начальном этапе, вполне закономерен. На рубеже XVII–XVIII столетий между Калмыцким ханством, расположившимся на берегах Волги, и, казалось бы, далеким и загадочным Тибетом сложился своего рода кратковременный политический альянс с далеко идущими планами. Данное событие никогда целиком не рассматривалось в историографии, поскольку разные звенья этой истории изучались в отдельности. Поэтому цель данной статьи — рассмотреть все обстоятельства калмыцко-тибетских переговоров на предмет установления политического союза на рубеже XVII–XVIII вв.

Начало установления отношений между волжскими калмыками и Тибетом можно отнести к первой половине XVII в., и связано оно в первую очередь с именем одного из основателей Калмыцкого ханства — торгутским Шукур-Дайчином. Проповедник Индзан-хутугта, являвшийся одним из идейных вдохновителей знаменитого монголо-ойратского съезда 1640 г., был первым представителем тибетской стороны, посетившим калмыцкие кочевья. Произошло это в 1637 г. Шукур-Дайчин впервые побывал в 1643 г. с паломнической миссией в Лхасе, о чем сохранились сведения в некоторых источниках, и, возможно, он принял участие в религиозной войне на стороне школы *Гелугпа*. В 1645 и 1655 гг. калмыцкие кочевья посетил знаменитый хутугта Зая-пандита, чем весьма укрепил новое религиозное учение среди кочевников.

К середине XVII в. в Тибете сложилась ситуация, когда перед лидерами буддийских школ остро встала необходимость поиска внешней поддержки в политической борьбе друг с другом. Начиная со второй половины XV в. основными противоборствующими религиозно-политическими объединениями стали школы *Карма-Кагью* и *Гелугпа*. В 1630-х гг. с приходом в Кукунор халхаского Цогту-тайджи (1581–1637) в районе значительно усилилось влияние школы *Карма*. Осознавая угрозу, лидеры *Гелугпа* были вынуждены искать поддержку у ойратских князей, которые придерживались учения Цзонхавы [Пагсам-Джонсан 1991: 46]. Хошутский Гуши-хан (1582–1654) возглавил объединенное ойратское войско и в 1637 г. захватил Кукунор, считавшийся своего рода «воротами в Тибет». Побывав в Лхасе в качестве паломника, он получил от Далай-

ламы V Нгаван Лосанг Гьяцо (1617–1682) титул «Дхармараджа, поддерживающий религию». В 1642 г. Гуши-хан овладел Шигадзе, объединив таким образом Тибет. Далай-лама V был признан светским и духовным правителем Тибета, а хошутский правитель был провозглашен «Царем Тибета» [Солощева 2014: 47, 48].

Существенно изменило положение дел в Тибете выдвижение религиозного лидера на первый план в результате оттеснения от светского управления хошутских князей. После смерти Гуши-хана в 1656 г. его преемники были поглощены внутренними распрями, что значительно ослабило их позиции в Тибете вплоть до начала XVIII в. Свидетельством тому может служить факт самостоятельного назначения Далай-ламой на должность *дэси* («премьер-министра») в 1660 г. Гринпел Гьяцо, в 1669 г. — Лосанг Тутоб и в 1679 г. — Сангье Гьяцо. Однако формально Тибет оставался включенным в состав владений, которые управлялись сыновьями Гуши-хана. Если до 1660 г. Даши-батур и Даян-хан правили Тибетом совместно, то в 1660 г. они поделили наследство отца: Центральный Тибет перешел во владение Даян-хану, а Даши-батуру достался Кукунор. После смерти Даян-хана в 1670 г. влияние хошутов в Тибете еще более ослабло, но номинально правителем Тибета оставался сын Даян-хана — Далай-хан вплоть до своей смерти в 1700 г. [Кычанов, Мельниченко 2005: 74].

После объединения Тибета Гуши-хан передал бразды правления духовному лидеру Далай-ламе V, который, сосредоточив в своих руках религиозную и светскую власть в стране, практически стал ее единоличным правителем. Благодаря своим личным качествам и успешной деятельности как в политической, так и религиозной сфере на территории Восточной Азии, Нгаван Лосанг Гьяцо вошел в историю как «Великий Пятый» [Солощева 2014: 55].

Действительно, политическая стабильность в Тибете во второй половине XVII в. во многом обеспечивалась авторитетом Далай-ламы V, который имел сильное влияние не только на тибетцев, но и на ойратов, монголов и маньчжуров. Однако внезапная кончина духовного лидера в 1682 г. привела к тому, что *дэси* Сангье Гьяцо в течение пятнадцати лет скрывал факт его смерти, управляя от его имени Тибетом. Все это объяснялось стремлением Сангье Гьяцо не только

поддерживать в Тибете спокойствие, но и продолжать активно участвовать в международных делах. Особенно это проявилось в военном конфликте между джунгарским Галдан Бошогту-ханом и монгольско-маньчжурскими армиями. Так, джунгарско-монгольский конфликт в 1686 г. был временно улажен после вмешательства Лхасы по просьбе цинского императора [Ермаченко 1974: 86].

Согласно китайским сведениям, в ходе военных действий джунгарский правитель ссылался на поддержку Далай-ламы. Ситуация с утаиванием факта смерти Далай-ламы V прояснилась только после поражения Галдана Бошогту-хана в 1696 г. Когда Сангье Гьяцо в 1697 г. официально объявил о смерти Далай-ламы V, это вызвало гнев императора Канси, который прямо обвинил регента Сангье Гьяцо в фальсификации слов духовного лидера. Император также обвинил его в том, что тот препятствовал поездке в Пекин Панчен-ламы, приглашенного императором. Однако, несмотря на это, Канси все-таки направил для участия в церемонии интронизации Далай-ламы VI Цаньяна Гьяцо официального представителя — Джанджа-хутухту Нгаван Лосанг Чойдэна (1642–1714) [Солощева 2014: 55, 56].

После смерти Далай-ламы V в Тибете остро встал вопрос о власти. Временное управление страной регентом, притязание на полноту власти хошутских князей, унаследовавших титул «царя Тибета» от Гуши-хана — все эти вопросы должен был решить выбор нового Далай-ламы, титул которого передавался не по наследству, а по линии перерождений. В 1685 г. по тайному распоряжению *дэси* были организованы поиски перерожденца, увенчавшиеся успехом. В воспитании Цаньяна Гьяцо, признанного Далай-ламой VI, регент Сангье Гьяцо принимал самое активное участие, фактически приравнял к рукам всю политическую власть в стране. Далай-лама VI рос своевольным юношей, гораздо больше времени посвящая поэзии, стрельбе из лука, вину и женщинам, нежели религиозным занятиям или делам управления Тибетом [Солощева 2014: 57].

Утратив доверие со стороны маньчжурского императора, Сангье Гьяцо обратил все свое внимание на далекого правителя волжских калмыков — Аюку. Примерно в начале 1698 г. от него в Лхасу прибыло внушительное посольство во главе с Арабджуrom, сыном Назар-Мамута и двоюродным

племянником Аюки. По всей видимости, известие о провозглашении Цаньяна Гьяцо Далай-ламой VI в 1697 г. дошло до берегов Волги, и Аюка поспешил отправить в Тибет свои поздравления со столь знаменательным событием. Арабджур прибыл в Лхасу со своей матерью, сестрой и с улусом, насчитывавшим примерно 500 человек. Они прибыли туда с долгосрочной миссией, поскольку задержались в столице Тибета на четыре года, в течение которых совершали всевозможные паломничества и делали подношения крупным монастырям — Брайбун, Сэра, Галдан и др., побывали на аудиенции у Далай-ламы во дворце Потала и молились о ниспослании им благополучия [Борджигид Дорги 2009: 154].

По поводу истинных намерений миссии Арабджура в Тибете у российских исследователей сложилась определенная гипотеза. По мнению известного синолог В. С. Мясникова, на рубеже XVII–XVIII вв. ситуация в Центральной Азии изменилась настолько, что у правителей Калмыцкого ханства возникла потребность в получении достоверной информации о взаимоотношениях и планах руководителей Тибета, Джунгарского ханства и Цинской империи [Русско-китайские... 1978: 17, 18]. Е. Л. Беспрозованных прямых доказательств разведывательной деятельности в паломнической миссии Арабджура не видит. Но, учитывая многочисленность его представительства и длительный срок пребывания в Тибете, он считает, что миссия Арабджура могла бы доставить в Калмыкию массу интересной информации [Беспрозованных 2008: 64].

Однако у калмыков разведывательная деятельность была прямой обязанностью посольских и торговых миссий независимо от страны пребывания, поскольку от этого напрямую зависела безопасность кочевий. Очевидно, что смерть джунгарского Галдана Бошогту-хана в 1697 г., с которым у Аюки были очень натянутые отношения, открыла прямую дорогу в Тибет. Цэван-Рабдан на начальном этапе отношений вполне миролюбиво относился к калмыцкому правителю, который, возможно, также приложил усилия к приведению к власти в Джунгарии молодого князя.

Ответное посольство от Далай-ламы VI и Сангье Гьяцо к Аюке было отправлено сразу же. Невольным свидетелем их приезда на Волгу стал дворянин Заманов, который в начале ноября 1698 г. по поручению

боярина Б. А. Голицына прибыл к Аюке, кочевавшему с улусом в урочище Сасыколь. При встрече Аюка демонстративно посадил русского посланника возле себя, где также сидели и посланцы Далай-ламы — хошутский Торба и «иные новые митрополиты по их вере», приехавшие буквально за день [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 3. Л. 55].

К сожалению, нам не известны все подробности калмыцко-тибетских переговоров, и в русских документах они, по понятным причинам, не отложились. Но дальнейшие события отчетливо показывают, насколько сильное влияние на внутривосточную ситуацию в Калмыцком ханстве оказал приезд тибетских послов.

Из письменных сообщений Аюки видно, что с 1699 г. в его письмах начинает встречаться вторая печать. Отсюда можно сделать вывод, что посольство Далай-ламы VI пожаловало калмыцкому правителю ханский титул и печать. В. М. Бакунин сообщает: «Да и от Далай-ламы первый он испросил себе около 1690 года титул ханский» [Бакунин 1995: 26]. Но нам известно, что Далай-лама V скончался в 1682 г., а Далай-лама VI взошел на престол только в 1697 г. Таким образом, в 1690 г. на престоле в Лхасе не было никакого духовного лидера, который мог бы взять на себя обязательство даровать кому-либо ханский титул. Однако возникает вопрос о происхождении и принадлежности Аюке первой печати. Самое раннее письменное свидетельство калмыцкого правителя, где встречается первая печать, датируется 1685 г. [Тепкеев, Нацагдордж 2016]. При этом мы не можем однозначно утверждать, что оно было самым ранним, поскольку в российских архивных фондах не сохранились письма Аюки 1670-х — начала 1680-х гг. К сожалению, из-за отсутствия более ранних письменных свидетельств Аюки не представляется возможным отследить точную датировку появления первой печати. Если предположить, что она была дарована ему Далай-ламой V, то выяснить, при каких обстоятельствах это произошло, не позволяет все то же отсутствие источников.

Зимой 1698 / 99 года началась массовая откочевка калмыцких улусов в восточном направлении. Причина откочевки столь большого количества калмыков, по всей видимости, была связана с отбытием прибывшей от Далай-ламы осенью 1698 г. духовной миссии из Тибета и ее обратного

отъезда. Во всяком случае, остается непонятным истинное намерение Аюки: был ли это окончательный уход с Волги на восток или он всего лишь сопровождал духовную миссию до дальних кочевий.

Первым, кто забил тревогу и сообщил об откочевке Аюки, был дербетский тайша Менке-Темир, который 24 февраля 1699 г. прислал посланца Цецен-Заргучи в Царицын с сообщением, а уже 2 марта этот тайша с братом Черкесом и Дюдюлем лично встретились с царицынским воеводой Ильей Протопоповым, которого уведомили об откочевке Аюки за Яик [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 6. Л. 1, 2]. Правда, уже в октябре 1699 г. Аюка в своем письме в Москву подчеркивал, что он не изменял государю, а свой отход за Яик рассматривал как реакцию на бегство калмыков на Дон, «чтобы иные не бегали». Другой причиной послужила смерть его супруги, чей прах он «послал в Баранталу погостить и ее провожал». После этого, с его слов, он вернулся обратно к Волге [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 1, 2].

О перипетиях тибетской миссии на обратном пути нам становится известно из письма Чакдорджаба к Б. А. Голицыну. Молодой тайша также отправил своих людей «для мольбы» в Тибет, но по дороге эта миссия была разгромлена казаками и каракалпаками, разграблена казна, отправленная Далай-ламе. Чакдорджаб просил в помощь 10 тыс. царского войска с артиллерией для карательного похода [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 12].

Сведения об откочевке Аюки на восток, предоставленные в Царицыне Менке-Темиром, сложно подвергнуть сомнению, несмотря на заверение Аюкой царской стороны об отсутствии у него подобных планов. Со всей уверенностью можно утверждать, что дербетский тайша был посвящен в заговор старших владельцев Калмыцкого ханства, иначе вряд ли бы он пошел на такой откровенный демарш, понимая, насколько серьезными могли быть для него последствия. Единственное, что Менке-Темир не предусмотрел, это возвращение Аюки на Волгу и его отказ, пусть и на время, от плана откочевать на восток.

Несомненно, Аюка колебался, как и большинство представителей калмыцкой аристократии. Нельзя забывать, что к концу XVII в. на Волге родилось уже несколько поколений калмыков, не представляв-

ших для себя какую-либо другую родину. Несмотря на сложную конфликтогенную ситуацию на юге России и постоянные вооруженные столкновения с соседними народами, для большинства калмыков Волга продолжала оставаться родным домом и «матерью-кормилицей». Покинуть навсегда эти земли означало обречь себя на дальнейшую неизвестность и неопределенность. С другой стороны, идея стать возможным «защитником веры» воспаляла умы и религиозные чувства многих представителей калмыцкой элиты.

В 1701 г. в Калмыцком ханстве вспыхнул мятеж Чакдорджаба, Санджаба и Гунделека, в результате которого хан Аюка был взят под стражу и отправлен в Тибет. В своем письме саратовскому воеводе от 30 августа Чакдорджаб так объясняет сложившуюся на тот момент ситуацию: отец в сопровождении супруги Гунджаба «поехал богу молитца за Китай» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 8. Л. 11]. По всей видимости, сыновья отправили отца в Тибет, чтобы затем самим с улусами двинуться за ним.

Но вскоре Аюка дал о себе знать, когда 4 сентября прислал в Саратов Шимурата. По его сведениям, Чакдорджаб совершил нападение на отцовский улус в конце августа «и велел своим улусным людям всех отбить прочь, и взял к себе с силою и конные и скотину ево Аюкины табуны побрал, а ему де Аюкаю тайше конских табунов и скотину дал самое малое число и послал де ево Аюкаю тайшу неволею за Яик и велел ему, Аюкаю тайше, ехать к богомолью в Зов». Аюка через Шимурата передал Новосильцеву, что находится в Яицком городке и желает «служить по прежнему». В его распоряжении были только 500 человек, которые пошли за ним «с своею охотою», так как Чакдорджаб людей ему не дал [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 8. Л. 11, 12].

Конфликт Аюки с сыновьями разделил верхушку калмыцкого общества практически на два лагеря. Но постепенно от Чакдорджаба стали отходить некоторые владельцы. В начале февраля 1702 г. от него ушел на Дон дербетский тайша Черкес и присоединился к кочевавшему там брату Мунко-Темиру. По сообщению Черкеса, главными инициаторами («пущими заводчиками») ухода на восток были тайши Назар-Мамут и Бонба, которые владели многочисленными улусами. В самом улусе Чакдорджаба сторонниками ухода были владельцы Даин

Кашка и Ансыр Тарсухай, «потому что они от них воровства много к Аюке тайше и к сыну его Гунжепу» [цит. по: Батмаев 1977: 48].

Вскоре конфликт разрешился мирным путем, и Чакдорджаб помирился с отцом. Однако Санджаб с 15 тыс. кибиток откочевал в Джунгарию. Когда он прибыл в Джунгарию, то хунтайджи задержал Санджаба и отослал его к отцу со следующими словами: «Этот твой глупый неразумный сын увел твоих несчастных подданных (албату), чтобы отдать на попечение халха-монголам. Я, услышав об этом, перехватил его по дороге и отправил к тебе. Вообще-то, если сравнивать, то я отправил его к тебе подобно тому, как задержавший вора забирает себе его лошадь, а самого вора доставляет [к тому, у кого он ее украл]. [Так что] справедливо то, что я забрал себе твоих подданных, как если бы это была лошадь с потником» [История Хо-Урлюка 2016: 30].

Из вышеизложенного источника мы видим, что конечным пунктом откочевки Санджаба все-таки была не Джунгария, а более восточный район — возможно, Кукунор или Тибет. Вспомним, что Аюка в своем письме к Б. А. Голицыну от 3 сентября прямо указывал: «Сын мой улусы мои взял и у Боронталу сиречь с правую сторону пошел» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 2]. Понятно, что под «Боронталой» он имел в виду Тибет. Поскольку путь туда пролегал через Джунгарию, миновать хунтайджи Санджаб никак не мог, чем и воспользовался Цэван-Рабдан, забрав у него все кибитки.

В приложении к донесению сибирского губернатора А. Плещеева и его помощника П. Бутурлина в Секретную экспедицию Сената 1735 г. сообщается об уходе Санджаба и положении торгутов в Джунгарии. Основывалось оно на показаниях выходца из Джунгарии — 45-летнего торгута Церена-Кашки, ранее бывшего во владении Аюки-хана, но при уходе Санджаба в малолетстве вывезенного с Волги в Джунгарию. С его слов, Санджаб за несколько лет до 1701 г. побывал в джунгарских владениях, когда сопровождал свою сестру-невесту ко двору хунтайджи [Русско-джунгарские... 2006: 70]. Следовательно, Санджаб, представляя интересы знати волжских калмыков, по всей видимости, имел какие-то сепаратные переговоры с Цэван-Рабданом о возможности их откочевки в Джунгарию. Можно предположить, что он приехал уже убеж-

денным сторонником ухода калмыков с Волги — приняв самое деятельное участие в заговоре против Аюки, затем не пошел на примирение с отцом и со своими сторонниками откочевал в Джунгарию.

О конфликте Цэван-Рабдана с Санджабом, который привел к высылке последнего на Волгу, Церен-Кашка сообщал следующее: «А как оной Санжип дошел до местечка Чарку-Бану — и послал он к китайскому хану от себя посла. А для чего оной Санжип посылал посла, того за малолетством не упомяну. Токмо слышал я от своей братьи, что китайская сила шла на контайшу, и я де пойду з другую сторону на контайшу и хотели взять ево, контайшу, во владение, и хотели ево, контайшу, разорять, сообщась с китайскою силою. И оной контайша, уведав про того посла, что пошел в Китай от Санжипа, и соглашающа, и для того оной контайша писал к нему, Санжипу, чтоб иттить на Казачью орду и потому писму и съехались они в местечке Бемчагам. И за такую ево злобу взял ево, Санжипа, и отослал к отцу ево возвратно, а людей ево семнатцать тысяч взял к себе и роздал по рукам» [Русско-джунгарские... 2006: 71].

Таким образом, данные сведения нам еще раз дают основание утверждать, что конечной целью откочевки Санджаба была все-таки не Джунгария, а более восточный регион, в непосредственной близости от священных мест Тибета, возможно, в пределах Цинской империи. Прошли ли на самом деле переговоры Санджаба с маньчжурами или нет, точно сказать нельзя, но приход в Джунгарию от 15 до 17 тыс. калмыков, конечно, очень серьезно усилил позиции джунгар в регионе и позволил им и дальше еще какое-то время противостоять цинской экспансии на запад. Кукунорское ханство в это время уже находилось в зависимости от маньчжурского богдыхана.

Известие о калмыцко-тибетских переговорах и попытке реализации идеи переселения волжских калмыков в северный Тибет, по всей видимости, дошло и до хошутского правителя Лхавсан-хана, что, скорее всего, и стало одной из причин разгоревшейся в это время в Тибете борьбы за власть между ним и Сангье Гьяцо. Недовольство хошуты и маньчжуров, а также ухудшение отношений с Далай-ламой VI вынудили регента в 1703 г. уйти в отставку. Однако Сангье Гьяцо продолжал закулисно управлять тибетской администрацией. О вражде Лхавсан-

хана, который претендовал на всю власть в Тибете, с регентом свидетельствуют китайские источники, в которых упоминается попытка Сангье Гьяцо отравить хошутского правителя. Все это закончилось тем, что в 1705 г. политическое противостояние переросло в вооруженное столкновение. Бывший регент потерпел поражение и был казнен. Лхавсан-хан при поддержке цинского двора, с которым он вел переписку, объявил Цаньяна Гьяцо «фальшивым» Далай-ламой. Не получив поддержки от высших религиозных авторитетов Тибета, Далай-лама VI Цаньян Гьяцо был низложен и отправлен в ссылку. Он умер по дороге в Пекин 14 ноября 1706 г.

Невольными заложниками этой ситуации оказались калмыцкий тайша Арабджур и его улусные люди. Прожив в Лхасе целых четыре года, в 1703 г. Арабджур двинулся с улусом из Тибета в Кукунор, где посетил храм Алтан-хийд [Борджигид Дорги 2009: 154]. Однако вернуться домой на Волгу через Джунгарию, ввиду осложнившихся калмыцко-джунгарских отношений, он был не в состоянии. Остаться на Кукуноре он, по всей видимости, тоже не мог, поскольку их миссия в Тибет вызвала серьезное подозрение у хошутского хана. Только этим и можно объяснить их скорый выезд из Кукунора в пределы провинции Ганьсу Цинской империи.

Позиция цинской стороны по этому делу изложена в письме императора Юн-чжэна калмыцкому хану Аюке. В нем, в частности, сказано: «Сын вашего [подданного] Назар-Мамута Арабджур вместе со своей матерью прибыл в Тибет на богомолье. Когда он стал возвращаться, то не смог проехать [через Джунгарию], так как Цэван-Рабдан перекрыл ему дорогу. Я же, сочувствуя ему, выяснил его положение, удостоил его высокой чести, пожаловал ему высокий титул бэйсэ и, постоянно милостиво наставляя его, отвел ему кочевья для его пропитания. А также я собрал и взял на иждивение всех учеников лам [факультета] Гоманг» [цит. по: Борджигид Дорги 2009: 154].

В 1704 г. по приказу императора Энхэ Амгалана (Канси) Арабджур отвели кочевья в местности Сэртэн, где он с 500 воинами нес караульную службу на западной границе империи от возможного вторжения джунгар. Позже он с сыновьями перебрался в долину реки Эцзиней-гол, окончательно там обосновавшись. В 1716 г. тайша Араб-

джур скончался [Борджигид Дорги 2009: 154–156].

Официальные причины, выдвинутые Пекином, выглядят не более чем отговорками. По мнению В. С. Мясникова, Арабджур стал заложником и возможным ставленником цинского двора в будущих политических комбинациях [Русско-китайские... 1978: 17, 18]. Дополнительной причиной для задержания миссии Арабджура, как считает Е. Л. Беспрозванных, могло стать стремление маньчжуров скрыть от калмыков ту неприглядную роль, какую сыграл император в свержении и убийстве Далай-ламы VI [Беспрозванных 2001: 15]. Большинство исследователей все-таки считает, что задержание Арабджура было связано с ухудшением джунгаро-китайских отношений.

Покончив с политическими противниками в Тибете, Лхавсан-хан организовал поиски нового перерожденца и в 1708 г. объявил, что в Литанге найден «настоящий» Далай-лама VI Нгаван Еше Гьяцо. Нового духовного лидера признали Панчен-лама V и цинский двор. В 1709 г. по указу императора Канси Нгаван Еше Гьяцо была дарована печать Далай-ламы VI. Однако среди тибетского населения он не пользовался авторитетом ни как религиозный деятель, ни как политик [Солощева 2014: 57, 58].

После этих событий связи Калмыцкого ханства с Тибетом прервались на многие годы. В 1714 г. при личной встрече с цинским послом Тулишэнем хан Аюка сокрушался по поводу невозможности проехать его людям в Тибет: «Как пресекается свободной проезд южными землями, то его люди с того времени в западной Дзан ездить не могут, и он уже никаких оттуда лекарств не получает» [Русско-китайские... 1978: 472].

Таким образом, мы видим, что смерть Галдан Бошогту-хана и провозглашение Далай-ламы VI в 1697 г., приезд в Лхасу миссии Арабджура — все эти события, подобно звеньям одной цепи, подвигли к активизации тибетско-калмыцких переговоров на рубеже XVII–XVIII вв., целью которых было возможное переселение волжских калмыков на территорию Кукунора для защиты Тибета от маньчжурской агрессии. Главным идеологом этого тайного соглашения, несомненно, был *дэси* Сангье Гьяцо, который от лица молодого Далай-ламы VI вел всю внешнюю политику государства. Наделение буддийским духовенством Аюки ханским титулом должно было для него по-

служить дополнительным стимулом в скорейшей реализации этой идеи. Также это открывало перед Аюкой перспективу стать во главе единого ойратского государства.

Но главным препятствием в реализации этой идеи, конечно, оставалось отсутствие единства в калмыцком обществе и центробежные процессы, выразившиеся в массовом отходе калмыков на Дон. Именно эти обстоятельства, а также нежелание части калмыцкой элиты уходить на восток не давали Аюке принять решение об уходе из России. По всей видимости, идею возвращения на историческую родину, главным вдохновителем которой, несомненно, был Санджаб, в конечном итоге подхватили его старшие сыновья. Конфликт 1701 г. был вызван также и борьбой за власть в правящей ханской семье, что, по мнению М. М. Батмаева, выглядело своего рода попыткой «дворцового переворота» [Батмаев 1977: 49]. Но в дальнейшем мятежники встретились с сопротивлением той части калмыцкой элиты, которая была категорически против ухода на восток. Отсутствие у мятежников конкретного плана действий, открытый переход на сторону Аюки большинства влиятельных тайшей и всемерная его поддержка царским правительством в конечном итоге склонили чашу весов не в пользу первых. Часть мятежников во главе с Чакдорджабом пошла на примирение с Аюкой, другие во главе с Санджабом пошли на окончательный разрыв и ушли в Джунгарию. При этом, по всей вероятности, конечной их целью были не джунгарские хребты, а священные для буддистов высокогорные районы Тибета.

Источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Батмаев М. М. Внутренняя обстановка в калмыцком ханстве в конце XVII в. // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 34–53.

Беспрозванных Е. Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 372 с.

- Беспрозванных Е. Л.* Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. 354 с.
- Борджигид Дорги.* О местопребывании и деятельности тайджи Арабджура после принятия им подданства цинской династии // Мат-лы Межд. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2-х ч. Ч. 1. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 154–158.
- Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, 1974. 196 с.
- История Хо-Урлюка // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., пер. со старописъм. монг., транслит. и коммент. Санчирова В. П. Элиста, КИГИ РАН, 2016. С. 13–48.
- Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
- Пагсам-Джонсан: история и хронология Тибета / пер. с тиб., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 264 с.
- Русско-дзунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.
- Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы. Т. 1 / сост. Н. Ф. Демидова и В. С. Мясников. М.: Наука, 1978. 702 с.
- Солощева М. А.* Политика империи Цин в отношении Тибета в период правления императора Юнчжэна (1723–1735 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 221 с.
- Sources**
- RGADA – *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts].
- References**
- Bakunin V. M. *Opisanie kalmyckih narodov, a osoblivo iz nih torghutского, i postupkov ih hanov i vladel'cev* [Description of the Kalmyk peoples, in particular, Torghut people, and deeds of their khans and landlords]. Elista, Kalm. Book Publ., 1995, 153 p. (In Russ.).
- Batmaev M. M. *Vnutrennjaja obstanovka v kalmyckom hanstve v konce XVII v.* [Internal situation in the Kalmyk Khanate during the late 17th century]. *Iz istorii dokapitalisticheskikh i kapitalisticheskikh otnoshenij v Kalmykii* [Glimpses of the history of pre-capitalist and capitalist relations in Kalmykia]. Elista, Publ. Dept of Kalm. Research Inst. of Language, Literature and History, 1977, pp. 34–53 (In Russ.).
- Besprozvannykh E. L. *Kalmycko-kitajskie otnoshenija v XVIII veke* [Kalmyk-Chinese relations in the 18th century]. Volgograd, Volgograd State Univ. Press, 2008, 372 p. (In Russ.).
- Besprozvannykh E. L. *Lidery Tibeta i ih rol' v tibeto-kitajskih otnoshenijah XVII–XVIII vv.* [Leaders of Tibet and their role in Tibetan-Chinese relations during the 17th-18th cc.]. Volgograd, Volgograd State Univ. Press, 2001, 354 p. (In Russ.).
- Bordzhigid Dorgi. *O mestoprebyvanii i dejatel'nosti tajdzhii Arabdzhura posle prinjatija im poddanstva cinskoj dinastii* [On the whereabouts and activities of taji Arabjur after his changing allegiance to the Qing dynasty]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Edinaja Kalmykija v edinoj Rossii: cherez veka v budushhee», posvjashhennoj 400-letiju dobrovol'nogo vhozhdenija kalmyckogo naroda v sostav Rossijskogo gosudarstva (g. Elista, 13–18 sentjabrja 2009 g.). V dvuh chastjah. Chast' 1* [United Kalmykia in United Russia: through Centuries into the Future – Proc. of the Internat. conference celebrating the 400th anniversary of the Kalmyk people's oaths of allegiance to (joining) the Russian state (Elista, 13-18 September 2009). In two parts. Part 1]. Elista, Dzhangar Publ., 2009, pp. 154–158 (In Russ.).
- Ermachenko I. S. *Politika man'chzhurskoj dinastii Cin v Juzhnoj i Severnoj Mongolii v XVII v* [Policies of the Manchu Qing dynasty in Southern and Northern Mongolia during the 17th century]. M, Nauka Publ., 1974, 196 p. (In Russ.).
- Istorija Ho-Urljuka* [The history of Kho Orluk]. *Pis'mennye pamjatniki po istorii ojratov XVII–XVIII vekov: sbornik / Sost., perev. so staropis'm. mong., translit. i komment. Sanchirova V.P.* [17th-18th century written sources on the history of the Oirats. Comp., translit., translit. and comment. by V.P. Sanchirov]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, 2016, pp. 13–48 (In Russ.).
- Kychanov E. I., Melnichenko B. N. *Istorija Tibeta s drevnejshih vremen do nashih dnei* [History of Tibet from the ancient times to the present days]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2005, 351 p. (In Russ.).
- Pagsam-Dzhonsan: istorija i hronologija Tibeta / Per. s tibetskogo jazyka, predislovie, kommentarij R.E. Pubaeva* [Pagsam-Dzhonsan (*dpag bsam ljon bzang*): history and chronology of Tibet. Transl., comment. and foreword by R.E. Pubaev]. Novosibirsk, Nauka Publ. (Siberian branch), 1991, 264 p. (In Russ.).

- Russko-dzhungarskie otnoshenija (konec XVII – 60-e gg. XVIII vv.). Dokumenty i izvlechenija* [Russian-Dzungar relations (the late 17th cent. – 1760s). Documents and excerpts]. Barnaul, Azbuka Publ., 2006, 360 p. (In Russ.).
- Russko-kitajskie otnoshenija v XVIII v.: materialy i dok. T. 1 / sost. N.F. Demidova i V.S. Mjasnikov* [Russian-Chinese relations in the 18th cent.: materials and documents. Vol.1. Comp. by N.F. Demidova and V.S. Myasnikov]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 702 p. (In Russ.).
- Soloscheva M. A. *Politika imperii Tsin v otnoshenii Tibeta v period pravlenija imperatora Junchzhena (1723–1735 gg.). Dissert. na soisk... kand. ist. nauk* [Tibetan policies of the Qing Empire during the reign of the Yongzheng Emperor (1723-1735). A Ph.D. thesis]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State Univ. Press, 2014, 221 p. (In Russ.).
- Тепкеев В. Т., Натсагдорж Тс. *Kalmyckoe pis'mo 1685 g. kak odno rannih pis'mennyh svidetel'stv hana Ajuki* [A 1685 letter as one of the earliest sources on Ayuka Khan]. Mongolovedenie: sbornik nauchnyh statej (Mongol Studies: a collection of scholarly articles), iss. 8, Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2016, pp. 15–12 (In Russ.).

УДК 94(47)

КАЛМЫЦКО-ТИБЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII вв.

Владимир Толтаевич Тепкеев¹, Владимир Петрович Санчиров²

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: tv75@mail.com.

² кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kigiran@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается одна из кульминационных страниц в истории тибетско-калмыцких отношений на рубеже XVII–XVIII вв. Приход к власти в Тибете Далай-ламы VI в 1697 г. по стечению обстоятельств совпал с активизацией внешних контактов тибетской администрации с калмыцким ханом Аюкой. Дошедшие до нас многочисленные источники не дают внятного ответа на вопрос, чем же конкретно были вызваны эти контакты и столь срочное наделение ханским титулом и печатью калмыцкого правителя. Однако причины и тяжелые последствия, связанные с судьбой Далай-ламы VI и его регента Сангье Гьяцо, отчетливо показывают в какую сторону был направлен вектор развития тибетско-калмыцких отношений в указанный период.

Ключевые слова: Тибет, калмыки, Аюка, Далай-лама VI, Джунгария, Калмыцкое ханство, тибетско-калмыцкие отношения.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 21–28, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-21-28
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47)08

Consolidated Annual Reports of the Kalmyk Administration: Historiographic Heuristics

Ludmila V. Okonova ¹

¹ Ph. D. in History, Senior Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: okonova.lv@gmail.com.

Abstract

The article deals with the annual reports of the Kalmyk Administration which are an umbrella type of record keeping documentation for studies of the political, economic, social and cultural development of Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate. The paper aims to identify and establish the degree of their preservation in Russia's archival funds, as well as their numerical composition, availability of accompanying documents and records. The author came to the conclusion that none of the archives contained the complete collection of the consolidated annual reports. It was revealed that the largest set of reports for the entire period is stored in the National Archive of the Republic of Kalmykia, as well as in the Russian State Historical Archive. Those consolidated annual reports by the Kalmyk Administration can be compared to the most loyal reports of governors. Since the bulk of the Kalmyk nomadic population inhabited the southernmost territories of the Lower Volga Region known since the 19th century as "Kalmyk Steppe" which was an administrative-territorial unit of Astrakhan Governorate, the reports of the Kalmyk Administration proved structural elements to most loyal reports of the Astrakhan Governor.

The analysis of revealed clerical materials showed that copies are in better condition than corresponding preparatory notes for the reports. Despite the absence of a number of reports from the National Archive of the Republic of Kalmykia, its funds contain draft papers and applications to the reports. The availability of this group of sources is of great value. Their preliminary analysis gives an opportunity to explore the origins of the report while preparatory materials and draft documents with corrections introduced by officials are essential in assessing the representativity of the data on the Kalmyk Administration's consolidated annual reports. The structure, contents and scope of the reports were influenced by the diverse factors, such as changes in the form of reports, changes in the boundaries of the territorial-administrative units, etc.

Thus, the identification and studies of complex clerical works are necessary for further analysis of the socio-political and socio-economic processes that had been occurring in Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the context of the whole Russian Empire.

Keywords: Astrakhan Governorate, Kalmyk Steppe, Kalmyk Administration, consolidated annual reports, archives, source study heuristics, historiographic analysis.

Сводные годовые отчеты калмыцкого управления являются одним из важных исторических источников, раскрывающих региональные аспекты политического, экономического, социального и культурного развития Калмыцкой степи Астраханской губернии в составе Российской империи в XIX — начале XX вв. Об этом свидетельствует ряд исследований, посвященных данной проблеме [Бурчинова 1980; Лиджиева 2016; Оконова 2016].

Делопроизводственная документация калмыцкого управления составляет основную массу материалов, хранящихся в Отделе дореволюционных фондов Национального архива Республики Калмыкия. В этом отделе наиболее значительным является фонд Управления калмыцким народом. Само учреждение — Управление калмыцким народом — было организовано в 1867 г. и просуществовало вплоть до 1917 г. Непосредственным предшественником этого органа местного управления являлось Отделение ордынских народов, созданное при Астраханской палате государственных имуществ. Отделение Ордынских народов появилось в результате реорганизации ранее функционировавших учреждений: Совета Астраханского калмыцкого управления (далее — САКУ) и Астраханской комиссии калмыцких дел (далее — АККД) [Бурчинова 1980: 17].

Наиболее значительными законодательными актами в истории оставшихся в России калмыков были «Высочайше утвержденные Правила для управления Калмыцкого народа 1825 г.» от 10 марта 1825 г., «Высочайше утвержденное Положение об управлении Калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г., «Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г. [Высочайше... 1830: 155–162; Высочайше... 1836: 18–40; Высочайше... 1848: 349–372]. Введенная в результате их реализации приставская система управления Калмыцкой степью, впоследствии ставшая попечительской, явилась коренной перестройкой, которая заключалась в продолжении и развитии российских государственных традиций в управлении «инородцами». Фактически во всех последующих актах конкретизировались, уточнялись и дополнялись основные принципы государственного устройства и переустройства калмыков в России.

На основании Правил 1825 г. управление калмыцким народом разделялось

на главное, областное, окружное и улусное. Главное управление находилось в Министерстве Внутренних дел (далее — МВД). Основная его обязанность состояла в общем руководстве местным управлением и контроле над ним. Оно вправе было заниматься разбором дел, связанных с разделом улусов между владельцами и назначением в этих улусах нового управления, а также тяжбами калмыков на сумму, превышавшую 1 000 руб. Кроме этого, МВД могло как назначать на должность Главного пристава, так и смещать с нее. В своей деятельности оно должно было опираться на Главноуправляющего Кавказским краем и астраханского гражданского губернатора, в непосредственном подчинении у которых находились Главный пристав и другие чиновники местного управления.

В качестве областного органа управления в г. Астрахани была создана Астраханская комиссия калмыцких дел, вошедшая в структуру губернского правления. В ее состав входили астраханский гражданский губернатор, вице-губернатор, Главный пристав, губернский прокурор и два калмыцких депутата, избиравшиеся от нойонов и духовенства. АККД, просуществовавшая с 26 июля 1826 г. по 13 мая 1836 г., являлась распорядительно-исполнительным органом с некоторыми судебными функциями [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Лл. 82–85; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 27; Ф. 7. Оп. 4. Д. 1. Л. 32]. В ведение АККД входил надзор за тем, как нойоны управляют своими улусами, решают вопросы по налогам и повинностям простолюдинов. Также она имела право пересматривать решения Главного Зарго, связанные с иском на сумму от 400 до 1 000 руб., хотя в целом разбор уголовных дел не входил в ее компетенцию.

В соответствии с Правилами 1825 г. обязанности окружного управления возлагались на суд Зарго, в состав которого входили восемь представителей от привилегированных калмыцких сословий (два — от духовенства и шесть — от нойонов и зайсангов), избираемых сроком на три года.

Разбору в Зарго подлежали жалобы на улусные управления и такие преступления, как угон скота, захват чужого имущества, самовольная отлучка простолюдинов или их самовольный переход от одного владельца к другому, а также воровство и мошенничество, совершенные не более трех раз, и на сумму, не превышавшую 400 рублей.

Низшей инстанцией в системе органов управления являлись улусные управления,

включавшие нойона-улусовладельца, судей, которые избирались из числа зайсангов на один год, частного пристава и толмача. Калмыцкие улусы разделялись на владельческие и казенные. Владельческие улусы возглавляли их нойоны-владельцы, казенные — правители из числа местных зайсангов или нойонов, не имевших собственных улусов и назначаемых администрацией. Нойоны и правители владельческих и казенных улусов подчинялись приставам. Частные приставы не имели права вмешиваться во внутренние дела улусов, но при этом они были обязаны доносить Главному приставу о том, что происходит в улусах. Кроме того, на них возлагался контроль за деятельностью местных судов. Таким образом, частные приставы осуществляли административный и полицейский надзор и выполняли некоторые судебные функции. В компетенцию улусных судей входило рассмотрение мелких правонарушений, совершенных не более трех раз, на сумму до 200 рублей включительно. Недовольные вынесенным приговором имели право обжаловать его в течение года в суде Зарго. Улусным судам запрещалось расследовать и выносить решения по делам, отнесенным к разряду уголовных [Высочайше... 1830: 155–162; Бурчинова 1980: 20–22; Максимов 1995: 214–220; Максимов 2002: 165–172; История Калмыкии 2009: 489–491].

28 декабря 1835 г. было опубликовано утвержденное 24 ноября 1834 г. «Положение об управлении калмыцким народом», согласно которому учреждалось «особое управление, отдельное от губернского». Вместо ранее установленного административного надзора со стороны приставов была введена попечительская система управления Калмыцкой степью, т. е. частные приставы заменялись попечителями. Кроме этого, попечители осуществляли руководство делами по управлению калмыцким народом. Главноуправляющий Кавказским краем был освобожден от исполнения прежних обязанностей по управлению калмыцким народом, и его полномочия перешли к астраханскому военному губернатору. АККД была реорганизована в Совет калмыцкого управления, впоследствии переименованный в Совет астраханского калмыцкого управления. САКУ функционировал с 21 мая 1836 г. по 4 октября 1848 г. [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 1. Л. 7; Ф. 9. Оп. 4. Д. 16. Л. 86; Ф. 9. Оп. 4. Д. 17. Л. 3–17 об.]. В состав его входили Главный попечитель,

два заместителя, один ассессор, избираемый из числа нойонов, и два представителя от аймачных зайсангов. В структурном отношении САКУ разделялся на два делопроизводства («стола») во главе со столоначальниками. Оба столоначальника подчинялись Главному попечителю. Наряду с САКУ продолжал функционировать Главный Зарго. Он не подвергся реорганизации, однако его функции были несколько уточнены. В частности, при рассмотрении уголовных дел калмыков Главный Зарго должен был руководствоваться общероссийским законодательством; по гражданским делам он был вправе придерживаться «древних калмыцких постановлений», под которыми подразумевались Монголо-ойратские законы 1640 г. Согласно Положению 1834 г., организовывалось Ламайское духовное правление, в состав которого входили Лама и четыре представителя от духовенства. В обязанности Ламайского духовного правления входило осуществление постоянного контроля над хурулами, сбор сведений о численности калмыцкого духовенства, недопущение вмешательства духовных лиц в светские дела. Постановления Ламайского духовного правления подлежали обязательному утверждению САКУ, в противном случае они не могли быть реализованы [Высочайше... 1836: 18–40; Бурчинова 1980: 22–24; Максимов 1995: 220–241; Максимов 2002: 172–187; История Калмыкии 2009: 492–496].

После учреждения 26 декабря 1837 г. Министерства государственных имуществ (далее — МГИ) САКУ был передан в его ведение, а 30 апреля 1838 г. на управляющего Астраханской палатой государственных имуществ (далее — АПГИ) были возложены также обязанности Главного попечителя калмыцкого народа. В МГИ калмыцкие дела поступили в ведение I Департамента, в частности, в его 2-й стол IV отделения. Таким образом, калмыцкое управление, по существу, было поставлено в двойное подчинение — МГИ и МВД. Последнее сохраняло административно-полицейскую власть над калмыками в лице астраханского военного и гражданского губернаторов.

23 апреля 1847 г. последовало «Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом», согласно которому САКУ был преобразован в Особое отделение при Астраханской палате государственных имуществ, называвшееся также «Отделением ордынских на-

родов» или просто Ордынским отделением. Калмыки были оставлены в ведении МГИ. В руководстве Ордынского отделения были введены дополнительные должности советника, чиновника особых поручений и одного депутата от калмыцкого народа, избиравшегося на три года нойонами и аймачными зайсангами из своей среды. В Калмыцком управлении появились также врач, два фельдшера и ветеринар с помощником. Кроме того, в Ордынском отделении в целях урегулирования споров и судебных тяжб между калмыками и соседним населением были учреждены должности двух депутатов от калмыцкой стороны, избиравшихся нойонами и аймачными зайсангами на трехлетний срок из числа владевших русским языком зайсангов и простолюдинов. В структурном отношении Отделение ордынских народов подразделялось на три стола: первый, второй и бухгалтерский, в ведение каждого из которых входил определенный круг вопросов. Столы возглавляли столоначальники, бухгалтерию — бухгалтер. При разработке нового Положения решено было упразднить Главный Зарго, а все судебные дела сосредоточить в улусных судах, получивших название улусных Зарго. Улусные Зарго подчинялись Астраханской губернской палате уголовного и гражданского суда. Положением 1847 г. Ламайское духовное правление, учрежденное в 1836 г., было ликвидировано, а его функции были возложены на Ламу калмыцкого народа и АПГИ. Некоторые изменения были внесены и в местное улусное управление. Было создано специальное управление, в которое входили улусный попечитель, его помощник, нойон или правитель. Главная роль в нем отводилась представителю правительственной администрации — улусному попечителю. Также, согласно Положению 1847 г., в качестве органов местного самоуправления учреждались улусные и аймачные сходы, создаваемые на выборных началах по типу сходов, введенных для государственных крестьян. Сходы собирались один раз в три года, а также в особых случаях по указанию Главного попечителя. На них обсуждались такие вопросы, как выборы лиц на общественные должности, распределение и выполнение мирских повинностей, исключение отдельных лиц из членов общества в связи, например, с переходом в состав хурульного духовенства или передачей в распоряжение администрации за совершенные правонарушения

и т. д. Решения сходов оформлялись в виде общественных приговоров. Ордынское отделение просуществовало до ликвидации в 1867 г. Палат государственных имуществ, в том числе и астраханской. Вместо них в губерниях были учреждены Управления государственными имуществами, после чего Управление калмыцким народом поступило в ведение Астраханского управления государственными имуществами. При этом порядок управления калмыками был оставлен без изменений, за исключением переименования Отделения ордынских народов в Управление калмыцким народом (далее — УКН). В 1902 г. управление Калмыцкой степью окончательно было передано в ведение МВД. Так, УКН перешло в полное подчинение Астраханского губернского правления, тем самым была ликвидирована двойственность в управлении калмыками [Высочайше... 1848: 349–372; Бурчинова 1980: 24–26; Максимов 1995: 242–267; Максимов 2002: 187–201; История Калмыкии 2009: 531–532].

Таким образом, Комиссия калмыцких дел, Совет Астраханского калмыцкого управления, Отделение ордынских народов Астраханской палаты государственных имуществ, Управление калмыцким народом являлись местными исполнительно-распорядительными учреждениями коллегиального типа, сменяемыми друг друга в хронологической последовательности. Структура и порядок их делопроизводства обуславливались общегосударственной постановкой и практикой управления. Документация вышеназванных учреждений сохранилась преимущественно в центральных и региональных архивах Российской Федерации и содержит ежегодные отчеты Главных попечителей калмыцкого народа, составленных и поданных астраханскому губернатору. В этой связи актуальным представляется выяснение и изучение количественного состава представленных отчетов, наличия сопроводительных документов к ним, материалов по их рассмотрению, которые дают возможность исследователю получить более четкие ориентиры в поиске необходимых документов. Данный аспект исследования делопроизводственного комплекса необходим не только для решения эвристических задач источниковедения, но и для анализа общественно-политических и социально-экономических процессов, протекавших в Калмыцкой степи Астраханской губернии в контексте единого имперского пространства.

После проведенного анализа ежегодных отчетов калмыцкого управления мы можем сделать вывод о том, что все отчеты состояли из двух вариантов: чернового и белого документов. Черновой документ представлял собой предварительный текст отчета. На полях черновиков видны следы исправлений, поправок и помет составителей, а также личных корректив Главного попечителя. Черновик скреплялся вместе с документами, относившимися к сбору сведений к отчету, начиная от циркуляров и кончая ведомостями. Общий объем такого дела иногда достигал 800 рукописных листов.

Беловой документ выглядел как отдельная книга-дело общим объемом от 70 до 200 листов, написанная на хорошей качественной бумаге каллиграфическим почерком черными чернилами. Беловой документ состоял из копий, дубликатов и подлинников отчета. Копии представляли собой повторное отображение или воспроизведение подлинника, не имевшее юридической силы. Изначально при возникновении потребности в копиях документы просто переписывали, и потому они стали называться списками. Например, в НА РК сводные годовые отчеты калмыцкого управления хранятся в виде копий, причем за определенные годы в фондах встречаются по 2 экземпляра. Дубликат — это повторный экземпляр подлинника документа, имеющий юридическую силу. К примеру, в калмыцком управлении полностью отредактированный отчет переписывался не раз, т. е. составлялось несколько дубликатов. Один оставался в учреждении, другие дубликаты передавались в канцелярию астраханского военного губернатора и МГИ.

Подлинным документом мы считаем окончательный текст отчета, в котором присутствуют такие элементы формуляра, как название, дата, место составления, содержание текста, подписи, что в комплексе и создает аутентичность документа. В данном случае это наиболее удачно оформленный белой документ с подписью, наделявшей его юридической силой, который поступал в МГИ. Содержащиеся в НА РК черновики и копии отчетов не всегда имеют подписи составителей (Главного попечителя и его помощника, главного бухгалтера, столоначальников), чаще в них присутствует подпись делопроизводителя и, в лучшем случае, ее составителя, например бухгалтера, в то время как отчеты-подлинники, хранящиеся в РГИА, имеют все требуемые для подлинников личные подписи членов общего присутствия калмыцкого управления.

Следует учесть тот факт, что на начальном этапе представление отчетов в составе делопроизводства было нерегулярным и регионы Российской империи постепенно включались в этот процесс. Не стала исключением и Астраханская губерния, в состав которой входила Калмыцкая степь. Хранящиеся в НА РК первые отчеты о состоянии Калмыцкой степи, датируемые 1837–1838 гг., представляют собой финансовые отчеты Совета Астраханского калмыцкого управления и Зарго. По всей вероятности, данные отчеты являлись подготовительными материалами и включались в состав сводного годового отчета САКУ, подлинники которых в настоящее время не обнаружены. Это предположение подтверждает «Отчет САКУ за 1840 год», доработанный и расширенный согласно требуемой программе формуляра того времени, обозначенного в «Общем наказе гражданским губернаторам», датированном 3 июня 1837 г. [Общий наказ 1838: 431]. С этого времени составление отчетов приобрело регулярный характер. С началом Первой мировой войны представление отчетов было прекращено, что подтверждается данными последнего отчета Главного попечителя калмыцкого народа за 1914 г.

Как уже отмечалось выше, богатейшее собрание сводных годовых отчетов калмыцкого управления за весь период их составления находится в НА РК в фондах И-3, И-6, И-9. В фонде И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления (1836–1849 гг.)» хранятся подлинники, копии и дубликаты отчетов САКУ за 1840–1847 гг. Нужно отметить, что с 1840 г. данные документы начали поступать регулярно. Как упоминалось выше, это было связано с выходом «Общего наказа гражданским губернаторам». Например, отчеты САКУ за 1841, 1843–1846 гг. выявлены в двух экземплярах, один из которых является копией, а другой — дубликатом. Подготовительные материалы сохранились в виде финансовых отчетов САКУ и Зарго за 1836–1838 и 1841 гг.

В фонде И-6 содержатся копии отчетов Ордынского управления за 1849, 1851–1856, 1862, 1863, 1865–1866 гг. Отчеты за 1849 и 1852 гг. хранятся в двух экземплярах, один из которых является копией, а другой — черновым вариантом. Отчет за 1850 г. имеется только в черновом экземпляре. Отчеты за 1861, 1864 гг. не были выявлены, но за 1861 г. обнаружены 2 самостоятельных дела, одно из которых содержит подгото-

вительные материалы к отчету за 1861 г., а другое — приложения к отчету за 1861 г.

Значительное количество отчетов УКН хранится в фонде И-9 «Управление калмыцким народом», в котором содержатся копии отчетов УКН за 1868–1878, 1884–1892, 1903, 1906 гг. Следует отметить, что черновой экземпляр отчета за 1867 г. ошибочно отнесен к фонду Отделения ордынских народов АПГИ (Ф. И-6), а копия отчета за 1868 г. выявлена в двух экземплярах, один из которых находится в фонде И-9, а другой — в фонде И-6. Кроме того, исследование подготовительных материалов и черновиков отчетов в НА РК за 1874–1875, 1879, 1881, 1883–1885, 1893–1897, 1899, 1902–1904, 1906, 1911–1912 гг. выявило неоднородную степень их сохранности и целостности. Например, за 1874 г. имеются дополнительные материалы к годовому отчету, а за 1897 г. — годовой отчет Малодербетовского улусного управления, который был скреплен в одно дело вместе со статистическими данными по названному ведомству. Копии отчетов УКН имеются в составе не только 1-го стола, но и 2-го и бухгалтерского столов. Данные факты свидетельствуют о неточностях в определении хронологических границ фондов и систематизации документальных материалов. Копии этих отчетов имеют практически полную степень целостности и сохранности. Так, отчет за 1892 г. представлен в двух экземплярах: один из них является копией, другой — дубликатом, причем дубликат находился в составе дела, в котором обнаружилось отсутствие первых 125 листов.

Анализ выявленного делопроизводственного материала НА РК показал, что копии находятся в лучшей сохранности, чем подготовительные материалы к данным отчетам. Несмотря на отсутствие ряда отчетов, фонды НА РК располагают черновыми документами и черновыми приложениями к отчетам. Наличие данной группы источников представляет большую ценность. Их предварительный анализ дает возможность изучить происхождение отчета, а подготовительные материалы и черновые документы с правками чиновников имеют существенное значение при оценке репрезентативности данных сводных годовых отчетов калмыцкого управления. На структуру, содержание и объем отчетов влияли разные факторы: изменение самой формы отчета, изменение территориально-административных границ и т. д. Так, в начале 1860-х гг. Большедербетовский улус был

присоединен к Ставропольской губернии. Соответственно, отчеты перестали поступать в калмыцкое управление, и объем данных в сводном годовом отчете значительно сократился, так как Главный попечитель Большедербетовского улуса отчитывался ставропольскому губернатору. Эти отчеты хранятся в Государственном архиве Ставропольского края и РГИА.

В фондах РГИА хранятся отчеты-подлинники местных учреждений Калмыцкой степи Астраханской губернии. Подлинные документы отчетов Отделения ордынских народов АПГИ сосредоточены в фонде 383 Первого департамента МГИ за 1850–1853, 1855–1862 гг. Отчет за 1866 г. был обнаружен в фонде 381 Департамента общих дел МГИ. В фонде 381 имеются подлинники отчетов УКН за 1867–1871, 1873–1874, 1883–1887, 1889–1891 гг. Отчеты УКН за 1875–1882 гг. сохранились в фонде Временного отдела по поземельному устройству государственных крестьян МГИ (Ф. 385), а за 1897, 1899, 1900–1901, 1903, 1906, 1913, 1914 гг. — в фонде 1291 Земского отдела Министерства внутренних дел, представляющие собой самостоятельные архивные дела.

На данном этапе поиск годовых отчетов вряд ли может считаться завершенным. Сводные годовые отчеты калмыцкого управления по ряду лет остаются невыявленными, а именно: за 1848, 1864, 1902–1905, 1907–1910 гг., но их можно восполнить имеющимися подготовительными документами отчетов за 1893, 1896, 1902–1904, 1911–1912 гг.

Таким образом, сводные годовые отчеты калмыцкого управления представляют собой значительный документальный массив, сосредоточенный в различных архивохранилищах России, который позволяет сделать следующие выводы:

- необходимость изучения ежегодных отчетов продиктована высоким уровнем информационной насыщенности этих исторических источников;
- выявление и изучение всех сопроводительных документов, относящихся к отчетам, позволяет рассматривать сводный годовой отчет как обширный комплекс источников;
- критический анализ данного вида источников дает возможность проанализировать степень достоверности содержащихся в них данных и рассмотреть делопроизводственный стиль и диалектику местных чиновников;

– освещается роль отчетов УКН в процессе разработки всеподданнейшего отчета астраханского губернатора и далее — общегосударственных правительственных мероприятий;

– сводные годовые отчеты отражают состояние общей земельной площади Калмыцкой степи, дают демографическую характеристику, определяют положение скотоводческого хозяйства и мн. др.

Источники

Высочайше утвержденный общий наказ губернаторам. 3 июня 1837 г. § 319 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. XII. Отделение первое. 1837 г. СПб.: Тип. II Отд-ия Собственной Его Имп. Величества Канцелярии, 1838. № 10303. С. 431.

Высочайше утвержденные Правила для управления калмыцким народом. 10 марта 1825 г. Ст. 30290 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое [С 1649 по 12 декабря 1825 гг. Т. XL: 1825 по 19 ноября]. СПб.: Тип. II Отд-ия Собственной Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. С. 155–162.

Высочайше утвержденное Положение об управлении Калмыцким народом [24 ноября 1834 г.], опубликованное 28 декабря 1835 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]. Т. X. Прибавление к IX-му Тому. № 7560а. Отделение второе. 1835 г. СПб.: Тип. II Отд-ия Собственной Его Имп. Величества Канцелярии, 1836. С. 18–40.

Высочайше утвержденное Положение об управлении Калмыцким народом от 23 апреля 1847 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]. Т. XXII. Отделение первое. 1847 г. СПб.: Тип. II Отд-ия Собственной Его Имп. Величества Канцелярии, 1848. С. 349–372.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Литература

Бурчинова Л. С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (Вторая половина XIX в.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. / отв. ред. Н. Г. Очирова. Т. 1. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. 848 с.

Лиджиева И. В. Опека и попечительство в деятельности органов местного самоуправления калмыков в XIX — начале XX вв. // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 41. Is. 3. Pp. 658–665.

Максимов К. Н. Калмыкия — субъект Российской Федерации. М.: Республика, 1995. 320 с.

Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX в.). М.: Наука, 2002. 523 с.

Оконова Л. В. Отчеты Управления калмыцким народом: опыт выявления источника // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Межд. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 41–43.

Sources

Vysochajshe utverzhdennyj obshchij nakaz gubernatoram. 3 iyunya 1837 g. § 319 [The Imperially Confirmed General Directive to the Governors. 3 June 1837. Paragraph 319]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sобрание Vtoroe. T. XII. Otdelenie pervoe. 1837 g.* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Two. Vol. XII. First Section. 1837]. Saint Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1838, No. 10303, p. 431 (In Russ.).

Vysochajshe utverzhdennye Pravila dlya upravleniya kalmyckim narodom. 10 marta 1825 g. St. 30290 [The Imperially Confirmed Guidelines for Governance over the Kalmyk People. 10 March 1825. Article 30290]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sобрание Pervoe: S 1649 po 12 dekabrya 1825 gg. Tom XL: 1825 po 19 nojabrya* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection One: from 1649 to 12 December 1825. Vol. XL: 1825 up to 19 November]. Saint Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830, pp. 155–162 (In Russ.).

Vysochajshe utverzhdennoe Polozhenie ob upravlenii Kalmyckim narodom [24 noyabrya 1834 g.], raspublikovannoe 28 Dekabrya 1835 g. [The Imperially Confirmed Statute on Governance over the Kalmyk people [24 November 1834], published on 28 December 1835]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sобрание Vtoroe: [S 12 dekabrya 1825 goda po 28 fevralja 1881 goda]. Tom X. Pribavlenie k IX-mu Tomu. № 7560a. Otdelenie vtoroe. 1835 g.* [The Complete Collection of

- Laws of the Russian Empire. Collection Two: [from 12 December 1825 to 28 February 1881]. Vol. X. Supplement to Vol. IX. No. 7560a. Second Section. 1835]. Saint Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1836, pp. 18–40 (In Russ.).
- Vysochajshje utverzhdennoe Polozhenie ob upravlenii Kalmyckim narodom ot 23 aprelja 1847 g.* [The Imperially Confirmed Statute on Governance over the Kalmyk people. 23 April 1847]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe: [S 12 dekabrja 1825 goda po 28 fevralja 1881 goda]. Tom XXII. Otdelenie pervoe. 1847 g.* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Two: [from 12 December 1825 to 28 February 1881]. Vol. XXII. First Section. 1847]. Saint Petersburg, Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1848, pp. 349–372 (In Russ.).
- NA RK — *Nacional'nyj arhiv Respubliki Kalmykiya* [The National Archive of the Republic of Kalmykia].
- References**
- Burchinova L. S. *Istochnikovedcheskie voprosy izucheniya istorii Kalmykii (Vtoraya polovina XIX v.)* [Historiographic aspects in the studies of Kalmykia's history (the mid-to-late 19th cent.)]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1980, 118 p. (In Russ.).
- Istoriya Kalmykii s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 3-h t.* [The History of Kalmykia from the earliest times to the present days. In 3 vol.]. Elista, Gerel Publ., 2009, vol. 1, 848 p. (In Russ.).
- Lidzhieva I. V. *Opeka i popechitel'stvo v deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya kalmykov v XIX – nachale XX vv.* [Tutorship and curatorship in the activities of local Kalmyk self-governing authorities in the 19th — early 20th cc.]. *Bylye Gody* [Foretime], 2016, vol. 41, iss. 3, pp. 658–665 (In Russ.).
- Maksimov K. N. *Kalmykija — sub'ekt Rossijskoj Federacii* [Kalmykia — a federal subject of Russia]. Moscow, Respublica Publ., 1995, 320 p. (In Russ.).
- Maksimov K. N. *Kalmykiya v nacional'noj politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII–XX v.)*. [Kalmykia in Russia's national policies and administrative system (the 17th–20th cc.)]. Moscow, Nauka Publ., 2002, 523 p. (In Russ.).
- Okonova L. V. *Otchety Upravleniya kalmyckim narodom: opyt vyyavleniya istochnika* [Reports of the Kalmyk Administration: an effort of source identification]. *Gumanitarnaja nauka Juga Rossii: mezhdunarodnoe i regional'noe vzaimodejstvie. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashh. 75-letiju Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN (g. Elista, 14–15 sentjabrja 2016 g.)* [The Humanities of Southern Russia: International and Regional Cooperation. Proc. of the 2nd International research conference celebrating the 75th anniversary of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista, 14–15 September 2016)]. Elista, Print. Dept. of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, 2016, pp. 41–44 (In Russ.).

УДК 94(47)08

СВОДНЫЕ ГОДОВЫЕ ОТЧЕТЫ КАЛМЫЦКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ЭВРИСТИКА

Людмила Вячеславовна Оконова¹

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: okonova.lv@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматриваются ежегодные отчеты калмыцкого управления с целью выявления и установления степени их сохранности в архивном фонде России, а также их количественного состава, наличия сопроводительных документов и материалов. Автор пришел к выводу, что ни один из архивов не располагает полным собранием сводных годовых отчетов. Выявлено, что богатейший комплекс отчетов за весь период составления хранится в Национальном архиве Республики Калмыкия, а также в Российском государственном историческом архиве. Данный аспект исследования делопроизводственного комплекса необходим для анализа общественно-политических и социально-экономических процессов, происшедших в Калмыцкой степи Астраханской губернии в контексте единого имперского пространства.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкая степь, калмыцкое управление, сводные годовые отчеты, архивы, источниковедческая эвристика, источниковедческий анализ.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 29–40, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-29-40
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47).084.8

Annotated Lists of Participants of the Great Patriotic War Conscripted from Kalmykia: a Historiographic Review

Utash B. Ochirov ¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: ochirovub@kigiran.com.

Abstract

The article provides a historiographic review of Memorial Books and other published annotated lists of participants of the 1941–1945 Great Patriotic War that were conscripted from Kalmykia. The mentioned editions serve as the most important and key element in the system of memorialization of our fellow countrymen's deeds of valour in the defense of Motherland since those personalize each of them. At the same time, the figures they cover are considerable enough and sometimes amount to 100 %.

The review allows to conclude that huge work on compiling and publishing the diverse annotated lists of our fellow countrymen has been conducted in the past decades but the post-Soviet editions are not that comprehensive and, as a rule, specialize in some certain aspect. E.g., there are separate annotated lists of our country fellowmen who were killed in action, died from wounds, missed in action, who were captured, deported to the Shirokovsky forced labor camp or awarded, who survived to a certain date or came from a certain district (including those related to the neighboring regions nowadays) or settlement; warriors of ethnic military units. According to population coverage, the editions can be roughly divided into three groups as follows: regional (those covering the whole population of the region), district (those covering the population of a separate district) and village (those covering residents of a certain settlement) ones. So, a complete and comprehensive annotated (or unannotated) list of Kalmykia's residents — participants of the 1941–1945 Great Patriotic War has never been compiled and published.

Unfortunately, the lists are incomplete, contain duplicated data and significant mistakes in the spelling of personal names. In view of the restricted access to archival materials it was not always possible to introduce corresponding corrections. A number of published lists had been compiled without due account of the actual documents and contain lots of essential mistakes. Ever since ODB Memorial and Podvig Naroda ('People's Deeds of Valor') integrated online databases (search engines) started working, it is possible to correct the mistakes and create a new Memorial Book that would contain consolidated, verified and correct data about all the previously described individuals. To achieve the goal it is necessary to perform tremendous work on developing a consolidated database including information on all our fellow countrymen — participants of the Great Patriotic War, i.e. to compare and analyze data, eliminate repetitions, search for previously undiscovered archival materials and introduce them into scientific discourse (to be later processed using computer technologies).

In view of the aforementioned, it can be concluded that the task of memorialization of our fellow countrymen's deeds of valour in the battlefields of the Great Patriotic War has not been fully completed yet.

Keywords: Great Patriotic War, veterans, Kalmyk ASSR, Memorial Book, Red Army.

Мемориализация памяти защитников Отечества всегда являлась одним из важнейших направлений военной истории России и носила характер священной обязанности. Слова «война закончена лишь тогда, когда похоронен последний солдат», приписываемые А. В. Суворову, показывают, что эта тема была актуальной для отечественной военной истории еще в XVIII в. После войны 1812–1814 гг. был осуществлен первый проект по мемориализации защитников Отечества в виде печатного издания — 6-томная «Военная галерея» [Император 1845–1849], в которой были опубликованы биографии 153 генералов Российской императорской армии. Автором считался царский историограф — генерал А. И. Михайловский-Данилевский, выполнивший свою работу на основе материалов полковника А. В. Висковатова. Все биографии сопровождалась портретами, скопированными с оригиналов Дж. Доу (вывешенных в Военной галерее Зимнего дворца, что нашло отражение в названии книги). Конечно, такую мемориализацию нельзя считать всеобъемлющей, ведь генералитет войны 1812–1814 гг. в ней был отражен меньше чем на четверть, а Военная галерея, в которой было 332 портрета, — менее чем на половину. Однако, учитывая, что это был первый опыт, сам факт составления списка биографий защитников Отечества следует признать положительным.

В ходе этой войны в 1813 г. была основана газета «Русский инвалид», доход от которой предполагалось использовать для оказания помощи инвалидам Отечественной войны 1812 г., солдатским вдовам и сиротам. С 1816 г. эта газета стала официальным изданием «Комитета 18 августа 1814 года» (с 1877 г. переименован в «Александровский комитет о раненых»), а с 1862 г. — Военного министерства. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в ней стали публиковаться различные именные списки: погибших, раненых, награжденных как генералов и офицеров, так и нижних чинов. Аналогичные списки выходили в «Правительственном вестнике». Кроме того, в ряде регионов России с опорой на эти данные были составлены списки земляков, опубликованные в соответствующих «губернских известиях» и в той или иной форме переизданные в соответствующих «епархиальных ведомостях». После войны А. А. Старчевским был составлен именной

список 3 104 ее участников (частично с биографическими очерками): отличившихся, убитых, раненых и контуженных генералов, штаб- и обер-офицеров, докторов, санитаров, сестер милосердия и отличившихся рядовых [Старчевский 1878].

Эта практика мемориализации воинов Российской императорской армии, павших на полях сражений, была осуществлена и в следующей, русско-японской, войне. «Русский инвалид» и «Правительственный вестник» в виде приложений публиковали именные списки погибших, раненых, пропавших без вести, пленных (россиян в японских лагерях и японцев в российском плену), награжденных. На их базе могли составляться иные списки, например, жителей того или иного региона, опубликованные в соответствующих «губернских известиях» или «епархиальных ведомостях», георгиевских кавалеров, опубликованных в журнале «Летопись войны с Японией» (84 выпуска). Однако сводное издание, в котором были бы опубликованы итоговые и уточненные списки убитых, раненых и награжденных в этой непопулярной войне, в условиях первой русской революции так и не появилось.

С началом следующей войны 1914–1918 гг., именуемой некоторыми Второй Отечественной, однако более известной в историографии как «германская», империалистическая или Первая мировая, газеты «Правительственный вестник», «Русский инвалид», «Русские ведомости» сразу стали публиковать списки погибших, раненых и пропавших без вести, награжденных, опираясь на сведения Генерального штаба. Свои списки публиковали и другие издания, например, газета «Русское слово». Вскоре эти списки стали публиковать отдельными изданиями, как правило, разделенные на офицерский состав и нижние чины. Например, в 1914 г. А. А. Карцовым были выпущены два списка офицеров, погибших и раненых в первые месяцы войны [Иллюстрированный... 1914; Карцов 1914]. Отдельно стали печататься и именные списки рядовых: убитых, раненых, пропавших без вести, при этом их переплетали по несколько выпусков (примерно по два десятка) в один том. Публикация этого списка завершилась лишь при советской власти в 1920 г. Несмотря на то что данное издание нельзя считать точным и всеобъемлющим (был охвачен только период с августа 1914 г. по июль 1916 г.), его масштаб и объ-

ем труда, потраченного на его реализацию, для своего времени считались эпическими. Всего было опубликовано 2 835 выпусков, состоящих из 45 тыс. страниц текста и содержащих сведения на 1,8 млн персоналий [Именной... 1914–1920].

Одновременно с завершением списка по Первой мировой войне начал составляться именной список погибших и умерших в госпиталях военнослужащих РККА в период Гражданской войны. В отличие от изданий Российской императорской армии этот список был единым, без разделения на офицерский и рядовой составы, без разделения по месту рождения, хотя в нем указывались воинское звание и место рождения (даже с его указанием по новому административному делению). Работа над этим списком была завершена в 1926–1927 гг. [Именной... 1926; Дополнение... 1927].

В Великой Отечественной войне наши предки не просто одержали победу над сильнейшим и опаснейшим врагом в истории страны, но и отстаивали независимость нашей страны и будущее ее народов, которым фашисты уготовили страшную и позорную участь. Поэтому сохранение памяти об этих защитниках Отечества является одной из важнейших и актуальных тем для современных российских военных историков. К сожалению, именные списки участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в советский период фактически не публиковались, хотя было составлено огромное количество разных списков (в основном, региональными и районными военкоматами, которые осуществляли поиск земляков, пропавших без вести, и собирали информацию о ветеранах, проживавших на территории региона). Списки эти были в основном утилитарного значения: например, использовались для награждения ветеранов очередными юбилейными наградами или предоставления пенсий инвалидам войны 1941–1945 гг. В те годы, когда ветеранов было много и они хорошо помнили односельчан и однополчан, о составлении полного списка участников Великой Отечественной особо не задумывались. И первые именные списки (имеющие не всеобъемлющий, а одноаспектный характер) начали публиковаться уже в постсоветский период.

Разумеется, наиболее значимой и актуальной считалась задача составления именных списков участников Великой Отече-

ственной войны, не вернувшихся с фронта: убитых, умерших от ран, пропавших без вести. Этот проект начал зарождаться лишь на закате советской эпохи (1989 г.) по инициативе ветеранов и общественных организаций и обрел государственный статус в феврале 1991 г. по Указу Президента СССР. Планировалось, что Всесоюзная Книга Памяти будет состоять из Книг Памяти всех регионов СССР, которые составят аннотированные списки земляков, павших на фронтах Великой Отечественной (погибших, умерших от ран и пропавших без вести). На данный момент в отделе «Книга Памяти» Центрального музея Великой Отечественной войны находится свыше 1 600 томов Всесоюзной Книги Памяти (не считая иных Книг Памяти и электронного Именного каталога) [Центральный...]. После развала СССР 14 января 1993 г. был принят Закон «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», узаконивший продолжение работы в регионах России.

В дальнейшем работы по мемориализации участников Великой Отечественной войны стали развиваться путем составления списков и по другим категориям (вернувшиеся с фронта, награжденные, проживавшие в одном районе или населенном пункте и т. д.), причем не только в виде публикации книг, но и путем создания электронных баз данных. Примером последнего явления могут быть созданные на основе оцифрованных архивных документов Обобщенные банки данных: «Мемориал», содержащий в себе информацию о погибших, раненых, пропавших без вести, пленных, работа над созданием которого началась после выхода Указа Президента РФ от 22 января 2006 г.; «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества» [ОБД «Мемориал»] и «Подвиг народа», содержащий в себе информацию о награжденных, работа над которым началась по инициативе Министерства обороны РФ в 2010 г. [ОБД «Подвиг народа»].

Рассмотрим более подробно опубликованные списки участников Великой Отечественной войны, призванных из Калмыкии. Следует учесть, что в 1941–1945 гг. сражались более 43 тыс. жителей Калмыкии, из которых 14,7 тыс. погибли или пропали без вести, еще 13 тыс. были ранены, контужены или тяжело заболели [Максимов 2010: 344]. Эти публикации можно условно разделить на три группы, в зависимости от

уровня охвата населения: общерегиональные (охватывающие жителей региона); районные (охватывающие отдельный район); сельские (охватывающие отдельное село).

Самым известным из изданий общерегионального уровня стала Книга «Память. Санл», являющаяся составной частью Все-союзной (ныне — Всероссийской) Книги Памяти. В Калмыкии редколлегия республиканской Книги Памяти и рабочая группа по ее подготовке были созданы по решению Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР от 24 декабря 1991 г. Первые тома книги «Память. Санл» создавались, как говорится, «всем миром»: огромный объем работ был проведен Советами ветеранов, военкоматами, Национальным архивом Республики Калмыкия (далее — НА РК), Калмыцким книжным издательством, десятками добровольцев во всех районах республики. Источниками для составления первых двух томов «Санл» послужили: материалы Центрального архива Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО), НА РК, Военно-медицинского архива (далее — ВМА), документы Калмыцкого республиканского и районных военкоматов, информация из органов соцзащиты, семейные архивы, сведения подворного обхода населенных пунктов. Первые два тома, в которых указано свыше 20 тыс. персоналий, вышли в 1995 г. Их структура в целом соответствует требованиям Всероссийской редколлегии: персоналии разделены по районам, внутри каждого из них выстроены по алфавиту, помимо фамилии, имени, отчества, также указываются сведения о годе и месте рождения, месте призыва, воинском звании и должности, времени гибели и месте захоронения. В 1-м томе опубликованы сведения о погибших, умерших от ран и пропавших без вести, призванных из г. Элиста, Городовиковского, Ики-Бурульского, Лаганского районов [Память, I 1995], во 2-м томе — остальных 10 районов (Кетченеровского, Малодербетовского, Октябрьского, Приютненского, Сарпинского, Целинного, Черноземельского, Юстинского, Яшалтинского, Яшкульского) [Память, II 1995].

Работа над «Книгой Памяти» на этом не закончилась. К 2005 г., когда вышел 3-й том «Память. Санл», было выявлено еще свыше 2 тыс. земляков, не вернувшихся с фронта. Одним из собирателей информации по-прежнему оставался военкомат, в который поступали сведения из ЦАМО, военкоматов

других регионов, заявления родственников и списки односельчан. Другими источниками информации стали аннотированные списки умерших в немецких и финских концлагерях, составленные на базе личных дел заключенных и опубликованные в 2002 г., а также поступивший в комитет по делам архивов Республики Калмыкия список умерших военнопленных в «Гросслазарет» (из мемориального комплекса «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»). В 3-м томе список новых персоналий был дан по алфавиту без разделения на районы. В конце к нему прилагался список поправок к сведениям, опубликованным в 1-м и 2-м томах.

В 2010 г. был опубликован 4-й том «Память. Санл», составленный на базе материалов ЦАМО и Военно-мемориального центра ВС РФ, оцифрованных для ОБД «Мемориал». Основной массив документов — это донесения частей о безвозвратных потерях, похоронки, документы госпиталей и медсанбатов, карточки советских военнопленных из немецких концлагерей, паспорта воинских захоронений. Эти сведения, как в 1-м и 2-м томах, разбиты по районам (но не по современному административно-территориальному делению, как в первых томах, а по районам периода войны), внутри которых выстроены по алфавиту. В отдельном разделе представлен Калмыцкий район Ростовской области. Помимо этого, в 4-й том были включены материалы Объединения «Саксонские мемориалы», созданного в 1999 г. Эти сведения, составленные по данным немецких архивов, были предоставлены А. Харитоновым и Р. Фюрером в 2007 г. и содержали информацию о 475 наших земляках.

Анализируя все 4 тома Книги «Память. Санл», следует отметить, что значительная часть информации (особенно калмыцких имен собственных) искажена. Ошибки допускались как на стадии составления документа (писари периода войны плохо знали калмыцкие имена и села, к тому же составлять документы приходилось в перерывах между боями, в сложных окопных условиях, при плохом освещении), так и при дублировании (возможно, многократном) информации сотрудниками ЦАМО и ВМА. Все тома подвергались редактированию, но в условиях дефицита времени (все издания осуществлялись к юбилейным Дням Победы) и отсутствию оригиналов документов уstra-

нить большинство искажений не удалось. В 3-м томе составители прямо указали, что в тексте имеется «много неточностей в написаниях географических названий, имен и фамилий, исправить которые не представляется возможным» [Память 2005: 6]. Об этом же писали и составители 4-го тома: «в этих первичных документах допущены явные искажения в написании фамилий, имен, отчеств погибших, которые невозможно устранить» [Память 2010: 2].

Помимо искажений имен собственных, в Книге «Память. Санл» имеет место дублирование персоналий. Например, в 1-м томе указан Авляев Бадма Улейтинович, 1921 г. р., призван Калмыцким районным военкоматом (далее — РВК), лейтенант 1118-го стрелкового полка (далее — сп), погиб 21.03.1943 [Память, I 2005: 25], во 2-м — Авляев Бадма Улазгинович, уроженец Алцынхуты, призван Сарпинским РВК [Память, II 2005: 6], в 4-м — Авяев Бадна Улезгинович, уроженец Хошгутовского сельсовета, призван Элистинским городским военкоматом (далее — ГВК), лейтенант, убит 21.01.1942 [Память 2010: 4]. Если посмотреть ОБД «Мемориал», то помимо сведений, изложенных в 4-м томе, можно найти сведения о лейтенанте 1118-го сп 333-й стрелковой дивизии (далее — сд) Авляеве Бадме Улейтиновиче, убитом 21.01.1942, родственники которого проживали в Хачедовском сельсовете Кодненевского района Коми АССР. Очевидно, что это один и тот же человек, информация о котором в разных документах была искажена разными людьми (например, в 4-м томе — современным переписчиком, поскольку в оригинале документа — «похоронке» четко написано: «Авляев Бадма», «Хошеутовского») [ОБД «Мемориал»: Авяев].

Другой пример: во 2-м томе Очиров Долан Боктаевич, 1912 г. р., Яшкульского района, призванный Московским ГВК, указан пропавшим без вести [Память, II 2005: 411], а в 4-м — Огиров Долан Бактеевич, 1911 г. р., уроженец Черноземельского района, п/о Якуль, с. Чингар, призван из Москвы 05.11.1942, указан убитым 09.02.1945 [Память 2010: 388]. Здесь мы видим и ошибки писарей («Якуль», «Чингар»), и ошибку переписчика, поскольку в оригинале документа (списки потерь) ясно написано «Очиров» [ОБД «Мемориал»: Очиров Долан]. Написание «Огиров» в ОБД «Мемориал»

лишь недавно было исправлено по просьбе родственников. Таких примеров, к сожалению, можно привести немало.

Но даже если фамилии и имена не искажались, то все равно дублирование имело место, в том числе в 1-м и 2-м томах, которые выходили одновременно. Например, Очиров Халга Менкенович (представленный к званию Героя Советского Союза и хорошо известный историкам, занимающимся историей участия наших земляков в Великой Отечественной войне), 1914 г. р., уроженец с. Яшкуль, погибший 02.10.1943, был продублирован без искажений в 1-м [Память, I 2005: 134] и во 2-м [Память, II 2005: 415] томах. Встречается дублирование одного и того же человека в пределах одного тома, например, Манцын Илья Суботович, сведения о котором в целом правильные, были указаны в 1-м томе [Память, I 2005: 118], в 4-м томе на одной и той же странице оказался разделен на две персоналии: Манцын Илья Субатович и Манцын Илья Суботович [Память 2010: 19]. При этом имя И. С. Манцына, командира эскадрона калмыков-коллорабационистов, перешедшего к польским партизанам, тоже должно быть известно историкам-калмыковедам. Есть и другие примеры неверной информации о людях, хорошо известных историкам Калмыкии. Например, в 4-м томе указан Улюмжиев Цибек Будасевич, уроженец Чиргирского с/с Черноземельского района Коми АССР, сержант 633-го сп 157-й сд, убитый 15.03.1942 [Память 2010: 393], хотя биография чилгирца Улюмджиева Цебека Будаевича, командира роты, дошедшего до Одера и награжденного двумя орденами, а после депортации являвшегося 1-м секретарем Яшкульского района КПСС, должна быть известна составителям.

С другой стороны, утверждать, что в 4 томах Книги «Память. Санл» упомянуты все 43 тыс. наших земляков, мы не можем. Например, в них отсутствует младший лейтенант 311-го кавалерийского полка (далее — кп) 110-й кавалерийской дивизии (далее — кд) Мачаев Сангаджи Улазганович, погибший в бою под Ямангоем, хотя на «Мемориале» информация о нем есть [ОБД «Мемориал»: Мочаев Сангаджи Улангович]. Подобных примеров можно привести множество.

Таким образом, очевидно, что составителями разных томов Книги «Память. Санл» за прошедшие десятилетия была про-

ведена титаническая работа по поиску имен наших земляков, павших на полях сражений Великой Отечественной. Однако данная работа не является окончательной, а уже полученные результаты требуют сличения, перепроверки и анализа.

Помимо Книги «Память. Санл» сведения об участниках Великой Отечественной войны, призванных из Калмыкии, имеются в «Книгах Памяти» других регионов. Большая часть таких персоналий входит в Книги памяти Астраханской области, поскольку в ее составе есть бывшие районы и села Калмыкии, не возвращенные республике после ее восстановления (Долбанский и Приволжский улусы, поселок Кануков и др.).

Составители Книги памяти Астраханской области подошли к работе достаточно ответственно, и их работы выгодно отличаются на фоне изданий некоторых других регионов, например, Ростовской области. Во-первых, помимо 7-томной Книги памяти павших (6 томов были изданы в 1995 г. и дополнительный том — в 2010 г.), была издана и 7-томная Книга памяти ветеранов, вернувшихся с фронта (5 томов изданы в 2001–2005 гг. и два тома — в 2010 г.), что позволяет говорить о всеобъемлющем характере этих изданий. Во-вторых, информативность сведений о персоналиях в этих Книгах памяти достаточно высока: приводятся данные о месте рождения, призыва, службы, захоронения или пропажи без вести (если речь идет о Книге памяти павших). Следует отметить, что названия калмыцких сел, ныне не существующих (например, Шара-Бюрбья), в этих книгах опущены.

К числу недостатков также можно отнести искажения калмыцких имен собственных, но в Книгах памяти Астраханской области, изданных в 1995 г., по сравнению с другими Книгами памяти (включая «Память. Санл») таких искажений крайне мало. Очевидно, что составителями была проделана не только составительская работа, но и огромный объем редакторской работы, в том числе и в области калмыцкой ономастики. Еще одним недостатком следует признать отсутствие обозначения «гвардейский» в значительном количестве случаев в первых шести томах (изданных в 1995 г.), что, конечно же, искажает реальное положение дел. Например, отсутствие обозначения «гвардейский» у Манжиева Пашма Нурмаевича (в ОБД «Мемориал» указан Манжиев Патма Нурмаевич) приво-

дит к утверждению о его службе в 220-м сп (который входил в 4-ю сд) 79-й сд (состоявшей на самом деле из 157, 165, 179-го сп и всю войну базировавшейся на Сахалине) [Назовем, IV 1995: 54], а не в 220-м гв. сп 79-й гв. Запорожской четырежды орденоносной сд, защищавшей Мамаев Курган и прошедшей славный боевой путь от Дона до Эльбы. Аналогичные случаи мы можем встретить у погибшего в Витебской области Сангаджигареева Наркина Басановича, у которого вместо 31-го гв. сп 9-й гв. сд (легендарной «белобородовской», прошедшей боевой путь от Москвы через Белоруссию в Прибалтику) указан 31-й сп (входивший в 25-ю Чапаевскую сд Южного фронта) 9-й сд (знаменитая пластунская «кубанская»), или у погибшего в Кировоградской области Сангажеева Николая Горяевича, у которого вместо 294-го гв. сп 97-й гв. Полтавской сд (трижды орденоносной) указан 294-й сп (входивший в 184-ю «городовиковскую» дивизию) 97-й (будущей Витебской) сд, воевавшие в Белоруссии [Назовем, V 1995: 121]. Таких примеров можно привести много.

В 7-м томе Книги Памяти и семи томах, посвященных вернувшимся с фронта, этот недостаток устранен, но, с другой стороны, по сравнению с первыми шестью томами «Назовем поименно», количество искаженных калмыцких имен собственных заметно увеличилось. Кроме того, в этих томах отмечается и некоторое увеличение количества ошибок номеров частей и соединений, хотя, казалось бы, для ветеранов, вернувшихся с фронта, здесь проблем быть не должно. Например, утверждается, что Манджеев Убун Санджевич служил в 340-м сп 11-й сд [Назовем 2005: 57], однако 340-й сп входил в 46-ю сд (имевшую три формирования), а в 11-ю сд входили 163, 219, 320-й сп. Помимо таких ошибок, мы можем встретить и вовсе несуществующие соединения, типа 56-й гв. кд или 354-й моторизованной артиллерийской дивизии.

Помимо Книг памяти, публиковались и другие аннотированные списки жителей Калмыкии — участников Великой Отечественной войны. Например, в 2000 г. были опубликованы списки наших земляков, снятых с фронта и направленных в Широлаг [Широлаг 2000]. Эти списки были составлены на базе материалов (личных и учетно-статистических карточек и др.) картошки архива учреждения ВВ-201 МВД РФ,

выявленных там летом 1991 г. поисковой группой, состоявшей из работников правоохранительных органов и НА РК. В 1993 г. выявленные материалы были переданы в Информационный центр МВД Республики Калмыкия. Составители осуществили большой объем редакторской работы: устранили пропуски, неточности, повторы, восстановили пропущенные персоналии. Информативность этих списков достаточно высока: помимо фамилии, имени и отчества, указаны номер личного дела в Широклаге, год и место рождения, национальность, образование, партийность, местожительство, место учебы или работы до призыва в армию, название военкомата и дата призыва, последнее место прохождения службы, воинское звание и должность, сведения о награждениях и ранениях, дата прибытия и убытия (демобилизации) из Широклага, заключение о состоянии здоровья или смерти, направление на спецпоселение, краткая аннотация приложенных к карточкам документов (при наличии таковых). Всего в книге содержатся сведения на 3 327 персоналий, причем искажения имен сведены к минимуму.

Целая серия списков участников Великой Отечественной войны из Калмыкии опубликована в книге А. Б. Цобдаева «Судьба военнопленного» [Цобдаев 2010]. Здесь, помимо ряда очерков, статей и пр., приведены различные списки, в том числе аннотированные, уроженцев Дагестана и Калмыкии, содержащихся в концлагерях и большей частью умерших там. К сожалению, автор не указал источники своей информации, но по косвенным признакам можно предположить, что ими послужили личные учетные карточки советских военнопленных, переданные иностранными общественными мемориальными организациями.

Также был издан аннотированный список воинов одного соединения — 110-й отдельной Калмыцкой кавдивизии (далее — 110-й ОККД), большинство которой составляли наши земляки. В 2007 г. вышел 2-й том книги «Солдаты Победы», в который были включены сведения о более чем 2 тыс. воинах 110-й ОККД. П. Э. Алексеева в течение многих лет собирала информацию о воинах калмыцкой дивизии путем опроса родственников, сверки литературы, привлекла большой массив материалов, собранный в Научном архиве КИГИ РАН [Солдаты Победы 2007]. После этого работа по сбору инфор-

мации продолжалась. К проекту присоединился С. А. Заярный — внук комиссара 110-й ОККД, который в течение нескольких лет ежедневно работал с электронными банками данных, а также в ЦАМО РФ, разыскивая дела 110-й ОККД, рассеянные по «чужим» фондам. Благодаря его кропотливому труду удалось установить судьбы многих воинов дивизии, которые ранее считались нам неизвестными, внести исправления в их биографии, добавить дополнительно более тысячи новых имен, десятки их фотографий. Свои списки воинов 110-й ОККД предоставили Ш. М. Налаев, Т. Б. Шураев (ветераны Великой Отечественной войны), А. Б. Цобдаев (общество «Мемориал»), М. А. Лиджиев (Калмыцкий госуниверситет), У. Б. Очиров (КИГИ РАН). Проведенная работа позволила составителям выявить еще 1,5 тыс. имен наших земляков, существенно уточнить биографии и написание имен многих воинов, опубликованных в 1-м издании [Солдаты Победы 2015]. Был осуществлен огромный объем редакторской работы по уточнению написания имен собственных, номеров частей и соединений, дат ранений и гибели, награждений и т. д. Данную работу по качеству исполнения можно считать в определенной степени «маяком», на который следует ориентироваться исследователям при работе над подобного рода списками.

Еще один аннотированный список жителей региона — участников Великой Отечественной войны под таким же названием («Солдаты Победы») был создан в 2010 г. под эгидой Министерства образования Калмыкии. В него вошли сведения обо всех наших земляках-ветеранах, доживших до 65-летия Победы, которые собирались на основе информации военкоматов путем подворного обхода всех ветеранов. Затем они были сведены редакцией газеты «Парламентский вестник Калмыкии» в единый список, опубликованный к юбилею Победы [Солдаты Победы 2010].

В 2015 г. вышла еще одна работа, которую можно классифицировать как аннотированный список участников Великой Отечественной войны, призванных из Калмыкии, — книга «Достоин награждения» [Манджиев 2015]. Автором ее является Н. Ц. Манджиев, который в течение долгого времени собирал информацию о тысячах наших земляков, награжденных боевыми орденами и медалями за подвиги, совер-

шенные в 1941–1945 гг. Информация, представленная в данном труде, основывается преимущественно на документах ЦАМО, что, безусловно, повышает его ценность. К недостаткам книги, кроме немногочисленных повторов, следует отнести некоторую ее бессистемность: хотя внутри глав фамилии выстроены по алфавиту, список самих глав отсутствует, а логика их построения не всегда понятна читателю. Поскольку отсутствует и именной указатель, поиск нужной фамилии в этом списке может занять значительный объем времени. Безусловно, для работы удобней было бы выстроить фамилии наших земляков по алфавиту, что, кстати говоря, исключило бы возможность повторов.

Кроме того, в Калмыкии публиковались и аннотированные списки участников Великой Отечественной войны, призванных из определенного района или проживавших в нем после войны. Первый такой список (по Яшкульскому району) был опубликован Б. А. Богаевым, который много лет работал журналистом районной газеты и собрал большой объем информации о ветеранах-земляках [Богаев 1995]. По каждой персоналии дана краткая биография, большинство из них сопровождается фотографиями. Конечно, список не очень велик, поскольку он основывался преимущественно на воспоминаниях и данных из домашних архивов самих ветеранов и их потомков и изначально не претендовал на всеохватность и документальную достоверность. Однако это издание явилось «первой ласточкой», поэтому заслуживает особого упоминания в историко-биографическом обзоре.

О том, насколько далеко удастся продвигаться исследователю благодаря информационным электронным технологиям, мы можем судить, сравнив эту книгу (48 страниц в формате, близком к А5) с «Книгой памяти» Яшкульского района, опубликованной в 2015 г. Т. Б. Инжиевой (460 страниц в формате, близком к А4), которая в своей работе не только опиралась на материалы из местных архивов, данные личных опросов и обходов, информацию средств массовой информации и школьные работы учащихся, но и активно использовала сведения ОБД «Подвиг народа» и ОБД «Мемориал» [Книга 2015]. В этой работе, помимо ряда статей, фронтовых писем, фотографий и иных материалов, содержится ряд аннотированных списков участников войны из Яшкульско-

го района, составленных по разным источникам: общий, включая не вернувшихся с фронта (1 620 персоналий), широклаговцев (149), умерших в плену (21), награжденных за ратные подвиги (356). Каждая персоналия из этих списков сопровождается краткими биографическими сведениями. В ряде случаев имеют место повторы.

Значительный объем поисковой работы был осуществлен и составителями Книги Памяти Приютненского района [Памяти 2015]. Большую часть книги составляют газетные статьи, воспоминания, письма с фронта, списки подпольщиков, партизан, казненных, вернувшихся с фронта и тружеников тыла (награжденных медалью «За Победу» и «За доблестный труд в ВОВ», единый и неаннотированный и др.). Также в текст книги включен аннотированный список ветеранов всего района, в котором каждая персоналия сопровождается краткой биографией и фотографией. К недостаткам этой книги можно отнести тот факт, что составители книги мало использовали или не привлекали вовсе материалы электронных банков данных «Подвиг народа» и «Мемориал».

По другому принципу была составлена Книга памяти Черноземельского района [Солдаты Великой войны 2015]. Эта книга разделена на несколько аннотированных списков, каждый из которых охватывает участников войны — жителей одного из ныне существующих сел района. Каждая персоналия сопровождается краткой биографией, большинство из них — фотографией. Составители использовали не только материалы подворного обхода и воспоминания ветеранов, но и сведения из электронных банков данных. Подобный подход имеет свои преимущества, главное из которых заключается в том, что в малочисленных селах, где, как говорится, «все друг друга знают», такие списки, как правило, охватывают почти всех земляков и отличаются полнотой сведений. К недостаткам следует отнести тот факт, что значительная часть сел, существовавших до депортации, после возвращения калмыков из Сибири не была восстановлена, поэтому уроженцы этих сел могут «выпадать» из районных списков.

Книга памяти Целинного района [Башанкаев, Папуев 2008] сочетает в себе оба подхода: в ней есть как материалы по району, так и по всем селам района. Как правило, они состоят из исторической справки, выписок из газет и т. д. В книге приведен ряд

списков, в основном, жителей сел, погибших в годы войны. Почти все списки погибших — неаннотированные, за исключением списка уроженцев с. Троицкого, погибших во время оккупации: у военнослужащих указывались год рождения и воинское звание. Источник сведений не ясен, возможно, это какие-то материалы подворных обходов или опросов, хранящиеся в местных администрациях. Информативность таких списков, конечно, не слишком высокая.

Также публиковались списки участников Великой Отечественной войны, охватывающие только отдельный населенный пункт, как аннотированные [например, Артезиан 2015], так и неаннотированные [Манджиев 2011]. Как правило, в аннотированных списках персоналии сопровождаются краткой биографией, большая часть из них с фотографиями. Преимущества и недостатки таких списков уже указывались, кроме того, необходимо учитывать, что ветераны войны из этих сел составляют лишь небольшую часть призванных, по сравнению с городами и районными центрами. Следует заметить, что в ряде сел, например в Адыке, были составлены аннотированные списки земляков — участников Великой Отечественной, которые по разным причинам (в основном финансового характера) так и не были опубликованы. Составители могут издать такие книги «самиздатом» способом, используя подручные средства. Очевидно, что ввод в научный оборот таких изданий является одной из наиболее актуальных задач мемориализации участников войны 1941–1945 гг.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что за прошедшие два с половиной десятилетия была проведена огромная работа по составлению и публикации аннотированных списков наших земляков — участников Великой Отечественной (погибших, доживших до определенной даты, награжденных, широклаговцев, воинов национального соединения и др.). С другой стороны, следует констатировать тот факт, что единого полного и всеобъемлющего аннотированного, как и неаннотированного, списка участников войны 1941–1945 гг., призванных из Калмыкии, до сих пор нет. Без этого их мемориализация является невозможной. Для реализации этой задачи предстоит выполнить большой объем работ, в частности, по созданию сводной базы, включающей информацию обо всех наших земляках — участниках Великой Отечественной войны,

сличению и анализу данных, устранению повторов, поиску не выявленной ранее информации из архивов и вводу ее в научный оборот с последующей обработкой ЭВМ.

Источники

- ОБД «Мемориал» [электронный ресурс] // URL: <http://www.obd-memorial.ru> (дата обращения: 10.05.2016).
- ОБД «Подвиг народа» [электронный ресурс] // URL: <http://podvignaroda.mil.ru> (дата обращения: 10.05.2016).
- Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [электронный ресурс] // URL: <http://www.poklonnayagora.ru/?part=43> (дата обращения: 10.05.2016).

Литература

- Артезиан. Мы помним и гордимся / сост. И. Н. Басангов. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2015. 168 с.
- Башанкаев В., Пануев В. Целинный район. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2008. 248 с.
- Богаев Б. А. Яшкуляне в боях за Родину. б/м: б/и, 1995. 48 с.
- Дополнение к именованному списку потерь на фронтах в личном составе Рабоче-Крестьянской Красной Армии за время гражданской войны. М.: Управление Устройства и Службы войск ГУ РККА, 1927. 34 с.
- Иллюстрированный и алфавитный список убитых и раненых героев 2-й Отечественной войны 1914 г. М.: Изд. А. А. Карцова, [1914]. 32 с.
- Именной список потерь на фронтах в личном составе Рабоче-Крестьянской Красной Армии за время гражданской войны. М.: Управление Устройства и Службы войск ГУ РККА, 1926. 632 с.
- Именной список убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам. Вып. 1 — 2835. Пг.: Воен. тип. имп. Екатерины Великой, [1914–1920].
- Император Александр I^и и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца. Жизнеописания сочинения генерал-лейтенанта А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. В 6 т. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1845–1849.
- Карцов А. А. Список убитых и раненых героев 2-й Отечест. войны 1914 г. За июль, август и сентябрь. М.: Тип. К. Муратова с Бр-м, [1914]. 48 с.
- Книга Памяти. 1941–1945. 2-е изд., испр. и доп. / сост. Т. Б. Инжиева. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2015. 460 с.

- Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Манджиев Н. Ц. Воины из Чилгира. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2011. 80 с.
- Манджиев Н. Ц. Достоин награждения. М.: ООО Принт Про, 2015. 498 с.
- Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область. В 7 т. Т. IV. М–П. Волгоград: Комитет по печати, 1995. 544 с.
- Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область. В 7 т. Т. V. Р–Т. Волгоград: Комитет по печати, 1995. 464 с.
- Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область. В 7 т. Т. IV. М–П. Астрахань: Волга, 2005. 506 с.
- Памяти живые родники (Приютненский район Республики Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) / сост. Н. В. Куникина, Чернышова О. В. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2015. 304 с.
- Память. Санл. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.
- Память. Санл. Т. II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 442 с.
- Память. Санл. Т. III. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 156 с.
- Память. Санл. Т. IV. Элиста: Герел, 2010. 492 с.
- Солдаты Великой войны: Списки, биографические справки, фото участников и ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Черноземельского района Республики Калмыкия. Элиста: РИА Калмыкия, 2015. 120 с.
- Солдаты Победы. Самара: ООО «ИД „Агни“», 2010. 420 с.
- Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 272 с.
- Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. П. Э. Алексеева, А. Т. Баянова, С. А. Заярный, Л. Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с.
- Старчевский А. А. Памятник Восточной войны 1877–1878 гг. СПб.: Тип. Б. Г. Янпольского, изд. М. Г. Назимовой, 1878. 490 с.
- Цобдаев А. Б. Судьба военнопленного: художественно-документальное повествование. Изд. 2-е, испр. и доп. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2010. 464 с.
- Широклаг. Широкстрой: списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. [Книга памяти ссылки калмыцкого народа] Т. III. Кн. 1 / сост. А. Б. Байрова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.

Sources

- OBD Memorial* [Memorial integrated online database]. Available at: <http://www.obd-memorial.ru/> (accessed: 10 May 2016) (In Russ.).
- OBD "Podvig naroda"* [Podvig Naroda (People's Deeds of Valor) integrated online database]. Available at: <http://podvignaroda.mil.ru/> (accessed: 10 May 2016) (In Russ.).
- Central'nyj muzej Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Central Museum of the 1941–1945 Great Patriotic War]. Available at: <http://www.poklonnayagora.ru/?part=43> (accessed: 10 May 2016) (In Russ.).

References

- Artezian. My pomnim i gordimsja. Sost. I. N. Basangov* [Artezian. We remember and take pride... Comp. by I. Basangov]. Elista, Dzhangar Publ., 2015, 168 p. (In Russ.).
- Bashankaev V., Papuev V. *Tselinnyi rajon* [Tselinny District]. Elista, Dzhangar Publ., 2008, 248 p. (In Russ.).
- Bogaev B. A. *Yashkuljane v bojah za Rodinu* [Yashkul dwellers in the battles for Motherland]. 1995, unknown publ., 48 p. (In Russ.).
- Dopolnenie k imennomu spisku poter' na frontah v lichnom sostave Raboche-Krest'janskoj Krasnoj Armii za vremja grazhdanskoj vojny* [Supplement to the nominal list of casualties of the Red Army during the Russian Civil War]. Moscow, Publ. Dept. of the Main Red Army Directorate, 1927, 34 p. (In Russ.).
- Illjustrirovannyj i alfavitnyj spisok ubityh i ranenyh geroev 2-j Otechestvennoj vojny 1914 g.* [A 1914 illustrated and alphabetically organized list of casualties among the heroes of the 2nd Patriotic War]. Moscow, Kartsov Publ., [1914], 32 p. (In Russ.).
- Imennoj spisok poter' na frontah v lichnom sostave Raboche-Krest'janskoj Krasnoj Armii za vremja grazhdanskoj vojny* [The nominal list of casualties of the Red Army during the Russian Civil War]. Moscow, Publ. Dept. of the Main Red Army Directorate, 1926, 632 p. (In Russ.).
- Imennoj spisok ubitym, ranenym i bez vesti propavshim nizhnim chinam. Vyp. 1–2835* [A nominal list of casualties (the killed, wounded and missing in action) among privates and non-commissioned officers. Iss. 1–2835]. Saint Petersburg, Catherine the Great Military Print. House, [1914–1920].
- Imperator Aleksandr Ij i ego spodvizhniki v 1812, 1813, 1814, 1815 godah. Voennaja galereja*

- Zimnego dvorca. Zhizneopisanija sochinenija general-lejtenanta A. I. Mihajlovskago-Danilevskago. V 6 t.* [Alexander I of Russia and his fellow-warlords in 1812, 1813, 1814, 1815. Military Gallery of the Winter Palace. Life stories by Lieutenant General A. Mikhailovsky-Danilevsky]. Saint Petersburg, Karl Krai Publ., 1845–1849.
- Kartsov A. A. *Spisok ubityh i ranenyyh geroev 2-j Otechest. vojny 1914 g. Za ijul', avgust i sentjabr'* [A 1914 list of casualties among the heroes of the 2nd Patriotic War. July-August-September]. Moscow, K. Muratov and Brother Publ., [1914], 48 p. (In Russ.).
- Kniga Pamjati. 1941–1945. 2-e izd., ispr. i dop. / sost. T. B. Inzhieva* [Memorial Book. 1941–1945. 2nd ed., revised and suppl. Comp. by T. Inzhieva]. Elista, Dzhangar Publ., 2015, 460 p. (In Russ.).
- Maksimov K. N. *Velikaja Otechestvennaja vojna: Kalmykija i kalmyki* [The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks]. Moscow, Nauka Publ., 2010, 406 p. (In Russ.).
- Mandzhiev N. Ts. *Voiny iz Chilgira. 2-e izd., ispr. i dop.* [Warriors from Chilgir. 2nd ed, rev. and suppl.]. Elista, Dzhangar Publ., 2011, 80 p. (In Russ.).
- Mandzhiev N. Ts. *Dostoin nagrazhdenija* [Deserves being awarded...]. Moscow, Print Pro Ltd. Publ., 2015, 498 p. (In Russ.).
- Nazovem poimennenno. Pamjat': Rossijskaja Federacija. Astrahanskaja oblast'. V 7 t. T. IV. M–P* [To be mentioned by names... Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. In 7 vol. Vol. 4, M–P]. Volgograd, Regional Committee on Press, 1995, 544 p. (In Russ.).
- Nazovem poimennenno. Pamjat': Rossijskaja Federacija. Astrahanskaja oblast'. V 7 t. T. V. R–T* [To be mentioned by names... Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. In 7 vol. Vol. 5, R–T]. Volgograd, Regional Committee on Press, 1995, 464 p. (In Russ.).
- Nazovem poimennenno. Pamjat': Rossijskaja Federacija. Astrahanskaja oblast'. V 7 t. T. IV. M–P* [To be mentioned by names... Memory: Russian Federation, Astrakhan Oblast. In 7 vol. Vol. 4, M–P]. Astrakhan, Volga Publ., 2005, 506 p. (In Russ.).
- Pamjati zhivyye rodniki (Priyutnenskij rajon Respubliki Kalmykija v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.) / sost. N. V. Kunikina, O. V. Chernyshova* [Living springs of memory (Priyutnensky District of the Republic of Kalmykia during the 1941–1945 Great Patriotic War). Comp. by N. Kunikina, O. Chernyshova]. Elista, Dzhangar Publ., 2015, 304 p. (In Russ.).
- Pamjat'. Sanl. T. I* [Memory... Vol. 1]. Elista, Kalm. Book Publ., 1995, 416 p. (In Russ.).
- Pamjat'. Sanl. T. II* [Memory... Vol. 2]. Elista, Kalm. Book Publ., 1995, 442 p. (In Russ.).
- Pamjat'. Sanl. T. III* [Memory... Vol. 3]. Elista, Kalm. Book Publ., 2005, 156 p. (In Russ.).
- Pamjat'. Sanl. T. IV* [Memory... Vol. 4]. Elista, Gerel Publ., 2010, 492 p. (In Russ.).
- Soldaty Velikoj vojny: Spiski, biograficheskie spravki, foto uchastnikov i veteranov Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Chernozemel'skogo rajona Respubliki Kalmykija* [Soldiers of the Great War: Lists, CVs, photos of participants and veterans of the 1941–1945 GPW. Chernozemelsky District, Republic of Kalmykia]. Elista, RIA Kalmykia, 2015, 120 p. (In Russ.).
- Soldaty Pobedy* [Victorious Soldiers]. Samara, ID Agni Ltd. Publ., 2010, 420 p. (In Russ.).
- Soldaty Pobedy. T. II. Poimennyj spisok voynov 110-j Otdel'noj Kalmyckoj kavalerijskoj divizii / Sost. P. E. Alekseeva, L. Yu. Lantsanova* [Victorious Soldiers. Vol. 2. A nominal list of military servicemen of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. Comp. by P. Alekseeva, L. Lantsanova]. Elista, Kalm. Book Publ., 2007, 272 p. (In Russ.).
- Soldaty Pobedy. T. II. Poimennyj spisok voynov 110-j Otdel'noj Kalmyckoj kavalerijskoj divizii / Sost. P. E. Alekseeva, L. Yu. Lantsanova* [Victorious Soldiers. Vol. 2. A nominal list of military servicemen of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. Comp. by P. Alekseeva et al. 2nd ed., rev. and suppl.]. Elista, Print. Dept. of the Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS, 2015, 373 p. (In Russ.).
- Starchevskij A. A. *Pamjatnik Vostochnoj vojny 1877–1878 gg.* [A monument commemorating the 1877–1878 Russo–Turkish War]. Saint Petersburg, B. G. Yanpolsky Publ., edition of M. G. Nazimova, 1878, 490 p. (In Russ.).
- Tsobdaev A. B. *Sud'ba voennoplennogo: hudozhestvenno-dokumental'noe povestvovanie. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Destiny of a POW: a documentary drama. 2nd ed., rev. and suppl.]. Elista, Dzhangar Publ., 2010, 464 p. (In Russ.).
- Shiroklag. Shirostroj: spiski kalmykov-voennosluzhashhih rjadovogo i serzhantskogo sostava, otovzannyh s frontov v 1944–1945 gg. [Kniga pamjati slylki kalmyckogo naroda] T. III. Kn. 1 / sost. A. B. Bairova, T. Ch. Bembeeva, S. E. Lidzhi-Gorjaeva, R. V. Nejachenko* [Shirokovsky forced labor camp: lists of Kalmyk military servicemen (privates and non-commissioned officers) recalled from fields of battle in 1944–1945 (Memorial Book dedicated to the deportation of the Kalmyk people) Vol. 3. Book 1. Comp. by A. Bairova et al.]. Elista, Kalm. Book Publ., 2000, 294 p. (In Russ.).

УДК 94(47).084.8

АННОТИРОВАННЫЕ СПИСКИ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ПРИЗВАННЫХ ИЗ КАЛМЫКИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Уташ Борисович Очиров¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: ochirovub@kigiran.com.

Аннотация. Статья посвящена историографическому обзору Книг памяти и иных опубликованных аннотированных списков участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., призванных из Калмыкии. Эти издания, которые начали публиковаться в постсоветский период, не имеют всеобъемлющего характера, а, как правило, специализируются на каком-то одном аспекте. Например, среди них есть аннотированные списки наших земляков, павших на поле боя, умерших от ран, пропавших без вести, попавших в плен, высланных в Широклаг, доживших до определенной даты, отдельного района или населенного пункта; отдельного соединения. К сожалению, списки, в которых были бы отражены все участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. из Калмыкии, никогда не составлялись и, соответственно, не публиковались.

Исходя из этого, можно прийти к выводу, что задача мемориализации памяти наших земляков, участвовавших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., и по сей день остается до конца не решенной.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ветераны, Калмыцкая АССР, Книга памяти, Красная армия.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 41–47, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-41-47
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(517)

Women's Non-Governmental Organizations in Contemporary Mongolia

Snezhana S. Tsypilova¹

¹ Ph. D. in History, Junior Research Associate, Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: ai_qing@mail.ru.

Abstract

The article deals with the history of the women's movement in modern Mongolia. In socialist Mongolia the women's movement made a part of the state policies and was financed by the state budget. It was the Committee of Mongolian Women that implemented the main activities. Activities of women's organizations in the socialist period were aimed at increasing the level of education of the female population of the country, improving the various aspects of women's lives, stimulating their participation in the public administration of the country. Special attention was paid to the protection of maternity and infancy.

The first independent women's organizations appeared in Mongolia in 1992. The formation of the first women's organizations in 1992 was caused by a number of interrelated reasons and factors. In view of the dramatic changes in the country, many educated middle-aged women found themselves in unfavorable working conditions. Women were underrepresented in economic and political realms, the key positions were traditionally occupied by men. So, for some women non-governmental organizations became the only opportunities for self-realization. It should be noted that the women's movement in Mongolia — like those in other Asian countries — developed in collaboration with foreign organizations.

The article aims to analyze the activities of the first women's NGOs of post-socialist Mongolia. The activities of women's NGOs in Mongolia strive for the solution of gender issues. Those also aim to help people adapt to the new social and economic system and make use of its advantages. Among the main goals of women's NGOs the following ones can be noted: assistance to women in their cultural and social development, improvement of living standards, promotion of women's participation in decision-making issues, provision of social protection. The activities and influence of women's non-governmental organizations have increased greatly in present-day Mongolia. They are getting actively involved in legislative undertakings, especially when it comes to issues of unemployment, informatization and other problems on local and national levels. Their activities also include the fight against violence towards women which is an obvious problem for the modern Mongolian society. Mongolian women's NGOs constitute a decentralized, sufficiently dense network of organizations. However, the variety of interests and fields of activities allow women's NGOs to implement common projects with other organizations in different spheres.

Keywords: Mongolia, women, non-governmental organizations, law, gender.

Первые самостоятельные организации в Монголии появились в 1992 г., когда была принята новая демократическая конституция. С тех пор эти организации постоянно расширяют свою деятельность в стране, участвуют в выработке политических решений и контроле над властью. В общественно-политической жизни страны их значение ежегодно возрастает. Монгольские общественные организации активно сотрудничают со своими иностранными коллегами.

Образование первых женских общественных организаций в 1992 г. было обусловлено рядом взаимосвязанных причин и факторов. Во-первых, в результате радикальных изменений в стране многие образованные женщины среднего возраста остались без постоянной работы. Кроме того, женщины заметно уступали в политической и экономической сферах, где ключевые позиции традиционно занимали мужчины. Для некоторых из них общественные организации представляли собой перспективные возможности. Во-вторых, женщины традиционно несли ответственность за социальную сферу, включающую образование, здравоохранение, охрану детства, что не могло не привлечь внимание донорских организаций. С их стороны некоторым женским организациям была оказана техническая и материальная поддержка.

Необходимо отметить, что женское движение в Монголии, как и в других азиатских странах, развивалось в сотрудничестве с иностранными организациями. С одной стороны, международные организации-доноры оказали влияние на монгольское женское движение, внедряя собственные системы при оказании какой-либо поддержки, чем ограничили возможности естественного развития женского движения. С другой стороны, их помощь сыграла ключевую роль в развитии женских организаций и укрепила их институциональную и программную составляющие. Во многом благодаря поддержке иностранных организаций-доноров женщины-активистки и женские организации стали лидерами в формирующемся секторе неправительственных организаций (далее — НПО). В то время как мужчины занимали доминирующее положение в области политики и власти, женщины стремились укрепить свои позиции в гражданском обществе, в котором они быстро стали играть активную и заметную роль, причем настолько, что некоторые аналитики стали называть

монгольское гражданское общество «матриархальным» [The Field of Women's...].

Деятельность женских НПО в Монголии не ограничивалась лишь проблемами женщин: она также выражалась в стремлении помочь людям адаптироваться к новому порядку и принять его преимущества. Работа женских организаций в сельской местности осуществлялась через сеть собственных филиалов. Они работали в сотрудничестве с местной властью, помогая ей выявить основные проблемы региона и разработать стратегии их решения. Основное внимание было сосредоточено на вопросах местного значения: безработица, низкий уровень информированности, необходимость создания рабочих мест и источников дохода.

Рассмотрим некоторые из женских организаций более подробно. В социалистической Монголии женское движение находилось под руководством правящей партии и финансировалось из государственного бюджета. Основную деятельность осуществлял основанный в 1924 г. Комитет монгольских женщин, под руководством которого работали так называемые женсоветы. Деятельность женских организаций была направлена на повышение уровня образования женского населения страны, улучшение различных аспектов жизни женщин, привлечение их к участию в государственном управлении страной. Особое внимание уделялось вопросам защиты материнства и детства [Гринберг 1987]. В 1990 г. на базе Комитета монгольских женщин была основана Федерация монгольских женщин (далее — ФМЖ), ставшая одной из крупнейших современных федераций благодаря тому, что сохранилась прежняя структура организации, включавшая многочисленные подразделения в сельской местности. Деятельность организации в основном была направлена на решение вопросов занятости, увеличения размеров дохода, сокращения бедности, борьбы с насилием в семье. Наряду с Федерацией монгольских женщин в начале 1990-х гг. стали формироваться другие женские организации, часто при поддержке оппозиционных политических партий.

Одной из ранних женских НПО стал Фонд монгольских женщин-либералов (Liberal Women Brain Pool, известный также как Liberal Women's Intellectual Foundation / LEOS), основанный 20 октября 1992 г. В центре внимания деятельности Фонда находились вопросы прав женщин и

продвижения женщин в области политики. Фонд тесно сотрудничал с другими монгольскими и международными НПО, Правительством Монголии, широким кругом частных лиц и организаций для реализации своих целей. В 1996 г. по инициативе Фонда монгольских женщин-либералов была создана Сеть наблюдательных органов, которые контролируют работу государственных органов по выполнению Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее — КЛДЖ). В результате были проведены 5 региональных семинаров, в 21 аймаке Монголии значительно возросло число женщин, которые владели информацией о КЛДЖ и были способны контролировать государственные органы на местном уровне. Центром был успешно организован 3-й форум женщин Восточной Азии, проходивший в 1998 г. в Улан-Баторе. По инициативе участников Фонда также было положено начало деятельности других НПО. Кроме того, был создан крупнейший в Монголии Сберегательный и кредитный кооператив [Либерал Эмэгтэйчүүдийн...; Vuambajav 2013; Цэцэгжаргал 2009].

Движение «Женщины за социальный прогресс» (Women for Social Progress Movement / WSP) ставило целью достижение демократического управления, гендерного равенства, социальной справедливости и борьбы с коррупцией. Основанное в 1992 г., оно прилагало усилия для воспитания людей на демократических принципах и оказывало помощь в улучшении экономического положения женщин. В 1997 г. им был основан Центр по работе с избирателями. Деятельность Центра включала радио- и телепрограммы по воспитанию людей на демократических ценностях и обучению сельских активистов [Sanders Alan 2010; Tseden 2012]. В настоящее время деятельность Движения и Центра сосредоточена на реализации проекта «Увеличение числа граждан в процессе принятия решений посредством электронного управления в Монголии». Цель проекта — укрепление демократического развития путем более обширного обмена информацией на платформе *e-governance*, которая будет функционировать на официальном сайте монгольского парламента. Платформа позволит пользователям участвовать в дискуссиях, отправлять онлайн-петиции, а также наблюдать за их исполнением [Carrasco Lucía 2015].

Фонд монгольских женщин (Mongolian Women's Fund / MONES) (далее — ФМЖ), созданный в 2000 г., является некоммерческой организацией. В числе основателей фонда можно назвать Н. Чинчулуун, которая, получив юридическое образование в начале 1990-х гг., стала активистом по правам человека. До 2013 г. она работала в качестве исполнительного директора ФМЖ. В настоящее время Совет директоров фонда возглавляет Ш. Цэвэлмаа. Основной целью организации является содействие женщинам в их развитии и улучшении уровня благосостояния, а также активизации участия женщин в процессах принятия решений. На базовом уровне фонд поддерживает развитие женских организаций на местах, оказывает помощь женщинам из уязвимых групп населения в получении устойчивого дохода за счет развития таких дополнительных навыков, как изготовление войлочной продукции, ручные ремесла, выпечка, производство молочных продуктов, а также содействует получению стартового капитала и оборудования. Кроме того, фонд оказывает помощь в проведении мероприятий по повышению уровня правовой информированности женщин. На институциональном уровне их поддержка выражается в создании организационного потенциала посредством подготовки профессиональных кадров, технической поддержки и административных расходов. На политическом уровне ФМЖ поддерживает научно-исследовательскую работу, включая публикации и конференции, а также проводит мероприятия по информированию общества о женских вопросах и проблемах [Mongolian Women's...; The Collective Action...].

Начиная с 2000 г. фонд оказал поддержку 305 организациям и группам в виде грантов на общую сумму 700 тыс. долл. [Mongolian Women's...]. ФМЖ является единственной национальной организацией, которая работает по сбору средств и мобилизации ресурсов для обеспечения прав женщин, а также оказывает финансовую поддержку для достижения социальных изменений, расширения прав и возможностей женщин. Гранты выделяются по следующим направлениям: продвижение гендерного равенства и ликвидация дискриминации; женщины и менеджмент, подотчетность и прозрачность управления; женское движение и участие женщин в принятии решений; расширение прав и возможностей девушек и

молодых женщин; поддержка женщин в решении проблем изменения климата. ФМЖ является активным членом таких международных организаций, как International Women's Funds Network, Women's Funding Network, the Grantmakers without Borders, Asian Network of Women's Funds.

Женские организации успешно осуществляют пропагандистско-правозащитную деятельность в целях защиты интересов женщин в рамках законодательства Монголии. Монгольская Ассоциация женщин-юристов была основана в 1992 г. для защиты прав женщин, в частности прав женщин-адвокатов, и оказания всем монгольским женщинам юридической помощи. При поддержке Азиатского Фонда Ассоциацией была разработана судебно-правозащитная программа для продвижения прав женщин посредством подготовки и рассмотрения прецедентных дел в ключевых областях дискриминационной практики. К середине 1990-х гг. одним из направлений деятельности женских НПО была борьба с насилием в отношении женщин, ставшим насущной проблемой для современного монгольского общества. Деятельность некоторых женских НПО имела конкретную направленность на борьбу с домашним насилием. В 1995 г. тремя организациями — Монгольским Фондом женщин-либералов, движением «Женщины за социальный прогресс» и Ассоциацией женщин-юристов — был создан «Центр против насилия», основание которого стало важным шагом в решении проблемы насилия в семье юридическими способами и оказании социальной помощи. В январе 1998 г. Центр стал автономным учреждением и был перерегистрирован как «Национальный центр против насилия». Центр стал специализированной женской организацией, которая предоставляет информационные, образовательные услуги женщинам, а также проводит исследования по состоянию и динамике уровня домашнего насилия в Монголии. Кроме того, Центр оказывает юридическую и психологическую помощь жертвам насилия и предоставляет им убежище [Буямбаев 2013; Ole Odgaard 1996; Цэцэгжаргал 2009].

Национальная сеть монгольских женских НПО (далее — Монфемнет) была основана в 2000 г., после чего была реорганизована в 2007 г. В своей деятельности Монфемнет в большей степени применяет феминистский и демократический подхо-

ды, ориентированные на права человека. С 2006 г. Монфемнет в сотрудничестве с ФМЖ организует форум «Глазами женщин». Форум проводится с целью обмена опытом и развития стратегических и коллективных действий с учетом гендерного аспекта и на основе общих ценностей, а также анализа политической, экономической, социальной, культурной и правовой ситуации в Монголии. Участниками данного Форума стали около 300 человек, включая женщин-активистов, представителей гражданского общества, а также представителей государственных институтов [MONFEMNET...; Tseden 2012].

Участие общественности в формировании национальной системы законодательства имеет решающее значение для становления демократического общества. Женские НПО играли активную роль в формировании национального законодательства, что обеспечивало более эффективное представление интересов женщин и защиту их прав в условиях формирования правовой системы Монголии. Ярким примером участия женских НПО в законодательном процессе стала разработка Закона о неправительственных организациях Монголии, принятого в 1997 г. Неправительственная организация — это организация, учрежденная частным лицом и / или другим юридическим лицом (организацией) без участия правительственных институтов и осуществляющая свою деятельность на основании устава и за счет самофинансирования. Собственные средства НПО состоят из членских взносов, привлеченных средств, в том числе частных и корпоративных взносов, частных и государственных грантов, доходов, полученных в ходе ведения хозяйственной деятельности и т. п. Деятельность неправительственной организации направлена на благо общества в области культуры, искусства, образования, науки, здравоохранения, спорта, на охрану природы и окружающей среды, развитие общества, защиту прав человека, интересов конкретных групп населения, благотворительность [Төрийн бус 1997].

Уровень активности и влияния женских неправительственных организаций, одной из целей которых является обеспечение людей социальной защитой, возрастает. Женские неправительственные организации активно участвуют в законотворческой деятельности, в решении вопросов безрабо-

тицы, информатизации и иных проблем на местном и общегосударственном уровнях.

Движение «Женщины за социальный прогресс» работало с секретариатом Парламента по реализации нового избирательного законодательства, что стало первым опытом работы государственного учреждения и неправительственной организации в одной рабочей группе. Это имело большое значение, поскольку данный опыт деятельности расширил сферу интересов НПО, позволяя выйти за строго гендерные рамки в своей деятельности.

Экономическое, социальное неблагополучие переходного периода в монгольском обществе породило такие «женские» проблемы, как насилие в семье, торговля женщинами и детьми, проституция. Национальный центр по борьбе с насилием, Ассоциация монгольских женщин-юристов и другие НПО активно занимались организацией мероприятий по повышению уровня информированности общественности и созданию благоприятной обстановки в борьбе с насилием в семье, пропаганде необходимости формирования нового законодательства, регулирующего данный вопрос. Эти усилия привели к принятию Великим Государственным Хуралом «Закона о борьбе с насилием в семье» в 2004 г. [Цыпилова 2015], что стало значительным успехом для Национального центра против насилия и ее партнеров. В монгольском обществе бытовое насилие стало восприниматься не только как широко распространенная социальная проблема, но и как уголовное преступление [Буямбажав 2013].

В 2002 г. была принята «Национальная программа обеспечения гендерного равенства». Данный шаг свидетельствовал о принятии конкретных мер по борьбе с насилием в отношении женщин, поддержке развития женщин в сельских районах, поощрению участия женщин в политической жизни и расширению их экономических прав, обеспечению равного доступа к технологиям и созданию национального механизма поощрения прав женщин. Женские НПО также были включены в координационную группу для обеспечения надлежащего внимания к гендерным проблемам [Цыпилова 2015].

В последнее время женские НПО начали уделять особое внимание проблеме торговли людьми, особенно женщинами и детьми. Лишь ограниченное количество НПО могло предоставить пострадавшим людям такие

необходимые услуги, как правовая помощь, жилье и психосоциальная поддержка. При активной деятельности женских НПО в 2008 г. в Уголовный кодекс Монголии были внесены изменения, в которых в соответствии с международными стандартами было дано более точное определение понятию «торговля людьми» [Tseden 2012].

В 2011 г. после двух десятилетий активной пропагандистской деятельности женских НПО и роста гражданских инициатив в Монголии был принят «Закон о гендерном равенстве». Целью Закона является обеспечение равенства женщин и мужчин во всех сферах деятельности (политической, правовой, экономической, культурной и социальной), а также запрет на любую форму дискриминации.

Для переходного периода в развитии страны по сравнению с социалистическим этапом было характерно резкое уменьшение доли женщин, участвующих в принятии решений на всех уровнях власти. Женскими организациями принимались активные меры по реализации своих законных прав. Например, в 2000 г. 27 женских общественных организаций объединились в коалицию с целью увеличения числа женщин в органах управления. 7 из 72 женщин-кандидатов в депутаты выиграли парламентские выборы в 2000 г., в том числе благодаря такой поддержке [The Field of Women's...]. В результате нескольких лет диалога между группой женских НПО, обществом и государством им удалось достигнуть соглашения. В 2012 г. в целях исполнения своих обязательств, связанных с обеспечением гендерного равенства и расширением прав и возможностей женщин, Правительство Монголии приняло решение о достижении минимального 20 % уровня представительства женщин в национальном парламенте. Квотирование мест стало одним из значимых способов гарантировать женское участие в государственном управлении и процессе принятия решений на всех уровнях власти для предоставления прав и свобод наиболее уязвимым группам населения, таким как женщины, дети, пожилые люди.

На сегодняшний день монгольские женщины представляют собой значительную движущую силу в формировании правового демократического общества. Деятельность женских НПО способствует утверждению в обществе принципов гендерного равенства. Разнообразие интересов и сфер дея-

тельности позволяет женским НПО иметь совместные проекты с другими организациями в различных сферах. В целом монгольские женские НПО представляют собой децентрализованную и относительно плотную сеть, однако имеют хороший потенциал для проведения коллективных кампаний и эффективной координации.

Литература

- Антология гендерных исследований. Сб. пер. / сост. и комментарии Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. Минск: ПроPILEI, 2000. 140 с.
- Гринберг И. Я. Исторический опыт решения женского вопроса в Монгольской Народной Республике (1921–1961 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ташкент, 1987. 21 с.
- Либерал Эмэгтэйчүүдийн Оюуны Сан [электронный ресурс] // URL: <http://www.leos.mn> (дата обращения: 22.08.2016).
- Төрийн бус байгууллагын тухай 1997. Улаанбаатар хот [электронный ресурс] // URL: <http://www.legalinfo.mn/law/details/494> (дата обращения: 20.08.2016).
- Цыпилова С. С. Женский вопрос в государственной политике Монголии (1924–2000-е гг.). Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2015. 181 с.
- Цэцэгжаргал Ц. Монголын эмэгтэйчүүд ХХ зүүнд: хувьсал, өөрчлөлт. Улаанбаатар, 2009. 147 с.
- Vyambajav D. A. Network Approach to NGO Development: Women's NGOs in Mongolia // The International Journal of Not-for-Profit Law. 2013, Vol. 15. Iss. 1. March [электронный ресурс] // URL: http://www.icnl.org/research/journal/vol15iss1/art_4.htm (дата обращения: 10.07.2016).
- Carrasco Lucia, Dobson Christen. Collective Change: The Value of Mobilizing Local Resources for Women's Rights in the Global South and East Scherer. 2015 [электронный ресурс] // URL: <http://inwf-resourcecenter.org> (дата обращения: 10.07.2016).
- MONFEMNET [электронный ресурс] // URL: <http://www.monfemnet.org> (дата обращения: 22.08.2016).
- Mongolian Women's Fund [электронный ресурс] // URL: <http://mongolianwomensfund.mn/en> (дата обращения: 10.07.2016).
- Ole Odgaard. Women and poverty during the transition // Mongolia in transition: old patterns, new challenges. London, New York, 1996 [электронный ресурс] // URL: <https://books.google.com/books?isbn=0700704418> (дата обращения: 15.07.2016).
- Sanders Alan J. K. Historical Dictionary of Mongolia. Third Edition. Scarecrow Press, 2010 [электронный ресурс] // URL: http://books.google.ru/books/about/Historical_Dictionary_of_Mongolia.html (дата обращения: 15.08.2016).
- The Collective Action of Mongolia's Women [электронный ресурс] // URL: <http://thewip.net/2012/09/21/the-collective-action-of-mongolias-women> (дата обращения: 15.07.2016).
- The Field of Women's Organizing in Mongolia: Possibilities of a Feminist Movement Ulaanbaatar, Mongolia. 2009 [электронный ресурс] // URL: <http://www.issueab.org/resources/24692/24692.pdf> (дата обращения: 16.07.2016).
- Tseden T. Women's NGOs in Mongolia and their Role in Democratization // VNU Journal of Sciences, Social Sciences and Humanities. 2012 № 5E [электронный ресурс] // URL: <http://js.vnu.edu.vn/index.php/SSH/article/viewFile/1408/1372> (дата обращения: 15.07.2016).

References

- Antologiya gendernyh issledovaniy. Sb. per., sost. i kommentarii E. I. Gapovoj i A. R. Usmanovoj.* [Anthology of Gender Studies. Edit. by E. I. Gapova and A. R. Usmanova]. Minsk, Propilei Publ., 2000, 140 p. (In Russ.).
- Grinberg I. Ya. *Istoricheskij opyt resheniya zhenskogo voprosa v Mongol'skoj Narodnoj Respublike (1921–1961 gg.)* [The historical experience of solving women's issues in the Mongolian People's Republic (1921–1961). A Ph.D. thesis abstract]. Tashkent, 1987, 21 p. (In Russ.).
- Tsypilova S. S. *Zhenskij vopros v gosudarstvennoj politike Mongolii (1924–2000-e gg.)* [The women's issue in the state policies of Mongolia (1924–2000)]. Ulan-Ude, 2015, 181 p. (In Russ.).
- Törijн бус байгууллагын тухай 1997* [The 1997 Law of Mongolia on Non-Governmental Organizations]. Ulaanbaatar. Available at: <http://www.legalinfo.mn/law/details/494> (accessed: 20 August 2016) (In Mong.).
- Tsetsegzhargal Ts. *Mongolyn emegteichүүд 20 зүүнд: хувьсал, өөрчлөлт* [Mongolian women of the 20th century: the revolution, transformation]. Ulaanbaatar, 2009, 147 p. (In Mong.).
- LEOS (Liberal Women's Intellectual Organization). Available at: <http://www.leos.mn> (accessed: 22 August 2016) (In Eng.).

- MONFEMNET (Mongolian Women's National Network). Available at: <http://www.monfemnet.org> (accessed: 22 August 2016) (In Eng.).
- Byambajav D. A. Network Approach to NGO Development: Women's NGOs in Mongolia. *The International Journal of Not-for-Profit Law*, 2013. Vol. 15. Iss. 1, March. Available at: http://www.icnl.org/research/journal/vol15iss1/art_4.htm (accessed: 10 July 2016) (In Eng.).
- Carrasco Lucía, Dobson Christen. Collective Change: The Value of Mobilizing Local Resources for Women's Rights in the Global South and East Scherer. 2015. Available at: <http://inwf-resourcecenter.org> (accessed: 10 July 2016) (In Eng.).
- Mongolian Women's Fund. Available at: <http://mongolianwomensfund.mn/en> (accessed: 10 July 2016) (In Eng.).
- Ole Odgaard. Women and poverty during the transition. *Mongolia in transition: old patterns, new challenges*. London, New York, 1996. Available at: <https://books.google.com/books?isbn=0700704418> (accessed: 15 July 2016) (In Eng.).
- Sanders Alan J. K. *Historical Dictionary of Mongolia*. Third Edition. Scarecrow Press, 2010. Available at: http://books.google.ru/books/about/Historical_Dictionary_of_Mongolia.html (accessed: 15 August 2016) (In Eng.).
- The Collective Action of Mongolia's Women. Available at: <http://thewip.net/2012/09/21/the-collective-action-of-mongolias-women> (accessed: 15 July 2016) (In Eng.).
- The Field of Women's Organizing in Mongolia: Possibilities of a Feminist Movement Ulaanbaatar, Mongolia. 2009. Available at: <http://www.issuelab.org/resources/24692/24692.pdf> (accessed: 16 July 2016) (In Eng.).
- Tseden T. Women's NGOs in Mongolia and their Role in Democratization. *VNU Journal of Sciences, Social Sciences and Humanities*, 2012, No. 5E. Available at: <http://js.vnu.edu.vn/index.php/SSH/article/viewFile/1408/1372> (accessed: 15 July 2016) (In Eng.).

УДК 94(517)

ЖЕНСКИЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ

Снежана Сергеевна Цыпилова¹

¹ кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Центр восточных рукописей и ксилографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: ai_qing@mail.ru.

Аннотация. Данная статья посвящена женскому движению в Монголии на современном этапе. Автор отмечает, что женское движение в Монголии развивалось в сотрудничестве с международными организациями. Дана характеристика деятельности первых женских неправительственных организаций в постсоциалистической Монголии. Отмечается возрастающее влияние монгольских женских НПО в общественно-политической жизни страны. Деятельность женских НПО в Монголии направлена на решение гендерных проблем, в том числе насилие в отношении женщин, дискриминация и др. Кроме того, она также призвана помочь людям адаптироваться к новому порядку и использовать их преимущества. Женские неправительственные организации активно участвуют в законотворческой деятельности, решении вопросов безработицы, информатизации и иных проблем на местном и общегосударственном уровнях, обеспечении наименее защищенных слоев населения социальной защитой. Монгольские женщины представляют собой значительную движущую силу в формировании правового демократического общества. В то же время монгольские женские НПО представляют собой децентрализованную, достаточно плотную сеть организаций. Однако разнообразие интересов и областей деятельности позволяет женским НПО иметь совместные проекты с другими организациями в различных сферах.

Ключевые слова: Монголия, женщины, неправительственные организации, право, гендер.

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is.4, pp. 48–58, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-48-58
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 391

The Colour Symbolism of the Oirat National Costume Revisited

Elza P. Bakaeva¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Chief Research Associate, Department of Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: elzabakaeva@yandex.ru.

Abstract

The article analyzes the colour symbolism in the clothing of Oirats of Mongolia. The paper shows that the Oirat men's costume was characterized by combinations of white and black which stand for the key colour opposition in the culture of all Mongolian peoples. The Oirat women's costume contained various colours and, in general, when it came to colour preferences, specific ethnic priorities based on certain symbolism could be traced. The article provides data confirming the facts of definite colour priorities within the traditional women's costume of Oirat peoples alongside with corresponding field data according to which black in the Olot (mong. *Ööld*) women's costume symbolically stands for the 18th century Oirat-Manchu confrontation. At the same time, presence of black '*berz*' in the Hobuksar Torghut women's costume testifies that the symbolism of black is ancient enough and it was not perceived as a mourning colour. The same is the case for the traditional felt high boots of Torghuts residing in Mongolia and the PRC where black boots are viewed as ceremonial while white ones are considered casual; folk songs also relate that folk heroes used to wear black folded garments.

Clothing differences — and specifically the colour symbolism — were paid much attention to, and the '*Tsaajin Bichig*', a code of laws and regulations adopted by the Qing for their subordinate Mongols, established that should there arrive new groups of Mongols designated as "border crossers" it was necessary to identify and refer them to one of the four social categories as confirmed by the laws and — provide them with certain garments. The Oirat peoples have retained specific features of their traditional culture which is due to a numbers of reasons, such as remoteness from territories inhabited by Mongols as well as peculiarities of their natural surroundings and economy. The article describes some features of patterns and colour characteristics of various men's and women's garments ('*deel*', '*lavshig*', '*terleg*', '*tsegdeg*') in the traditions of the Dörbets, Torghuts, Bayids, Myangads and other Oirats of Western Mongolia. It is concluded that the patterns of women's garments are most archaic though diverse types of fabric started being applied; while the men's costume that kept being made of traditional materials — sheep- or lambskins — with black cloth used to face it generally resembles the Mongolian '*deel*' and, thus, has supposedly experienced some changes.

Keywords: Mongolian peoples, Oirats, clothing, color symbolism, *tsegdeg*, *terleg*, legend.

Для монгольской средневековой историографии характерно устойчивое понятие «пять цветных народов», которое обозначало разные народы в соответствии с цветовой символикой: синие монголы, белые корейцы, черные тибетцы, желтые туркестанцы, красные китайцы. Имеются разные мнения о происхождении этого понятия. Одни ученые считают, что символическая связь разных народов с определенными цветами является проявлением геосимволики. Так, А. Н. Кононов отмечает, что для монголоязычных и тюркоязычных народов Евразии характерно следующее соотнесение народов и сторон света: север — черный, юг — красный, восток — голубой, запад — белый, центр — желтый [Кононов 1978: 160]. Другие исследователи придерживаются мнения, что для любого из народов единая цветовая геосимволика не может быть приемлема: группы народов включают разные этносы с их специфичной культурой, а в течение длительного хронологического периода могла измениться ориентация, как у монголов — с востока на юг [Михайлов 1996: 106–107]. Имеются и иные предположения, о которых пишет в одной из своих работ Н. Л. Жуковская [2002: 198], обращая внимание на то, что монголы, обозначая себя синими, помещали себя на востоке, что «противоречит общепринятому этноцентристскому правилу, согласно которому каждый народ, осваивая окружающее пространство, помещает в центр его себя, а всех остальных располагает вокруг по периферии, сочетая концентрическую организацию с линейной» [Жуковская 2002: 195]. Ученый считает, что в формуле «пять цветных народов» могли соединиться разные традиции, и приводит свою версию, согласно которой понятие «пять цветных народов» происходит не от цветовой геосимволики, а связано с цветом национальной одежды монголов и соседних с ними народов: «преобладающим цветом одежды монголов в средние века был синий, тибетцев — черный, корейцев — белый, тюркоязычного населения Туркестана — красно-желтый и желтый, а начиная с воцарения в Китае династии Мин (1368–1644) — ее официальным цветом-символом стал красный...» [Жуковская 1994: 81–82; 2002: 197].

В XX в. произошли значительные трансформации во всех сферах общества, что не могло не сказаться и на материальной культуре монгольских народов, включая

одежду, в изготовлении которой стали использоваться ткани разных цветов и качества: культура ткани развивается в мире стремительно. Но цветовое определение «синие монголы» по-прежнему характеризует значительное место синего цвета в монгольской символике: синий — это, прежде всего, цвет Неба, а также моря, океана. В культуре других монгольских народов, в том числе ойратов Монголии, КНР и калмыков России, синий цвет также является широко почитаемым. Вместе с тем в культуре всех перечисленных народов важное значение придается белому — сакральному цвету, символизирующему счастье и благополучие, чистоту, высокое положение в обществе и др. Обратим внимание на цветовую символику такого значимого символа в культуре, как *хадак* — обычно шелковый шарф, предназначенный для почетных подношений. У монголов, ойратов Монголии и КНР, бурят наиболее распространенным цветом является синий, тогда как у калмыков используются хадаки белого цвета. Белый цвет в культуре монгольских народов, как и синий, — цвет священный, он связан с верхним миром, считается с древних времен «матерью всех цветов».

В культуре ойратских народов зафиксированы определенные взаимосвязи между народностями и предпочтительным цветом одежды. При этом некоторые информанты сообщают, что на ойратский костюм оказало влияние пребывание в составе Цинской империи: в тот период разные ойратские народы «были обязаны носить одежду одного типа, но разных цветов, что соответствовало стремлению ввести этноразграничительные символы в системе традиционного костюма родственных народов» [Бакаева 2013: 100]. Действительно, в период пребывания монгольских народов в составе цинского Китая в их культуре появился ряд знаков, регламентирующих положение человека в обществе, в том числе знаки отличия в одежде. Например, чиновники имели знаки отличия на головных уборах в виде шариков разного цвета [Цааджин бичиг 1998: 67, 85, 101]). Отличиям в одежде, в том числе цветовой символике, уделялось большое значение, и законы Цинской империи «Цааджин бичиг», принятые для монголов, устанавливали, что в случае прибытия на территорию государства новых групп монголов, которых называли перебежчиками, следовало определить их принадлежность к одной из

описанных законом четырех категорий людей, а затем выдать им определенную одежду [Цааджин бичиг 1998: 91]. В «Цааджин бичиг» содержатся и другие статьи, в которых указываются случаи, когда монгольским представителям выдавали какие-либо подарки и поощрения. Во всех этих случаях (в дополнение к перечисляемым шелку и парче при одаривании высокопоставленных монголов) упоминается «материя черного цвета», которую выдавали всем прибывавшим, например ст. 124: «Если придут <...> с ежегодной данью, то выдавать правителям хошунов, тайджи, мэирэну-дзанги по два куска шелка и двенадцать кусков черной материи...» [Цааджин бичиг 1998: 92]; ст. 143: «Всем прибывающим в столицу из всех хошунов внешних провинций за известиями в каждый сезон выдавать в качестве награды по одному куску шелка и по восемь кусков черной материи...» [Цааджин бичиг 1998: 102]. Постоянное упоминание ткани черного цвета, которую выдавали разным представителям монгольского мира, позволяет предположить, что одежда такого цвета использовалась монголами.

Одежда, сшитая из ткани черного цвета, в культуре ойратов встречалась нечасто (такие примеры рассмотрим далее). Отдельные исследователи, описывая одежду ойратов, отмечают, что ее могли шить из тканей разных цветов. Так, Ц.-Д. Номинханов приводит данные, что при шитье *тэрлэг* и *цэгдэг* у дербетов запрещаются только красный и желтый цвета [Номинханов 2016: 40]. И. Лхагвасурэн пишет, что для отделки женских шуб, покрытых тканью, у алтайских урянхайцев использовались ткани разных цветов [Лхагвасурэн 2013: 77]. Вместе с тем отмечается частое использование в мужской одежде ойратов сочетания белый–черный, а в женской одежде отмечены этнические приоритеты в выборе цвета.

Приведем конкретные примеры. У ойратских народов сохранились специфические черты их традиционной культуры, что определено рядом факторов, среди которых немалую роль играли их отдаленное расселение от монголов, а также особенности природного окружения и хозяйства. Так, по сведениям Ц.-Д. Номинханова, ойраты-дербетов до самого начала XX в. большую часть года носили утепленную или легкую шубу *дэвэл*, причем бедные слои и люди старше 40–50 лет предпочитали носить только шубу, а в летнее время носили *лав-*

шиг, край которого повторял край *дэвэл*. Использование тканей в мужской одежде, носившейся большую часть года, не было необходимо, и в костюме ойратов сохранилась традиция шитья *дэвэл* из овчин или шкурок ягнят. Присутствие белого цвета в мужской зимней одежде, по-видимому, определило и приоритетное использование ткани белого цвета (в литературе упоминается чесуча, которая в естественном виде имеет желтоватый цвет) в летнем варианте мужского костюма, называемого *лавшиг*.

По данным монгольских исследователей, мужчины носили либо теплую шубу *дэвэл* из овчины, либо легкий с круглым воротником *лавшиг* белого цвета (с синим поясом), для которого была характерна отделка плисом или бархатом черного цвета, рукава завершались круговыми обшлагами черного цвета [Баасанхүү, Батмөнх 2010: 81; Номинханов 2016: 38–41; Амгалан 2008: 74]. Край *лавшиг* повторял край зимней шубы и был нешироким внизу. Зимнюю мужскую шубу дербетов шили без разрезов по бокам, а в летнем *лавшиг* имелась особая деталь, характерная для мужского костюма ойратов, — разрез внизу по бокам [Аюуш 2012: 70]. Особенность мужского *лавшиг* дербетов — невысокий разрез, который традиционно отделяли по краю черной тканью, а верх украшали и одновременно укрепляли узкой прямоугольной полоской и над ней треугольником красного или черного цвета [Амгалан 2008: 74; Баасанхүү, Батмөнх 2010: 81–82].

Баитский мужской *лавшиг* — также белого цвета, что повторяет цвет одежды, носившейся большую часть года. Он имеет, как и дербетский костюм, отделку черного цвета из плиса или бархата; со спинной части от пояса тоже должна быть отделка черной тканью, воротник и обшлага округлые, из черного плиса. В литературе отмечается, что баитские мужчины могли носить и *лавшиг* синего либо черного цвета [Амгалан 2008: 79; Баасанхүү, Батмөнх 2010: 75]. Разрез на *лавшиг* невысокий, как у дербетов; этническая деталь: над ним обычно прикрепляли круг из ткани с вышитым изображением орнаментального узора.

Для **торгутов**-мужчин монгольские исследователи также считают характерными *тэрлэг* (или *лавшиг*) белого цвета с отделкой из черной ткани типа плиса и бархата по краям, но в этом этническом варианте не фиксируют наличие обшлагов на рукавах.

По бокам в летней одежде должен быть короткий разрез, отделанный черной тканью, скроенной в виде прямоугольника, а над разрезом торгуты в отличие от дербетов и баитов нашивают две параллельные полосы из такого же черного плиса или бархата [Амгалан 2008: 40].

Захчины так же, как и торгуты, носили одежду, называвшуюся *лавишиг* или *тэрлэг* (монг. *дээл*) — зимой меховой, в переходный период — легкий вариант, а в теплое время — из белой ткани. Отделка, как и у других ойратов, из черной подобной же ткани, причем *лавишиг* имел черные обшлага или манжеты. Разрез сбоку — недлинный, около 30 см («*нэг төө¹, нэг мухар сөм²*») — отделяется по краю черным бархатом или плисом, а в верхней части — изогнутым рисунком типа трилистника или рогов [Амгалан 2008: 29]. Нужно отметить, что такие же по длине разрезы характерны для *лавишиг* дербетов, олётгов, торгутов [ПМА: Баасанхүү].

Мингатское мужское платье называлось *тэрлэг*, шили его тоже из ткани белого цвета, воротник по цвету соответствовал головному убору, а отделка всегда из черного плиса / бархата, хотя при этом манжеты изготавливали из голубой ткани. Особенность мингатского мужского *тэрлэг* состоит в том, что на нем не делают разрезы по бокам. Это означает, что крой его должен быть расширен книзу. Другая особенность заключается в том, что верх соответственно шьется из двух частей, со швом посередине, и борт *энгэр* с выступом, отделяемый черной тканью, в верхней части доходит только до центра полочки [Амгалан 2008: 61]. В отличие от мингатского *дээл*, у других ойратских народов черным плисом (бархатом) отделяется вся плечевая часть.

Олётгы шили зимние шубы, как и другие народы, из белых овчинных шкур или из шкур ягнят, отделявая края (кроме боковых разрезов [Амгалан 2008: 66]) черным плисом [Батнасан 2012: 133]. Олётгы-мужчины также носили голубого цвета *дээл* с голубыми круглым воротником и манжетами, с квадратным вырезом.

Наконец, *дээл* мужчин-урянхайцев — белого цвета, зимнее — из овчины, лет-

¹ *Төө* — мера длины, расстояние от кончика большого пальца до кончика среднего пальца.

² *Мухар сөм* — мера длины, расстояние от кончика большого пальца до края сложенного указательного пальца.

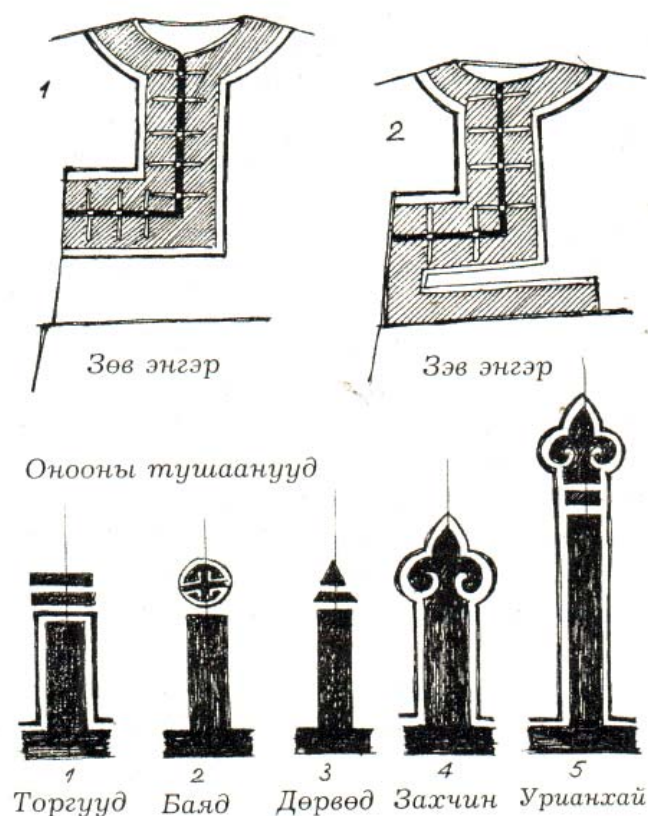
нее — из ткани, в прошлом чесучи, с отделкой черным плисом, без манжет, вырез по бокам очень высокий, что урянхайцы объясняют необходимостью конной езды. Отделка выреза по бокам имеет рисунок *угалз* ‘завитки’, сходный с захчинским [Амгалан 2008: 51]. Ширина отделки — четыре пальца, что составляет довольно широкую кайму [Баасанхүү, Батмөнх 2010: 64].

Таким образом, в целом для мужского костюма всех ойратских народов Монголии характерно использование белого и черного цветов (овчинных шкур для *дэвэл* (монг. *дээл*) либо ткани белого цвета для летнего *лавишиг* и отделки черным плисом или бархатом, что соответствует главной цветовой оппозиции в культуре монгольских народов: «белый—черный». Отделка темной каймой шуб из овчины, в принципе, способствует их более длительному использованию, меньшей загрязненности краев. Вместе с тем, можно было бы предположить, что постоянное использование именно черной ткани, в том числе в летнем *лавишиг*, могло явиться следствием каких-либо предписаний маньчжурских властей, судя по упоминанию о выдаче одежды черного цвета и тканей черного цвета в разных случаях представителям монголов. Однако это предположение невозможно принять, если учесть, что в эпических песнях «Джангара» упоминается *лавишиг* именно черного цвета, в которые облачаются богатыри [Джангар 1990: 13].

При общем сходстве мужского костюма ойратов (с некоторыми отличиями) ярким внешним отличительным элементом явились наличие или отсутствие обшлагов на рукавах, а также оформление разреза по бокам декором определенного типа (см. рис., прорисовка А. Баасанхүү³).

В женском костюме ойратов сложились другие особенности цветовой гаммы одежды и соответственно декоративной тесьмы либо каймы, ткани, которой отделяли женскую одежду. Так, **дербетские** женщины носили *тэрлэг* синего, голубого или черного цветов, расширяя его спереди по центру и на манжетах тесьмой (шнурами) или тканью, причем сочетание цветов соответствовало цветам радуги, воротник зачастую делали [Баасанхүү, Батмөнх 2010: 81]. *Цэгдэг* соответствовал цвету нижнего

³ В приведенном рисунке А. Баасанхүү также изображен *зөв энгэр* — левый борт женского платья ойраток, который является отличительным элементом их костюма.

платья, и по всему краю (кроме подола) его также декорировали каймой цветов радуги [Амгалан 2008: 72].

Баитские женщины носили коричне-вый, светло-коричневый, зеленый *тэрлэг* [Баасанхүү, Батмөнх 2010: 75], низ и края которого обязательно отделявали черной каймой из плиса. Отличие баитского *тэрлэг* — широкий рукав (до 60 см [Амгалан 2008: 76]), низкий манжет, большой белый воротник [Баасанхүү, Батмөнх 2010: 75].

Замужние женщины-**торгутки** Монголии носили ниже платье *тэрлэг* голубого, синего, черного, а также зеленого цветов, а *цэгдэг*¹ (верхняя безрукавка) торгутов по цвету соответствовал нижнему платью *тэрлэг* [Амгалан 2008: 36–37]. Но хобуксарские² торгутки предпочитали платье коричневого цвета типа *тэрлэг*, которое называли

*бишмүд*³, не надевая на него *ууж* или *цэгдэг*⁴, а пожилые женщины из этой группы носили почетную (или церемониальную)

³ Крой традиционный для *тэрлэг*, воротник-стойка, край отделявали геометрическим узором, как бы простеганным белой нитью, по вырезу отделка соответствовала оформлению бортов *тэрлэг*.

⁴ В этой связи отметим: то, что хобуксарские женщины не носят *цэгдэг*, не означает, что он не характерен для культуры синьцзянских, в том числе хобуксарских, торгутов. У синьцзянских торгутов зафиксирован обычай, согласно которому после нескольких лет одевания *цэгдэг* женщина могла официально получить разрешение не носить его [Сарангэрэл 2008]. Таким образом, во время свадебных церемоний *цэгдэг* являлся обязательной частью костюма замужней женщины, но его восприятие в контексте народных легенд синьцзянских ойратов как символа подчиненности и наказания (в «Цааджин бичиг» [1998: 74] ст. 74 говорит о наказании за прелюбодеяние, с чем и связана легенда о якобы имевшей место замене реального наказания женщине, нарушившей брачные обеты, традицией ношения *цэгдэг*) привело к тому, что появился обряд «снятия *цэгдэг*».

¹ Д. Тангад приводит сведения, что представители двух из пяти групп так называемых «новых» торгутов, расселившихся в Кобдоском крае в XVIII в. (*вангийн* и *бэйлин* торгуты) называют *цэгдэг* «*цээжмэг*» [Тангад 2012: 206].

² Группа торгутов, появившаяся в Кобдоском аймаке Монголии из Китая в 1940-х гг.

одежду *берзе* (ойр. *бэрз*) черного цвета — без воротника, с широким рукавом, впереди с завязками или тесьмой трех цветов (красный, синий, зеленый); *берзе* одевали в случаях, когда отправлялись к представителям высшего сословия и старейшинам либо ожидали их визита [Амгалан 2008: 44].

Захчинские женщины шили *тэрлэг*, по одним данным, из тканей голубого, синего и зеленого цветов, редко из красной или зеленой парчи, а *цэгдэг* — такого же цвета, причем на голубых *тэрлэг* и *цэгдэг* обычно использовали отделку красного и желтого цвета (по вырезу, запаху, воротнику и манжетам на *тэрлэг*, по всему краю подола, полка, а также разрезу сзади и проймам — на *цэгдэг*) [Амгалан 2008: 27–28], по другим — также использовали *тэрлэг* сине-черного цвета [Баасанхүү, Батмөнх 2010: 90]. Захчины сохранили старую традицию кроя женской шубы из белой овчины по тому же принципу, что и женское платье *тэрлэг* [Мэнэс 2012: 450], в отличие от других ойратов. Во-первых, это свидетельствует об их окраинном положении в ойратском мире, что определено социальными функциями группы, созданной для охраны границ государства, во-вторых — о том, что, вероятно, изначально крой *тэрлэг* был присущ именно зимней шубе *дэвэл* и связан с тем периодом, когда в качестве материала для одежды широко использовались мех и шкуры животных. Принцип кроя рукава *тэрлэг*, символизирующего ногу копытного животного, повторяет его форму и, возможно, изготавливался изначально из соответствующей части шкуры.

По данным М. Амгалана, *тэрлэг* в основном коричневого цвета (соответственно такого же цвета и *цэгдэг*) с круглым воротником был характерен для **алтайских урянхайцев**, у которых в отделке борта *энгэр* использовался основной тон — ткань красного цвета, декорированная узорчатой тесьмой [Амгалан 2008: 49]. И. Лхагвасурэн же отмечает, что женское платье шили из шелка разных цветов, сочетая цвет с расцветкой *цэгдэг* [2013: 77]. Особенность урянхайского платья в том, что края запаха на платье и низ обшиваются тканью черного цвета, на которой белыми нитками вышивают узор гусиных лапок. Как отмечают исследователи, о костюме замужних женщин-урянхаек другие народы шутят, что они — «*шоргоолжин цэгдэгтэй*» [Амгалан

2008: 49; Баасанхүү, Батмөнх 2010: 71], данное словосочетание М. Амгалан связывает с тонкостью платья (монг. *шоргоолжин* 1) ‘муравей’; 2) ‘фурункулез’ [БАМРС, IV 2002: 369]), хотя характер отделки *цэгдэг* (мелкая вышивка по краю на черном фоне белыми нитками) позволяет предположить, что имеется в виду и первое значение слова *шоргоолжин*.

От вышеперечисленных вариантов народного костюма отличается **мингатский**. Традиционная одежда женщин-мингатов — 1) красное *дээл* с большими буфами из той же ткани и синими в середине рукавами, нижняя часть которого может иметь разный вариант по цвету и отделке (например, красная с синими обшлагами); 2) тот же вариант, только с измененной расцветкой — синее *дээл* с красными рукавами. Особенность одежды мингатов — черный длинный *цэгдэг* или короткая безрукавка *хантааз* с красной по краям отделкой [Баасанхүү 2006: 23]. Длинный *цэгдэг* они именуют *морин ууж* ‘большая безрукавка *ууж*’: такое платье достигает земли, по бокам к нему на серебряных петлях привязывают платки пяти цветов [Амгалан 2008: 58]

До настоящего времени наиболее ярким примером этнически-специфической цветовой символики является женский костюм **олётгов**, у которых *тэрлэг* обязательно шьют из ткани красного цвета, а манжеты делают голубыми, при этом *цэгдэг* бывает только черного цвета (длинная безрукавка может быть впереди укороченной, в коротком варианте полы шьют косо срезанными) [ПМА: Э. Отгоондалай, Ц. Эрдэнэноён, Ж. Отгоон и др.]. При этом на длинный (но не короткий) *цэгдэг* в значимые дни одевают белый воротник, тогда как другие народности белый воротник одевают на *тэрлэг* (за исключением хобуксарских торгуток, которые носят *бишимүд* и *бэрз*)¹. М. Амгалан связывает факт ношения олётскими замужними женщинами *цэгдэг* именно черного цвета со скорбными временами джунгарско-маньчжурского противостояния: *Манжин үеийн их уй гашуудлас улбаалан хар онгийн ууж омсдог болжээ* ‘Памятуя о великой скорби и печалях маньчжурского времени, стали носить *ууж* черного цвета’ [Амгалан 2008: 63].

¹ Воротник шьется большим, покрывающим плечи, для утяжеления краев пришиваются бусины из минералов или серебра, зачастую край воротника вышивается цветными нитками.

Г. Батнасан приводит две версии, которые бытуют среди старшего поколения олётгов, относительно появления косо срезанных краев короткой безрукавки (*богино цэгдэг*)¹: 1) они условно обозначали соски вымени кобылиц (*гүүний хөх дураалгасан*); 2) хойтский князь Амурсана приказал делать безрукавки такими в знак отличия олётгов [Батнасан 2012: 136].

В первом варианте зафиксирована архаическая символика женского костюма, и семантика *цэгдэг* связывается с ритуальным обозначением животного, что согласуется в целом с зооморфной символикой женского костюма ойратских народов. В женском костюме калмыков прослеживается эта же архаическая семантика: «Традиционный костюм женщины-калмычки являлся не только социальным, но и са-

кральным знаком культуры. Материалы обрядовой культуры калмыков, в отдельных ритуалах которой женщина-хозяйка дома семантически маркирует копытное животное, представляют дополнительный аргумент в пользу зооморфной символики женского костюма, имевшего распространение у ряда тюрко-монгольских народов...» [Бакаева 2016: 70].

Во втором варианте обоснования особого кроя *цэгдэг* у олётгов, отмеченном со слов пожилых информантов монгольским этнологом Г. Батнасаном, прослеживается стремление связать маркеры олётской культуры со значимыми событиями в истории народа. Таким поворотным событием в истории олётгов явилось ойрато-маньчжурское противостояние, за которым последовал разгром Джунгарского ханства.

На фото: Надом в сомоне Эрдэнэбүрэн Кобдоского аймака Монголии. Олётские девочки одеты в платья замужних женщин, так как именно эти платья являются одним из значимых символов этнической культуры олётгов. Фото Эрдэнэбадрахийн Отгоондалай.

С историческими событиями в Джунгарском ханстве и судьбой олётгов Галдан Бошогту-хана в народных представлениях связывается и символика костюма олётских

¹ Короткую безрукавку олётгы шили также из черной ткани с небольшим разрезом сзади, застежкой с 6 пуговицами и обязательными элементами: с левой стороны один платочек, с правой стороны — принадлежности для шитья *зуувч* и *хэвч* (футляры для наперстка и игл).

женщин в целом. Так, Ж. Отгоон, известная в сомоне Эрдэнэбүрэн благодаря своему рукоделию, дала некоторые разъяснения относительно цветовой символики комплекта из двух платьев олётских женщин. *Цэгдэг* должен быть сшит из черной ткани с желтой окантовкой, на него надевают большой белый воротник с 13 кисточками красного цвета (спереди шесть кисточек, сзади — семь), что символизирует три-

надцать вершин Алтая — родины олёт, которым поклоняются ойраты. Коричнево-красный цвет олётского *тэрлэг* символизирует кровь, пролитую их предками в войне с маньчжурами, а черный цвет безрукавки *цэгдэг*, одеваемой поверх, — знак скорби о подвластных Галдан Бошогту-хана, который сражался с врагами (*хар дайсиг дарлаа* ‘уничтожал черных врагов’), голубые же обшлага *тэрлэг* символизируют небо, которое явилось свидетелем этого противостояния и печали олёт: *хар дайниг улаан цусан дундуур туус гарах ирсэн учиртай* ‘причина [такого цвета одежды] в том, что [олёты] были в самом центре страшной (букв. черной) войны, полной красной крови’. Кроме того, по данным Ж. Отгоон, которая сослалась на своего учителя А. Баасанхүү (см. список ПМА), особая цветовая символика имела у олёт и в оформлении такого элемента костюма замужних женщин, как чехлы для кос (*үсни гэр*). Обычно эти чехлы, характерные для ойратских народов, были черного цвета. Олёты же пришивали на них полоски четырех цветов, каждая из которых символизировала одно время года: белый цвет — зиму, желтый цвет — осень, зеленый — лето, розовый — весну [ПМА: Отгоон].

Предпринятый краткий обзор цветовых вариаций, встречавшихся в традиционном костюме ойратов Монголии, позволяет сделать некоторые выводы.

1. Для мужского костюма всех ойратов было характерным сочетание белого и черного цветов — это наиболее важная цветовая оппозиция в культуре всех монгольских народов. В женском костюме ойратские народы использовали разные цвета, и, несмотря на сведения, в которых сообщается о применении тканей разных цветов представителями одного этноса, в целом прослеживаются характерные этнические приоритеты в выборе цвета, который имел особую символику. Последнее зафиксировано в легендах, которые бытуют и поныне в культуре ойратов и включают обоснование специфики этнических приоритетов в цветовой гамме народного костюма.

2. Наиболее архаичный крой имеет женская одежда, в которой стали использоваться разные ткани, а мужской костюм, который продолжали изготавливать из традиционного материала — овчины или шкур ягнят — и отделывали черной тканью,

в целом более соответствует крою монгольского *дээл*. Но следует обратить внимание на два момента. Во-первых, длина боковых разрезов на мужских *лавишиг* дербетов, торгутов, байтов, захчинов [ПМА: Баасанхүү] примерно одинакова и невелика (*нэг төө, нэг мухар сөм*, около 30 см), что не вполне соответствует их функции, которая определяется как необходимость легко взбираться на коня; в одежде алтайских урянхайцев более длинный разрез соответствует зафиксированной в их фольклоре мотивации. Во-вторых, поскольку крой захчинской женской шубы все же повторяет крой легкого платья ойраток *тэрлэг*, это свидетельствует о том, что зимние *дэвэл* и у мужчин, сохранившие раннюю цветовую символику, могли иметь также крой одежды южносибирского типа [Прыткова 1961]. Более того, ученые отмечают, что дербеты, захчины, мингаты и торгуты могли именовать свою одежду распашного типа и *лавишиг*, и *тэрлэг* [Амгалан 2008: 28, 74; Аюуш 2012: 70; Баасанхүү, Батмөнх 2010: 81] как платье замужних женщин с соответствующим кроем.

3. Черный цвет в культуре одежды ойратов связывается с маньчжурским периодом. Об этом свидетельствуют олётские легенды. Наличие черного длинного *цэгдэг* и в культуре мингатов, у которых другим этноспецифическим элементом является особая дверь в юрте (из синей кошмы с красным краем, простеганная белыми нитками), которую таковой (чтобы узнать своих подвластных, когда вернется) указал изготовивший один из главных лидеров антиманьчжурского восстания в 1755–1756 гг. князь Чингунжав, позволяет и в этом случае связать символику черного цвета с маньчжурским периодом и военными действиями против внешних врагов.

Вместе с тем наличие черного цвета *бэрз* в женском костюме хобуксарских торгутов свидетельствует о древней символике черного цвета, который не воспринимался в качестве «траурного». Об этом же свидетельствует использование торгутами Монголии и КНР национальных войлочных сапог *тооку* в качестве «выходных» или «парадных» — черного цвета, в качестве повседневных — белого цвета [Амгалан 2008: 46], а также упоминание в эпических песнях распашной одежды богатырей черного цвета [Джангар 1990: 13, 107; и др.].

Источники

- ПМА — Полевые материалы автора:
 Аюушин Баасанхүү. 1945–2015 гг., халх, бэсуд овогта, г. Кобдо, Монголия. Опрос 2014 г.
 Жандагийн Отгоон 1969 г. р., олётка, элжигид яста, сомон Эрдэнэбүрэн Кобдоского аймака Монголии. Опрос 2016 г.
 Цэндийн Эрдэнэноён, 1958 г. р., олётка, цагаан бичээчин овогта, сомон Эрдэнэбүрэн Кобдоского аймака Монголии. Опрос 2016 г.
 Эрдэнэбадрахийн Отгоондалай, олётка, хөхүү овогта, сомон Эрдэнэбүрэн Кобдоского аймака Монголии. Опрос 2016 г.

Литература

- Амгалан М. Баруун Монголчуудын эдийн соёлын дурсгалт зүйлс. Улаанбаатар: Монсудар хэвлэлийн газар, 2008. 212 т.
 Аюуш Ц. Дөрвөөд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 27–106.
 Баасанхүү А., Батмөнх Б. Монголын ойрадуудын соёл. Улаанбаатар: Ганн Принт ХХК, 2010. 385 с.
 Баасанхүү Бэсуд Аюушин. Монгол Алтайн бүс нутгийн ард түмний эдийн соёл. Улаанбаатар: Монгол Алтай судлалын хүрээлэн, 2006. 229 с.
 Бадамхатан С., Лхагвасүрэн И. Алтайн урианхай // Монгол Улсын угсаатны зүй. II боть. Уланбаатар: Монсудар, 2012. 396–399 х.
 Бадамхатан С., Нансалмаа Д. Мянгад // Монгол улсын угсаатны зүй (Ойрадын угсаатны зүй). II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 471–522.
 Бакаева Э. П. К вопросу о символике женского платья калмыков // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 68–71.
 Бакаева Э. П. Об особенностях традиционного костюма ойратов Монголии // Полевые исследования Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Вып. 1. Ойраты Монголии: история и культура. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 89–105.
 БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь / под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. М. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбе-ев. Т. 4. М.: Academia, 2002. 532 с.
 Батнасан Г. Баяд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 253–360.

- Дисан Т. Өөлд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 107–166.
 Джангар. Калмыцкий героический эпос. На калм. и рус. яз. М.: Наука, Главн. ред. вост. лит., 1990. 475 с.
 Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 248 с.
 Жуковская Н. Л. Цветочисловые композиции в монгольской культуре // Историко-этнографические исследования по фольклору. М.: Вост. лит., 1994. С. 77–85.
 Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник, 1975. М.: Наука, 1978. С. 159–179.
 Лхагвасүрэн И. Алтайские урянхайцы. Историко-этнографическое исследование (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 176 с.
 Михайлов В. А. Числовая символика бурят и монголов / Центральноазиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты. Улан-Удэ, 1996. С. 104–107.
 Ц.-Д. Номинхановын 1924–1925 онд Баруун Монголд хийсэн судалгаа-I. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК, 2016. 170 т.
 Прыткова Н. Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 227–328.
 Сарангэрэл. О «цэгдэг» и почитании невестки родственников мужа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 10–13.
 Тангад Д. Торгууд // Монгол улсын угсаатны зүй (Ойрадын угсаатны зүй). II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 167–251.
 Цааджин бичиг. «Монгольское уложение». Цинское законодательство для монголов 1627–1694 гг. М.: Вост. лит., 1998. 342 с.

Sources

- PMA — Author's field data:
 Ayushin Baasankhüü (1945–2015), a Khalkha Mongol (male) of the Besud ovog (clan), Khovd, Mongolia. Interview of 2014.
 Zhandagiin Otgoon (born 1969), an Ööld Mongol (male) of the Eljigid jasun (paternal lineage), Erdnebüren sum (district), Khovd Province, Mongolia. Interview of 2016.
 Tsendiin Erdenenoyon, (born 1958), an Ööld Mongol (female) of the Tsagaan Bicheechin ovog, Erdnebüren sum, Khovd Province, Mongolia. Interview of 2016.
 Erdenebadrakhiiin Otgoondalay, an Ööld Mongol (female) of the Khökhüü ovog, Erdnebüren sum, Khovd Province, Mongolia. Interview of 2016.

References

- Amgalan M. *Baruun Mongolchuudyn ediyn soyolyn dursgalt züyls* [The Western Mongols: samples of material culture]. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2008, 212 p. (In Mong.).
- Ayuush Ts. *Dörvööd* [The Dorbet people]. *Mongol ulsyn ugsaatny züy. II bot'* [Mongolian Ethnography. Vol. 2]. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2012, pp. 27–106 (In Mong.).
- Baasanhüü A., Batmönkh B. *Mongolyn oyraduudyn soyol* [Oirat-Mongolian culture]. Ulaanbaatar, Gann Print Ltd., 2010, 385 p. (In Mong.).
- Baasankhüü Besud Ayuushin. *Mongol Altayn büs nutgiin ard tümnij ediin soyol* [The material culture of Mongolian Altai residents]. Ulaanbaatar, Institute for Studies of the Mongolian Altai, 2006, 229 p. (In Mong.).
- Badamkhatan S., Lkhagvasüren I. *Altain urianhai* [The Altai Uriankhai people]. *Mongol ulsyn ugsaatny züy. II bot'* [Mongolian Ethnography. Vol. 2]. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2012, pp. 396–399 (In Mong.).
- Badamkhatan S., Nansalma D. *Myangad* [The Myangad people]. *Mongol ulsyn ugsaatny züy. II bot'* [Mongolian Ethnography. Vol. 2]. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2012, pp. 471–522 (In Mong.).
- Bakaeva E. P. *K voprosu o simvolike zhenskogo plat'ja kalmykov* [Revisiting the symbolism of the Kalmyk female dress]. *Gumanitarnaja nauka Juga Rossii: mezhdunarodnoe i regional'noe vzaimodejstvie. Mat-ly II Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. 75-letiju Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN (g. Elista, 14–15 sentjabrja 2016 g.)* [The Humanities of Southern Russia: International and Regional Cooperation. Proc. of the 2nd International research conference celebrating the 75th anniversary of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista, September 14–15, 2016)]. Elista, Publ. Depart. of the KIH of the RAS, 2016, pp. 68–71 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Ob osobennostjah tradicionnogo kostjuma ojratov Mongolii* [On the peculiarities of the national dress of Oirats residing in Mongolia]. *Polevye issledovanija Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN. Vyp. 1. Ojraty Mongolii: istorija i kul'tura* [Field Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. Iss. 1. Oirats of Mongolia: history and culture]. Elista, Publ. Depart. of the KIH of the RAS, 2013, pp. 89–105 (In Russ.).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' (BAMRS). V 4 tomah. Red. Luvsandjendjev A., Pjurbeev G. C., Cjedjendamba C.* [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary (BAMRS). In 4 vol. Edit. by A. Luvsandjendjev, G. Ts. Pyurbeev, Ts. Tsedendamba]. Moscow, Academia Publ., 2001–2002. Vol. 1. 468 p. (In Russ. and Mong.).
- Batnasan G. *Bayad* [The Bayad people]. *Mongol ulsyn ugsaatny züy. II bot'* [Mongolian Ethnography. Vol. 2]. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2012, pp. 253–360 (In Mong.).
- Disan T. *Ööld* [The Ööld people]. *Mongol ulsyn ugsaatny züy. II bot'* [Mongolian Ethnography. Vol. 2]. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2012, pp. 107–166 (In Mong.).
- Dzhangar. Kalmyckij geroicheskiy jepos. Na kalm. i rus. jaz.* [Jangar. The Kalmyk heroic epic]. Moscow, Nauka Publ., Chief Editorial Board of Oriental Literature, 1990, 475 p. (In Russ. and Kalm.).
- Zhukovskaya N. L. *Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Tradicii. Simvolika* [Nomads of Mongolia: culture, traditions, symbolism]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2002, p. (In Russ.).
- Zhukovskaya N. L. *Cvetochislovyje kompozicii v mongol'skoj kul'ture* [Color and numeric compositions in Mongolian culture]. *Istoriko-etnograficheskie issledovanija po fol'kloru* [Historical and ethnographic studies of folklore]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1994, pp. 77–85 (In Russ.).
- Kononov A. N. *Semantika cvetooboznachenij v tjurkskijh jazykah* [Semantics of color terms in Turkic languages]. *Tjurkologicheskij sbornik 1975* [Turcologica collection of 1975]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 159–179 (In Russ.).
- Lkhagvasüren I. *Altajskie urjanhajcy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie (konec XIX – nachalo XX v.)* [The Altai Uriankhai people. A historical and ethnographic study (late 19th — early 20th cc.)]. Ulan-Ude, Publ. House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS, 2013, 176 p. (In Russ.).
- Mihailov V. A. *Chislovaja simbolika burjat i mongolov* [Numeric symbolism of Buryats and Mongols]. *Central'noaziatskij shamanizm: filosofskie, istoricheskie, religioznye aspekty* [Central Asian shamanism: philosophical, historical and religious aspects]. Ulan-Ude, 1996, pp. 104–107 (In Russ.).
- Ts.-D. Nominhanovyn 1924–1925 ond Baruun Mongold hijsjen sudalgaa-I* [The research conducted by Nominkhanov in Western Mongolia in 1924–1925]. Ulaanbaatar, Soyombo Printing Ltd., 2016, 170 p. (In Mong.).
- Prytkova N. F. *Verhnjaja odezhda* [Outer garments]. *Istoriko-etnograficheskij atlas Sibiri* [The historical and ethnographic atlas of Siberia].

- Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1961, pp. 227–328 (In Russ.).
- Sarangerel. *O «tsegdeg» i pochitanii nevestkoj rodstvennikov muzha* [About “tsegdeg” and the tradition of honoring the husband’s relatives by a newly married wife]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2008, No. 3, pp. 10–13 (In Russ.).
- Tangad D. *Torguud* [The Torghut people]. *Mongol ulsyn ugsaatny züü. II bot'* [Mongolian Ethnography. Vol. 2]. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2012, pp. 167–251 (In Mong.).
- Tsaadzhin bichig. “*Mongol'skoe ulozhenie*”. *Cinskoe zakonodatel'stvo dlja mongolov 1627–1694 gg.* [Tsaajin Bichig. “The Mongolian Code of Laws”. The Qing dynasty legislative acts for Mongols, 1627–1694]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1998, 342 p. (In Russ.).
-

UDC 391

К ВОПРОСУ О ЦВЕТОВОЙ СИМВОЛИКЕ КОСТЮМА ОЙРАТОВ

Эльза Петровна Бакаева¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник, отдел этнологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: elzabakaeva@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу вопроса о цветовой символике одежды ойратов Монголии. Приводятся сведения, подтверждающие наличие приоритетов в выборе цвета традиционного женского костюма в культуре ойратских народов, и данные полевых материалов, согласно которым цветное решение женской одежды ойратов символически связано с историческими событиями периода противостояния ойратов и маньчжуров в XVIII в. Автор приходит к выводу, что мужской костюм ойратов сохранил архаическую цветовую символику, но вместе с тем, возможно, произошли изменения в его покрое; а женский костюм ойратов и калмыков в целом сохранился в архаических формах.

Ключевые слова: монгольские народы, ойраты, одежда, цветовая символика, *цэгдэг*, *тэрлэг*, легенда.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 59–67, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-59-67
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39

The Origins of the Uldchnr Ethnic Group Revisited

Tatyana I. Sharaeva¹

¹ Ph. D. in History, Research Associate, Department of Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: sharaevati@yandex.ru.

Abstract

The article considers the origins of the sub-ethnic group known as Uldchnr which is absent from any member lists of the Oirat ethno-political alliances that arrived in the Lower Volga Region in the 17th century, nor is it on the 18th century list of the “indigenous” Kalmyk clans. Nowadays representatives of the Uldchnr identify their clan as a separate one, i.e. sharing no direct common ancestry with the Buurl which it used to be assigned to according to the 19th century sources.

There are data indicating that the Uldchnr were formed by individuals of Torghut ancestry primarily from Eretenevsky Ulus (‘District’) the population of which had been forcibly dispersed among the other uluses of the Kalmyk Khanate in the late 18th century. The ancestral legends about the origins of the group retain a version according to which it was compiled from representatives of diverse clans after the 1771 exodus of the Kalmyks, including those connected with such *zayisangs* (‘noblemen’) as Miitr Noyon and Mazan-Baatr (Baghatur).

The changes in the number of *ayimags* (‘settlements’) of the Uldchnr in less than half a century were due to the reforms of the ulus-ayimag system among the Kalmyks, constriction of pasturing lands and merging of ayimags following the principle of kinship.

The ethnic group of Uldchnr comprises a considerable number of patronymies – *arvans* (Kalm. ‘ten’) – that are to be studied using a comprehensive approach. According to the available legends, some of them are of alien ethnic origin. A number of present-day Uldchnr arvans originate from representatives of the neighboring clans that had long shared common pasturing territories with the former, e.g. Bay Buurl, Daajakhn, Kelkyakhn. The origins of the rest of Uldchnr arvans are still understudied.

The materials on the ethnic group can be used for further development of a Catalogue of Kalmyk Clans.

Keywords: ethnic group, Uldchnr, clan, Kalmyk, ethnic history, Mazan-Baatr, Miitr Noyon.

Большинство представителей этнической группы *үлдчнр* в настоящий момент компактно проживает в поселке Ульдючины Приютненского района Республики Калмыкия (бывшая территория южной части Малодербетовского улуса, позднее — Манычского улуса). *Үлдчнр* считают себя представителями субэтноса *дербет*. Проблема происхождения *үлдчнр* затрагивалась нами, но косвенно при рассмотрении этнического

состава аймака *бурул* и одноименной группы родов [Шараева 2009: 124–130], так как в различных работах исследователей XX в. *үлдчнр* указывались как часть *бурулов* [Митиров 1998; Авляев 2002]. Если рассматривать различные источники по этнической истории и этногенезу калмыцкого народа, то обращает на себя внимание тот факт, что *үлдчнр* не указываются в составе каких-либо этнополитических объединений ойратов,

пришедших в Нижнее Поволжье в XVII в.; нет их и в списках «исконных» калмыцких родов в XVIII в.

В настоящее время представители *үлдчир* идентифицируют свой род как самостоятельный, отдельный от *буурл*. Представителями *үлдчир* этот вопрос даже не рассматривается, нет никаких легенд и сведений в народной интерпретации. Довольно сложный и запутанный вопрос о происхождении *үлдчир* до сих пор остается открытым и требует детального рассмотрения с привлечением широкого круга источников. Мы попытаемся внести дополнительные сведения для уточнения некоторых вопросов происхождения этнической группы *үлдчир*.

В «Списке калмыцким родам и аймакам» Главного попечителя калмыцкого народа К. Костенкова, составленном в XIX в., в составе *буурл* Малодербетовского улуса указывалось 8 аймаков: «Ульдючинов Бадма Сумьянова 212 киб., Балзан Му-Кюкенева 138 киб., Шонта Трухметова 170 киб., Ана-на Инджиева 10 киб., Сермика Оклеева 102 киб., Дава Шараб-Джамбаева 30 киб., Кютер Боджиева 6 киб., Самтан Кобчиева 4 киб.» [Митиров 1998: 323].

Г. О. Авляев, описывая этническую группу *үлдчир*, как и А. Г. Митиров, опираясь на свои архивные материалы и данные К. Костенкова, представленные в 1869 г. в Калмыцкое управление Астраханской губернии [Авляев 2002: 156; 168].

По данным Р. К. Надбитова в списке ро-

дов, кочевавших в южной части Малодербетовского улуса в 1874 г., значатся следующие ульдючиновские аймаки:

1) умершего зайсанга Бадмы Сумьянова, кочевьями которого были урочища Нойон-Шире, Манцын Хара-Зуха, Джурук;

2) зайсанга Араши Очир Балзанова, территорией кочевий которого были урочища Хагин-Сала, Манцын Хара-Зуха, Эргенен Хара-Зуха, Нойон-Шире, Ильварта-Хак, Аршан;

3) зайсанга Кютера Боджиева с кочевьями по урочищам Хагин-Сала, Манцын Хара-Зуха, Эргенен Хара-Зуха, Нойон-Шире, Ильварте-Хак, Аршан;

4) умершего зайсанга Б. Сермыкова с кочевьями по урочищам Нойон-Шире, Бюслюрте, Нойон-Ширин, Элиста, Бурата, Гашун-Сала, Джурук, Булгун-Сала;

5) зайсанга Шопты Трухметова, кочевьями которого были урочища Манцын Хара-Зуха, Хагин-Сала, Мерген, Буру-Халесен-Хамбур, Омруни-Нур;

6) зайсанга Дава-Шараб Джамбаева, кочевьями которого были урочища Нойон-Ширин-Тепке, Манцын-Хара-Зуха, Хара-Зексен;

7) зайсанга Анан Инджиева на урочище Нойон-Шире;

8) зайсанга Самтан Кепчиева на урочище Нойон-Шире [Надбитов 2011: 33–34].

В ведомости об аймаках по калмыцким улусам в 1890 г. значатся также восемь аймаков, но один из них обозначен как казенный, а три — в опекуновском управлении:

№№	Название рода, место кочевания	Владелец рода	Количество окладных кибиток	Количество неокладных кибиток
1	Ульдючинов (Кенде, Ноин-Шире, Бургуста)	в опекуновском управлении	249	4
2	Ульдючинов (Хара-Зуха, Цаган-Элсен)	Кепчиев	4	-
3	Ульдючинов (Бислюрта)	в опекуновском управлении	36	1
4	Ульдючинов (в Области Войска Донского)	Анан Инджиев	11	-
5	Ульдючинов (Цаган-Хак, Эмбле)	Кютюров	5	1
6	Ульдючинов (Хара-Зухин-Бучу-Кеке-Булук, Хара-Булук)	в опекуновском управлении	212	8
7	Ульдючинов (Хара-Зуха, Беред)	Балзанов	146	8
8	Ульдючинов (Тепке, Элиста, Ноин-Шире)	казенный	93	5

[Надбитов 2011: 37–38].

В 1909 г. Н. Очиров в своем «Отчете о поездке по калмыцким степям» указывал в составе родов уже Манычского улуса следующие роды: «Улдчн-Сумйана, Улдчн-Сермыча, Улдчн-Балзна, Улдчн-Шонтан», подразумевая ульдючиновские аймаки [Очиров 2002: 44], однако не указал названия родов в аймаках. В «Материалах статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи» в 1910 г. в этих четырех аймаках было зафиксировано: «Ульдючин-Сермыков род 85 кибиток (341 чел.), Ульдючин-Балзанов род 228 кибиток (1 034 чел.), Ульдючин-Шонтаев род 238 кибиток (1 104 чел.), Ульдючин Сумьянов род 238 кибиток (1 097 чел.)» [Материалы 1910: 409–411]. Итого были зафиксированы 789 кибиток и 3 576 человек. У. Э. Эрдниев в своей работе также разделяет *үлдчнр* по принадлежности к четырем зайсангам: «Кура зясингин амиг, Балдана Гарян амиг, Джальджа зясингин амиг, Сермиг зясингин амиг», но, судя по именам владельцев, эти сведения относятся к началу XX в. [Эрдниев 1974: 103].

Итак, к началу XX в. по сведениям из различных источников имелись четыре крупных по численности аймака ульдючиновских зайсангов. Можно предположить, исходя из численности кибиток и данных о восьми аймаках ульдючиновских зайсангов на конец XIX в., что мелкие аймаки вошли в состав крупных. Этому могли способствовать следующие обстоятельства: 1) нахождение некоторых аймаков в опекуном управлении; 2) позднее — слияние по родственному принципу; 3) реформа улусно-аймачной системы калмыков в 1892 г.; 4) разделение территории кочевий. Возможно, отделение *үлдчнр* от *бурул* происходило в XIX в. вследствие увеличения их численности. На это указывает отсутствие наименования главного рода в виде приставки, служившей «пояснением или определением каждого аймака в главном роде» [Митиров 1998: 322], характерном именно для рассматриваемого периода. Как отмечал А. Г. Митиров, у дербетов дробление аймаков среди наследников носило выраженный характер [Митиров 1998: 322]. Возможно, это и было одной из причин того, что в XIX в. сначала существовало восемь аймаков *үлдчнр* с различным количеством кибиток в них, а уже в начале XX в. за счет нового слияния они были реорганизованы в четыре аймака, причем количество кибиток осталось практически таким же.

Можно предположить, что *үлдчнр* изначально сформировались в составе *буурл* из родов иного происхождения, присоединенных к одному из бурульских родов. Об этом свидетельствует достаточно большое количество зайсангов и принадлежавших им кибиток, учитывавшихся в качестве «группы аймаков ульдючинова рода». Важно отметить, что *үлдчнр* составляли приход одного хурула — Доджуд-Рацан, основанного еще в XVII в., а представители бурульских родов были прихожанами Малого Ламрим-Чойлин хурула (основан в 1776 г.) и Малого Раши-Донроб хурула (основан в 1777 г.). По сведениям, представленным в 1883 г. (т. е. 100 лет спустя) Главному попечителю калмыцкого народа, этот хурул все еще числился ульдючиновским: «Доджин Рацан Большой хурул ульдючинова рода. Кочевал летом по вершине урочища Нойн-Шире и «по хамурам», а зимой на урочище Бухин Нур. Ученики ульдючинова рода зайсанга Балзанова, ульдючинова рода зайсанга Сумьянова, ульдючинова рода зайсанга Шантаева, ульдючинова рода зайсанга Сермикова, джанчибикинова рода зайсанга Карнюева, аргакинова рода зайсанга Боро-Манджиева, шунгурцугикинова рода зайсанга Арлуева» [Бакаева 1994: 33; Батыров 2007: 71].

Еще один важный факт — это различие родовых печатей — *тамг*. *Тамга* большинства ульдючиновских родов была «джунгру» в форме свастики, а у большинства бурульских — в виде плети «маля» [Гедеева 2003: 254–255].

На мысль о выходе *үлдчнр* из группы *буурл* наводят также различные сведения о патронимических группах, входящих в состав *үлдчнр*. У. Э. Эрдниев отмечает у *үлдчнр* следующие 13 *арванов*: *джирглмюд*, *эсрякин*, *ширкигюд*, *боргдуд*, *харнуд* (или *тячин харнуд*), *ашхуд*, *келкянкин*, *дааджинкин*, *бага бурул*, *шаврахин*, *бодгуд*, *замлахин*, *боранхин* [Эрдниев 1974: 103].

А. Г. Митиров, согласно своим полевым материалам, собранным в 1992 г., писал, что *үлдчнр* состоят из 23 *арванов*: *ашгуд*, *баг буурл*, *борахн*, *боогуд*, *боднуд*, *очрахн*, *шаазгуд*, *ширкгюд*, *харнуд*, *ямадгуд*, *укряхн*, *балзнахн*, *джирглмюд*, *келкяхн*, *шоткуд*, *шаврахн*, *му манжихн*, *замлахн*, *боралмуд*, *боргшдуд*, *дааджихн*, *оруд*, *авгнр* [НА КИГИ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 334].

Г. О. Авляев выявил в составе ульдючиновских аймаков 10 *арванов*: *харнут*, *замлахн*, *джигирмуд*, *ширгигуд*, *бага-бурул*, *бодгуд*, *келькит*, *боранхин*, *эсрякин*, *дадженкин* [Авляев 2002: 169].

По нашим полевым данным, собранным в 2005 г., в состав *үлдчнр* входят следующие 20 малых патронимических групп (*арванов*): *осрахн, ширкгүд, дуралмуд, ямадгуд, шотхуд, укряхн, баһ буурл, келкәхн, шаврахн, борахн, ашхүд, замлахн, боркиштүд, балзнахн, бодңгүд, боовгүд, шаазгүд, даажихн, харнуд, жирһлмүд* [ПМА].

В работах, представленных учащимися Ульдючиновской средней школы в разные годы (2003–2016 гг.) для участия в региональных олимпиадах по генеалогии и краеведению, собранных у представителей этой этнической группы, указываются 23 *арвана*: *ямадгуд, замлахн, шаврахн, борахн, ширг-*

күд, шоткүд, ашхүд, балзнахн, баг буурл, келкяхн, оруд, му манжихн, осрахн, харнуд, шаазгүд, боднгүд, боркиштүд, боовгүд, дуралмуд, авгнр, даажихн, жирглмүд, укряхн [Фонды БУ ДО РК РЦДЮТ и К].

Если данные по *арванам үлдчнр* из различных источников представить в таблице, то наглядно видно следующее: в *үлдчнр* входили различные группы *арвн*, а попытка выявить «ядро», вероятнее всего, на данном этапе бессмысленна и безрезультатна. Судя по приведенным в таблице названиям, *үлдчнр* могли сформироваться из представителей различных родов. *Арваны бага-бурул, даадженкин* указывают на на-

По данным Г. О. Авляева	По данным У. Э. Эрдниева	По данным А. Г. Митирова	Материалы школьных работ	ПМА автора
<i>харнут</i>	<i>харнуд (или тячин харнуд)</i>	<i>харнуд</i>	<i>харнуд</i>	<i>харнуд</i>
<i>замлахн</i>	<i>замлахин</i>	<i>замлахн</i>	<i>замлахн</i>	<i>замлахн</i>
<i>джигирмүд</i>	<i>джиргльмүд</i>	<i>джиргльмүд</i>	<i>жиргльмүд</i>	<i>жирһлмүд</i>
<i>ширгигүд</i>	<i>ширкигюд</i>	<i>ширкгюд</i>	<i>ширкгүд</i>	<i>ширкгүд</i>
<i>бага-бурул</i>	<i>бага бурул</i>	<i>баг буурл</i>	<i>баг буурл</i>	<i>баһ буурл</i>
<i>бодгүд</i>	<i>бодгүд</i>	<i>бод (н)гүд ?</i>	<i>боднгүд</i>	<i>бодңгүд</i>
<i>келькит</i>	<i>келкянкин</i>	<i>келкяхн</i>	<i>келкяхн</i>	<i>келкәхн</i>
<i>боранхин</i>	<i>боранхин</i>	<i>борахн</i>	<i>борахн</i>	<i>борахн</i>
<i>эсрякин</i>	<i>эсрякин</i>	<i>очрахн ?</i>	<i>осрахн ?</i>	<i>осрахн</i>
<i>даадженкин</i>	<i>дааджинкин</i>	<i>дааджихн</i>	<i>даажихн</i>	<i>даажихн</i>
	<i>боргдүд ?</i>	<i>боркиштүд ?</i>	<i>боркиштүд</i>	<i>боркиштүд</i>
	<i>ашхүд</i>	<i>ашгүд</i>	<i>ашхүд</i>	<i>ашхүд</i>
	<i>шаврахин</i>	<i>шаврахн</i>	<i>шаврахн</i>	<i>шаврахн</i>
		<i>боовгүд ?</i>	<i>боовгүд ?</i>	<i>боовгүд</i>
		<i>шаазгүд</i>	<i>шаазгүд</i>	<i>шаазгүд</i>
		<i>ямадгүд</i>	<i>ямадгүд</i>	<i>ямадгүд,</i>
		<i>укряхн</i>	<i>укряхн</i>	<i>укряхн</i>
		<i>балзнахн</i>	<i>балзнахн</i>	<i>балзнахн</i>
		<i>шоткүд</i>	<i>шоткүд</i>	<i>шотхүд</i>
		<i>му манжихн</i>	<i>му манжихн</i>	<i>?</i>
		<i>боралмуд</i>	<i>дуралмуд ?</i>	<i>дуралмуд</i>
		<i>оруд</i>	<i>оруд</i>	<i>?</i>
		<i>авгнр</i>	<i>авгнр</i>	<i>?</i>

личие представителей бурульских родов, *келькит / келкяхн* — представителей Келькитского аймака (*тугтунов* Малодербетовского улуса), *авгнр* — *абганеров* Абганеровского аймака (Малодербетовского улуса). Представители родов *харнут* встречаются во многих родах у калмыков; по данным Г. О. Авляева, Харнутовский аймак был в Эркетеневском улусе; подразделения (*арвн*) *харнут* были «в Бага-Чонососовском аймаке Малодербетовского улуса, Ики-Багутовском и др. аймаках Яндыковского и Багацохуровского улусов» [Авляев 2002: 320].

Подразделения (*арвн*) *оруд* также встречаются во всех родах у калмыков. В калмыцком языке термин «оруд» обозначает: 1) подданный; 2) принятый со стороны [КРС 1977: 404]. *Оруд* ‘пришлые’ называются калмыками роды, не имеющие кровнородственных отношений с представителями той этнической группы, в которую они были включены в силу различных причин. Другой *арвн* — *ширкгүд* — образовался по имени татарина *Ширк*, который поселился среди *үлдчнр* по приглашению друга-калмыка. Место, где располагался хотон татарина и его

потомков, называется *Маңһдын сала* 'Балка татарина' [ПМА]. Согласно легенде, родоначальник *арвн боркишуд* был черкесом по происхождению: бездетная пара калмыков из *үлдчнр* сумела уговорить путника-черкеса отдать им на воспитание своего сына. Взамен они отдали ему коня сивой масти (калм. *бор мөрн*). Этот мальчик вырос и образовал среди *үлдчнр арвн боркишуд* [ПМА]. Все три указанных *арвана*, таким образом, имеют иноэтничное происхождение.

Представители *балзнахн* являются родственниками Балзановых — одних из влиятельных зайсангов родов *үлдчнр*. С именем другого ульдючиновского зайсанга — Куура Леджинова — связано, согласно легенде, образование *арвн шоткуд*: «Однажды ульдучинский Куура нойон собрал своих подвластных (*албату*) и начал считать, какое количество денег задолжали ему его подданные. Среди них был главный учетчик, который пересчитывал все долги и записывал их в большую книгу. Он считал так долго, что кучер по имени Улюмджи не удержался, стал считать лучше в уме, что проделывал быстрее главного учетчика. Куура нойон удивился уму и таланту своего кучера и решил создать *арван* под названием *шоткуд* 'считающие в уме', и представителей этого рода стали называть *шоткуд* 'считающие в уме'» [Борджанова 2007: 103].

Наименования *арванов замлахн* и *ширкгюд*, согласно легендам, имеют эпонимное происхождение. «В Манычском улусе проживал Замл, который посватался к дочери торгутского хана, но на сватовстве произошла ссора, перешедшая в силовое противостояние. Конфликт удалось уладить после того как хан, пораженный красноречием Замл, воздал ему должные почести» [ПМА]. Эта легенда содержит много интересных моментов и исторических несоответствий, но тем она и интересна в свете вопросов происхождения *үлдчнр*. Так, упоминаемый в ней Манычский улус был образован в начале XX в.; упоминается и торгутский хан, хотя ханство было ликвидировано в конце XVIII в.; сватовство к ханской дочери было возможно только при наличии равного хану статуса у Замл, к которому хан почтительно отнесся. Возникает много вопросов: был ли родоначальник этого *арвана* знатного происхождения, какой этнической принадлежности он был, в какое время проживал и т. д.

Кроме легенд, практически каждый *арвн* в этнической группе *үлдчнр* имеет свои «присловья-прозвища», дразнилки, «от-

ражающие черты того или иного рода, их занятия, отрицательные и положительные черты» [Басангова 2007: 98–105]. К примеру:

1) *Хар нүдтэ, хури келтэ харнуд* 'Черноглазые острословы *харнуды*';

2) *Жирн өркэр жирһдг жирһлмүд* 'В достатке / богато живущие 60 семей *джирглюд*';

3) *Отг дундан тоомсрта олһа келтэ осахн арвн* 'Знаменитые в отоке, находчивые (букв. 'острые на язык') *осахн*';

4) *Кедү буслад, ширгэд бээвчн ширгэдго ширкгүд арвн* 'Как бы ни были беспокойны, никогда не изведутся *ширкгюды*';

5) *Дурндан бээдг дуралмүд арвн* 'Вольно живущие *дуралмүд*';

6) *Зун мөрнд 99 цалм хайдг баатр баһ буурл арвн* 'Когда сто лошадей ловят, то 99 арканов набрасывают *бага бурулы*';

7) *Шаврт даргддго шаврахн арвн* 'Никогда погребенными не оказывающиеся *шаврахн*';

8) *Гучн өрктэ Бурад буслад йовдг боррахн арвн* 'Тридцатью семьями деятельно живущие *борахн*';

9) *Зун өрктэ замлахн* 'Сто семей *замлахн*';

10) *Борлад бээдг боршидуд* '„Сереющие" *боршидуд*';

11) *Бахлур авч ноолдг балзнахн арвн* 'При драке хватающие за горло *балзнахн*';

12) *Газа хархларн төөрдг ямадгүд* 'Выходя за пределы жилища / на простор, теряющиеся *ямадгүд*';

13) *Бод-бод бээдг боднүд* 'Спокойно живущие *боднүд*';

14) *Дала даржнүд меддг даажихн* 'Много скороговорок знающие *даажихн*';

15) *Хури үгтэ, ут келтэ келкәхн* 'Острословы с длинным языком — *келкәхн*';

16) *Цааран-нааран гүүдг, алтн юм хээдг шаазһуд* 'В разные стороны бегающие и золото ищущие *шаазһуд*';

17) *Алтн шорад даргддго ашхүд* 'Ашхүд — как золото, что в пыли не затеряется' [Пер. авт.].

В настоящее время у *үлдчнр* сложился собственный фольклор о самих себе. Так, они говорят: «Мы, ульдючины, — дым от тысячи кибиток». У. Э. Эрдниев отмечал, что «народ считал, что Ульдучин насчитывает более 1 000 кибиток, принадлежавших четверем зайсангам, по имени которых назывались каждая из четырех частей» [Эрдниев 1974: 103]. Это соответствовало исторической действительности, так как на начало

XX в. количество представителей *үлдчнр* составляло почти 800 кибиток.

В другой версии поговорка звучит так: «Мы, ульдючины, — дым от тысячи кибиток Миитр-нойона». Согласно этой версии, по рассказам старожилков после ухода калмыков в 1771 г. в Китай оставшиеся части подвластных Миитр-нойона — *үлдл* ('букв. остаток') — были перегруппированы и отданы в подданные новым нойонам. Прототипом Миитр-нойона, предания о котором широко распространены среди калмыков, калмыцкие исследователи считают одного из сыновей Чақдорджапа, внука Аюки-хана, — Нитар-Дорджи. Он имел отчаянный характер и особую страсть к лошадям, из-за которых он и его родные постоянно были вовлечены в различные конфликты. С его именем связаны события, происходившие в 1722–1725 гг., когда он вел борьбу за ханский престол в пользу своего старшего брата Дасанга. Нитар-Дорджи был убит в 1725 г. [Митиров 1990: 40–57]. Однако следует отметить, что Нитар-Дорджи был *керяд*, торгут по происхождению, и не мог быть владельцем дербетских родов, если только какая-то часть его подвластных не попала в конце XVIII в. в Малодербетовский улус.

Другая часть представителей этнической группы *үлдчнр* связывает свою генеалогию с именем другой исторической личности. Так, Ц.-Д. Номинханов, описывая представителей *үлдчнр* среди донских калмыков в станицах Беляевской, Бурульской, Новоалексеевской и Чоносковской, отмечал, что своим владельцем они считают Мазан-Батыра [Алексеева, Борманджинов 1999: 4, 19]. Мазан-Батыр — реальная историческая личность, представитель эркетеневского рода, торгут. Будучи талантливым военачальником, он принимал участие практически во всех войнах России во второй половине XVII в. Он особенно отличился в сражениях на Северном Кавказе. В легендах и преданиях о нем отразились его ратные подвиги и борьба с внешними врагами. Мазан-Батыр погиб в молодом возрасте от полученных в сражении ран.

Оба указанных героя жили до того, как группа *үлдчнр* стала выделяться из *буурл*. Вместе с тем и Нитар Дорджи, и Мазан-Батыр предстают в легендах ульдючиновцев в первую очередь как защитники от набегов кавказских народов, с которыми калмыки постоянно конфликтовали. Они помогали изготавливать мечи (*үлд* 'меч') и создать во-

йско меченосцев *үлдчнр*, способных защитить свои владения и своих людей. В некоторых версиях преданий о Мазан-Батыре он помогает защититься от набегов черкесов, в других версиях повествуется о тысяче калмыцких семей, которых могли взять в плен или передать в качестве дани черкесам, но благодаря действиям Мазан-Батыра они избежали этой участи. Примечательно, что, несмотря на торгутское происхождение героя, легенды о Мазан-Батыре одинаково распространены среди дербетов и торгутов, но сюжетные линии имеют различия [Басаев 2007: 279–294; Очиров 2006: 49–56; 239–241].

В настоящее время не представляется возможным установить, отражают ли эти легенды исторический факт принадлежности части *үлдчнр* в прошлом этим владельцам или являются продуктом народного вымысла. Однако мы допускаем, что исторические легенды о Мазан-Батыре и Миитр-нойоне можно рассматривать как подтверждение версии о происхождении части *үлдчнр* из состава представителей Эркетеневского улуса, выходцами из которого были указанные исторические персонажи.

Действительно, после откочевки большей части калмыков в 1771 г. оставшихся простолюдинов распределили между феодалами в соответствии с указом императрицы Екатерины II. При этом астраханский губернатор Н. А. Бекетов на основании списков, поданных оставшимися калмыцкими нойонами, распределил оставшихся без владельцев калмыков таким образом: сначала возместил убытки за откочевавших, затем вознаграждал наиболее верных нойонов и, наконец, оставшихся распределил поровну, не забыв о себе. По мнению Л. В. Бадняевой, рассматривавшей численность населения калмыцких улусов после событий 1771 г., дербетовские нойоны Цебек-Убаши и Ценден получили сначала 54 кибитки взамен откочевавших, затем еще 454 кибитки за «уведенные у них в разное время». Дополнительно Цебек-Убаши получил 100 кибиток эркетеневских калмыков и 200 кибиток «разного звания» [Бадняева 2002: 58–60]. Таким образом, в 1772 г. Дербетовский улус получил дополнительно еще 808 кибиток калмыков из разных родов, благодаря чему численность улуса достигла почти 5 тыс. кибиток. В числе переданных эркетеневцев была 31 кибитка зайсанга Зунчи Мазанова [Житецкий 1892: 109], потомка Мазан-Батыра, однако пока не удалось определить, кому они попали.

Как мы отмечали ранее, среди исследователей нет единого мнения относительно происхождения этнической группы *үлдчнр*. Этимологию названия *үлдчнр*, как и происхождение рода, многие исследователи связывают также с меченосцами армии Чингис-хана или с легендой о хойте Махан Ульдючин, который убил своего нойона Есельбейн-Сайн-Ка (XVI в.).

Бытование различных легенд об образовании этнонима и самой группы все же указывает на ее позднее формирование. Наиболее распространенными сюжетными линиями в различных легендах и преданиях об *үлдчнр* являются: 1) формирование отряда меченосцев для сражения с горскими народами; 2) формирование группы под название *үлдчнр* после 1771 г. Так, Г. О. Авляев выдвинул версию, ссылаясь на статью некоего Обуховского, опубликованную в 1936 г. в газете «Ленинский путь», согласно которой этническая группа *үлдчнр* образовалась из калмыков, оставшихся без нойонов, после откочевки калмыков в 1771 г. [Авляев 2002: 168]. По данным полевых материалов, *үлдчнр* сформировались из калмыков, оставшихся в 1771 г. без нойона, и из-за того что приходилось часто отражать набеги кавказцев, мужчины научились мастерски владеть мечами [ПМА]. Но в походы, как отмечал старейшина и знаток традиций *үлдчнр* Бадма Алаев, их водил «*маляч* Мазн Баатр, возглавлявший тысячи кибиток *үлдчнр*» [Алаев 2000: 4].

Таким образом, существуют различные версии формирования этнической группы *үлдчнр*, требующие дополнительных уточнений. Например, рассмотрение родословных зайсангов бурульских, ульдючиновских и, возможно, эркетеневских зайсангов может пролить свет на вопрос о «роде-ядре» «группы ульдючиновских родов бурулов». Отметим, что современные *үлдчнр* имеют все формальные признаки, позволяющие их считать этнической группой. В настоящее время этническая группа *үлдчнр* включает большое количество патронимических групп *арвн*, и ее представители компактно проживают на определенной территории.

Источники

Архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 334.
 БУ ДО РК «Республиканский центр детско-юношеского туризма и краеведения»
 ПМА — Полевые материалы автора:

Бальджирова Джани Овшиновна, 1914 г. р., *үлдчнр*;
 Мангаев Батр Бадмаевич, 1966 г. р., *үлдчнр*, *шаврахи*;
 Нишеев Александр Сергеевич, 1957 г. р., *үлдчнр*, *аихуд*;
 Окнеева Зинаида Павловна, 1936 г. р., *үлдчнр*, *осрахн арвн*;
 Одыкова Цаган Санджиевна, 1930 г. р., *үлдчнр*, *джиргльмюд*;
 Тугтунов Манц Манджиевич, 1934 г. р., *үлдчнр*, *авгнр*.

Литература

Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX — I четверть XVIII в.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 248 с.
 Алаев Б. Манцин кецин Үлдчнэ нутг // Хальмг унн. 2000. № 132. С. 4.
 Алексеева П. Э., Борманджинов А. Э. Об этническом составе донских калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 41 с.
 Бадняева Л. В. К вопросу о численности населения калмыцких улусов после 1771 года // Калмыки и их соседи в составе Российского государства. мат-лы Межд. науч. конф. (г. Элиста, 7–11 сентября 2001 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 58–60.
 Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
 Батыров В. В. Кочевья хурулов и родов в Калмыцкой степи в конце XIX в. // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 68–77.
 Басаев Д. Э. Семь звезд: Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
 Басангова Т. Г. Прозвищный фольклор калмыков // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 98–105.
 Борджанова Т. Г. Магическая поэзия калмыков. Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
 Гедеева Д. Б. О знаках собственности у калмыков // Монголоведение в новом тысячелетии (к 170-летию организации первичной кафедры монгольского языка в России): мат-лы межд. науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2003. С. 254–259.
 Житецкий И. А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Астрахань: б/и., 1892. 45 с.
 Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

- Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: пер. с калм. / сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.
- Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии. Ч. 2. Астрахань: Паров. губерн. тип., 1910. 509 с.
- Митиров А. Г. По следам находок и утрат. Элиста: Калм.кн. изд-во, 1990. 92 с.
- Митиров А. Г. Ойраты–калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Надбитов Р. К. Роды и аймаки калмыцкой степи Астраханской губернии (70–90-е гг. XIX в.). Историко-этнографический справочник. Элиста: АПП «Джангар», 2011. 48 с.
- Оциров Н. Избранные труды. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 152 с.
- Оциров Н. Живая старина. На калм. и русск. яз. / сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм.кн. изд-во, 2006. 398 с.
- Шараева Т. И. К вопросу об этническом составе аймака бурул в субэтнической группе дербетов // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 124–130.
- Эрдниева У. Э. Материалы по калмыцкой этнонимии (О происхождении некоторых «этнонимов») // Вестник института. Серия этнографии. Вып. 10. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 99–115.

Sources

- BU DO RK “Respublikanskij centr detsko-junosheskogo turizma i kraevedenija” [Budgetary organization of additional education “Republican Center for Children’s Tourism and Regional Ethnography”].
- Arhiv Kalmyckogo nauchnogo centra RAN [Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS]. F. 6. Op. 2. D. 334 (In Russ.).
- РМА — *polevye materialy avtora* [Author’s field data (a list of respondents)]:
- Okneeva, Zinaida Pavlovna, b. 1936, *Üldchnr, Os-rakhn arvn (Kalm. “ten”, i.e. “section (military unit)”)*;
- Odykova, Tsagan Sandzhievna, b. 1930, *Üldchnr, Dzhirglmyud clan*
- Baldzhirova, Dzhanii Ovshinovna, b. 1914, *Üldchnr*
- Mangaev, Batr Badmaevich, b. 1966, *Üldchnr, Shavrahn clan*
- Tugtunov, Mants Mandzhievich, b. 1934, *Üldchnr, Avgnr clan*
- Nisheev, Aleksandr Sergeevich, b. 1957, *Üldchnr, Ashkhud clan*

References

- Avlyayev G. O. *Proishozhdenie kalmyckogo naroda (ser. IX — I chetv. XVIII)* [The Origins of the Kalmyk people (the mid-9th — early 18th cc.)]. Elista, Kalm. Book Publ., 2002, 248 p. (In Russ.).
- Alaev B. *Mantsyn ketsin Uldchnä nutg* [The territories of the Uldchn ethnic group in the Manych region]. *Hal'mg unn* [The Kalmyk Truth newspaper], 2000, No. 132, p. 4 (In Kalm.).
- Alekseeva P. E., Bormandzhinov A. E. *Ob etnicheskom sostave donskih kalmykov* [On the ethnic composition of the Don Kalmyks]. Elista, Dzhangar Publ., 1999, 41 p. (In Russ.).
- Badnyaeva L. V. *K voprosu o chislennosti naselenija kalmyckih ulusov posle 1771 goda* [The size of the post-1771 Kalmyk population revisited]. *Kalmyki i ih sosedi v sostave Rossijskogo gosudarstva* [Kalmyks and their neighbors within the Russian borders]. Elista, 2002, pp. 58–60 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Buddizm v Kalmykii. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Buddhism in Kalmykia. Historical and ethnographic sketches]. Elista, Kalm. Book Publ., 1994, 128 p. (In Russ.).
- Batyrov V. V. *Kochevya hurulov i rodov v Kalmytskoj stepi v kontse XIX v.* [The nomadic territories of khuruls (monasteries) and clans in Kalmyk Steppe in the late 19th cent.]. *Problemy etnogeneza i etnicheskoj kultury tjurko-mongol'skih narodov* [The issues of ethnogenesis and culture of Turco-Mongols]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2007, pp. 68–77 (In Russ.).
- Basaev D. E. *Sem' zvezd: Kalmytskie legendy i predanija. Sost., per., vstup. st., komment. D. E. Basaeva* [The Seven Stars: Kalmyk legends and folk tales. Transl., comp., comment. and foreword by D. Basaev]. Elista, Kalm. Book Publ., 2004, 415 p. (In Russ.).
- Basangova T. G. *Prozvishhnyj fol'klor kalmykov* [Nickname folklore of the Kalmyks]. *Problemy etnogeneza i etnicheskoj kultury tjurko-mongol'skih narodov* [The issues of ethnogenesis and culture of Turco-Mongols]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2007, pp. 98–105 (In Russ.).
- Bordzhanova T. G. *Magicheskaja poezija kalmykov. Issledovanie i materialy* [Kalmyk magic poetry. A case study and materials]. Elista, Kalm. Book Publ., 1999, 182 p. (In Russ.).
- Gedeeva D. B. *O znakah sobstvennosti u kalmykov* [On signs of property among the Kalmyks]. *Mongolovedenie v novom tysjacheletii (k 170-letiju organizacii pervichnoj kafedry mongol'skogo jazyka v Rossii): Materialy*

- mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Mongol Studies in the New Millennium (celebrating the 170th anniversary of the first Mongolian language department in Russia): Proc. of the internat. research conf.]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2003, pp. 254–259 (In Russ.).
- Zhitetsky I. A. *Astrahanskije kalmyki (nabljudenija i zametki)* [Astrakhan Kalmyks (observations and sketches)]. Astrakhan, 1892. 45 p.
- Kalmycko-russkij slovar'* [A Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow, Russky Yazyk Publ., 1977, 768 p. (In Kalm. and Russ.).
- Lunnyj svet: Kalmyckie istoriko-literaturnye pamjatniki: Per. s kalm. / Sost., red., vstup.st., pre-disl., komment. A. V. Badmaeva* [The Moonlight: Kalmyk historical and literary monuments. Transl. from Kalmyk, comp., edit., comment. and foreword by A. Badmaev]. Elista, Kalm. Book Publ., 2003, 477 p. (In Russ.).
- Materialy statistiko-ekonomicheskogo i estestvenno-istoricheskogo obsledovanija Kalmyckoj stepi Astrahanskoj gubernii* [Materials of statistical, economic, natural and historical investigations of Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate]. Astrakhan, Governorate Print. House (steam-powered), 1910, 509 p., Part 2 (In Russ.).
- Mitirov A. G. *Po sledam nahodok i utrat* [Tracing the path of discoveries and losses]. Elista, Kalm. Book Publ., 1990, 92 p. (In Russ.).
- Mitirov A. G. *Oiraty — kalmyki: veka i pokolenija* [The Oirats — Kalmyks: centuries and generations]. Elista, Kalm. Book Publ., 1998, 384 p. (In Russ.).
- Nadbitov R. K. *Rody i ajmaki kalmyckoj stepi Astrahanskoj gubernii (70-90-e gg. XIX v.). Istorično-etnograficheskij spravocnik* [Clans and settlements in Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate (1870–90s)]. Elista, Dzhangar Publ., 2011, 48 p. (In Russ.).
- Ochirov N. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Elista, Dzhangar Publ., 2002, 152 p. (In Russ.).
- Ochirov N. *Zhivaja starina. Na kalm. i russk. jaz. / Sost., vstupit. St., komment. B. A. Bicheeva* [Living Antiquity. In Kalm. and Russ. Comp., comment. and foreword by B. Bicheev]. Elista, Kalm. Book Publ., 2006, 398 p. (In Russ.).
- Sharaeva T. I. *K voprosu ob etnicheskom sostave ajmaka burul v subetnicheskoj gruppe derbetov* [The ethnic composition of the Burul settlement of the Dorbets revisited]. *Problemy etnogeneza i etnicheskoj kul'tury tjurko-mongol'skikh narodov* [The issues of ethnogenesis and culture of Turco-Mongols]. Elista, Publ. Dept. of the Kalm. Inst. For Humanities of the RAS, 2009, No. 1, pp. 124–130 (In Russ.).
- Erdniev U. E. *Materialy po kalmyckoj etnonimii (O proishozhdenii nekotoryh «etnonimov»)* [Materials on Kalmyk ethnonymics (Revisiting the origins of some ethnonyms)]. *Vestnik instituta. Serija etnografii* [Bulletin of the Institute. The Ethnographic Series], iss. 10. Elista, Publ. Dept. of the Kalm. Research Inst. of Language, Literature and History, 1974, pp. 99–115 (In Russ.).

УДК 39

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ УЛДЧНР

Татьяна Исаевна Шараева¹

¹ кандидат исторических наук, научный сотрудник, отдел этнологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: sharaevati@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются версии о происхождении этнической группы *улдчнр*. Некоторые из них связаны с образованием группы из среды бурульских родов субэтнической группы дербетов, другие — из представителей родов субэтнической группы торгутов, преимущественно Эркетенского улуса, подвергнувшегося в конце XVIII в. насильственному расселению в другие улусы бывшего Калмыцкого ханства. В различных версиях подчеркивается роль таких легендарных личностей, как Миитр-нойон и Мазан-Батыр, в образовании этнической группы *улдчнр*.

Этническая группа *улдчнр* включает большое количество патронимических групп *арванов*, изучение которых требует комплексного подхода.

Ключевые слова: этническая группа, род, калмыки, этническая история, Мазан-Батыр, Миитр-нойон.

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 68–74, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-68-74
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

A Case Study of Ethnic Linguistic Consciousness and an Associative Experiment (Evidence from the Kalmyk Language)

Vladimir N. Mushaev¹, Vera I. Mushaeva²

¹ Ph. D. in Philology (Doct. of philological Sc.), Professor, Department of Kalmyk Language, Mongol and Altai Studies, Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: mushaev_vn@mail.ru.

² Ph. D. in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: veramushaeva@rambler.ru.

Abstract

The article focuses on the studies of the language consciousness on the basis of free associative experiments. The associative method of linguistic research aims to reveal the associative range of the average respondent; to construct and analyze the associative relationships between words, to search for consistent patterns; to form forward and reverse associative dictionary. The associative experiment allows us to determine the consistency of content of the image of the consciousness behind the word, in different cultures, and consistency of all language awareness of different cultures, conveying thereby the uniqueness and originality of the image of the world by every culture. Consequently, language awareness can serve as a means of understanding the foreign culture in its substantial and mental forms and means of knowledge of their culture. Experimental study of ethnospecific stereotypes of the Kalmyk and the Russian language consciousness is based on the free associative experiment, which involves the presentation of words-stimulus, defined intuitively by native speakers as typical stereotypical characteristics, values, priorities.

Keywords: associative dictionary, image of the world, free associative experiment, linguistic consciousness.

Исследование стереотипов языкового сознания носителей конкретных языков предполагает проведение так называемого свободного ассоциативного эксперимента. Он строится на предъявлении слов-стимулов различных семантических полей, реагируя на которые, носитель языка интуитивно определяет свои приоритеты, ценности и стереотипные характеристики. Частотность и количество реакций позволя-

ет выявить индивидуальную «концептуальную систему» универсальных и собственно-этнических закономерностей, характерных для лексического ассоциирования носителей различных языков [Уфимцева 2000].

Экспериментальные исследования на материале разносистемных языков открывают широкие возможности для разнообразных межъязыковых сопоставлений и обобщений. Различные ассоциативные ме-

тодики, которые используются в работах психологов и психолингвистов, говорят о важности и актуальности данного направления в лингвистике [Залевская 1980; Каралов 1999; Горошко 2001].

Целью статьи является определение основных аспектов, способствующих выявлению этнокультурной специфики речевой деятельности на материале современного калмыцкого языка и позволяющих интегрировать результаты калмыцкого ассоциативного эксперимента в существующие этнолингвистические модели описания.

Для выявления закономерностей существования составляющих этнорегионального менталитета проживающих на территории Республики Калмыкия жителей следует осуществить массовый ассоциативный эксперимент, по итогам которого будет составлен «Калмыцко-русский ассоциативный словарь». Его основной задачей является фиксирование с помощью экспериментальных инструментариев ядра этнического языкового сознания калмыков, выявление калмыцкого компонента в языковом сознании русских, интенсивность взаимодействия русско-калмыцкого компонента в языковом сознании других национальностей, проживающих в республике. К подобному эксперименту должны быть привлечены следующие группы респондентов: 1) калмыки, владеющие родным и русским языками; 2) калмыки, владеющие только русским языком; 3) исконно русское население и 4) представители других национальностей.

Лингвистическому анализу будет подвергнута вся совокупность реакций, собранных от названных групп информантов, количеством примерно в 1 000 человек, которым будет предложено ответить на 105–110 слов-стимулов различных семантических полей. Думается, что указанные выше группы респондентов и число участников эксперимента позволят получить достоверный материал для его последующего изучения.

Вместе с тем мы считаем вполне возможным проведение подобного эксперимента, особенно на начальном его этапе, на примере значимых в семантическом отношении сегментов лексики, ограничив при этом число респондентов по возрасту и профессиональной направленности. Учеными особо подчеркивается, что ассоциативный эксперимент может служить как инструмен-

том обнаружения межэтнической напряженности, так и показателем степени близости этносов и, что очень важно в нашем случае, средством обнаружения направлений и тенденций к ассимиляции этноса [Пищальникова, Рогозина 2004]. Опираясь на методику, предложенную Н. В. Уфимцевой [1996], можно смоделировать ядро языкового сознания калмыков-билингвов и русских, проживающих на одной территории, и провести сравнительные исследования представителей других этнокультур.

Результаты анализа ассоциативных реакций носителей различных языков и первые наблюдения над калмыцким языковым материалом позволят сделать предварительные выводы о степени близости ядра языкового сознания калмыков-билингвов и русских. При этом калмыки-монолингвы (хотя их единицы) и иностранцы, начинающие приобщаться к русско-калмыцкой этнокультуре, будут одинаково удалены по содержанию своего языкового сознания от калмыков-билингвов и русских. Признавая тот факт, что калмыцкий и русский языки по своему грамматическому строю совершенно различны, а выявленная близость их этнически значимых концептов является очевидным свидетельством интенсивности ассимиляционных процессов в калмыцком языке, можно предположить, что количество совпадающих лексем монолингвов у калмыков, бурят и монголов будет близким, как достаточно близки к казахам и киргизам. Причина тому — генетическая общность данных языков.

Безусловно, в культуре и обыденном сознании калмыков-билингвов и русских закрепились одинаковые духовные ценности, выработанные в процессе длительных и тесных контактов и совместного проживания на общей территории. Поэтому можно говорить о достаточной степени корреляции этнических стереотипов в их языковом сознании. Об этом свидетельствует характер реакций на слова-стимулы девяти лексико-семантических полей: семья / родина; нравственно-этнические нормы; эмоции; ценности; образование; язык; природа; цивилизация; время. Можно полагать, что собственно-этнический стереотип, реконструируемый на основании данных ассоциативного эксперимента, будет достаточно близким [Городецкая 2002].

Следующим важным аспектом исследования специфики языкового сознания

является моделирование этнорегионального стереотипа «я» и степень выраженности этничности калмыков и русских. С этой целью предлагается тест с опорой на методику М. Куна и Т. Макпартлэнда (середина 1950-х гг.), где необходимо ответить на вопрос «Кто я». Время на выполнение — до 15 минут, количество ответов — от 15 до 20, участников — две группы по 70 человек: студенты-филологи — 2 профили: «Калмыцкий язык и литература» и «Русский язык и литература». Количество реакций — примерно по 1 000 фиксаций. Их анализ позволит определить следующие приоритетные личностные характеристики: эмоционально-оценочные; семейно-родственные; профессиональные; половозрастные; этносоциорегиональные; имена собственные [Клименко, Супрун 1977].

Тестирование покажет, на какой вид личностной стратегии ориентированы группы тестируемых. Если из семантического поля слов-стимулов называются характеристики семейно-родственных стратегий, мы понимаем, что эти реакции являются приоритетными в ассоциативно-смысловой структуре языкового сознания данного этноса. Обычно одной из ведущих типологических характеристик менталитета любого этноса, его составляющих стереотипов являются эмоции, с помощью которых выражается отношение к окружающему, приоритеты и ценностные ориентиры [Турунен, Харченкова 2000]. Анализ структур базовых эмоциональных концептов в калмыцком и русском языках на основе ассоциативного эксперимента позволит обратиться к моделям представления об эмоциях на калмыцком языковом материале, определить его специфические и универсальные компоненты. Опираясь на существующие исследования, можно по каждой группе респондентов составить эквиваленты названий-эмоций, выделив при этом эмоции, составляющие ядро языкового сознания этносов. Вполне естественно, что значимость эмоциональных концептов в языковом сознании этносов будет неодинаковой.

Этнопсихолингвистический подход к представлениям об эмоциях необходим и важен в данном эксперименте для изучения стратегии поведения различных групп респондентов, возможностей расширения концептуального пространства эмоциональных лексем, корреляции эмоциональности с различными видами оценок и нравственных

принципов, установления двуязычных эквивалентов эмоциональной лексики и т. д. [Голикова 2005].

Обращаясь к вопросам отбора материала и перевода слов-стимулов и реакций на них, необходимо отметить, что слова-стимулы составляются на русском языке на основе списка американских ученых Г. Кент и А. Розанова с включением ряда русских общеупотребительных слов из ассоциативных словарей, изданных в нашей стране на материале индоевропейских и тюркских языков.

В калмыцкий вариант словника включаются принципиально значимые, переведенные с русского языка стимулы. Этнографическая и конфессиональная лексика и слова-синонимы в калмыцком варианте корректируются с русскими по форме, содержанию и количеству.

При формировании словника возникают трудности с переводом слов-стимулов на калмыцкий язык и переводом ассоциативных реакций на русский язык. Эти трудности связаны в меньшей мере с различиями в грамматической структуре языков и семантике исходных слов и в большей степени — с различиями в языковом восприятии и членении реалий в рассматриваемых языках. При расхождении средств выражений в грамматическом строе языков выбирается один из допустимых вариантов межъязыковых соотношений, или слово исключается из экспериментального списка. Например, стимул *баранина* (как и *говядина*, *свинина*, *конина*, *курица*) требует двучленное словосочетание, но он, переведенный сочетанием *хөөнэ махн*, был заменен словом-стимулом *махн* ‘мясо’. Понятия *сильный* и *громкий* в калмыцком языке обозначаются одним словом *чаңһ*, имеющим, помимо указанных двух, следующие значения: ‘требовательный, крепкий (мороз), тугой (струна)’ и ‘бодрый’. Однако в список эксперимента вошел только один (первый) стимул.

Несоответствие в членении реалий проходит и при подборе взаимно обусловленных пар в цветообозначении, например: калмыцкое слово *шар* обозначает и желтый, и русский, и рыжий; слово *көк* ‘синий, голубой, зеленый’ имеет также значение ‘серый, сивый (о масти)’, а прилагательное *мергн* передает такие значения, как ‘меткий, ловкий, искусный, мудрый’. Для установления допустимых межъязыковых соотношений берется слово-стимул *шар* ‘желтый’, во втором и третьем случаях — *көк* ‘синий’, *мергн*

‘меткий’, а стимул *зеленый* соответствует прилагательному *ноһан*, коррелятом стимула *мудрый* служит калмыцкое слово *цецн*.

Еще одной причиной затруднений в переводах слов-стимулов является наличие в сопоставляемых языках большого количества многозначных слов и омонимов. Не касаясь вопросов идентификации значений воспринимаемого слова, с которым связаны различные ряды ассоциаций, формируемых стимулами-омонимами, необходимо отметить, что в данном случае многозначность и омонимия являются причинами появления в ходе эксперимента эмпирического языкового материала, который трудно интерпретировать и вводить в научный оборот. Тем не менее в результате учета данного языкового факта в каждом корпусе экспериментальных анкет можно выделить набор стимулов-омонимов.

По мнению большинства исследователей, при переводе ассоциативных ответов следует исходить из логики самой ассоциативной операции, учитывая связь между стимулом и реакцией. Пример наблюдений на материале калмыцкого языка: в ответ на стимул *эк* ‘мать’ одной из самых приоритетных реакций будет слово *эцк* ‘отец’, а также сочетание *эк эцк хойр* ‘букв. мать отец вдвоем’ в значении ‘родители’. Аналогичная пара стимулов и реакция — слова *көл* ‘нога’ и *һар* ‘рука’. Причем в данном случае не только взаимодополняющая парадигматическая реакция, но и ее высокочастотность объясняются устойчивостью сочетания *көл-һар*, начиная со значения ‘конечности’ и завершая обобщенно-видовыми характеристиками в выражениях: *Көл һар уга күлдх* ‘Быть связанным по рукам и ногам’. Подобного рода идиоматичностью связаны между собой многие ассоциаты, и при переводе необходимо учитывать эти устойчивые взаимоотношения между стимулом и реакцией. В словарной статье это пунктуационно выделяется, причем перевод следует давать не дословный, а вариант — контекстуально связанный со стимулом. Например, на базовый стимул дается достаточное количество ответов, семантически связанных или трансформирующих новое понятие. Объяснением таких реакций служит то, что базовые стимулы в языковом сознании состоят в устойчивых выражениях, и эти особенности следует учитывать при переводе.

Следующие два аспекта эксперимента связаны с проблемами перевода и интерпре-

тации языковых данных, что обусловлено лексическими различиями обиходно-разговорного языка сопоставляемых этносов. Думается, что при переводе на калмыцкий и с калмыцкого сложностей, связанных с теми или иными диалектными особенностями калмыцкого языка, не будет. При необходимости можно обратиться к работам известных диалектологов [Павлов 2012; Кичиков 1963; Убушаев 2006]. Второй аспект связан с переводными эквивалентами калмыцких видовых и родовых наименований. Наиболее удобным способом перевода является использование русских коррелятов. При их отсутствии можно использовать описательный перевод родовидовых наименований, названий мастей домашних животных и во всех остальных случаях, когда нельзя подобрать слова-эквиваленты.

Вопросы изменения семантики многозначных слов в зависимости от сочетаемости с другими словами, т. е. ассоциативной связи стимула и реакции, относятся к актуальным проблемам перевода стимулов и ответных реакций. Если взять для сравнения пару антонимов — прилагательных *светлый* и *темный*, то соответствующий ему набор прилагательных в сочетаниях калмыцкого языка будет следующим: со словом *темный*: темная комната — *харңһу хора*; темное платье — *харвр өңгә бұшмуд*; темный смысл — *тодрха биш учр-утх*; темная личность — *уригта күн*; темные люди — *харңһу муңхг улс*. Со стимулом *светлый*: светлая лампочка — *герлтә шам*; светлая комната — *сарул хора*; светлая краска — *цәәвр шир*; светлый ручеек — *цегән уста һоожур*; светлый (проницательный) ум — *сарул ухан* и др.

Из этих примеров мы видим, что к приведенным русским словам, имеющим несколько значений, приходится искать более пяти соответствий в калмыцком языке. Естественно, без обязательного учета связи между стимулом и реакциями соответствующего перевода сделать это трудно. Поэтому без дополнительного анализа синонимов и антонимов реакций-ассоциатов искомое сопоставление и перевод невозможны. Приведем примеры обратного порядка, когда в калмыцком языке в соответствии с грамматико-стилистическими нормами функционируют по два варианта качественных прилагательных *нәрхн* и *нимгн*, которые соответствуют русскому слову *тонкий*. Вторая антонимичная пара: *зузан* и *бөдүн* — эк-

вивалент *толстый*, например: *нэрхн утан* ‘тонкая струя дыма’ — *нимгн цаасн* ‘тонкая бумага’; *зузан мөсн* ‘толстый слой льда’ — *бөдүн утцн* ‘толстая нитка’.

Следующий аспект рассматриваемой проблематики — это вопросы адаптации реакций на заимствованные интернационализмы и русские слова. Ясно, что совместная история, общее политико-идеологические и социально-экономические условия явились причиной того, что в речи калмыков как равноправные элементы употребляются и калмыцкие, и русские слова или общие интернационализмы, причем количественное деление респондентов за калмыцкий вариант или русский его коррелят при приведении калмыцкого стимула зависит от степени адаптированности экспериментируемого слова-стимула.

Необходимо остановиться на трудностях перевода, связанных с различиями в грамматическом строе изучаемых языков. Выявление синтагматических и парадигматических реакций в ассоциативном поле существенно затрудняется из-за того, что наблюдается принципиальное различие в способах аффиксации исследуемых языков. Например, грамматическое оформление винительного падежа в калмыцком языке представлено нулевой формой. Кроме того, затруднения в переводе и определении семантических групп в ассоциативном поле могут быть вызваны и тем, что в калмыцком языке по своей форме совпадают прилагательные и наречия, например: *хол* — ‘далекий’ и ‘далеко’; две формы слова выражаются одинаково: *күнд*, *кецу* — ‘трудно’ и ‘трудный’; одним словом выражены три части речи: *сэн* — ‘хороший’ (прилагательное), ‘хорошо’ (наречие), ‘хорошее, добро, благо’ (существительное).

Для эквивалентного перевода частей речи следует исходить из функции и сочетаемости данного слова в определенном контексте. Так, если в качестве стимула выступает существительное, то при переводе оно чаще всего предстаёт как прилагательное и относится к синтагматическим реакциям. Если же стимулом является глагол, то такие формы рассматриваются как наречие, например: *хувцн* — *сэн* ‘одежда — хорошая’, *бээх* — *хол* ‘находится — далеко’.

При перестановке слагаемых эксперимента для стимула прилагательное / наречие перевод идентифицируется как прилагательное, а если большая часть ассоци-

аций — глаголы, это значит, что стимул воспринимается как наречие, например: *кулэх* — *удан* ‘ждать — долго’.

Подобным же образом можно преодолеть трудности перевода и интерпретаций слов-стимулов, также относящихся к грамматическому своеобразие современного калмыцкого языка. Это конверсия частей речи (чаще всего переход существительных в прилагательное) и наличие двух видов аффиксов одного падежа, например винительного — с аффиксом *-иг*, *-г* и его нулевым вариантом.

В заключение следует отметить, что несмотря на исследование достаточно большого объема языкового материала и учет таких дополнительных факторов, как возраст, пол, уровень образования, социальный статус респондентов, добиться полного совпадения объема значения слов в сопоставляемых языках чрезвычайно сложно.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 16-04-00312 «Создание прямого переводного ассоциативного словаря сравнений».

Литература

- Голикова Т. А. Этнопсихолингвистические исследования языкового сознания (на материале алтайско-русского ассоциативного эксперимента). М.: Тип. на Люсиновской, 2005. 322 с.
- Городецкая Л. А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях // Теория коммуникации и прикладная коммуникация: Сб. трудов. Вып. 1. Ростов н/Д.: ИуБиП, 2002. С. 169–178.
- Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.; Харьков: Ра-Каравелла, 2001. 320 с.
- Залевская А. А. Психолингвистические исследования принципов организации лексикона человека (на материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов): автореф. дис... докт. филол. наук. Л., 1980. 48 с.
- Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
- Кичиков А. Ш. Дербетский говор: фонетико-морфологическое исследование. Элиста: Калмгосиздат, 1963. 87 с.
- Клименко А. П., Супрун А. Е. Ассоциативный эксперимент в ряду других методов семан-

- тических исследований // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 17–24.
- Кун М., Макпартланд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Г. М. Андреевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 180–187.
- Павлов Д. А. Пример служения науке и образованию: к 100-летию профессора Д. А. Павлова / отв. ред. Б. К. Салаев. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 203 с. (Калмыкия в событиях и лицах. XX век. Серия «Звезды над степью»).
- Пищальникова В. А., Rogozina И. В. Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Сб. ст. / под общ. ред. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 6–17.
- Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева. М.: ИРЯ РАН, 1994. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ч. I. М.: Помовский и партнеры, 1994. 223 с.; Кн. 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ч. I. 1994. 358 с.; Кн. 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ч. II. 1996. 212 с.; Кн. 4. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ч. II. 1996. 324 с.
- Турунен Н., Харченко Л. И. Ассоциативный эксперимент как средство выявления картины мира у представителей разных культур // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 121–128.
- Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: АОП НПП «Джангар», 2006. 256 с.
- Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. науч. тр. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 139–163.
- Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 56–67.
- References**
- Golikova T. A. *Etnopsiholingvisticheskie issledovanija yazykovogo soznaniya (na materiale altajsko-russkogo asociativnogo eksperimenta)* [Ethnopsycholinguistic studies of linguistic consciousness (evidence from an Altai-Russian paired associates experiment). A Ph. D. thesis]. Moscow, 2005, 322 p. (In Russ.).
- Gorodetskaya L. A. *Asociativnyj eksperiment v kommunikativnyh issledovanijah* [Associative experiment in communication research]. *Teorija kommunikacii i prikladnaja kommunikacija: Sb. Trudov* [Communication theory and applied communication. A collection of works]. Rostov-on-Don, Institute of Management, Business and Law Press, 2002, iss. 1, pp. 169-178 (In Russ.).
- Goroshko E. I. *Integrativnaja model' svobodnogo asociativnogo eksperimenta* [The integrative model of a free associative experiment]. Moscow-Kharkov, Ra-Caravella Publ., 2001, 320 p. (In Russ.).
- Zalevskaya A. A. *Psiholingvisticheskie issledovanija principov organizacii leksikona cheloveka (na materiale mezhyazykovogo sopostavlenija rezul'tatov asociativnyh eksperimentov): Avtoreferat diss... dokt. filol. nauk* [Psycholinguistic studies of individual lexicon organization principles (evidence from interlingual comparison of results of paired associates experiments). A synopsis (abstract) of the Ph.D. thesis]. Leningrad, 1980, 48 p. (In Russ.).
- Karaulov Y. N. *Aktivnaja grammatika i asociativno-verbal'naja set'* [Active grammar and the associative-verbal network]. Moscow, 1999, 180 p. (In Russ.).
- Kichikov A. Sh. *Derbetskij govor: fonetiko-morfologicheskoe issledovanie* [The Dorbet dialect: a case study of phonetics and morphology]. Elista, Publ. Dept. of the Kalm. Research Inst. of Language, Literature and History, 1963, 87 p. (In Russ.).
- Klimenko A. P., Suprun A. E. *Asociativnyi eksperiment v rjadu drugih metodov semanticheskikh issledovanii* [Associative experiment among other methods of semantic research]. *Slovar' asociativnyh norm russkogo yazyka* [A dictionary of Russian associative norms]. Moscow, 1977, pp. 17-24 (In Russ.).
- Kuhn M., McPartland T. *Empiricheskoe issledovanie ustanovok lichnosti na sebja* [An empirical investigation of self-attitudes]. *Sovremennaja zarubezhnaja social'naja psihologija / pod red. G. M. Andreevoj* [Modern foreign social psychology. Edit. by G. M. Andreeva]. Moscow, Moscow State Univ. Press, 1984, pp. 180-187 (In Russ.).
- Primer sluzhenija nauke i obrazovaniju: k 100-letiju professora D. A. Pavlova [Tekst]: proekt Kalmyckogo universiteta / отв. ред. Б. К. Салаев* [An example of devotedness in serving science and education: celebrating the 100th anniversary of Professor D. A. Pavlov [text]. A project of Kalmyk State University. Edit. by B. K. Salaev]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2012, 203 p. (In Russ.) (Kalmykia: Personalities and Achievements. 20th cent. *The Stars over the Steppe* series).

- Pishchalnikova V. A., Rogozina I. V. *Yazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Sbornik statej* [Linguistic consciousness: theoretical and applied aspects. A collect. of articles]. Barnaul, Altai State Univ. Press, 2004, pp. 6-17 (In Russ.).
- Russkij associativnyj slovar'. *Associativnyj tezaurus sovremennogo russkogo jazyka / Ju. N. Karaulov, Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimceva* [The Russian Associative Dictionary. An associative thesaurus of modern Russian. Comp. by Y. N. Karaulov et al.]. Moscow, Russian Language Institute of the RAS, 1994. Book 1. Direct dictionary: from stimulus to reaction. Part I. Moscow, Pomovsky i Partnery Publ., 1994, 223 p. (In Russ.); book 2. Reverse dictionary: from reaction to stimulus. Part I. 1994, 358 p. (In Russ.); book 3. Direct dictionary: from stimulus to reaction. Part II. 1996, 212 p. (In Russ.); book 4. Reverse dictionary: from reaction to stimulus. Part II. 1996, 324 p. (In Russ.).
- Turunen N., Marchenkova L. I. *Associativnyj eksperiment kak sredstvo vyjavlenija kartiny mira u predstavitelej raznyh kul'tur* [Associative experiment as a means for identifying the worldviews of individuals with different cultural background]. *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior]. Voronezh, Voronezh State Technical Univ. Press, 2000. pp. 121-128 (In Russ.).
- Ubushaev N. N. *Dialektnaja sistema kalmyckogo jazyka* [The Kalmyk dialectal system]. Elista, Dzhangar Publ., 2006, 256 p. (In Russ.).
- Ufimtseva N. V. *Russkie: opyt eshhe odnogo samopoznaniya* [Russian: the experience of another self-knowledge]. *Etnokul'turnaja specifika yazykovogo soznaniya. Sb. nauch. tr.* [Ethnocultural specificity of linguistic consciousness. A collection of scholarly papers] Moscow, Publ. Dept. of the Institute of Linguistics of the RAS, 1996, pp. 139-163 (In Russ.).
- Ufimtseva N. V. *Yazykovoe soznanie i obraz mira slavjan* [Linguistic consciousness and world-image of the Slavs]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Linguistic consciousness and world-image]. Moscow, Publ. Dept. of the Institute of Linguistics of the RAS, 2000, pp. 56-67 (In Russ.).

УДК 811.512.37

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (на материале калмыцкого языка)

Владимир Наранович Мушаев¹, Вера Ивановна Мушаева²

¹ доктор филологических наук, профессор, кафедра калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, Калмыцкий государственный университет (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mushaev_vn@mail.ru.

² кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии, Калмыцкий государственный университет (Элиста, Российская Федерация). E-mail: veramushaeva@gambler.ru.

Аннотация. В статье речь идет об исследованиях языкового сознания на основе материалов свободных ассоциативных экспериментов. Целью ассоциативного метода лингвистического исследования является понимание ассоциативного ряда усредненного респондента; построение и анализ ассоциативных взаимосвязей между словами, поиск закономерностей; формирование прямого и обратного ассоциативного словаря. Ассоциативный эксперимент позволяет выяснить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в разных культурах, так и системность всего языкового сознания носителей разных культур, передавая тем самым уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры. Следовательно, языковое сознание может выступать не только как средство познания чужой культуры в ее предметной и ментальной формах, но и как средство познания своей культуры. Экспериментальное исследование этноспецифичных стереотипов калмыцкого и русского языкового сознания проводится с опорой на свободный ассоциативный эксперимент, который состоит в предъявлении слов-стимулов, интуитивно определяемых самими носителями языка как типичные стереотипные характеристики, ценности, приоритеты.

Ключевые слова: ассоциативный словарь, образ мира, свободный ассоциативный эксперимент, языковое сознание, калмыцкий язык.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 75–82, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-75-82
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 930.85+811.512.31

The Buryat Language in the Global Language System

Dinara D. Tregubova¹

¹ Ph. D. in History, Academic Secretary, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: inionran@mail.ru.

Abstract

Dutch sociologist Abram de Swaan began to elaborate a model of the global language system in 1993, and in 2001 his book “Words of the World: The Global Language System” was issued. In Swaan’s opinion, “the multilingual connections between language groups do not occur haphazardly. But, on the contrary, they constitute a surprisingly strong and efficient network that ties together — directly or indirectly — the six billion inhabitants of the earth”. There are 1) peripheral, 2) central, 3) supercentral and 4) hypercentral languages. Different language types have different functions in the global language system. Central and supercentral languages of the world are responsible for stability of the whole system. The hypercentral English language combines the elements of the system in a single unit. Minority languages are a source of diversity for the development of the system. And there is an indicator of language learning and language spread — the Q-value, which characterizes the communicative value of every language. When the Q-value of some language is extremely low, it is quite hard to save such a language in the contemporary world environment.

The present article shows the place of the modern Buryat language in the Swaan’s system and seeks the way to protect the Buryat language and its dialects against the negative effect of the globalization process. The paper discusses how the Old Mongolian script could help find a suitable solution.

The number of Buryat language speakers is rapidly declining. The broad discussion on the Buryat language problems has been simmering on the territory of ethnic Buryatia since the late 1980s — i.e. since the beginning of the Buryat national and cultural revival movement. The several key “recipes for salvation” of the Buryat language which have been offered by the participants of this discussion during the last five years (except for the “returning” to the Old Mongolian script) can be identified as follows: 1) re-creation of the language environment, in particular — in the media landscape; 2) restoration of the functions of the Buryat language at the family level, particularly in urban areas; 3) teaching of the Buryat literary language at schools; 4) learning of spoken Buryat in different sub-ethnic territories.

Keywords: globalization, Abram de Swaan, global language system, Buryat language, Old Mongolian script.

Культурное и языковое многообразие в России сегодня находится под охраной государства. Поддержка и защита языков народов России является одним из основных принципов государственной национальной политики Российской Федерации, где, согласно официальным данным, используются 277 языков и диалектов. При этом в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 — в качестве языка обучения, 59 — в качестве предмета изучения [Указ Президента 2012. П. II, пп 10; П. III., пп. 19]. Бурятский язык занимает своё, казалось бы, надежное место среди языков народов нашей страны. Однако количество его носителей продолжает стремительно сокращаться.

Широкая дискуссия по проблемам бурятского языка на территории этнической Бурятии¹ не утихает с конца 1980-х гг., или с начала процесса бурятского национально-культурного возрождения, которому посвящена, например, монография Е. А. Строгановой [Строганова 2001]. Можно выделить несколько ключевых «рецептов спасения» бурятского языка, предлагаемых участниками этой дискуссии в течение последних пяти лет. К ним относятся: 1) воссоздание языковой среды, в особенности — в медиапространстве; 2) восстановление функций бурятского языка на уровне семьи, в особенности — в городских условиях; 3) преподавание бурятского языка в школах; 4) изучение разговорного бурятского языка [Трегубова 2016]. Рассматривая языковую картину мира в целом и определяя место бурятского языка среди других языков, мы предлагаем переосмыслить функции пятого из выделенных нами возможных решений.

Соотношению различных языков в современном мире посвящен труд голландского социолога Абрама де Сваана. В 1993 г. он приступил к разработке модели глобальной языковой системы, применив структурно-функциональный подход. Результаты его изысканий были опубликованы в 2001 г. в виде книги «Слова мира: глобальная языковая система» [De Swaan 2001]. Об Абраме де Сваане и его концепции мы можем узнать из посвященной глобальной языковой системе статьи англоязычной Википедии [Global language system], из статьи самого де Сваана в «International Political Science

¹ Прибайкалье (Предбайкалье и Забайкалье): территория от г. Нижнеудинска на западе до верховьев Амура на Востоке.

Review» 1993 г. [De Swaan 1993], из русскоязычной статьи С. К. Гураль и В. М. Смокотина 2014 г., посвященной английскому языку [Гураль, Смокотин 2014]. Основные положения теории де Сваана также изложены в докладе Ю. Ю. Черного «Глобальная борьба за киберпространство и языки», подготовленном для произнесения на Всемирной встрече экспертов по вопросам сохранения языков и их развития в киберпространстве (г. Ханты-Мансийск, июль 2015 г.) и размещенном на сайте ИНИОН РАН [Черный 2015].

По мнению ученого, «многоязычные соединения между языковыми группами строятся не хаотично, но, напротив, представляют собой удивительно сильную и эффективную сеть, которая связывает вместе — прямо или косвенно — шесть миллиардов жителей земли» [De Swaan 2001; Черный 2015: 6].

В зависимости от влияния, оказываемого ими на глобальные процессы, языки делятся на четыре группы. Существуют периферийные, центральные, суперцентральные и гиперцентральные языки. Большинство языков мира (приблизительно 98 %) относится к периферийным языкам. На них говорит всего около 10 % населения планеты. Периферийные языки — языки больше устного общения, нежели чтения и письма. В процессе коммуникации вне пределов своих языковых групп носители периферийных языков пользуются другими языками. Языки этой группы находятся в наибольшей опасности вследствие усиливающейся глобализации.

К центральным языкам (их около ста) относятся национальные и официальные языки государств. Центральные языки, так называемые языки записи, использует приблизительно 95 % населения мира. На них публикуются книги и печатаются газеты; все материалы, записанные на этих языках, хранятся в архивах и библиотеках. Центральные языки выполняют роль средства коммуникации между говорящими на периферийных языках в пределах географических районов. Многие носители центральных языков дву- либо многоязычны: родным языком для них обычно является периферийный. В случае если родным языком является центральный, его носитель осваивает один из суперцентральных языков.

Носителей центральных языков объединяют получившие широкое распростра-

нение суперцентральных языки, которых, согласно де Сваану, в современном мире 13. К центральным языкам относятся: английский, немецкий, французский, испанский, португальский, русский, арабский, турецкий, китайский, японский, хинди, малайский, суахили. Став однажды центральными (как правило, в результате колонизации), эти языки сохранили своё влияние в политической, правовой и технологической сферах, а также в крупном бизнесе и высшем образовании.

Гиперцентральным языком, объединяющим носителей суперцентральных языков, сегодня является английский язык.

Коммуникативную ценность языка характеризует введенный де Свааном количественный показатель Q , рассчитываемый по специальной формуле. Чем выше его значение, тем более востребован язык. Наивысшим значением Q отличается английский. Согласно де Сваану, показатель Q помогает понять, почему люди чаще всего делают выбор в пользу изучения языка более высокого уровня языковой иерархии. Язык выступает здесь в роли символического блага. Затрачивая своё время и силы на его освоение, в дальнейшем человек получает возможность обменять его на реальные блага.

Различные уровни языков выполняют в глобальной языковой системе разные функции. Центральные и суперцентральные языки отвечают за её устойчивость. Суперцентральный английский объединяет элементы системы в единое целое. Миноритарные языки служат для развития системы источником разнообразия, однако их сохранение и развитие едва ли способны серьезно повлиять на общую языковую картину мира и изменить уже существующие тенденции.

С точки зрения политической социологии языка и политической экономии языка (термины, предложенные де Свааном), «сохранение миноритарных языков является делом весьма затратным и, возможно, не дающим того эффекта, который ожидается. Поэтому усилия по сохранению языков этого уровня иерархии в контексте логики глобализации могут рассматриваться как дело благородное, но всё же связанное с движением против течения» [Черный 2015: 8; Бейлина 2015; Казаченкова 2015].

Рассматривая современный бурятский язык с позиций концепции Абрама де Сваана, можно сказать, что, являясь *de jure* центральным (первым государственным

языком Республики Бурятия), *de facto* он распадается на несколько периферийных, поскольку является многодиалектным [Бураев, Дондуков, Рассадин, Шагдаров 2004; Трегубова 2015]. Современный литературный бурятский язык, сформированный на базе хоринского диалекта, представляет собой продукт и одновременно способ конструирования этничности (создания бурятской нации), но языком «всебурятского» общения он пока не стал.

В апреле 2014 г. депутаты Народного Хурала Республики Бурятия приняли поправку в республиканский закон об образовании, согласно которой обязательное изучение бурятского литературного языка в школах не предполагается. Возникшая ситуация породила ряд радикальных высказываний, нашедших отражение в интернет-пространстве. «Вообразите, что вместо того чтобы защищать, допустим, амурского тигра, этот вид внезапно исключают из Красной Книги и начинают раздавать лицензии на отстрел» [Дневник пользователя Evrobur(1)], — прокомментировала «необязательность» Р. Д. Дугарова, председатель правозащитного движения «Эрхэ» и участник многих проектов, связанных с поддержкой бурятского языка. В. А. Хамутаев, доктор исторических наук, бывший вице-президент Всебурятской ассоциации развития культуры и президент Конгресса бурятского народа, выразился еще более емко: «Народный Хурал Республики дважды дал под дых нации» [Дневник пользователя Evrobur(2)]. С другой стороны, как указывает Б. Э. Мункожаргалов, почетный член совета Центра бурятской культуры Иркутской области, сложилась ситуация, когда сами родители школьников «массово пишут отказы от изучения бурятского языка, и ввиду отсутствия учеников бурятский язык в данной школе не изучается» [Мункожаргалов 2015]. И именно неприятие современного бурятского литературного языка как «своего» может быть главной причиной того, что его изучение так и не стало обязательным. На сегодняшний день диалекты бурятского языка представлены в прессе (газета «Нютагхэлэн / диалекты», выходящая с октября 2015 г.), на радио («Буряадарадай радио», начавшее вещание на частоте 90.8 FM 25 августа 2016 г.) и на телевидении (программа «Толи» на канале БГТРК), и всё же принимаемых для сохранения языка мер недостаточно.

Сохранение бурятского языка и его диалектов становится всё более сложной задачей, решение которой «возможно лишь при серьезной поддержке на уровне правительства, системы образования, системы культуры...» [Бадагаров 2013]. Однако существует также наддиалектный письменный бурятский язык, и многие современные ученые склоняются к необходимости «возвращения» к нему или, по крайней мере, настаивают на существовании насущной потребности в его изучении. *Хуучин бичиг*, или старобурятский литературно-письменный язык, — так условно называется письменность, использовавшаяся в XVII–XIX вв. в религиозной практике и делопроизводстве (широко распространённой в то время она, конечно, не была) и послужившая основой создания бурятского литературного языка в 20-е годы XX в. (до его перевода на латиницу и селенгинский диалект в 1931 г.), что оказало заметное влияние на становление бурятской профессиональной литературы, а также издательского дела и печати. На основе старомонгольской письменности создавались первые республиканские периодические бурятоязычные издания: газета «Буряад-монголун унэн», журналы «Уран угын чимэг», «Соелун хубисгал» и др. [Дондуков 1998: 146]. В органах государственной власти и иных учреждениях реформированная старомонгольская письменность использовалась наряду с русским языком [Елаев 2000: 192]. Всё это могло продолжаться до тех пор пока вера советского руководства в возможность мировой революции не иссякла и Бурят-Монгольская АССР не перестала играть роль «форпоста социализма на буддийском Востоке», однако уже в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в связи с изменением внешнеполитической обстановки Бурятская республика стала восприниматься союзным центром совершенно иначе: прежде всего, как национальное образование, занимающее приграничное положение и поэтому представляющее опасность [Елаев 2000: 193–196] со всеми вытекающими, и не только для дальнейшего развития языка, последствиями. Однако в современной дискуссии о языке нередки обращения к периоду 1920-х гг.

Сегодня, овладев *хуучин бичиг*, мы получим возможность объясняться не только с носителями различных диалектов бурятского, но и со всем монгольским миром, раскинувшимся по просторам Евразии. Комму-

никативная ценность бурятского языка, таким образом, значительно возрастёт, и, как следствие, увеличится и число желающих изучать бурятский язык.

Пользуясь терминами де Сваана, старописьменный монгольский язык можно считать центральным или, возможно, даже своеобразным «суперцентральным письменным языком», имеющим гораздо больше шансов выжить в эпоху глобализации. Среди тринадцати суперцентральных языков Абрама де Сваана монгольского старописьменного языка нет, однако он мог бы играть для монгольского мира примерно такую же роль, на которую претендует турецкий в тюркоязычном мире, включающем в том числе и тюркоязычные народы Центральной Азии, российских татар, якутов, являющихся самым северным народом тюркоязычного ареала, и др.

Исследователь общественно-политической лексики бурятских СМИ со времени образования республики в 1923 г. до перехода на кириллицу в 1939 г. Ж. Ш. Санжанов считает, что с отменой литературного языка на базе вертикальной графики монгольской письменности и переходом на один диалект язык перестал быть для бурят объединяющим фактором и тенденция развития языка исключительно в рамках развития диалектов лишь усилит уже существующие проблемы [Из комментариев к интервью 2016]. «Буряты просто-напросто перестанут понимать друг друга и будут вынуждены переходить на общепонятный язык», — пишет исследователь, подразумевая под таким языком русский, позиции которого на российском пространстве неоспоримы [Из комментариев к интервью 2016]. Таким образом, буряты делают логичный выбор в пользу другого суперцентрального языка, потрясающего по своей художественной силе, однако не являющегося родным языком. С точки зрения ученого, этот начавшийся еще в советское время процесс «до сих является основным фактором утраты родного языка современными бурятами» [Из комментариев к интервью 2016].

По мнению литературоведа И. В. Булгутовой, Ж. Ш. Санжанов убедительно показывает важность «старомонгольского» периода для понимания современных языковых процессов. «Во всяком случае, — пишет И. В. Булгутова, — тогда не возникало спора о доминировании какого-то одного

из бурятских диалектов. Старомонгольская письменность и латиница фиксировали общемонгольскую лексику и грамматические формы. С таким подходом не поспоришь. Надо просто вспомнить хорошо забытое старое, оно и есть сегодня новое» [Из комментариев к встрече 2016].

К тому же, вполне возможно, что повышение интереса к изучению старомонгольской письменности в этнической Бурятии благоприятно скажется на развитии культурного сотрудничества между Россией и Монголией, ведь монгольские народы России неизменно являются связующим звеном в этом сотрудничестве. Однако мы не призываем отказываться от кириллицы. Последствия любых радикальных преобразований в сфере языка для его носителей будут, прежде всего, отрицательными, тем более, что кириллица «послужила важным рычагом в дальнейшем усовершенствовании и окончательном формировании и становлении бурятского литературного языка» [Дондуков 1998: 147]; переход на кириллицу в 1939 г. обеспечил более точную передачу фонем бурятского языка, упростил правописание [Раднаева 2000: 127–128], сделал более доступным обучение грамотности, а также решил задачу более успешного формирования бурятско-русского двуязычия и ускорения интеграции республики в общее русскоязычное пространство советского государства. Но сегодня такие задачи перед федеральным центром уже не стоят.

Нам представляется своевременным именно сейчас возобновить изучение старописьменного языка наряду с современным литературным и разговорным языком, ведь уже с 2002 г. бурятский язык фигурирует в длинном списке вымирающих языков. Языковое многообразие сокращается стремительно: по данным ЮНЕСКО, каждый второй язык планеты (в целом, более 3 000 языков) находится под угрозой исчезновения уже в нынешнем столетии. По нашему мнению, возобновление общения с использованием *хуучин бичиг* ускорит формирование общепурятской языковой среды, что значительно укрепит позиции бурятского языка в глобальной языковой системе и обеспечит его дальнейшее успешное функционирование, при котором носители всех диалектов будут чувствовать себя комфортно, а литературный бурятский получит мощный стимул для развития.

Литература

- Бадагаров Ж. Б.* Потеря бурятского языка приводит к непредсказуемым последствиям. 24.12.2013. [электронный ресурс] // URL: http://minkultrb.ru/publications/detail.php?ELEMENT_ID=5251 (дата обращения: 25.10.2016).
- Бейлина Е.* Язык как инструмент давления или единения или развития? // Университетская книга: Информ.-аналит. журнал. М., 2015. № 7 (сентябрь). С. 34–41.
- Бураев И. Д., Дондуков У.-Ж. Ш., Рассадин В. И., Шагдаров Л. Д.* Бурятский язык и его диалекты // Бурятия, 2004 г. 12 и 16 июня.
- Гураль С. К., Смокотин В. М.* Язык всемирного общения и языковая и культурная глобализация // Язык и культура. Томск, 2014. № 1 (25) [электронный ресурс] // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vsemirnogo-obscheniya-i-yazykovaya-i-kulturnaya-globalizatsiya> (дата обращения: 25.10.2016).
- Дневник пользователя Evrobur(1) [электронный ресурс] // URL: <http://evrobur.livejournal.com/14045.html> (дата обращения: 25.10.2016).
- Дневник пользователя Evrobur(2) [электронный ресурс] // URL: <http://evrobur.livejournal.com/14136.html> (дата обращения: 25.10.2016).
- Дондуков У.-Ж. Ш.* К вопросу о развитии бурятского литературного языка // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия (Мат-лы респ. науч.-практич. конф.). Улан-Удэ, 1998. С. 145–149.
- Елаев А. А.* Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М.: Вестком, 2000. 352 с.
- Из комментариев к встрече с Ж. Ш. Санжановым в Центральной городской библиотеке им. И. К. Калашникова в Улан-Удэ 8 июля 2016 г. [электронный ресурс] // URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=639239666241578&set=a.479861518846061.1073741828.100004666510229&type=3> (дата обращения: 25.10.2016).
- Из комментариев к интервью И. В. Булгутовой газете «Буряад Үнэн» 8 июня 2016 г. [электронный ресурс] // URL: <https://www.facebook.com/irinabulgutova/posts/1064691646955205?pnref=story> (дата обращения: 25.10.2016).
- Казаченкова Л. А.* Многоязычие... Перспектива или препятствие? // Современная библиотека. М., 2015. № 7 (57). С. 45–54.
- Мункожаргалов Б. Э.* Пока мы спорим о диалектах, язык умирает // «Новая Бурятия»,

- 25 июня 2015 г. [электронный ресурс] // URL: <http://www.newbur.ru/articles/21574> (дата обращения: 25.10.2016).
- Раднаева С. Б. История бурятской письменности и становление орфографических норм современного бурятского литературного языка: дис. ... канд. филолог. наук. Улан-Удэ, 2000. 140 с.
- Строганова Е. А. Бурятское национально-культурное возрождение (Конец 80-х — середина 90-х годов XX века, Республика Бурятия). М.; Иркутск: Наталис, 2001. 150 с.
- Трегубова Д. Д. Бурятский язык: пять плюс один рецепт спасения // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Межд. научн. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 229–230.
- Трегубова Д. Д. Современная языковая идентификация в этнической Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. № 8 (1). С. 197–200.
- Указ Президента Российской Федерации № 1666 от 19 декабря 2012 г. О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [электронный ресурс] // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&link_id=0&nd=102161949 (дата обращения: 25.10.2016).
- Черный Ю. Ю. Всемирная встреча экспертов по проблемам сохранения языков и их развития в киберпространстве (г. Ханты-Мансийск, 4–9 июля 2015 г.) // Стратегические приоритеты. Межд. науч.-аналит. журнал. 2016. № 1 (9). С. 121–127.
- Черный Ю. Ю. Глобальная борьба за киберпространство и языки (доклад на Всемирной встрече экспертов по вопросам сохранения языков и их развития в киберпространстве, г. Ханты-Мансийск, 8 июля 2015 г.) [электронный ресурс] // URL: http://inion.ru/files/File/Chernyyu_Yu_Yu_Global_battle_for_cyberspace_and_languages.pdf (дата обращения: 25.10.2016).
- De Swaan A. The Emergent World Language System: An Introduction // International Political Science Review (1993). Vol. 14. № 3. P. 219–226 [электронный ресурс] // URL: <http://ips.sagepub.com/content/14/3/219.extract> (дата обращения: 25.10.2016).
- De Swaan A. Words of the World: The Global Language System. Cambridge: Polity, 2001. 272 p. Global language system [электронный ресурс] // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Global_language_system (дата обращения: 25.10.2016).

References

- Badagarov J. B. *Poterya buryatskogo yasyka privedet k nepredskazuемым posledstviyam* [A loss of the Buryat language shall result in unpredictable effects]. Available at: http://minkultrb.ru/publications/detail.php?ELEMENT_ID=5251 (accessed: 25 October 2016) (In Russ.).
- Beilina E. *Yasyk kak instrument davleniya ili edineniya i razvitiya?* [Language as a means of pressure or unity and development?]. *Universitetskaya kniga* [The University Book journal]. Moscow, 2015, No. 7, pp. 34–41 (In Russ.).
- Buraev I. D., Dondukov U.-J. Sh., Rassadin V. I., Shagdarov L. D. *Buryatskiy yazyk i ego dialekty* [The Buryat language and its dialects]. Buryatia (newspaper), 2004, June 12 and 16 (In Russ.).
- Gural S. K., Smokotin V. M. *Yazyk vseirnogo obsheniya I yazykovaya I kulturnaya globalizatsiya* [The language of worldwide communication and linguistic and cultural globalization]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture journal]. Tomsk, 2014, No. 1 (25). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vseirnogo-obsheniya-i-yazykovaya-i-kulturnaya-globalizatsiya> (accessed: 25 October 2016) (In Russ.).
- Online diary of the LiveJournal user “Evrobur” (1). Available at: <http://evrobur.livejournal.com/14045.html> (accessed: 25 October 2016) (In Russ.).
- Online diary of the LiveJournal user “Evrobur” (2). Available at: <http://evrobur.livejournal.com/14136.html> (accessed: 25 October 2016) (In Russ.).
- Dondukov U.-J. Sh. *K voprosu o razvitiu buryatskogo literaturnogo yazyka* [Revisiting the issue on the development of the Buryat literary language]. *Problemy istorii i kulturno-natsionalnogo stroitelstva v Respublike Buryatiya (Materialy respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii)* [Proc. of the research and practice conference — Problems of the History, Cultural and National Construction in the Republic of Buryatia]. Ulan-Ude, 1998, pp. 145–149 (In Russ.).
- Elaev A. A. *Buryatskiy narod: stanovlenie, razvitie, samoopredelenie* [The Buryat people: formation, development, self-determination]. Moscow, Vestkom Publ., 2000, 352 p. (In Russ.).
- Excerpts from the comments to the meeting with Zh. Sh. Sanzhanov dated July 8, 2016. Available at: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=639239666241578&set=a.47986151884>

- 6061.1073741828.100004666510229&type=3 (accessed: 25 October 2016) (In Russ.).
- Excerpts from the comments to I. V. Bulgutova's interview for the Buryad Unen (newspaper) dated June 8, 2016. Available at: <https://www.facebook.com/irinabulgutova/posts/1064691646955205?pnref=story> (accessed: 25 October 2016) (In Russ.).
- Kazachenkova L. A. *Mnogoyazychie... Perspektiva ili prepyatstvie?* [Multilingualism... A promise or an hindrance?]. *Sovremennaya biblioteka* [The Modern Library Magazine]. Moscow, 2015, No. 7 (57), pp. 45–54 (In Russ.).
- Munkojargalov B. E. *Poka mi sporim o dialektah, yazyk umiraet* [While we debate on dialects — the language is dying]. *Novaya Buryatiya* [The New Buryatia newspaper], 2015, June 25. Available at: <http://www.newbur.ru/articles/21574> (accessed: 25 October 2016) (In Russ.).
- Radnaeva S. B. *Istoriya buryatskoy pismennosti i stanovlenie orfograficheskikh norm sovremenogo buryatskogo literaturnogo yazyka: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [The history of the Buryat script and formation of the orthographic norms of the modern Buryat literary language. A PhD thesis]. Ulan-Ude, 2000, 140 p. (In Russ.).
- Stroganova E. A. *Buryatskoe natsionalno-kulturnoe vozrozhdenie (Konets 80-h — seredina 90-h godov XX veka, Respublika Buryatiya)* [The Buryat national and cultural revival movement (the late 1980s — early 1990s, Republic of Buryatia)]. Moscow–Irkutsk, Natalis Publ., 2001, 150 p. (In Russ.).
- Tregubova D. D. *Buryatskiy yazyk: pyat plus odin retsept spaseniya* [The Buryat language: the five plus one recipes for salvation]. *Gumanitarnaya nauka yuga Rossii: mejdunarodnoe i regionalnoe vzaimodeistvie. Materialy II Mejdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashennoy 75-letiyu Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN (g. Elista, 14-15 Sentyabrya 2016)* [The Humanities of Southern Russia: International and Regional Cooperation. Proc. of the 2nd International scientific conference celebrating the 75th anniversary of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista; September 14–15, 2016)]. Elista, Publ. dep. of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, 2016, pp. 229–230 (In Russ.).
- Tregubova D. D. *Sovremennaya yazykovaya identifikatsiya v etnicheskoy Buryatii* [Contemporary language identification in ethnic Buryatia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. Ulan-Ude, Buryat State University Press, 2015, No. 8 (1), pp. 197–200 (In Russ.).
- Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii № 1666 ot 19 dekabrya 2012 g. O strategii gosudarstvennoy natsionalnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 g.* [Decree of the President of Russia of December 19, 2012 — On the State Nationalities Policy Strategy of the Russian Federation for the Period through to 2025]. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&link_id=0&nd=102161949 (accessed: 25 October 2016) (In Russ.).
- Chernyy Yu. Yu. *Vsemirnaya vstrecha ekspertov po problemam sohraneniya yazykov i ih razvitiya v kiberprostranstve (Khanty-Mansiisk, 2015, July 4-9)* [World Meeting of experts on the problems of preservation of languages in cyberspace (Khanty-Mansiysk, 8 July 2015)]. *Strategicheskie priorityety. Mejdunar. Nauch.-analit. Jurnal* [Strategic Priorities journal], 2016, No. 1 (9), pp. 121–127 (In Russ.).
- Chernyy Yu. Yu. *Globalnaya borba za kiberprostranstvo i yazyki (doklad na Vsemirnoy vstreche ekspertov po problemam sohraneniya yazykov i ih razvitiya v kiberprostranstve, Khanty-Mansiisk, 2015, July 8)* [The global battle for cyberspace and languages (a report at the World Meeting of experts on the problems of preservation of languages in cyberspace, Khanty-Mansiysk, 8 July 2015)]. Available at: http://inion.ru/files/File/Chernyy_Yu_Yu_Global_battle_for_cyberspace_and_languages.pdf (accessed: 25 October 2016) (In Russ.).
- De Swaan A. The Emergent World Language System: An Introduction. *International Political Science Review*, 1993, vol. 14, No. 3, pp. 219–226. Available at: <http://ips.sagepub.com/content/14/3/219.extract> (accessed: 25 October 2016) (In Eng.).
- De Swaan A. *Words of the World: The Global Language System*. Cambridge, Polity Publ., 2001, 272 p. (In Eng.).
- Global language system (a webpage). Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Global_language_system (accessed: 25 October 2016) (In Eng.).

УДК 930.85+811.512.31

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК В ГЛОБАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

Динара Дмитриевна Трегубова ¹

¹ кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: inionran@mail.ru.

Аннотация. В статье приводится информация о том, как выглядит языковая картина мира в эпоху глобализации, какую нишу занимает в ней бурятский язык и каким образом изучение старомонгольской письменности может способствовать сохранению и развитию современного бурятского языка. Рассматриваются некоторые моменты общественной дискуссии по проблемам бурятского языка, активно ведущейся на территории этнической Бурятии с конца 1980-х гг. и напрямую связанной с процессом бурятского национально-культурного возрождения.

В статье используется концепция глобальной языковой системы голландского социолога Абрама де Сваана. Ученый делит языки мира на четыре группы в зависимости от влияния, оказываемого ими на глобальные процессы. Существуют периферийные, центральные, суперцентральные и гиперцентральные языки. Различные уровни языков выполняют в глобальной языковой системе разные функции. Центральные и суперцентральные языки мира отвечают за её устойчивость. Суперцентральный английский объединяет элементы системы в единое целое. Миноритарные языки служат источником разнообразия для развития системы. Коммуникативную ценность языка характеризует введенный де Свааном количественный показатель Q. Чем ниже его значение, тем сложнее сохранить язык в современных условиях.

Ключевые слова: глобализация; Абрам де Сваан; глобальная языковая система; бурятский язык; старомонгольская письменность.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 83–94, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-83-94
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 81'362 (811.512)

Comparative Studies of Western Yugur Noun-Forming Affixes Revisited

Gulgaysha S. Sagidolda ¹, Magripa K. Yeskeeva ², Begzhan Abdualyuli ³

¹ Ph. D. in Philology, Professor, Department of Kazakh Linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: asem963@mail.ru.

² Ph. D. in Philology, Professor, Department of Turkology, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: mag61103@inbox.ru.

³ Ph. D. in Philology, Professor, Department of Kazakh Linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: bekzhan_a7@mail.ru.

Abstract

Western Yugur is a Turkic language which is nowadays on the verge of extinction and assimilation resulting from long-term interaction with the Mongolian, Tibetan and Chinese languages. It seems relevant to study the development of the common Turkic language and identify the reasons for the disintegration of the language with evidence from Western Yugur which acts here as a “canned linguistic structure” that has been isolated from the Turkic language environment of Central Asia since the 8th-9th cc. and, thus, has experienced the diverse and prolonged influence of ethnolinguistic and historical processes “inside the belly” of the Chinese, Tangut, Tibetan and Mongolian languages. Despite the impact of the mentioned languages, Western Yugur is considered one of the ancient Turkic languages that has retained the common Turkic proto-forms and features of development of Turkic languages in their initial stages.

Comparative historical studies of noun-forming affixes in the language of ancient Turkic written monuments, Western Yugur, Kazakh of the Kipchak branch and Turkish of the Oghuz branch make it possible to identify the common word-building formants characteristic of the languages of the period under consideration as well as the trends of development (of affixes) after the Old Turkic period and their formation in each of the languages.

The study shows that common noun-forming suffixes characteristic of the 6th-10th cc. Turkic languages used to function within Western Yugur, Kazakh and other Turkic languages but in 1400–1500 years of their historical development those experienced a number of sound changes while the meanings and functions of the affixes, their morphological features in the language of written monuments have some similarities to affixes of pronouns. However, the synharmonism discovered in the noun-forming suffixes in the ancient written language has been completely retained by the Turkish language, partly by the Western Yugur language and is not to be found in the Kazakh one.

Keywords: ethnolinguistic and historical processes, Turkic ethnic minority, language contacts, general Turkic proto-form, phonetic system, morphological system, language of ancient Turkic written monuments, Kipchak branch, Oghuz branch, system of noun-forming affixes.

Одним из актуальных вопросов современной тюркологии является изучение лексического фонда исчезающих языков, а также сравнительное исследование фонетической системы и морфологической структуры тюркских языков, не способных противостоять процессам глобализации и постепенно теряющих функциональные свойства. В тюркских языках имеются языки малочисленных этносов, которым грозит угроза исчезновения. К ним относятся сарыг-уйгурский, саларский, караимский, кумыкский, ногайский и другие языки.

Исследование развития общетюркского языка и выявление причин распада языков представляется актуальным на материале западного сарыг-уйгурского языка, выступающего в качестве «законсервированной лингвоструктуры», который после VIII–IX вв. под влиянием этнолингвистических процессов длительное время оставался в Центральной Азии «в недрах» китайского, тангутского, тибетского, монгольского языков, потеряв связь с тюркской языковой средой. Несмотря на влияние указанных языков, западный сарыг-уйгурский язык считается одним из древних тюркских языков, сохранивших общетюркские праформы и признаки развития тюркских языков в древнетюркскую эпоху.

До периода ассимиляции сарыг-уйгуры сами себя называли этнонимом *joγur* / *oγur*. Официальное название этноса в Китайской Народной Республике, с учетом фонетико-артикуляционных особенностей китайского языка, зафиксировано как *ujyu* / *juyu*. Исследователи, опирающиеся на древние китайские надписи, в которых этноним *oγuz* в соответствии с фонетическими особенностями китайского языка пишется как *oγu* / *uγu*, обнаруживают прямую связь сарыг-уйгуров с огузами древнетюркской эпохи. Согласно данной точке зрения, сарыг-уйгуры являются потомками тогуз-огузов: «Роды в этническом составе современных сарыг-уйгуров сформировались на основе тогуз-огузских родов, в древнетюркскую эпоху заселявших побережья Орхона» [Хы Уей Гуанг 2000: 4].

С лингвистической точки зрения рассмотрение этнонима *joγur* как гомогенной лексемы с этнонимами *oγuz* / *oγur*, имеющими общую этимологическую основу, не вызывает противоречий. В данном случае необходимо учитывать характерные для тюркских языков закономерности процесса протезы фонемы *j* в позиции анлаута, а пе-

реименование *joγur* в *oγur* стоит рассматривать как результат фонетических вариантов, возникших в процессе метатезы $j \leftrightarrow o$.

С. Е. Малов называет в качестве исторической родины сарыг-уйгуров побережья Орхона и Селенги: «Можно думать, что желтые уйгуры поселились в местах своего теперешнего местожительства лет с тысячу с лишним тому назад, придя частью с запада (Китайский Туркестан), а частично спустившись несколько южнее из Монголии, из бассейна рек Орхона и Селенги (после войны с киргизами)» [Малов 1957: 3–4].

В науке историко-генеалогическое происхождение уйгуров, известных под этнонимом *sariγ uγur* ‘сарыг уйгур’, связано с такими племенами, заселявшими территории древней Монголии, как *dinlin* ‘динлин’ (III в. до н. э.), *tele* ‘теле’ (IV в. н. э.), *joγur* / *uγur* ‘йогур / уйгур’, *qoγqu* ‘хойху’, *toquz oγuz* ‘токуз огуз’. Формирование же этнического состава связано с такими тюркоязычными племенами, как *qarluq* ‘карлук’, *qirqiz/qirqaz* ‘кыркыз, кырк аз’, *qijmaq* ‘кимак’, *türgeš* ‘тюргеш’, *qanli* ‘канлы’, *najman* ‘найман’, *kerejt* ‘кереит’, и монгольским, тангутским и тибетским этносами, с которыми они находились в тесном контакте. Например, А. М. Решетов отмечает: «Сарыг-уйгуры — потомки древних уйгуров, 840 лет назад после распада Уйгурского каганата покинувших территории современной Монголии и направившихся на юг и юго-запад» [Решетов 1998: 132]. Корни древних уйгуров обнаруживаются у гуннов. Это подтверждается тем фактом, что побережья реки Селенги считались исторической родиной предков как гуннов, так и уйгуров [Бичурин 1950: 67–68].

Китайские источники свидетельствуют о том, что первые племена тюрков на территории сарыг-уйгуров, обитавших в окрестностях современной Ганьсу, появились в V–VIII вв. на побережьях Селенги. Вторая волна, связанная с падением Уйгурского каганата, поселилась с середины IX – начала X вв. По преданиям самих сарыг-уйгуров, они прибыли в нагорье Цзюцюань (в прошлом — Сучжоу) из запада Сиджо Ходжо (территория современного кишлака Ходжо в оазисе Турфан) и Цяньфутуна (из Мыншукора на территории Дуньхуана).

Таким образом, на формирование сарыг-уйгуров оказали влияние следующие исторические факты: 1) древняя миграция с побережий Селенги в V–VIII вв.; 2) ми-

грация уйгуров в результате поражения от кыргызов в IX–X вв.; 3) новая волна миграции после XIII в. из окрестностей Турфана. На новой территории уйгуры прожили около 300 лет и даже создали самостоятельное ханство, на которое в начале XI в. напали тангуты [Уйгуры].

Миграционные процессы и исторические события в жизни сарыг-уйгуров, длительные тесные этнокультурные, социальные и политико-экономические контакты с другими народами не могли не оставить след в их языке. Одна группа сарыг-уйгуров, считающих себя представителями единой этногенетической общности (*уйгу*, *юйгу*, *йогур*, *йугур*), является тюркоязычной, другая же — монголоязычной, третья группа общается на китайском языке, четвертая — на тибетском. Большинство тюркоязычных уйгуров (*кара уйгуры*) проживают в окрестностях Ганьсу, некоторая часть монголоязычных уйгуров (*шар уйгуры*) — в предгорьях Чжанье (в прошлом — Ганьчжоу) в волости Канлочу и Матис, какая-то часть проживает в волости Угэй близ озера Кукурнор (монг. *Хөхнуур* 'Синее озеро'). Уйгуры, проживающие в тесном взаимодействии с тибетцами в волости Угэй, разговаривают на местном тибетском диалекте, а уйгуры, проживающие в южной части волости Чэнтан и Хуаннипо в предгорьях Цзюцюань, — только на китайском языке [Уйгуры].

С. Е. Малов так описывает лингвокультурные дифференцирующие процессы, связанные с языком уйгуров: «Уйгуры попали в среду, чужую им по языку. Они оказались окруженными носителями разных языков; здесь были главным образом китайцы, монголы и тангуты. И все они, даже в отдельности, были многочисленнее уйгуров. За тысячу с лишним лет своего пребывания здесь уйгуры постепенно утрачивают свой язык. Часть уйгуров, живущая на северо-западе вплотную с китайцами (у г. Сучжоу и несколько южнее, в земледельческой полосе, к хребту Нань-шань), совершенно забыла свой родной язык и говорит теперь только, в основной своей массе, на китайском» [Малов 1957: 4]. Также С. Е. Малов отмечает слабую связь между уйгурами, разговаривающими на китайском языке, и уйгурами, сохранившими тюркский язык: «У окитаившихся уйгуров сохраняется связь со своими сородичами, говорящими на уйгурском языке, только в том, как мне сообщали, что в праздник (китайский) Нового года

уйгуры-китайцы приглашают к себе для шаманского моления уйгура-тюрка. Вот и все!» [Малов 1957: 4].

По лингвогеографическому ареалу уйгурский язык подразделяется на западную и восточную группы. Определяя место западно-уйгурского языка, на котором говорили кара уйгуры, в системе тюркских языков, Э. Р. Тенишев пишет: «Сарыг-югурский язык до VIII–IX вв. предположительно был *d*-языком. Под воздействием языка древних кыргызов он трансформировался в *z*-язык. В какой-то мере его коснулось кыпчакское влияние (йотированное произношение начальных широких гласных, причастие и прошедшее время на *-уан*)» [Тенишев, Тодаева 1966: 39], и при этом отмечает, что после миграции сарыг-уйгуров в Китай (IX–X вв.) их язык долгое время оставался под влиянием китайского языка. Э. Р. Тенишев указывает на следующий момент: «Из-за влияния китайского языка большинство китайских слов заимствовано словарным фондом языка, в морфологии развился аналитизм, в звуковой системе образовались сильные и слабые пары глухих согласных. Кроме китайских элементов, в сарыг-уйгурский язык вошли заимствования из монгольского, тибетского языков и санскрита. Таким образом, один из совершенных тюркских языков сформировался как современный смешанный сарыг-уйгурский язык» [Тенишев, Тодаева 1966: 40].

По мнению Б. Х. Тодаевой, сарыг-уйгурский язык (шира югурский язык) «изначально был тюркским языком» [Тенишев, Тодаева 1966: 78]. Элементы двух групп монгольского языка, а именно язык жителей регионов Ганьсу, Цинхай, Пекина и монгол, дунсян, баоаньских языков, которые тесно взаимодействовали с югурским, не только обогатили его словарный состав, но и стали переплетаться с его тюркской основой, что привело к изменению особенностей, характерных для тюркской речи, и образованию смешанного языка с совершенно новой фонетической и грамматической системой [Тенишев, Тодаева 1966: 78]. Кроме того, по мнению исследователя, значимость восточного сарыг-уйгурского языка в системе монгольских языков такова: «По своему фонетическому составу и грамматической структуре язык шира югуров занимает определенное место в системе монгольских языков. Территория распространения шира югурского языка и языковая норма, схожая

с другими монгольскими языками, определяет его место в системе монгольских языков» [Тенишев, Тодаева 1966: 78].

Упоминание о тюркской природе западного сарыг-уйгурского языка содержится в следующих словах С. Е. Малова: «На первый взгляд, в статическом положении, можно даже удивляться, как другая часть уйгуров сохранила свой язык и свои многие старые черты; все они сохранили в своих семьях, в своих семейных разговорах хороший уйгурский язык, который каждый представитель другого тюркского языка может понять после очень недолгого предварительного ознакомления» [Малов 1957: 4].

Язык западных сарыг-уйгуров, полностью сохранивший праязыковые особенности системы тюркских языков, является важной лингвоструктурой в развитии общетюркского языка и во внутреннем межъязыковом распаде. Несмотря на то что в лексической системе западного сарыг-уйгурского языка довольно часто встречаются элементы китайско-тибетских и монгольских языков, в нем очень хорошо сохранилась общетюркская базовая лексика. К тому же можно обнаружить множество лексем, схожих по значению и структуре с лексемами казахского языка, особенно с односложными словами: *теп* ‘я’ (каз. *мен*), *сен* ‘ты’ (каз. *сен*), *ол* ‘он / она’ (каз. *ол*), *қіз* ‘девушка’ (каз. *қыз*), *аз* ‘мало, немного’ (каз. *аз*, *көп емес*), *ај* ‘луна’ (каз. *ай*), *ајт* ‘скажи, сказать’ (каз. *айт*, *айту*), *ајақ* ‘посуда’ (каз. *ыдыс-аяқ*), *ақсақал* ‘старейшина’ (каз. *ақсақал*), *қіліш* ‘меч’ (каз. *қылыш*), *ағ* ‘голодный’ (каз. *аш* (*қарны аш*)), *бос* ‘свободный, пустой’ (каз. *бос*), *bozda* ‘бозда’, *beri* ‘ближе; сюда’ (каз. *бері*), *erkek* ‘мужчина’ (каз. *еркек*), *erte* ‘рано’ (каз. *ерте*), *қан* ‘кровь’ (каз. *қан*), *таңра* ‘блеять’ (каз. *маңра*, *маңрау*), *is* ‘дело’ (каз. *іс*), *tös* ‘грудь’ (каз. *төс*), *töseк* ‘постель’ (каз. *төсек*), *tolуақ* ‘родовые схватки’ (каз. *толғақ*) и т. д. [Материалы экспедиции].

По генеалогической классификации Н. К. Баскакова, западный сарыг-уйгурский язык входит в хакасскую группу уйгуро-огузской группы языков восточнохунской ветви [Баскаков 1969: 230–342], а по историко-хронологической классификации С. Е. Малова он относится к разряду самых древних языков [Малов 1951: 192].

Исследование фонетических особенностей и морфологической структуры сарыг-уйгурского языка в языке памятников

древней письменности в сопоставлении с казахским языком из кипчакской группы и турецким языком из огузской группы при помощи сравнительно-исторического подхода позволит выявить общие словообразовательные форманты в системе словообразования сарыг-уйгурского языка и более позднего периода развития тюркских языков до настоящего времени.

Существительные в сарыг-уйгурском, казахском и турецком языках, как и во многих тюркских языках, преобразовываются и изменяются в структурном отношении посредством взаимодействия с другими лексемами. Структурные и семантические изменения лексем осуществляются в рамках лингвистических законов в ходе исторического развития языка. Лексико-грамматические, фонетико-фонологические закономерности, характерные для всех тюркских языков, наблюдаются и в имени существительном данного языка.

Имена существительные в сарыг-уйгурском, казахском, турецком языках и их различные грамматические категории (множественности, притяжательности, склонения и др.) в системе словообразования имеют общие черты с языком памятников письменности Орхона и Енисея (VI–IX вв.). Тем не менее особенности системы существительных в данных языках демонстрируют процесс развития на каждом этапе функционирования сарыг-уйгурского, казахского, турецкого языков после IX в.

Аффиксы системы существительных сарыг-уйгурского, казахского, турецкого языков, преобразующие именные части речи в именные или глаголы в именные, очень тесно связаны со словообразующими суффиксами, которые встречаются в памятниках древнетюркской письменности. Например, в сарыг-уйгурском языке окончания *-čī / -či*, *-žī / -ži*, присоединяющиеся к именным частям речи и глаголам, выполняют функцию образования существительных, означающих профессию субъекта или источник его дохода. К примеру: *qusčī* ‘пастух’ (< *qus / kus* ‘бык’), *oуurčī* ‘вор’, *atčī* ‘табунщик’, *qojčī* ‘чабан’, *pitiqčī* ‘писатель’ (< *pitiq* ‘написать’), *erepčī* ‘супруги’ (< *er+ep+čī*), *baščī* ‘начальник’ [Малов 1951: 164]; *tikenži* ‘сборщик дров’, *telmiži* ‘переводчик’ [Малов 1951: 146]. С образно-смысловой точки зрения эти окончания аналогичны аффиксам *-шы / -ші* в казахском и *-ci / -ci*, *-cu / -cū*; *-çi / -çi*, *-çu / -çū* — в турецком языках, при

помощи которых тоже образуются названия, относящиеся к профессии, ремеслу или навыкам. Если в казахском языке есть два варианта суффикса, то в турецком, согласно закону сингармонизма, используется восемь вариантов гласных и согласных. Так, например, если в казахском языке — *аңшы, ойыншы, күзетші, дүкенші, етікші, жолаушы* и т. д., то в турецком — *avcı, ouuncu, bekçi, dükkancı, çizmeci, yolcu* и т. д.

Аффиксы *-çĭ / -çi (-çij), -çu / -çü* в турецком языке встречаются в следующих звуковых вариантах: *-çĭ / -çi / -çü / -çu / -şy / -ş / i / -su / -sy / -si / -zy / -zu / -zi* и являются производными суффиксами, образующими существительные, которые в зависимости от общественно-социальной среды обозначают какую-либо профессию, звание, привычную деятельность, поступок, навык, в некоторых случаях — местонахождение человека. Например, древнетюрк. *bitigçi* ‘писарь’, тат. *jazyçy*, тур. *jazyçu* ‘писатель’, древнетюрк. *satyçy*, тат. *satyçy*, тур. *satyçu*, чув. *sudužə* ‘продавец, купец’, *balıqçı* ‘рыбак’, азерб. *oçuçy* ‘тоскующий’, алт. *d'ylkyçu* ‘табунщик’, башк. *balyksy* ‘рыбак’, гаг. *jol žu* ‘путник’, карайм. *byryçu* ‘сверловщик’, ккалп. *etikši* ‘сапожник’, кбалк. *qojçu* ‘чабан’, ног. *anşy* ‘охотник’, каз. *balyqşy* ‘рыбак’, тат. *kümerçe* ‘угольщик’, сал. *malçu* ‘пастух’, тоф. *isşi* ‘последователь’, узб. *balıqçı* ‘рыбак’, уйг. *ötükçi* ‘сапожник’, каз. *ötirikşi* ‘лжец’ (с.е.), *etikşi* ‘человек, который шьет обувь’ (з.е.), тюр. *demirçi* ‘мастер’, тув. *kizilçi* ‘житель Кызыл’, кбалк. *byllymçu* ‘житель Былым’ и т. д.

Аффиксы *-çĭ / -çi (-çij), -çu / -çü* очень часто встречаются в древнетюркских письменных памятниках и в основном используются для обозначения представителя той или иной профессии или намерения субъекта: *elçi* → *el+çi-elşi* → *el+şi* ‘посол’: *Atım El Toğan Tutuq. Ben teñri elimke elçisi ertim ertim* ‘Мое имя — Ел Тоган Тутук. Я являюсь послом страны божества’ [Аманжолов 1996: 48]; *tamyaçĭ* → *tamya+çĭ* ‘клеймовщик’: *On oq oylım, türgis qayanta Maqraç tamyaçĭ, Oğuz bilge Tamyaçĭ kelti* ‘От Он окуглы, кагана тюргешей пришли клеймовщик Макраш, тамгашы Огуз’ [Айдаров 1995: 182]; ~ каз. *tamyaşı* → *tamya+şı*; *joyuçĭ* → *joyu+çĭ* ‘тоскующий’, *siyitşi* → *siyit+şı* ‘оплакивающий’: *Joyuçĭ siyitşi öñre kün toyusıqda Böküli Çölüg el tabyş tüpüt apar purum qırqız üç qurıqan otuz tatar qıtan tatabı bunça budun kelipen siyitamıs joyulamıs* ‘Пришли оплаки-

вающие, представители народов Восточной страны Буклинской пустыни (Корейский полуостров. — прим. авт.), Табгач-китая, Аваров, Рима, Киргизов, Уч курыканов, Огуз татаров, Китана, Татабыров, для оплакивания и участия в траурных мероприятиях’ [Айдаров 1995: 182]; *sabçĭ* → *sab+çĭ* ‘вестовой / гонец’: *Alp er oylı süke barmış sü jirite eriklig sabçĭ türtmış tir* ‘Могучий храбрый сын пошел в армию. В армии добровольный гонец подтвердил, — скажет он’ [Айдаров 1990: 167]; *Sarıy atlıy sabçĭ jayız atlıy jalabaş edgü söz sab elti kelip tir* ‘Сказано, что вестовой по имени Сарыг приедет на чистокровной лошади и сообщит хорошую весть’ [Айдаров 1990: 160].

Об этимологии формантов *-çĭ / -çi (-çij), -çu / -çü*, обладающих в тюркских языках субъектным значением, имеются различные мнения. Э. В. Севортян, связывавший окончания тюркских языков *-çĭ / -çi (-çij), -çu / -çü, -şĭ / -şi* с аффиксами прилагательных *-lı / -li, -di / -di, -ti / -ti*, высказал следующую мысль: «...существительные на *-çi* приближаются к производным на *-lı*, означая, как и последние, свойства лица или предмета. Действительно, образования типа *ijnadçĭ* ‘упрямец’ от *ijnad* ‘упрямство’ по характеру значения весьма близки прилагательным типа *abırlı* ‘стыдливый’, ‘нравственный’, ‘приличный, порядочный’ от *abır (обру)* ‘стыд’. Весьма приближаются они также к прилагательным на *-çil*, означающим постоянное или устойчивое свойство, присущее предмету. В азербайджанском языке имеется, в частности, параллельная с *ijnadçĭ* форма *ijnadçıl* в том же значении» [Севортян 1966: 84]. А. Н. Кононов также связывает данное окончание с аффиксами *-şil / -şil*, образующими имя прилагательное [Кононов 1972: 103]. Н. А. Баскаков связывает его с окончаниями условного наклонения *-şa / -şe, -ça / -çe* [Баскаков 1953: 60], а Б. А. Серебренников указывает на способность морфемы *-ç / -çi / -çij* с уменьшительно-ласкательным значением сохранять сему субъектности по отношению к какой-либо вещи. В этой связи он рассматривает генетическую взаимосвязь форманта *-çĭ / -çi (-çij), -şĭ / -şi*, обозначающего склонность человека к какой-нибудь профессии или действию, и форманта *-ç / -çi / -çij*, имеющего уменьшительно-ласкательное значение. По мнению ученого, значение морфем *çĭ / -çi (-çij), -şĭ / -şi*, определяющих профессию, не является архисемой, оно используется в

значении наработанного навыка или склонности к чему-л., односоставная морфема *-č* может быть одним из вариантов данного форманта [Серебренников 1963: 3–4]. Если рассматривать появление разных вариантов звучания древнетюркских окончаний *-čī / -či (-čij)*, *-ču / -čü*, казахских *-šī / -ši* и турецких *-či / -ci (-ču / -cü)*, *-ži / -zi / -zu / -zü* как результат процесса развития языка, то можно сделать следующий вывод о суффиксах сарыг-уйгурского языка *-čī / -či* и его непроизводного варианта *-ži / -zi*, которые по структуре и значению полностью сходны с ними: это окончание, сохранившее самую древнюю общетюркскую форму в результате консервации языка.

В основном, окончания *-q / -k*, *-γ / -g*, *-iq / -ik*, *-iy / -ig*, *-ak / -ek* в сарыг-уйгурском языке присоединяются к глаголам и образуют именные части речи, а по образно-смысловой части они полностью соответствуют казахским производным окончаниям *-q / -k*, *-iq / -ik*, *-aq / -ek* и турецким *-ak / -ek*, *-iq / -ik*, *-k*. К примеру, на сарыг-уйгурском: *ayriq / ayiriq / ayriq* ‘больной’, *issig ayriq* ‘тиф’, *aziq / azuq* ‘продукты питания, корм; еда’, *asiy* ‘остаток, пережитки’ [Малов 1951: 12, 18], *emiy* ‘грудь / вымя’, *emisiq* ‘соска (для ребенка, младенца)’, *etik* ‘подол (подол платья)’ [Малов 1951: 25, 27], *qavaq* ‘хрящ носа’ [Малов 1951: 48]; на казахском языке *-q / -k*, *-iq / -ik*, *-aq / -ek*: *aziq* ‘еда’, *bujiriq* ‘приказ’, *turaq* ‘становище’, *žoriq* ‘поход’, *ariq* ‘арык’, *želek* ‘молодуха’, *emizik* ‘соска’, *etek* ‘подол’, *buyaq* ‘родник’, *böbek* ‘младенец’, *suraq* ‘вопрос’, *quraq* ‘курак’, *keñsirik* ‘хрящ носа’ и т. д.; на турецком: *-ak / -ek*, *-iq / -ik*, *-k*: *bebek* ‘младенец’, *yemek* ‘еда, продукты питания’, *buyruk* ‘приказ’, *gidik* ‘второй подбородок’, *bulak* ‘родник’, *sıgınak* ‘подветренная сторона’, *uçak* ‘самолет’, *aksirik* ‘чих’.

Данное окончание в древнетюркских письменных памятниках встречается в форме *-iy / -ig*, *-iq / -ik*, *-aq / -ek*, *-ay / -äg*: *artuq* → *art+uq* ‘лишний / больше’: *Örtçe qizip kelti süñüsdimiz. Bizinte eki uçı şınarča artuq erti Teñri jarılqaduq üçün üküš tijin biz* ‘Костер полыхал. Мы воевали. Нас было на две половины больше. С Божьим благословением нас было больше’ [Айдаров 2000: 111]; *azuq* → **az+uq* ‘продукты, еда’ [Древнетюркский словарь 1969: 73]; *Jinčü ügüzig keče, Temir qarıyqa tegi süledimiz. Anta kisre qaratürgis budunjaı bolmiş. Keñeres tapa bardı. Bizin cü atıtuuruq, azuqı joq erti* ‘Мы прошли через

реку Йинчүү (Сырдария), и воевали до железных ворот. После этого народ кара тюргешей стал нашим врагом. Они были против Кенереса. Лошади нашей армии исхудали, продуктов не осталось’ [Айдаров 1995: 179]. М. Кашгари не только относил слова, имеющие окончания *-q / -k*, к масдарской группе, но и говорил об их применении в значении именных частей речи [Кошгарий 1963: 54–55].

А. Н. Кононов указывает на шесть значений формантов *-γ / -g*, *-uγ / -üg*, *-iy / -ig*, образующих имя существительное: «1) со значением названия акта процесса: *bilig* ‘знание’ (*bil* ‘знать’), *ötüg* ‘просьба, мольба’ (**öt* ‘молить, просить’); 2) со значением результата действия: *ülig~ülüg* ‘часть, доля’ (**ül* ‘делить’), *ölig~ölüg* ‘мертвый, мертвец’ (*öl* ‘умирать’); 3) со значением объекта действия: *qarıy* ‘ворота’ (*qar* ‘закрывать’); 4) со значением действующего лица, субъекта действия: *körig~körüg* ‘соглядатай’ (*kör* ‘видеть’); 5) со значением места действия: *keçig* ‘переправа, брод’ (*keç* ‘проходить, переходить’); *erig jirtä* ‘в том месте, где пребывают’, ‘место стоянки’ (*er* ‘быть’); 6) со значением орудия действия: *süñüg* ‘копье’ (*sün* ‘войско’) [Кононов 1972: 88]. Н. А. Баскаков на основе языковых фактов доказал, что морфемы *-γ / -g*, *-q / -k*, *-uγ / -üg*, *-uq / -ük*, *-iy / -ig*, *-iq / -ik* генетически являются сокращенными формами *-qaq / -yaq*, *-kek / -gek* и его вариантом с узкими гласными *-γiq / -gik*, *-viq / -vik*. Утверждая, что все эти суффиксы являются вариантами одного аффикса, возникшего из одной формы, ученый демонстрирует, что слово *taqyaq* ‘расческа’ в словаре М. Кашгари используется как *taraq*, а *oryaq* ‘серп’ в уйгурском языке применяется как *orjaq* [Баскаков 1952: 402–403]. Известно, что слова *qajiq* ‘лодка’ и *qulaq* ‘ухо’, встречающиеся в современных тюркских языках, также использовались в древнетюркских языках в виде *qajyiq*, *qulqaq*. Такое же явление можно встретить в сарыг-уйгурском языке: *žiyaq* ‘сторона’, *uryaq / oryaq* ‘серп’ [Малов 1951: 131]. Это означает, что суффиксы *-q / -k*, *-γ / -g*, *-iq / -ik*, *-iy / -ig*, которые в древнетюркских языках участвовали в образовании имен существительных и прилагательных, в современных тюркских языках, а именно: сарыг-уйгурском, казахском и турецком, сохранились в виде морфем, способных образовывать как имена существительные, так и имена прилагательные.

Суффиксы *-luq / -lük, -luγ / -lüg, -liγ / -lig, -liq / -liq*, которые, присоединяясь к глаголам и именным частям речи, образуют именные части речи, в сарыг-уйгурском языке используются в виде *-liq / -lik, -liγ, -tiq, -diq*, в казахском языке — *-liq / -lik, -diq / -dik, -tiq / -tik*, а в турецком — *-lik / -lik, -luk / -lü*. В науке о тюркских языках еще не сформировалось однозначное мнение о том, к какой группе, односложных или составных, отнести морфемы *-daq / -dek, -taq / -tek, -tiq / -tik, -liq / -lik*, которые в свою очередь являются фонетическими вариантами аффиксов *-laq / -lek, -lay / -leg, -liq / -lik* (со звуковыми вариантами). Это древний производный аффикс, образующий именные части речи: среднетюрк. *otluq* ‘корыто для кормления скота’, *čečtklik* ‘ваза’, *üğürlük* ‘хранилище; место для хранения проса’, узб. *küplik* ‘множественный’, *dašlik* ‘равнина’, кум. *budajliq* ‘зерновое поле’, кар. *almalix* ‘яблоня’, ног. *jamanliq* ‘плохое, злодейство’, тат. *sukirlik* ‘слепота’, азерб. *üzümlük* ‘виноградник’, *başyalıy* ‘особенность’, каз. *dostıq* ‘дружба’, *kisilik* ‘человечность’, кирг. *žaşılıq* ‘благодарение’, *burunluk* ‘уздечка (намордник)’, уйг. *balalik* ‘детство’, сал. *aşlıx* ‘зерно’, чув. *čullāx* ‘каменистый’ и т. д.

Аффиксы *-luq / -lük, -luγ / -lüg, -liγ / -lig, -liq / -liq* очень часто используются у М. Кашгари, в древнеуйгурских памятниках, в чагатайском языке, однако в тюркских источниках VII–IX вв. они встречаются редко [Кононов 1980: 88]. Это явление объясняется многофункциональной природой этих окончаний, которая влияет на процесс субстантивации и адъективации. В древнетюркском языке: *baslıy* → *bas+lıy* ‘возглавлять, глава’ [Древние тюркские диалекты 1971: 34]: *Anta jerüki suq baslıy Soγdaq budun köp kelti. Ol künte tegti Türk budun Temir qarıγqa* ‘Тогда пришел весь Согдийский народ во главе с Суком. В эти дни тюркский народ дошел до железных ворот’ [Айдаров 2000: 112]; *jaγluq* → *jaγ+luq* ‘ошибка, упущение’: *On tünke jantiqi tuy ebirü bardimiz. Jirči jir jaγılıq, boγualantı. Buγadup qaγan jelü kör timis* ‘За десять ночей мы пришли к подножию горы. Местный парень (показывавший дорогу), ошибся и был зарезан. Каган Желе кор горевал, — сказал он’ [Айдаров 2000: 109].

Аффиксы *-liγ / -liq* также характерны для алтайских языков. Многие ученые-алтаисты и тюркологи считают, что аффиксы *-liq / -liq* происходят от окончания множе-

ственного числа *-l* и суффиксов удваивания *-iq / -ik* (*-liq / -liq > (*-l+*-iq) / -lik (*-l+*-ik)*), и рассматривают их значение ‘накапливания чего-то, его изобилие и скапливание в одном месте’ как первичное, а другие значения как вторичные, образовавшиеся в результате семантического развития языка [Рамстедт 1957: 203; Константинова 1964: 89].

Морфемы *-n* (*-an / -en, -in / -in, -un / -ün*), образующие имена существительные, в сарыг-уйгурском языке имеют вид *-en, -in / -in, -un*, в казахском языке — *-an / -en, -in / -in*, а в турецком — *-an / -en, -in / -in, -un / -ün*, в языке письменных памятников Орхон-Енисей (VI–IX вв.) — *-an / -en, -in / -in, -un*. С помощью этих окончаний образуются слова, указывающие на субъект, совершающий действие, и название действия. Например, на древнетюркском: *kelin* → **kel+in* ‘невеста’: *Ögim qatun ulaju öglerim, ekelerim, kelinünim, qunčuylarım, bunča jeme tirligi küñ boltačerti, ölügi jurtda jolta jatı qaltači, ertigiz* ‘Моя мать женщина, следующие за ней мамы, невестки, снохи, девушки, вы бы стали рабынями, ваши останки остались бы у народа и лежали бы на дорогах’ [Айдаров 1995: 182]; *oγlan* → *oγ(u)l+an* ‘мальчик, защитник’: *Otuz oγlan saydıcları pičin elte jegirmi* ‘Верные друзья тридцати защитников! В год обезьяны, в народе исполнилось двадцать’ [Аманжолов 1996: 44].

Слова, образованные при помощи формантов сарыг-уйгурского языка *-en, -in / -in, -un*, казахского языка — *-an / -en, in / -in*, турецкого языка — *-an / -en, -in / -in, -un / -ün*, не очень отличаются по значению от лексем, образованных с помощью древнетюркских окончаний *-an / -en, -in / -in, -un / -ün*, однако в связи с ростом активности словообразования аффиксов отмечается расширение в области их значений. То, что в общетюркских языках, а именно: в сарыг-уйгурском, казахском и турецком, точно не обозначена грань формантов морфем *-an / -en, -in / -in*, а также то, что значение коренных морфем часто встречается в составе неясных дисиллабов, показывает, что эти окончания — наиболее древние, возникшие в период, предшествовавший древнетюркскому.

Принято считать, что сарыг-уйгурские окончания *-γi / -gi, -ki*, казахские — *-γi / -gi*, турецкие — *-gi, gu / -gü, -ki / -ki* являются морфемами, образующими именные части речи или наречия, но в некоторых случаях они участвуют в образовании существи-

тельных и соответствуют древнетюркскому форманту *-yu*. Например: *ajyu* → *aj+yu* ‘наставник, советчик’: *Qaγanī alpermis. Ajyučisī bilge ermis. Oleki kisi bar erser sini tabyačiy ölüртеči tirmen. Öγre qitanīy ölüртеči tirmen. Bini oγuzuy ölüртеči ök tirmen* ‘Каган был могучим. Его наставник был мудрым. Если бы эти два человека присутствовали, я бы сказал, что ты уничтожишь Табгашей. На востоке уничтожишь китанов. Уничтожишь меня, огуза’ [Айдаров 2000: 105] ~ каз. *aj* → *aj+qaj(ši)* ‘крик, громкий звук’ ‘наставник, утешитель’.

Окончания *-yi / -gi, -ki / -ki, -yu / -gü* прежде участвовали в образовании грамматических единиц глагола, сейчас же они используются как способы образования существительных от глаголов. М. Томанов говорит, что уменьшительно-ласкательное значение окончаний *-qi / -qij* (туркмен. *ataqi* ‘отец, дед’, тув. *avaqi* ‘мама’) и *-qa / -ke* (кирг. *ateke, šešeke, erke*), *-qaj* (узб., каз. *balaqaj*, тат. *quwanqaj* ‘заяц’) в их семемном содержании характерно для всех [Томанов 2002: 283]. К ряду морфем, имеющих генетическую связь с окончаниями сарыг-уйгурского, казахского, турецкого языков *-qu / -kü, -yu / -gü*, можно отнести аффиксы *-w (-aw / -ew)*, образующие глаголы, которые являются фонетическим вариантом древнетюркских *-q / -k, -γ / -g* [Левитская 1976: 162; Кононов 1980: 97; Томанов 1981: 191; Хасенова 1971: 196].

Морфемы, образующие имена существительные, которые в сарыг-уйгурском языке встречаются в виде *-m / -im / -im*, в казахском — *-m / -im / -im* и турецком — *-m / -im / -im, -um / -üm*, в основном используются для того, чтобы называть результаты каких-либо действий, числовые измерения, обособленные акты движения, и имеют образно-смысловые соответствия с окончаниями *-im / -im* языка орхоно-енисейских памятников письменности (VI–IX вв.)

Форманты древнетюркского языка *-im / -im, -um / -üm* используются в нескольких значениях: «1) использование в значении размера и величины; 2) указывает на результат действия; 3) означает имя, объект; 4) иногда используется в значении субъекта; 5) означает процесс и его результат» [Есенкулов 1976: 90]. Например, *tusum* → *tus+um* ‘польза (доход)’: ‘В пользу моему божественному государству’; *kedim* → *ked+im* ‘одежда’, ‘кольчуга, оружие’, ‘упряжь, попона’, ‘одежда’: *Beš jüz kedimlig*

jaday ‘Вооруженная пехота из 500 человек’; *Ücünč Jegin Silig begiñ kedimlig toriy atbinip tegdi. Ol at anta ölti* ‘В третий [раз] попал в запряженного гнедого коня бека Иегин Силика. Конь тогда погиб’.

А. Н. Кононов причисляет окончания языка письменных памятников *-im / -im, -um / -üm* к непроизводным суффиксам [Кононов 1980: 93]. Однако нечастое использование существительных, образованных от глаголов при помощи формантов *-im / -im, -um / -üm* в языке письменных памятников, может быть связано не с беспроизводностью этих окончаний, а со стилистическими особенностями автора текста того времени, поскольку, если учитывать широкое применение этих окончаний в виде смысловой и сформированной словообразующей модели современных тюркских языков, окончания *-im / -im, -um / -üm* не похожи на беспроизводные, мало используемые суффиксы.

Помимо вышеуказанных окончаний, в сарыг-уйгурском языке очень часто встречаются слова, образованные при помощи аффиксов, которые совпадают с такими суффиксами в языке памятников письменности, как *-is / -is, -us / -üs, -ma / -me, -č, -nč, -qış / -kiš, -sıq / -sıy, -suq / -sük, -šiy / -šiy, -daš / -diš / -diš / -dič / -dič*. Эти окончания, образующие существительные, являются общими суффиксами для групп кыпчакских и огузских языков, а именно: казахского и турецкого. Они могут отличаться по вариантной классификации. Например, окончания *-is / -is, -uš / -üš*, которые обозначают движение и манеру действия, в древнетюркском языке имеют вид *-is / -is, -uš / -üš* (*tegis* → *teg+is* ‘битва, нападение’, *uruš* → *ur+uš* ‘битва, сражение’, *sünjüš* → *sünj+ üš* ‘война’, в сарыг-уйгурском — *-is (adžaqis* ‘очаг’ < *ot+žaq, ayis* ‘аршин (мера длины)’, *alqis* ‘благодарность, благословение’), в казахском языке — *-is / -is (alyis, qaryis, atis, šabis, kün köris, žüris, turis)*, в турецком языке — *-iş / -iş, -uş / -üş (bakış* ‘точка зрения’, *giriş* ‘прибыль’, *dönüş* ‘возвращаться’, *uçuş* ‘летать’). Окончание *-ma / -me*, образующее имена существительные от глаголов, в общетюркских языках выполняет несколько функций: 1) образует слова, обозначающие субъекта, совершившего действие; 2) обозначает место и название предмета; 3) обозначает названия оружия и приборов; 4) обозначает объект действия; 5) обозначает результат действия. Древнетюркские суффиксы *-ma / -me (jalma* → *jal+ma* ‘коль-

чуга, *jatıyma* → *jatıy+ma* ‘ночлег’, *jelme* → *jel+me* ‘разведка, разведчик’, *körigme* → *körig+me* ‘желание, желающий’), в сарыг-уйгурском языке имеют форму *-ma*, *-ba*, *-pa* (*turma* ‘репа’, *somba* ‘прядь; куплет’, *soqpa* ‘каша’), в казахском языке — *-ma* / *-me*, *-ba* / *-be*, *-pa* / *-pe* (*baspa*, *bölme*, *žazba*, *köpme*, *qazba*, *tospa*), в турецком — *-ma* / *-me* (*doğma* ‘рождаться, рождение’, *görüŝme* ‘встретиться, увидиться’). Наличие твердых вариантов суффиксов в сарыг-уйгурском и казахском языках может быть сохранившейся чертой периода развития тюркских языков в до-тюркское время.

Эволюционное развитие окончаний охватывает такие сложные процессы, как их образные изменения, смысловая стабильность или изменчивость, многофункциональность или исполнение одной функции, образный и семантический отбор и системность. Итак, даже если в структуре окончаний, образующих имена существительные и являющихся общими для сарыг-уйгурского, казахского и турецкого языков, встречаются определенные звуковые изменения, сформированные в ходе 1400–1500-летнего исторического развития тюркского языка в VI–X вв., можно отметить то, что аффиксы по смыслу и функциям, а также морфологическим особенностям очень схожи с окончаниями языка письменных памятников, образующими именными частями речи. Однако полное сохранение губного сингармонизма, присущего суффиксам, образующим существительные, в языке древнетюркских письменных памятников в турецком, его частичное сохранение в сарыг-уйгурском и полное исчезновение в казахском языке связано с определенными причинами. Так, в казахском языке на распространение и развитие формантов, соответствующих губному сингармонизму не только в суффиксах имен существительных, но и в общей системе окончаний, повлияли сформированные правила и орфографические нормы русского языка. На сохранение большинства нелабиализованных окончаний в сравнении с губными окончаниями в сарыг-уйгурском языке оказала влияние постепенная консервация языка, что привело к сокращению и ограничению ряда окончаний. Это в свою очередь означает, что наличие или отсутствие вариантного разделения суффиксов имен существительных в языке орхоно-енисейских памятников письменности в сарыг-уйгурском, казахском и турецком языках может

указывать на своеобразные особенности системы словообразования и морфологической структуры, развившиеся и сформировавшиеся в период после IX в., во время их эволюции как языков отдельных этносов.

Список сокращений

Алт. — алтайский; азерб. — азербайджанский; башк. — башкирский; гаг. — гагаузский; карайм. — караимский; древнетюрк. — язык древнетюркских памятников письменности; каз. — казахский; кбалк. — карачаево-балкарский; ккалп. — каракалпакский; кум. — кумыкский; кырг. — киргизский; ног. — ногайский; среднетюрк. — язык среднетюркских памятников письменности; узб. — узбекский; сал. — саларский; тат. — татарский; тоф. — тофаларский; тув. — тувинский; тур. — турецкий; уйг. — уйгурский; чув. — чувашский.

Источники

- Айдаров Ф.* Күлтегін ескерткіші. Алматы: Ана тілі, 1995. 232 б.
- Айдаров Ф.* Тониқуқ ескерткішінің (ҮІІІ ғасыр) тілі. Алматы: Қазақстан, 2000. 120 б.
- Айдаров Ф.* Орхон ескерткіштерінің тексі. Алматы: Ғылым. 1990. 220 б.
- Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. и др.* Современная и древняя Енисейка. Фрунзе: АН КиргССР, 1962. 248 с.
- Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках / под ред. И. А. Батманова. Фрунзе: Илим, 1971. 194 с.
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.
- Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. 194 с.
- Материалы экспедиции. Тюркская академия (запис. от представителя сарыг-уйгурского этноса, докторанта Университета Ляньжоу Арслана Яглакара. 09.07.2012. Поселок Кызылдаван).

Литература

- Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. Ч. I. Части речи и словообразование. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 542 с.
- Баскаков Н. Л.* К вопросу о происхождении условной формы на *-sa*, *-se* в тюркских языках // Акад. В. А. Гордлевскому к его 70-летию. Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 35–69.
- Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969. 384 с.

- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
- Есенкулов А. Көне түркі жазба ескерткіштеріндегі қосымшалар. Алматы: Ғылым, 1976. 207 б.
- Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1972. 569 с.
- Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л.: Наука, 1980. 255 с.
- Константинова О. А. Эвенкийский язык. М.; Л.: Наука, 1964. 272 с.
- Кошгарий, Махмуд. Туркий сўзлар девони (Девону-лугот ит-турк) // Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. 3 томлик. Тошкент: ЎзФанашир, 1960–1963. II т., 1961, 428 с.
- Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976. 206 с.
- Рамstedт Г. Й. Введение в алтайское языкознание: морфология / пер. с нем. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 255 с.
- Решетов А. М. Шара уйгур (шира югур, юйгу) // Народы и религии мира. Энциклопедия. М.: Научн. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998 [электронный ресурс] // URL: http://hamagmongol.narod.ru/splinters/shuygur_r.htm (дата обращения: 15.06.2016)
- Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М.: Наука, 1966. 437 с.
- Серебрянников Б. А. Историческая грамматика пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.
- Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров. М.: Наука, 1966. 84 с.
- Томанов М. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Алматы: Мектеп, 1988. 263 б.
- Томанов М. Тіл тарихы туралы зерттеулер. Алматы: Ғылым, 2002. 616 б.
- Уйгуры [электронный ресурс] // URL: <http://china.worlds.ru/info/min/yugur.html> (дата обращения: 15.06.2016).
- Хасенова А. Етістіктің лексика-грамматикалық сипаты. Алматы: Ғылым, 1971. 307 б.
- Хы Уей Гуанг. Сарығ ұйғырлардың мәдениет тарихы. Бейжин: Ұлттарбаспасы, 2000 (на китайском языке, перевод комментариев Ш. Абсалык).
- Aidarov G. *Kültegin eskertkici* [Kül Tigin monument]. Almaty, Ana Tili Publ., 1995, 232 p. (In Kazakh).
- Aidarov G. *Tonikuq eskertkicinini (VIII gasyr) tili* [The language of Tonyukuk monument (8th c.)]. Almaty, Qazaqstan Publ., 2000, 120 p. (In Kazakh).
- Aidarov G. *Orhon eskertkicinini teksini* [The Orkhon inscriptions]. Almaty, Gylym Publ., 1990, 220 p. (In Kazakh).
- Batmanov I. A., Aragachi Z. B., Babuckin G. F. i dr. *Sovremennaya i drevnyaya Eniseika* [Modern and ancient Eniseika]. Frunze, Publ. House of the Kirghiz ASSR Acad. of Sciences, 1962, 248 p. (In Russ.).
- Drevnie tyurkskie dialekty i ih otrajenie v sovremennyh yazykah. Pod red. I. A. Batmanova* [Ancient Turkic dialects and their traces in modern languages. Edit. by I. Batmanov]. Frunze, Ilim Publ., 1971, 194 p. (In Kazakh).
- Drevnetyurkskii slovar'. Pod red. V. M. Nadel'yaeva, D. M. Nasilova, E. R. Teniceva, A. M. Sherbaka* [A dictionary of Old Turkic. Edit. by V. Nadelyaev et al.]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p. (In Russ.).
- Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti* [Monuments of the Old Turkic script]. Moscow – Leningrad, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1951, 452 p. (In Russ.).
- Malov S. E. *Yazyk jeltyh uigurov* [The language of Yellow Uyghurs]. Almaty, Publ. House of the Kazakh SSR Acad. of Sciences, 1957, 197 p. (In Russ.).
- Materialy ekspeditsii. Tyurkskaya akademiya (Zapisano ot predstavatelya sarug-uygurskogo etnosa, doktoranta Universiteta Lyanjou Arslana Yaglakara 09.07.2012. Poselok Kyzyl'davan)* [Expedition field data. International Turkic Academy (As recorded from an ethnic Yugur, Ph.D. student at Lanzhou University, Arslan Yaglakar on 9 July 2012, Kyzyl'davan village)].

References

- Baskakov N. A. *Karakalpakskii yazyk. Fonetika i morfologiya. Ch. 1. Chasti rechi i slovoobrazovanie* [The Karakalpak language. Phonetics and morphology. P. 1. Parts of speech and word formation]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1952, 542 p. (In Russ.).
- Baskakov N. L. *K voprosu o proichojdenii uslovnoi formy na -sa, -se v tyurkskih yazykah* [The origin of the conditional form of -sa, -se in Turkic languages revisited]. *Akademiku V. A. Gordlevskomu k ego semidesyatiletiiyu. Sbornik statei* [Celebrating the 70th anniversary of academician V. A. Gordlevsky. A collection of articles]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1953, pp. 35–69 (In Russ.).

Sources

- Aidarov G. *Kültegin eskertkici* [Kül Tigin monument]. Almaty, Ana Tili Publ., 1995, 232 p. (In Kazakh).

- Baskakov N. A. *Vvedenie v izuchenie tyurkskih yazykov* [An introduction to Turkic linguistics]. Moscow, Vysshaja Shkola Publ., 1969, 384 p. (In Russ.).
- Bichurin N. Ya. (Iakin). *Sobranie svedenii o narodah, obitavcih v Srednei Azii v drevnie vremena* [A collection of data regarding the peoples that inhabited Central Asia in ancient times]. Moscow–Leningrad, Publ. House of the USSR Acad.of Sciences, 1950, 382 p. (In Russ.).
- Esenkulov A. *Kone tuerki jazba eskertkisherindegi qosymshalar* [Applying the Old Turkic inscriptions]. Almaty, Gylym Publ., 1976, 207 p. (In Kazakh).
- Hy Uei Guang. *Saryg Uigyrlyardyn madeniet tarihy* [The history of Yugur culture]. Beijing, Ultar Publ., 2000, 231 p. (In Chinese; Comments transl. by Sh. Absalik).
- Khasenova A. *Etistikin leksika-grammatikalyq sipaty* [The lexical and grammatical nature of the verb]. Almaty, Gylym Publ., 1971, 307 p. (In Kazakh).
- Kononov A. N. *Grammatika sovremennogo tureztkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of modern literary Turkish]. Moscow–Leningrad, Publ. House of the USSR Acad.of Sciences, 1956, 569 p. (In Russ.).
- Kononov A. N. *Grammatika yazyka tyurkskih runicheskikh pamyatnikov (VII–IX vv.)*. [Grammar of the language of Turkic runic monuments (7th–9th cc.)] Leningrad, Nauka Publ., 1980, 255 p. (In Russ.).
- Konstantinova O. A. *Evenkiiskii yazyk* [The Evenk language]. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1964, 272 p. (In Russ.).
- Koshgari, Mahmud. *Turkii suzlar devoni (Devonilugat it-turk). Tarjimon va nashrga taitlovchi S. M. Mutallibov. 3 tomlik* [The Dictionary of Turkic languages (Dīwān Lughāt al-Turk). Transl. by S. Mutallibov. In 3 vol.]. Tashkent, Uz Fanashr Publ., 1960–1963, II tom, 1961, 428 p. (In Uzbek).
- Levitskaya L. S. *Istoricheskaya morfologiya chuvashskogo yazyka* [Historical morphology of the Chuvash language]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 206 p. (In Russ.).
- Ramstedt G. J. *Vvedenie v altaiskoe yazykoznanie. Morfologiya. Per. s nem.* [An introduction to Altaic linguistics. Morphology. Transl. from German]. Moscow, Publ. House for Foreign Literature, 1957, 255 p. (In Russ.).
- Reshetov A. M. *Shara uigur (cira yugur, yuigu)* [Yellow Uyghurs]. *Narody i religii mira. Entsiklopediya* [Peoples and religions of the world. Encyclopedia]. Moscow, Bolshaya Rossiiskaya Entsiklopediya Scient. Publ., 1998, 928 p. Available at: http://hamagmongol.narod.ru/splinters/shuygur_r.htm (accessed: 15 May 2016) (In Russ.).
- Sevortyan E. V. *Affiksy imennogo slovoobrazovaniya v azerbaidjanskom yazyke. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [Azerbaijani noun-forming affixes. An experience of comparative research]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 437 p. (In Russ.).
- Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya permskih yazykov* [Historical morphology of Permian languages]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad.of Sciences, 1963, 391 p. (In Russ.).
- Tenishev E. R., Todaeva B. H. *Yazyk jelytyh uigurov* [The language of Yellow Uyghurs]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 84 p. (In Russ.).
- Tomanov M. *Qazaq tilinin tarihi grammatikasy* [Historical grammar of the Kazakh language]. Almaty, Mektep Publ., 1988, 263 p. (In Kazakh).
- Tomanov M. *Til tarihy turaly zertteuler* [Studies on the history of the language]. Almaty, Gylym Publ., 2002, 616 p. (In Kazakh).
- Uigury* [Uyghurs]. Available at: <http://china.worlds.ru/info/min/yugur.html> (accessed: 15 May 2016) (In Russ.).

УДК 81.362 (811.512.132)

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ АФФИКСОВ ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В САРЫГ-УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕСагидолда Гульгайша Сагидолдакызы ¹, Ескеева Магрипа Кайнарбаевна ², Абдуалиулы Бегжан ³

¹ доктор филологических наук, профессор, кафедра казахского языкознания, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан). E-mail: asem963@mail.ru.

² доктор филологических наук, профессор, кафедра тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан). E-mail: mag61103@inbox.ru.

³ доктор филологических наук, профессор, кафедра казахского языкознания, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан). E-mail: bekzhan_a7@mail.ru.

Аннотация. Западный сарыг-уйгурский язык — один из тюркских языков, оказавшийся на грани исчезновения и ассимиляции в результате длительного взаимодействия с монгольским, тибетским и китайским языками. Исследование развития общетюркского языка и выявление причин распада языков представляется актуальным на материале западного сарыг-уйгурского языка в качестве «законсервированной лингвоструктуры», который оставался длительное время после VIII–IX вв. в Центральной Азии под влиянием этнолингвоисторических процессов «в недрах» китайского, тангутского, тибетского и монгольского языков и потерял связь с тюркской языковой средой. Несмотря на влияние указанных языков, западный сарыг-уйгурский язык считается одним из древних тюркских языков, сохранившим общетюркские праформы и признаки развития тюркских языков в древнетюркскую эпоху. Сравнительно-историческое исследование аффиксов именного словообразования в сарыг-уйгурском языке и языке древнетюркских памятников письменности, казахском языке кипчакской группы, турецком языке огузской группы позволяет выявить общие словообразовательные форманты, присущие данным языкам изучаемого периода, а также пути развития аффиксов в постдревнетюркский период и их формирование в каждом из названных языков.

Исследование показывает, что в сарыг-уйгурском, казахском и др. тюркских языках функционировали присущие тюркским языкам VI–X вв. общие суффиксы, образующие имя существительное, которые на протяжении 1400–1500 лет своего исторического развития приобрели некоторые звуковые изменения, а значения и функции аффиксов, их морфологические особенности в языке памятников имеют некоторые сходства с аффиксами местоимений. Тем не менее сингармонизм, обнаруженный в именных суффиксах в языке памятников древней письменности, полностью сохранился в турецком языке, частично — в сарыг-уйгурском языке, в казахском же языке совсем не наблюдается.

Ключевые слова: этнолингвоисторические процессы, тюркский этнос, языковые контакты, общетюркская праформа, язык древнетюркских памятников, кипчакская языковая группа, огузская языковая группа, система именных аффиксов.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 95–102, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-95-102
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.31

The Phonetic Appearance of the Nizhneudinsk Dialect of the Buryat Language: Current State

Yuliya D. Abaeva¹

¹ Ph. D. in Philology, Research Associate, Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation).
E-mail: julaba@yandex.ru.

Abstract

The article analyzes the current state of the phonetic system of the Nizhneudinsk dialect of the Buryat language in comparison with corresponding data collected by other researchers more than forty years ago. The Nizhneudinsk dialect is the most western Buryat dialect and is isolated from the others, so its phonetics has a lot of unique features. The materials were obtained during the 2016 expedition to Nizhneudinsky District of Irkutsk Oblast. Nowadays the dialect can be designated as endangered, so its recording and analysis are timely and relevant.

The analysis of the recorded materials revealed the peculiarities as follows.

In vocalism: the back vowels *a*, *u*, *o* become the front ones *ä*, *ü*, *ö* before the vowel **i* in the following syllable: *bär'ika* < *bariqu* 'to hold', *kürigan* < *quriyan* 'lamb'; both front and back diphthongs become front monophthongs: *sää* < *čai* 'tea', *öö* < *oi* 'wood', *tüümer* < *tuyimer* 'fire', *k'üüten* < *küyiten* 'cold', *t'iime* < *teyimü* 'this kind', *dülee* < *dülei* 'deaf'; quite a number of words preserve the unbroken **i* in the first syllable: *t'iree* < *kirüge* 'saw', *sh'inika* < *činaqu* 'to cook'.

In consonantism: the stop character of the sound *k*, developed from **q* and **k*, instead of the fricative *kh* in other Buryat dialects: *kur'im* < *qurim* 'wedding', *daka* < *daqa* 'fur-coat'; transformation of **gi* into *d'i*, and **ki* into *t'i*: *erd'i* < *ergi* 'coast', *tart'i* < *tariki* 'brain', *art'i* < *ariki* 'alcohol'; interchange of dorsal stop and fricative consonants: *jir naashaa* ~ *d'ir naashaa* < *ire nayasi* 'come here'; preservation of affricates in some words: *kün'd'il* ~ *kün'dzhil* < *könjil* 'blanket', *nant'ika* ~ *nanchika* < *nančiqu* 'to beat'; the palatalized character of the sound *sh*: *sh'i* < *či* 'you', *kash'ar* < *qačar* 'cheek', palatalization of a consonant in the position before front vowels: *m'üükaa* 'некрасивый', *or'öö* 'late'.

Still, some deviations from the rules occur: sometimes informants pronounce the fricative *kh* instead of the stop *k*; in some cases diphthongs are preserved. These deviations in the speech of the Nizhneudinsk Buryats appeared under the influence of other Buryat dialects and are also determined by the poor knowledge of the native Buryat dialect.

Keywords: Buryat language, Nizhneudinsk dialect, phonetics, vocalism, consonantism.

Нижнеудинский говор — самый западный говор бурятского языка, носители которого проживают в Нижнеудинском районе Иркутской области. Согласно диалектной классификации И. Д. Бураева, он представляет собой самостоятельный говор, стоящий особняком от других западно-бурятских говоров и диалектов [Бураев 1988: 24]. Вследствие изолированности от остальной части бурятского народа, иноязычных контактов, русскоязычного окружения, а также истории своего сложения, звуковой облик этого говора характеризуется рядом уникальных черт, не имеющих аналогов в других бурятских говорах и диалектах.

В июле 2016 г. учеными из Бурятского государственного университета и Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН была организована совместная экспедиция к нижнеудинским бурятам. Нужно отметить, что за последние сорок лет это первая лингвистическая экспедиция в этот регион. Членам экспедиции удалось встретиться с носителями нижнеудинского говора, сделать записи образцов разговорной речи в рамках специальной программы для дальнейшего исследования его сегментных и суперсегментных характеристик. Собранный материал войдет составной частью в создаваемую в отделе языкознания ИМБТ СО РАН Звуковую базу данных бурятских диалектов. Эта база данных представляет собой звучащий корпус аннотированных диалектных текстов, который позволит зафиксировать живой бурятский язык во всем его диалектном разнообразии, а также даст новый материал для изучения диалектов на всех уровнях. В настоящее время это направление по созданию звучащих корпусов и мультимедийных баз данных по различным языкам и диалектам активно развивается в рамках корпусной лингвистики [Долозова 2010; Куканова 2012; Некрасова 2010; Степанова 2008; Шерстинова 2008]. По мнению исследователей, создание звучащих корпусов можно назвать одной из главных задач лингвистов, так как «произношение, артикуляцию и так называемые „живые“ процессы устной речи невозможно реконструировать по письменным текстам» [Куканова 2012: 142].

Ценность полученного материала заключается в том, что языковая ситуация с данным говором в настоящее время очень сложная. Все люди старшего поколения, которые в детстве говорили на бурятском, в настоя-

щее время в основном являются билингвами с доминирующим русским языком. Они используют русский язык как средство общения не только на работе и в общественных местах, но и в быту, внутрисемейном общении и оставляют бурятскому языку лишь роль вспомогательного средства, иногда вставляя бурятские слова и фразы в русскую речь. Молодежь практически не владеет бурятским языком. Как пишет В. Алпатов, «язык, почти лишенный одноязычных носителей и практически не известный в младшем поколении, подвержен реальной угрозе исчезновения» [Алпатов 2005].

В Нижнеудинском районе Иркутской области имеются два бурятских села: Кушун (бур. *Шугул*) и Мунгутубулук (бур. *Мунгэтэ булаг*). Село Кушун насчитывает порядка 70 дворов, часть из которых пустует, численность населения немногим более 100 человек. Село Мунгутубулук насчитывает четыре семьи. В селах нет школ и библиотек. Дети учатся в соседних русскоязычных школах. В ходе экспедиции были записаны четыре диктора — двое мужчин и две женщины. Средний возраст дикторов — 60 лет, все они являются уроженцами с. Кушун. Информанты утверждают, что в детстве говорили только по-бурятски, а русский язык стали изучать в школе. Постепенно бурятский язык был вытеснен из повседневного общения как в быту, так и в общественной жизни, и на сегодняшний день основной язык их общения — русский.

Ранее фонетические особенности нижнеудинского говора исследовались в работах М. Кастрена [1857], Г. Д. Санжеева [1930], А. А. Дарбеевой [1960; 1978; 1996], В. И. Рассадина [1999]. В. И. Рассадин, характеризуя фонетический облик нижнеудинского говора, указывает, что в нем сохраняется ряд архаичных черт и имеется ряд инноваций. К архаичным чертам он относит наличие большого количества слов, не подвергшихся перелому **i*; смычный характер согласных, возникших на месте **q* и **k*; сохранение аффрикаты **j* и смычный характер ее заменителей *дь* и *дж*. Также в ряду особенностей консонантизма описываемого говора В. И. Рассадин упоминает чередование согласных: *й* и *дь* (*йаһан* ~ *дьаһан* ‘кость’), *һ* и *г* (*нарһан* ~ *нарган* ‘сосна’), *һ* и *к* (*һуму* ~ *куму* ~ *кхуму* ‘пуля’). Среди возникших в более позднее время особенностей фонетики нижнеудинского говора, представляющих одну из наиболее ярких

его черт, В. И. Рассадин называет опередние твердорядных гласных под влиянием *i и образование опередненных долгих монофтонгов и дифтонгов [Рассадин 1999: 149].

Записанный материал позволяет проследить сохранение или изменение основных характеристик вокализма и консонантизма нижеудинского говора и его современное состояние.

Процесс опереднения гласных в позиции перед палатальным согласным и последующим *i наиболее сильно отразился на фонеме [a], фонемы [o] и [y] затронуты этим процессом в гораздо меньшей степени. Нами зафиксированы случаи опереднения, аналогичные описанным предыдущими исследователями: *бәр'кая*, *бәрика* < *barıqu* 'ловить, держать', *зәр'им*, *зәр'мууд* < *jarım* 'некоторые', *нәр'ишхан* < *narın* 'тонкий, узкий', *күриган* < *qurıgan* 'ягненок'. В. И. Рассадин приводит пример перехода *o* в *ö* в слове *мөрин* < *morin* 'лошадь' [Рассадин 1999: 20], однако во всех наших записях дикторы произносят *морин* с твердорядным *o*.

Дифтонги и дифтонговые комплексы в нижеудинском говоре, как правило, развились в долгие монофтонги. Процесс опереднения коснулся и долгих гласных: развитие долготного комплекса **aya* в мягкорядный *äy* происходит в тех случаях, когда в последующем слоге стоит *i: **tayarıqu* > *mäyраха* 'отрезать, отпиливать'. Долгие гласные, появившиеся на месте монофтонгизированных твердорядных дифтонгов, в нижеудинском говоре также становятся передне-рядными:

**ayi* > *äy*: *с'äy* < *cai* 'чай', *б'äйна* < *bayına* 'стоит', *äйкая* < *ayıqu* 'бояться';

**oyi* > *өө*: *өө* < *oi* 'лес', *н'өөтөн* < *noyitan* 'мокрый';

**uyi* > *үү*: *түүмэр* < *tuimer* 'пожар', *үүлкая* < *uyılaqu* 'плакать'.

Тот же процесс имел место в непервых слогах: *нокөө* ~ *нокäy* < *noqai* 'собака', *гакäy* < *yaqai* 'свинья', *м'үүкäy* < *tauıqai* 'некрасивый', *äмаштäy* < *ayımşıytai* 'опасный', *ор'өө* < *oroı* 'поздно', *кар'гүү* < *qarγui* 'дорога'. Также выявлены случаи перехода всего слова в мягкий ряд: *тәр'äйн* < *tariyan* 'зерно, посева', *нäйшäy* < *naγasi* 'сюда', *ш'är'äy* < *cirai* 'облик'.

Мягкорядные дифтонги также трансформировались в мягкорядные долгие монофтонги: *к'үүтэн* (*хүйтэн*¹) < *küıiten*

¹ Здесь и далее в скобках для сравнения приведены данные литературного бурятского языка.

'холодный', *күштээ* (*хүсэтэй*) < *küıuntei* 'сильный', *тиимэ* < *teyimü* 'такой', *дүлээ* (*дүлиш*) < *dülei* 'глухой'. В наших записях имеются случаи сохранения дифтонгов или, возможно, их повторного появления под влиянием литературного языка. Так, современные дикторы произносят: *ойлгонош* 'понимаешь' вм. *өөлгонош*, *үүлкая* 'плакать' вм. *үүлка*, *түймэр* вм. *түүмэр* 'лесной пожар'. Отрицательная частица также сохраняет дифтонговость: *үбээ* ~ *үбүэ* < *ügei* 'нет'.

Перелом гласного *i в нижеудинском говоре охватил гораздо меньшее количество слов, чем в других монгольских языках и диалектах. Гласный *и* в первом слоге сохранился во многих словах: *т'ирээ* (*хюрөө*) 'пила', *нидэн* (*нюдэн*) 'глаз', *шидэн* (*шүдэн*) 'зуб', *жиргоон* (*зургаан*) 'шесть', *д'иһэн* (*юһэн*) 'девять', *д'ирэн* (*ерэн*) 'девьянство', *ш'ирган* (*шарга*) 'сани', *ш'инкая* (*шанаха*) 'варить', *д'илааһан* (*альяаһан*) 'муха', *ш'ингаар* (*шангаар*) 'сильно'. Вместе с тем процесс перелома гласного *i в нижеудинском говоре все же имел место: *зүһэн* < *jisün* 'масть животного', *загаһан* < *jiγasun* 'рыба', *м'акан* < *miqan* 'мясо', *шарка* < *siraqu* 'жарить', *шоно* < *čini-a* 'волк', *нюр-гун* < *nirγun* 'спина', *шуһан* ~ *шухун* < *čisun* 'кровь', *нюдурган* < *nidurγ-a* 'кулак', *шулуун* < *čilayun* 'камень', *түмһан* < *kimusun* 'ноготь'. Зафиксированы случаи параллельного употребления слов с переломом и без: *шибуукäy* ~ *шубуукäy* 'птичка', *ш'игнакая* ~ *шагнакая* 'слушать', *ш'индаган* ~ *шандаган* 'заяц', *жиргоон* ~ *жоргоон* 'шесть', *нидэн* ~ *нюдэн* 'глаз', *ш'ирäy* ~ *ш'äräy* 'облик'.

В некоторых словах гласный *i сохраняется без перелома в виде [э]: *шэлэн* (*шүлэн*) < *silün* 'бульон', *шэлһэн* (*шүлһэн*) < *silüisün* 'слюна', *сэлээтэй* (*сүлөөтэй*) < *čilügetei* 'свободный'.

В ряде случаев фонема [э] развилась на месте гласных *ö и *ü: *зэгээ* < *jögei* 'пчела', *мэлһэн* < *mölsün* 'лед', *мэнэ* < *möni* 'сейчас', ср. в аналогичных случаях в литературном бурятском языке имеем [ү]: *зүгы*, *мүльһэн*, *мүнөө*. Нами зафиксированы случаи параллельного употребления двух вариантов: *бүлэжэн* ~ *бэлэжэн* < *büliyen* 'теплый', *дүрбэн* ~ *дэрбэн* < *dörben* 'четыре', *дүшэн* ~ *дэшэн* < *döčün* 'сорок', *үмдэн* ~ *эмдэн* < *ötüdiin* 'штаны'.

В других же случаях из *ö и *ü в нижеудинском говоре развилась одна фонема [ү]. Хотя в материалах Г. Д. Санжеева [1930: 5],

А. А. Дарбеевой [1978: 31] признается фонематичность мягкорядного краткого [ə], В. И. Рассадина считает спорным его существование в качестве самостоятельной фонемы [Рассадина 1999: 26]. Наши наблюдения подтверждают мнение В. И. Рассадина: үглээ < örlüge ‘утро’, күкиэн < kögsin ‘старый’, үнгэ < öngge ‘цвет’, мүнгэн < mönggü ‘серебро’, күкэ < köke ‘синий’. В этих и других подобных случаях дикторы произносят у, а не ө.

Особенность сингармонизма нижеудинского говора, которая не встречается в литературном бурятском языке, — это наличие гласных у / ү в непервых слогах: нүкүн (нүхэн) < nüke ‘яма, дыра’, уту (ута) < urtu ‘длинный’, күндү (хүндэ) < күндү ‘тяжелый’. Все эти слова зафиксированы нами только в таком варианте. В других случаях возможно чередование с вариантом а / э: үхун ~ ухан ‘вода’, нюргун ~ нюрган ‘спина’, нюдурга ~ нюдарга ‘кулак’, үхүн ~ үхэн ‘волосы’.

Сравнивая наши данные с материалами В. И. Рассадина [1999: 28], мы приходим к выводу, что четкого правила произнесения таких слов не существует. Те слова, которые зафиксированы В. И. Рассадиным только в одном варианте с у / ү во втором слоге, в наших записях дикторами произносятся по-разному с у / ү и с а / э: тугул ~ тугал ‘теленос’, үбүр ~ үбэр ~ эбэр ‘рог’, шуһун ~ шуһан ‘кровь’, булгун ~ булган ‘соболь’, куһун ~ куһан ‘береза’. В некоторых случаях все записанные нами дикторы произносят вариант с а / э: куса вм. кусу ‘баран’, куда вм. куду ‘сват’, күкэ вм. күкү ‘синий’.

Еще одна особенность сингармонизма нижеудинского говора — широкий неогубленный ээ после гласного ү в первом слоге. В литературном же бурятском языке действует правило лабиального сингармонизма, согласно которому огубленные гласные корня слова, в том числе мягкорядный, узкий ү, обычно влекут за собой огубленность гласного в аффиксе [Правила орфографии и пунктуации бурятского языка 2009: 99]. Нами выявлены следующие случаи несовпадения правил сингармонизма: үглээ (үглөө) < örlüge ‘утро’, күдээ (хүдөө) < ködüge ‘степь, поле’, нижеуд. ‘лес’, гүрээһэн (гүрөөһэн) < görügesü ‘дикая коза’, түрээб (түрөөб) < törüge bi ‘я родился’, хүкээрээ (хүхөөрөө) < süke-ber-iyen ‘топором’.

В области консонантизма наиболее яркой чертой, выделяющей нижеудинский

говор среди других говоров и диалектов бурятского языка, является смычный характер согласных, развившихся на месте исторических *q и *k: күлээкэ (хүлээхэ) < küliyekü ‘ждать’, курум (хурим) < qurim ‘свадьба’, дака (даха) < daqa ‘доха’. Современные дикторы иногда произносят проточный звук х вместо смычного к. Это явление встретилось почти у каждого диктора: Диктор 1: биш’ишан ‘маленький’, наришан ‘тонкий, узкий’, дархан ‘кузнец’; Диктор 2: бис’аахан ‘маленький’, бариха ‘ловить, держать’, мякан ~ мяхан ‘мясо’, худа ‘сват’; Диктор 3: бяр’хая ‘ловить, держать’, хаахая ‘доить’, няахая ‘клеить’.

Это явление можно объяснить влиянием других западных диалектов и литературного языка на фоне общего ослабления владения своим родным говором. Информанты стремятся привести свою речь к «правильному» варианту. Еще одной возможной причиной является уменьшение контактов с соседними тюркскими языками, а именно: тофаларским, который, по мнению В. И. Рассадина, оказывал поддерживающее влияние на специфические черты нижеудинского говора, аналогичные имеющимся в тофаларском языке [Рассадина 1999: 149].

Другая особенность системы консонантизма данного говора — это развитие исторического комплекса *ki в t’i (tu)*, а gi в d’i (du): тирээ (хюрөө) < kirüge ‘пила’, тарт’у (тархи) < тарихи ‘головной мозг’, т’юмһан (хюмһан) < kimusun ‘ногти’, сатилка (сахилгаалха) < çakilyaqui ‘сверкать (о молнии)’, арт’у (архи) < арихи ‘водка’, тамт’у (тамхи) < тамахи ‘табак’, эрди ~ эрьёе (эрье) < ergi ‘берег’.

Интерес вызвало то, что Диктор 2 слово ‘берег’ произносит с сохранением слога ги: эрьгэ. Такой вариант произнесения этого слова встречается в других монгольских языках: в халха-монгольском — эрэг, в калмыцком — эрг ‘берег’.

Чередование среднеязычных смычного ħ и щелевого j — не редкость для нижеудинского говора, помимо описанных уже в работах предшественников слов (д’ирэн ‘девяносто’, д’иһэн ‘девять’, д’илааһан ‘муха’), в наших записях встретилось: йир наашаа ~ д’ир наашаа < ire naγasi ‘иди сюда’. В. И. Рассадина считает это уникальным явлением, не встречающимся ни в одном другом монгольском языке [Рассадина 1999: 35].

Как известно, в говорах и диалектах бурятского языка аффрикаты потеряли свой смычный компонент и развились в щелевые звуки [Рассадин 1982: 132], исключение в данном случае составляют южные говоры. В нижеудинском говоре ситуация, в общем, такая же, как и в большинстве других говоров, но в единичных случаях аффрикаты сохраняются: *джиргоон* ~ *жиргоон* (*зургаан*) < *jiγuγan* 'шесть', *куньдил* ~ *куньджил* (*хунжэл*) < *kōnjil* 'одеяло', *нант'икаяа* ~ *нанчикаяа* (*наншаха*) < *nančiqi* 'бить, ударить'.

Помимо описанных особенностей, которые мы сравнивали в динамике с данными предыдущих исследователей, наше внимание привлекли характеристики консонантизма, на которые в литературе нет прямых указаний. Например, смягченный характер звука *ш* [ш']: *ш'и* < *či* 'ты', *биш'ишхан* < *bičiqan* 'маленький', *ш'ирган* < *čirγa* 'сани', *ш'агнакая* < *čingnaqi* 'слушать', *ш'андаган* < *čindaγ-a* 'заяц', *каш'ар* (*хасар*) < *qačar* 'щека', *ши'кэркэе* < *isgereki* 'свистеть'. В своих работах А. А. Дарбеева отмечает смягченный характер этого звука лишь в некоторых словах в позиции перед гласным *i*: *каш'ир* 'щека', *ш'илгāка* 'проветривать', *ш'илака* 'томиться от безделья'; но: *ш'ишгалдā* 'пташка', *ш'ёкаң* 'чирий' [Дарбеева 1978]. Можно предположить, что этот щелевой свистящий звук, образованный из аффрикаты *č, сохранил в своей артикуляции приподнятый характер средней спинки языка. Однако, чтобы выявить зависимость употребления такого варианта этого звука от определенных позиционных условий, следует рассмотреть этот процесс на более обширном материале.

Еще одна особенность консонантизма, которая не встречается в других диалектах, — это палатализация согласных в позиции перед мягкорядными гласными: *м'үүкāй* 'некрасивый', *ор'өө* 'поздно', *к'үүтан* 'холодный', *б'āй* 'стой'.

Как можно заметить из проведенного анализа, для звукового облика нижеудинского говора характерна значительная фонетическая вариативность. Сами кушунцы говорят: «У нас в селе верхний край и нижний край говорят по-разному». Многие слова имеют несколько вариантов произнесения, так, слово *bičiqan* 'маленький' имеет следующие варианты: *бити-икан*, *биш'ишхан*, *бис'ишкан*, *биш'аахан*, *бис'аахан*. Это обусловлено историей фор-

мирования этого говора, неоднородностью этнических компонентов, вошедших в его состав, а также, возможно, влиянием других западных диалектов и литературного варианта бурятского языка. Звуковая вариативность этого говора также может быть объектом последующих исследований.

Таким образом, анализ современных записей нижеудинского говора бурятского языка показал, что основные звуковые особенности сохраняются в речи его носителей. К инновациям, возникшим в последние десятилетия, можно отнести случаи сохранения или повторного появления дифтонгов, произнесения проточного *x* на месте смычного *k*, сохранение комплекса *gi на примере слова *эрьгэ*. Эти изменения, вероятно, обусловлены влиянием других бурятских говоров и диалектов, в том числе литературного варианта, на фоне общего ослабления владения родным языком. Языковая ситуация в регионе вызывает опасения, поскольку данный говор находится под угрозой исчезновения. Другими словами, фиксация и исследование его звуковой материи крайне необходимы.

Литература

- Алтаев В.* Языковая ситуация в регионах современной России // Журнал «Отечественные записки». Вып. 2 (23). 2005 [электронный ресурс] // URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-situaciya-v-regionah-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 22.09.2016).
- Бураев И. Д.* Основные этапы исследования бурятских диалектов и их классификация // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1988. С 2–26.
- Дарбеева А. А.* Предварительные данные о языке нижеудинских бурят // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. Вып. 3. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1960. С. 118–126.
- Дарбеева А. А.* Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта (на материале монгольских языков). М.: Наука, 1978. 210 с.
- Дарбеева А. А.* Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. М.: Наука, 1996. 171 с.
- Долозова О. Н.* Создание и лингвистическая разметка звуковой словарно-грамматической базы данных по ительменскому языку // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегодн.

- Межд. конф. «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 113–118 [электронный ресурс] // URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1493/18.pdf> (дата обращения: 20.10.2016).
- Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН. № 3, 2012. С. 138 — 150.
- Некрасова Г. А. Электронный диалектный корпус как ресурс сохранения и изучения коми диалектов // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 13–16.
- Правила орфографии и пунктуации бурятского языка. Справочное издание / под ред. Л. Д. Шагдарова. 2-е изд. Улан-Удэ: Бэлиг, 2009. 168 с.
- Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
- Рассадин В. И. Становление говора нижнеудинских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 160 с.
- Санжеев Г. Д. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят // Мат-лы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных республик и Бурятской АССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. 8. С. 11.
- Степанова С. Б., Асиновский А. С., Богданова Н. В., Русакова М. В., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: концепция и состояние формирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По мат-лам ежегодн. межд. конф. «Диалог». Периодическое издание. Вып. 7 (14). 2008. С. 488–494 [электронный ресурс] // URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1796/76.pdf> (дата обращения: 22.09.2016).
- Шерстинова Т. Ю. Лингвистические мультимедийные архивы и национальный Фонд звучащей речи «Голоса народов России» // Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. «Национальный электронный звуковой депозиторий — технологии сохранения звукового наследия России». 28–29 августа 2008 г. ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург [электронный ресурс] // URL: <http://peliken.iphil.ru/Doklad-Sherstinova.pdf> (дата обращения: 30.09.2016)
- Castrén M. A. Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis, hrsg. von A. Schiefner. St-Pt., 1857. 272 p.
- ### References
- Alpatov V. *Yazykovaya situatsiya v regionakh sovremennoy Rossii* [The Language Situation in the Regions of Modern Russia]. *Otechestvenniye zapiski* [Patriotic Notes journal]. Iss. 2 (23), 2005. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-situaciya-v-regionah-sovremennoy-rossii> (accessed: 22 September 2016) (In Russ.).
- Buraev I. D. *Osnovnye etapy issledovaniya buryatskikh dialektov i ikh klassifikatsiya* [The main stages in the study of the Buryat dialects and their classification]. *Razvitiye i vzaimodeystvie dialektov Pribaikaliya* [Development and interaction of dialects in the Baikal region]. Ulan-Ude, Publ. House of the Buryat Scientific Center, 1988, pp. 2–26 (In Russ.).
- Darbeeveva A. A. *Predvaritelniye danniiye o yazyke nizhneudinskikh buryat* [Preliminary data on the language of Nizhneudinsk Buryats]. *Trudy Buryatskogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta SO AN SSSR* [Transactions of the Buryat Comprehensive Research Institute of the SB of the USSR AS]. Iss. 3. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1960, pp. 118–126 (In Russ.).
- Darbeeveva A. A. *Vliyaniye dvuyazychiya na razvitiye izolirovannogo dialecta (na materiale mongolskikh yazykov)* [Influence of bilingualism on the development of an isolated dialect (evidence from Mongolian languages)]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 210 p. (In Russ.).
- Darbeeveva A. A. *Istoriko-sopostavitel'niye issledovaniya po grammatike mongolskikh yazykov. Fonetika* [A historical and comparative studies on the grammar of Mongolian languages. Phonetics]. Moscow, Nauka Publ., 1996, 171 p. (In Russ.).
- Dolozova O. N. *Sozdaniye i lingvisticheskaya razmetka zvukovoy slovarno-grammaticheskoy bazy dannykh po itel'menskomu yazyku* [A sound lexico-grammatical database of the Itelmen language: creation and linguistic annotation]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektualniye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog" (Bekasovo, 26-30 maya 2010)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"]. Iss. 9 (16). Moscow, Russ. State Univ. for the Humanities Press, 2010, pp. 113–118. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/1493/18.pdf> (accessed: 22 August 2016) (In Russ.).
- Kukanova V. V., Bembeev E. V., Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch. *Natsional'ny korpus kalmytsk-*

- ogo yazyka: arkhitektura i vozmozhnosti ispol'zovaniya [The Kalmyk National Corpus: architecture and feasibilities of using]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2012, No. 3, pp. 138–150 (In Russ.).
- Nekrasova G. A. *Elektronnyy dialectniy korpus kak resurs sokhraneniya i izucheniya komi dialektov* [The Digital Dialect Corpus as a resource for preservation and investigation of the Komi dialects]. *Finno-ugorsky mir* [Finno-Ugric World journal], 2010, No. 1, pp. 13–16 (In Russ.).
- Pravila orfografii i punktuatsii buryatskogo yazyka. Sravochnoye izdaniye* [The orthographic and punctuation rules of the Buryat language. A reference book]. Edit. by L. D. Shagdarov. 2nd edition. Ulan-Ude, Belig Publ., 2009, 168 p. (In Russ.).
- Rassadin V. I. *Ocherki po istoricheskoy fonetike buryatskogo yazyka* [Sketches on the historical phonetics of the Buryat language]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 199 p. (in Russ.).
- Rassadin V. I. *Stanovleniye govora nizhneudinskihk buryat* [The formation of the Nizhneudinsk Buryats' dialect]. Ulan-Ude, Publ. House of the Buryat Scientific Center, 1999, 160 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Foneticheskiye osobennosti govora nizhneudinskihk buryat* [Phonetic features of the Nizhneudinsk Buryats' dialect]. *Materialy komissii po issledovaniyu Mongolskoi i Tannu-Tuvinskoi Narodnykh respublik i Buryatskoi ASSR* [The materials of the Commission for Exploration of Mongolian and Tannu-Tuvinian People's republics and the Buryat ASSR]. Iss. 8. Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1930, p. 11 (In Russ.).
- Stepanova S. B., Asinovsky A. S., Bogdanova N. V., Rusakova M. V., Sherstinova T. Yu. *Zvukovoy korpus russkogo yazyka povsednevnogo obshcheniya "Odin rechevoy den'": kontseptsiya i sostoyanie formirovaniya* [Speech Corpus of the Russian everyday communication "One Speaker's Day": basic conception and current state]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektualniye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"]. Iss. 7 (14), 2008, pp. 488–494. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/1796/76.pdf> (accessed: 22 September 2016) (In Russ.).
- Sherstinova T. Ju. *Lingvisticheskie mul'timedijnye arhivy i nacional'nyj Fond zvuchashhej rechi "Golosa narodov Rossii"* [Linguistic multimedia archives and the National foundation of sounded speech "Voices of Russia's peoples"]. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii: «Nacional'nyj elektronnyj zvukovoj depozitarij — tekhnologii sohraneniya zvukovogo nasledija Rossii»*. 28–29 avgusta 2008 [Proc. of the International research and practice conference — The National Digital Sound Depository: Technologies for Preservation of Russia's Heritage of Sounds. August 28–29, 2008]. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Saint Petersburg. Available at: <http://peliken.iphil.ru/Doklad-Sherstinova.pdf> (accessed: 30 September 2016) (In Russ.).
- Castrén M. A. *Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis, hrsg. von A. Schiefner* [An effort of Buryat language teaching alongside with a short glossary]. Saint Petersburg, Publ. House of the Imperial (St. Petersburg) Academy of Sciences, 1857 (In German).

УДК 811.512.31

**ЗВУКОВОЙ ОБЛИК НИЖНЕУДИНСКОГО ГОВОРА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**Юлия Догоржаповна Абаева¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языкознания, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: julaba@yandex.ru.

Аннотация. Нижнеудинский говор — самый западный изолированный говор бурятского языка, которому присущи уникальные фонетические черты. Материал исследования получен во время экспедиции в места проживания носителей данного говора. На сегодняшний день этот говор находится на грани исчезновения, следовательно, фиксация и анализ его звуковой материи являются насущной необходимостью. В статье рассматриваются фонетические особенности говора, а также проводится сопоставление с материалами, полученными более сорока лет назад другими исследователями. В результате исследования выявлено, что основные характерные черты этого говора сохраняются. В вокализме: опереднение гласных первого слога под влиянием гласного *i в следующем слоге; монофтонгизация дифтонгов; сохранение значительного количества слов без перелома *i; особенности сингармонизма. В консонантизме: смычный характер согласных, развившихся на месте исторических *q и *k; развитие исторического комплекса *ki в t'i, *gi в d'i, сохранение в некоторых словах аффрикаты дж, палатализация согласных перед мягкорядным гласным, смягченный характер звука [ш']. Вместе с тем нам встретились отступления от традиционных правил. Так, дикторы в некоторых случаях произносят проточный звук [x], на месте характерного для говора смычного [к], зафиксированы случаи употребления дифтонгов. Эти изменения, вероятно, возникают под влиянием других западных диалектов или литературного бурятского языка на фоне общего ослабления владения родным говором.

Ключевые слова: нижнеудинский говор, бурятский язык, фонетика, вокализм, консонантизм.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 103–111, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-103-111
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 81'373+398.21

The Peculiarities of Translation of Kalmyk Non-Equivalent Vocabulary into German (Evidence from Kalmyk Fairy Tales Recorded by G. J. Ramstedt)

Alexandra T. Bayanova¹

¹ Head of Alekseeva Scientific Library, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

Abstract

The article analyzes the non-equivalent vocabulary of the fairy tales recorded and translated into German by the Finnish scholar G. J. Ramstedt. The choice of the genre is determined by the fact the language of fairy tales most completely reflects ethnic culture and traditions containing the largest bulk of culture specific lexis. The paper classifies and distributes the words designated as non-equivalent among the 16 groups as follows: household utensils; fauna; religious lexis; home; flora; kinship terms and those denoting surroundings of a person; food and beverages; mythical and fairy tale creatures; clothes; different social strata; administrative territorial division; landscape elements; occasional lacunae; measures of length; addresses; natural phenomena. The analysis of the vocabulary has shown that the largest groups of Kalmyk culture-specific lexis are constituted by words denoting household utensils (22 and 31); elements of fauna (18 and 21) and religion (13 and 25). All the mentioned indicators are considered in the context of separate groups of non-equivalent vocabulary. It is noteworthy that the wide range of synonyms selected by G. J. Ramstedt in his German translation do not always express the actual meanings of the source words. As for the frequency of use of non-equivalent lexis, groups as follows can be identified: kinship terms and those denoting surroundings of a person (186); different social strata (172), and religious lexis (150).

The total amount of non-equivalent words has been revealed as well as the amount of non-equivalent words with due regard to their synonyms and frequency of use. The paper also discusses the means of translations of culture-specific vocabulary: approximate and descriptive translation, transcription / transliteration and loan translation. The non-equivalent vocabulary has been analyzed by types of translation in various groups which revealed the most frequently used types: loan, approximate and descriptive methods of translation amount to 85 % of the translated culture-specific lexis.

Keywords: non-equivalent vocabulary, translation, reality, transliteration, transcription, equivalence, fabulous text.

В условиях глобализации и расширения международных культурных контактов остро встает проблема витальности и сохранения национальных языков. В связи с этим вопросы перевода безэквивалентной лексики (далее — БЭЛ), представляющие собой значительную и важную проблему трансляции национального своеобразия языка, активно рассматриваются в современном переводоведении, сопоставительном и типологическом языкознании, лингвистике, лингвострановедении, лексикографии. БЭЛ национальных языков (чаще всего рассматриваются реалии) изучается в сравнении с русским языком [Замалетдинова 2014; Егудурова 2014; Федоров 2010; Тюркан 2015; Олядыкова 2007].

В последние годы БЭЛ национальных языков исследуется не только в сопоставлении с русским или близкородственным языком, но и с другими генетически отдаленными языками. Так, например, вопросы перевода БЭЛ на английский язык рассматриваются в татарском языке [Нуртдинова 2014], языках народов Севера [Салимова 2007], калмыцком языке [Биткеева 1998]. Следует отметить, что компаративное изучение БЭЛ в национальных и восточноевропейских языках не получило еще достаточного освещения. Возможно, это объясняется наличием малого количества переводных источников.

Целью данной статьи является анализ способов перевода безэквивалентной лексики с калмыцкого на немецкий язык и определение отдельных частотных групп БЭЛ на фоне их немецких соответствий. Материалом для исследования послужили тексты калмыцких сказок, записанных финским ученым Г. Й. Рамстедтом и переведенных им на немецкий язык. Выбор данного жанра для исследования обусловлен тем, что язык сказок наиболее полно отражает национальные и культурные традиции народа и содержит наибольшее количество культурно-маркированной лексики. Теоретической основой исследования послужили работы известных специалистов в области перевода — В. Н. Комиссарова, Л. С. Бархударова, А. Д. Швейцера, Л. К. Латышева, С. Влахова и С. Флорина и др.

Существуют различные определения термина «безэквивалентная лексика». В словаре лингвистических терминов БЭЛ трактуется как слова и выражения, которые

специфичны «для определенного национального языка и выражают специфические понятия (обозначающие специфические явления) жизни и культуры данной нации» [Панькин 2011: 15].

Некоторые ученые считают БЭЛ синонимом слова «реалии» — лексические единицы, обозначающие явления и понятия, отсутствующие в сравниваемом языке. Возможно, они и правы, так как реалии занимают около 90 % всей БЭЛ [Иванов 2006: 85]. Несколько шире трактуют данный термин исследователи, относящие к БЭЛ слова, которые отсутствуют «в иной культуре и ином языке» [Верещагин 1976: 121]. Так, по мнению ученых Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, к БЭЛ относятся слова, отражающие специфику национальной культуры, «план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными понятиями» [Верещагин 1990: 42]. Безэквивалентная лексика — лексические единицы исходного языка (далее — ИЯ), не имеющие регулярных (словарных) соответствий в переводящем языке (далее — ПЯ) [Комиссаров 1990: 246]. Позаимствовав у В. Н. Комиссарова понятие «эквивалентность», Я. И. Рецкер дает следующее определение данного термина: «БЭЛ — лексические (и фразеологические) единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в ПЯ» [Рецкер 2007: 11] — и также приравнивает их к реалиям. Л. С. Бархударов считает, что под понятием БЭЛ имеются в виду лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка [Бархударов 1975: 94]. К ним он относит имена собственные, реалии (слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке) и случайные лакуны (слова, у которых нет соответствий в лексическом составе другого языка) [Бархударов 1975: 95].

С. Влахов и С. Флорин считают, что следует разграничивать понятия БЭЛ и реалии. По мнению ученых, реалии входят в рамки БЭЛ, слово может быть реалией по отношению ко всем языкам, а БЭЛ — только в рамках данной пары языков [Влахов, Флорин 1980: 43].

Безэквивалентными могут быть также термины, индивидуальные (авторские) нео-

логизмы, семантические лакуны, отклонения от общезыковой нормы, иноязычные вкрапления, сокращения, междометия, звукоподражания и, конечно, имена собственные и обращения [Иванов 2006: 85].

По А. В. Федорову, БЭЛ — это слова, обозначающие чисто «местное явление, которому нет соответствия в быту и понятиях другого народа» [Федоров 2010: 152]. Безэквивалентная лексика обнаруживается главным образом среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, и среди малоизвестных имен и названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода [Федоров 2002: 27].

Специалист в области перевода Л. Л. Нелюбин считает, что БЭЛ — это слова, которые не имеют регулярных лексических соответствий в ПЯ. Он разделяет их на референциально-безэквивалентную (реалии, термины, фразеологизмы, неологизмы, лакуны) и прагматично-безэквивалентную лексику (диалекты, жаргоны, арготизмы, иноязычные вкрапления, междометия, звукоподражания). Имена собственные и обращения он выделяет в особую группу, которая может быть либо референциальной, либо прагматической в зависимости от способа передачи [Нелюбин 2009: 50].

А. Швейцер относит к БЭЛ лексические единицы, отражающие «специфические реалии той или иной страны и не имеющие эквивалентов в другом языке» [Швейцер 1973: 250], отмечая при этом, что реалии — это предметы и явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом [Швейцер 1973: 250].

Анализ множества дефиниций термина позволяет определить основной смысл понятия БЭЛ: это лексические единицы, существующие в рамках определенной пары языков и не имеющие эквивалента в ПЯ, так как являются культурно-маркированным явлением и отражают национальную специфику ИЯ.

Вопросы перевода безэквивалентной лексики в калмыцком языкознании рассматривались в научных исследованиях Л. Б. Олядыковой [2007], А. Н. Биткеевой [1998] и др. По мнению Л. Б. Олядыковой,

исследовавшей проблемы перевода безэквивалентной лексики на примере русских переводов произведений поэта Д. Кугультинова, «этнокультурный компонент лексического значения безэквивалентных слов опирается на особые фоновые знания о предметах и явлениях действительности <...> и является культурно-маркированным явлением, понятным носителям одной культуры [Олядыкова 2007: 10–11]. А. Н. Биткеева рассматривает данную проблему через призму передачи национального своеобразия в художественных текстах при переводе с калмыцкого на английский язык (о термине БЭЛ автор не говорит, но рассматривает такие аспекты, как способ перевода на английский язык экзотизмов и фразеологизмов, а также слов «с четкой закрепленной принадлежностью к определенной стране, национальности» и слов, передающих «особенности жизни и быта», национального колорита [Биткеева 1998: 39].

Степень освоенности калмыцкой лексики немецкой лингвокультурой в сравнении с языками других народов достаточно высока. Образцы калмыцкого фольклора, в частности сказки, были переведены на немецкий язык Х. Ф. Грегором, Б. Бергманном, И. А. Лером и Б. Юльгом.

Многие исследователи считают, что к БЭЛ могут относиться только имена существительные, поэтому мы рассматриваем номинативные единицы калмыцкого языка из фольклорного текста. Нами исследованы сказки, записанные на калмыцком языке и переведенные на немецкий финским ученым Г. Й. Рамстедтом [Kalmückische Sprachproben 1909; Kalmückische Sprachproben 1919]. Из 22 сказок нами выделены 125 слов безэквивалентной лексики и реалий (с учетом слов-синонимов — 231). В рамках данной статьи мы не рассматриваем имена собственные, являющиеся БЭЛ, так как опыт анализа способов и видов перевода представлен нами в статье «Система и структура синонимов в калмыцкой сказочной традиции (на материале записей Г. Й. Рамстедта)» [Баянова и др. 2015].

Общая картина классификации БЭЛ в текстах калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом, представлена в таблице № 1:

Таблица 1. Классификация БЭЛ в текстах калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом

№	Группы	Кол-во БЭЛ	Кол-во БЭЛ с учетом слов-синонимов	Частотность общая
	Хозяйственная утварь	22	31	81
	Животный мир	18	21	69
	Религиозная лексика	13	25	150
	Жилище	10	19	61
	Растительный мир	10	11	21
	Термины родства и окружения человека	9	18	186
	Еда и напитки	8	13	44
	Мифические и сказочные существа	8	26	102
	Одежда	7	11	19
	Различные слои населения	7	16	172
	Административно-территориальное деление	4	23	40
	Элементы ландшафта	3	5	16
	Случайные лакуны	2	2	9
	Меры длины	2	2	5
	Обращения	1	5	11
	Природные явления	1	1	4
	ИТОГО:	125	231	990

Как видно из таблицы № 1, общее количество БЭЛ в сказках составляет 125 слов, с учетом слов-синонимов — 231. Исходя из количества употребляемых БЭЛ в тексте, можно сделать следующие выводы:

1. Четко выделяются три большие лексические группы БЭЛ, отражающие хозяйственную утварь калмыков (22 и 31), животный мир (18 и 21) и религию (13 и 25). Данные группы БЭЛ встречаются преимущественно в волшебных сказках (в №№ 12, 8 и 9 соответственно). Лексика, отражающая хозяйственную утварь и религию, употребляется в бытовых сказках (№ 1 и 2 соответственно).

2. Следует отметить широкий выбор синонимов, осуществленный Г. Й. Рамstedтом при переводе на немецкий язык. Подобное явление отмечал Н. М. Карамзин, говоря о русских реалиях и переводе их на французский: «... язык наш хоть и богат, однако ж, не так обработан, как другие. <...> Надобно будет составлять или выдумывать новые слова, подобно как составляли и выдумывали их немцы...» [Карамзин 1982: 247]. Наибольшей синонимичностью обладают следующие лексические группы: административно-территориальное деление (4 БЭЛ и 19 синонимов к ним), мифические и сказочные существа (8 и 18 соответствен-

но), религиозная лексика (13 и 12 соответственно).

3. По частотности употребления БЭЛ выделяются следующие группы: термины родства и окружения человека (186), различные слои населения (172), религиозная лексика (150). Первые две группы относятся к наименованиям персонажей, а, как показали предыдущие исследования, в сказках, записанных Г. Й. Рамstedтом, «круг персонажей достаточно широк и состоит из 85 наименований» [Горяева и др. 2015: 136].

К распространенным приемам передачи БЭЛ относятся транскрипция, транслитерация и калькирование. Л. Л. Нелюбин добавляет к данным способам также лексико-семантическую замену, переводческий комментарий, адекватную замену, включающую описательный перевод, антонимичный перевод и перевод при помощи компенсации [Нелюбин 2009: 51]. Л. Е. Бархударов указывает следующие способы перевода БЭЛ: переводческая транслитерация и транскрипция, калькирование, описательный перевод, приближенный перевод (перевод при помощи аналога), трансформационный перевод [Бархударов 1975: 97].

Количественный анализ БЭЛ по способам перевода в различных группах в сказках Г. Й. Рамstedта представлен в таблице № 2:

Таблица 2. Способы перевода в зависимости от тематической группы лексических единиц

Группы	Способы перевода										
	Транслитерация	Транскрипция	Калькирование	Описательный перевод	Приближенный перевод	Описательный перевод + транслитерация	Транскрипция + калькирование	Транслитерация + калькирование	Транскрипция + описательный перевод	Калькирование + транслитерация	Калькирование + описательный перевод
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Административно-территориальное деление			4	6	12	1					
Еда и напитки		2	1	3	6						1
Животный мир			5	3	11		2				
Жилище			15	1	3						
Меры и деньги								1			
Мифические и сказочные существа	2		8		13		1			2	
Обращения					5						
Одежда			6	1	1				1	1	1
Природные явления				3							
Различные слои населения	3		9	1	3						
Растительный мир			5		2		3				1
Религиозная лексика	2	3	19				1				
Случайные лакуны					2						
Термины родства и окружения человека	1	2	12		3						
Хозяйственная утварь			25		2		2	1	1		
Элементы ландшафта			3		1						1
ИТОГО:	8	7	112	18	64	1	9	2	2	3	4

Как видим из таблицы № 2, наиболее часто встречающимися способами перевода с калмыцкого на немецкий язык являются калькирование (112 слов), приближенный перевод (64 слова) и описательный перевод (18).

Способ перевода путем **калькирования**, т. е. путем замены ее составных частей — морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) — соответствиями в ПЯ [Нелюбин 2009: 55], чаще всего встречается в лексике, отражающей хозяйственную утварь (25), религию (19) и жилище (15). Например,

1. Тулм [КРС 1977: 517] — *der lederne sack* ‘кожаный мешок’

...тулмта боорцган үүржэ авад эрл.
‘...тулум с борцоками на плечи взвалив, ушел.’

...warf sich den **ledernen sack** mit börtsok auf den rücken und floh [Сказка № 6].

2. Арша(н) ‘святая (живая) вода’ — *weihwasser* ‘досл. святая вода’

...нег залу, *haza dala met арша* сурв. ‘... мужчина размером с внешний океан **аршан** попросил.’

...bat um *weihwasser*, [so viel] wie das weltmeer [Сказка № 8].

3. Хауа — *schafstall* ‘загон для овец’
...хауата хөөнд орж ирэд ‘зашел в загон (хаша) с овцами’

...trat in den *schafstall* [Сказка № 9].

Популярность калькирования при переводе с калмыцкого на немецкий объясняется тем, что слова, обозначающие некоторые предметы быта, жилища и вероисповедания, существующие у калмыков, можно найти и в немецкой лингвокультуре.

Приближенный перевод (перевод при помощи аналога) чаще всего применяется при переводе следующих лексических групп: мифические и сказочные персонажи (13), административно-территориальное деление (12) и животный мир (11). Данный вид перевода заключается в том, что БЭЛ

описывается близкими по смыслу словами, обладающими семантическим сходством, что помогает понять суть слова. Чаще всего приближенный перевод применяется при передаче лексики таких групп БЭЛ, как мифические и сказочные персонажи (13), административно-территориальное деление (12) и животный мир (11). Например:

1. *Шулм* — *böse geist* ‘досл. злой дух’

Тишгэж бээсн цагт нег тавн зун шулм «Шамблин ориг дээлжэ авхм» гунэд һарад йовна. ‘Когда он так жил, пятьсот шулмусов: «Шамбала страну захватим!» — так решив, отправились туда.’

Während sie dies tat, ziehen fünfhundert böse geister aus in der absicht das reich Schambala zu erobern [Сказка № 22].

2. *Отг* ‘оток — административная единица в дореволюционной Калмыкии’ [КРС 1977: 407] — *das lager* ‘стан, кочевье’

Ик күүнэ отгм залу кун күүкн кү дахулад орхла һэ болдмн. ‘Если в оток достойного мужчины приводят девушку, то быть беде.’

In das lager eines hochgestellten mannes, wenn dorthin ein junger mann mit einem weiblichen begleiter gelangt, bedeutet das unglück [Сказка № 22].

3. *Зусг* ‘двухлетняя овца’ [КРС 1977: 257] — *jungen schaf* ‘досл. молодая овца’

Баавһа күүнд зусг хөөнэ махн зокдмн. ‘Женщине мясо зусуга (двухгодовалого барана) подходит.’

Für ein weib passt ja das fleisch eines jungen schafes am besten [Сказка № 22].

Описательный перевод — специфический прием передачи БЭЛ с помощью развернутого объяснения смысла слова. Данный вид встречается часто при переводе следующих групп: административно-территориальное деление (6), еда и напитки (3), животный мир (3). У калмыков до революции имелись определенные территориальные единицы: *эамг* ‘аймак’, *хотн* ‘хотон’, *нутг* ‘нутук’, которые отсутствуют у других народов, в частности у немцев, поэтому при переводе этих слов у переводчика возникали трудности, и он прибегал к их разъяснению с помощью словосочетаний. Такая же картина наблюдается и при переводе слов, обозначающих национальную еду, напитки, а также при описании животных, поскольку у калмыков «более разветвленная и многокомпонентная система названий животных» [Горяева и др. 2015: 137] с указанием различий пола и возраста.

1. *Эамг* ‘аймак’ — *land und volk* ‘досл. страна и народ’

...эамг алван эргхэр һарад йовв. ‘...отправился осматривать свой аймак.’

ritt aus, um sein land und volk zu besehen [Сказка № 18].

2. *Арз* ‘крепкая молочная водка двойной перегонки’ [Пюрбеев 1996: 102] — *branntwein, zweimal gereinigten;*

Хорз ‘очень крепкая молочная водка тройной перегонки’ [Пюрбеев 1996: 109] — *branntwein, dreimal gereinigten*

...арз хорз хойр өгэд согтаһад унһана. ‘...арзу и хорзу дала ему и опьянила.’

...branntwein, sowohl zweimal gereinigten als dreimal gereinigten, und gibt ihm zu trinken, bis er berauscht zur erde fällt [Сказка № 16].

3. *Арнзл* ‘волшебный богатырский конь’ [КРС 1977: 50] — *edles heldenross* ‘досл. благородный героический конь’

... арнзл сээхн күлгэн тохжэ өгэд... ‘...оседлав своего аранзала...’

...sattelt ihm sein edles heldenross... [Сказка № 19].

Единично встречаются при переводе БЭЛ и другие виды перевода: транскрипция, транслитерация, описательный перевод + транслитерация, транскрипция + калькирование, транслитерация + калькирование, транскрипция + описательный перевод, калькирование + транслитерация.

1. Транскрипция

Гелң деед бийд күрч ирэд суув. ‘Гелюнг на почетное место сел.’

Der gelüng kam und setzte sich auf den ehrenplatz [Сказка № 11].

2. Транслитерация

Хаанад ик нэр болжасн санжэ. ‘У хана большой пир был.’

Beim Chan war ein grosses Fest [Сказка № 4].

3. Описательный перевод + транслитерация

Нег хотна өмн бийд оч бууһад... ‘Перед одним хотоном спешился...’

Vor einem zelt Dorf (choton) stieg er ab [Сказка № 9].

4. Транскрипция + калькирование

Көвүн арһан алтн цалм авад һара[д] йовв. ‘Сын взял золотой аркан и отправился.’

Der sohn ergriff den goldenen Argai-lasso und begab sich hinaus [Сказка № 18].

5. Транслитерация + калькирование

...ээрстин эср хар елдңгэрн нег татад авчадг болна. ‘...черной грозной плетью ударил его.’

...gibt er ihm einen schlag mit seiner hartrindigen, durch und durch schwarzen Jeldeng-peitsche [Сказка № 20].

6. Транскрипция + описательный перевод

Залунь девлэн тээлэд хайв, бушмүдэн тээлж хайв... ‘Мужчина шубу скинул, бешмет скинул ...’

Der mann zog seinen pelz aus und warf ihn weg, seinen bišmet (unteren kaftan) zog er aus... [Сказка № 6].

7. Калькирование + транслитерация

...ишкэ кемнз махла өмсэд... ‘... надев шапку кемнек из войлока...’

setzte eine grobe filzmütze(kemnek-mütze) auf den kopf... [Сказка № 13].

8. Калькирование + описательный перевод

«Нег ик хар *толха билэ*», — гинэ. ‘«Один высокий черный курган был», — говорит.’

„Ein grosser schwarzer *erdhügel (kurgan)* erhob sich da“, sagt er [Сказка № 15].

Анализ текстов сказок Г. Й. Рамстедта показал, что проблема перевода БЭЛ — исключительно важная и вместе с тем сверхсложная проблема, требующая от переводчика знаний специфики национальной культуры и традиций того или иного народа.

Большое количество БЭЛ наблюдается в словах следующих групп: хозяйственная утварь (17,7 % общего количества БЭЛ), животный мир (14,5 %), религиозная лексика (10,5 %). Количеством БЭЛ с учетом слов-синонимов выделяются группы: хозяйственная утварь (13,5 %), мифические и сказочные существа (11,3 %), религиозная лексика (10,9 %), административно-территориальное деление (10 %).

По частотности употребления БЭЛ выделяются следующие группы: термины родства и окружения человека (186), различные слои населения (172), религиозная лексика (150).

В исследуемых текстах можно четко выделить три группы видов переводов, которые в процентном соотношении составляют около 85 % всей БЭЛ: калькирование (48,7 %), приближенный перевод (27,8 %) и описательный перевод (7,8 %).

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-14-08002/а(р) «Фольклорный текст сквозь призму компьютерных технологий (на материале записей калмыцких сказок Г. Рамстедта)».

Литература

- Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Баянова А. Т., Бутаева А. О., Горяева Б. Б., Куканова В. В. Система и структура онимов в калмыцкой сказочной традиции (на материале записей Г. Й. Рамстедта) // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 59. С. 54–63.
- Биткеева А. Н. Национальное своеобразие в переводах художественного текста в английском и калмыцком языках // Гегэрлт. 1998. №3. С. 33–42.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 248 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
- Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Бутаева А. О., Куканова В. В. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 128–140.
- Егодурова В. М. Лингвокультурологическое описание безэквивалентной лексики в составе регионального русского языка // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10 (30). С. 10–13.
- Замалетдинова Г. Ф. Реалии как отражение самобытности татар // Филология и культура. 2014. № 4 (38). С. 101–105.
- Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 192 с.
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника: повести. М.: Правда, 1982. 608 с.
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода: уч. пособие. М.: Флинта, 2009. 216 с.
- Нуртдинова Г. М. Татарские реалии на фоне английских эквивалентов (на примере татарских народных сказок) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №16 (345). С. 102–107.
- Олядыкова Л. Б. Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова (на материале произведений в русском переводе). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 384 с.

- Панькин В. М. Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта: Наука, 2011. 160 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.
- Салимова Р. И. Безэквивалентная лексика Севера как один из способов заимствований в английский язык // Северо-восточный научный журнал. 2007. № 1. С. 7–10.
- Тюркан Е. А. Некоторые проблемы перевода национально-культурной лексики (на примере перевода названий национально-культурных реалий саамского языка) // Национально-культурные реалии саамской культуры: переводческий аспект. Мурманск: Изд-во Мурманского государственного гуманитарного университета. 2015. С. 142–150.
- Федоров А. В. Введение в переводоведение: учебно-методическое пособие для вузов. Воронеж: ИПЦ Воронежского госуниверситета, 2010. 51 с.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): уч. пособие. Изд. 5-е. СПб.: Фил. фак-т СПбГУ; М.: ООО «ИД «Филология три», 2002. 416 с.
- Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика (газетно-информационный и публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. 280 с.
- Kalmückische Sprachproben*. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.
- Kalmückische Sprachproben*. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 155–237 s.
- References**
- Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod (voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* [Language and translation (questions of general and special theory of translation)]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1975, 240 p. (In Russ.).
- Bayanova A. T., Butaeva A. O., Goryaeva B. B., Kukanova V. V. *Sistema i struktura onimov v kalmytskoy skazochnoy traditsii (na materiale zapisey G. Y. Ramstedta)* [The system and structure of onyms in the Kalmyk fairy tale tradition (evidence from G. J. Ramstedt's records)]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Herald of Daghestan Scientific Center], 2015, No. 59, pp. 54–63 (In Russ.).
- Bitkeeva A. N. *Natsional'noe svoeobrazie v perevodakh khudozhestvennogo teksta v angliyskom i kalmytskom yazykakh* [Ethnic peculiarities in translations of literary texts in the English and Kalmyk languages]. *Gegärlt*, 1998, No. 3, pp. 33–42 (In Russ.).
- Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. Izd. 2-e, pererab. i dop.* [Language and culture: Russia's regional geography through language for foreign students. 2nd ed., rev. and suppl.]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1976, 248 p. (In Russ.).
- Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture: Russia's regional geography through language for foreign students]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1990, 246 p. (In Russ.).
- Vlakhov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [Translating the untranslatable]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1980, 342 p. (In Russ.).
- Goryaeva B. B., Bayanova A. T., Butaeva A. O., Kukanova V. V. *Freymtariy personazhey kalmytskoy skazochnoy traditsii (na primere skazok, zapisannykh G. Y. Ramstedtom)* [The characters in the frame story of the Kalmyk fairy-tale tradition (the case study of tales recorded by G. J. Ramstedt)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities], 2015, No. 2, pp. 128–140 (In Russ.).
- Egodurova V. M. *Lingvokul'turologicheskoe opisanie bezekvivalentnoy leksiki v sostave regional'nogo russkogo yazyka* [Linguistic and culturological description of non-equivalent Buryat vocabulary in the regional Russian language]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2014, No. 10 (30), pp. 10–13 (In Russ.).
- Zamaletdinova G. F. *Realii kak otrazhenie samobytnosti tatar* [Linguistic realia as a reflection of the Tatar identity]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture journal], 2014, No. 4 (38), pp. 101–105 (In Russ.).
- Ivanov A. O. *Bezekvivalentnaya leksika* [Non-equivalent vocabulary]. Saint Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University Press, 2006, 192 p. (In Russ.).
- Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika: povesti* [The Russian traveler's letters: novels]. Moscow, Pravda Publ., 1982, 608 p. (In Russ.).
- Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): ucheb. posobie dlya in-tov i fak. inostr. yaz.* [Theory of translation (linguistic aspects): a study book for foreign languages institutes and faculties]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1990, 253 p. (In Russ.).
- Nelyubin L. L. *Vvedenie v tekhniku perevoda: ucheb. posobie* [An introduction to translation techniques: a study book]. Moscow, Flinta Publ., 2009, 216 p. (In Russ.).
- Nurtdinova G. M. *Tatarskie realii na fone angliyskikh ekvivalentov (na primere tatarskikh*

- narodnykh skazok*) [Tatar lexemes presented by lexical gaps in English]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, No. 16 (345), pp. 102–107 (In Russ.).
- Olyadykova L. B. *Bezektivnaya leksika i frazeologiya v poeticheskoy kartine mira Davida Kugul'tinova (na materiale proizvedeniy v russkom perevode)* [Non-equivalent vocabulary and phraseology in David Kugultinov's poetic picture of the world (evidence from Russian translations)]. Elista, Dzhangar Publ., 2007, 384 p. (In Russ.).
- Pan'kin V. M. *Yazykovye kontakty: kratkiy slovar'* [Language contacts: a brief dictionary]. Moscow, Flinta–Nauka Publ., 2011, 160 p. (In Russ.).
- Pyrbeev G. Ts. *Tolkovyy slovar' traditsionnogo byta kalmykov* [Definition dictionary of the Kalmyks' traditional household activities]. Elista, Kalm. Book Publ., 1996, 176 p. (In Russ.).
- Retsker Ya. I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Theory and practice of translation]. Moscow, R. Valent Publ., 2007, 244 p. (In Russ.).
- Salimova R. I. *Bezektivnaya leksika Severa kak odin iz sposobov zaimstvovaniy v angliyskiy yazyk* [Non-equivalent lexis of the North as a means to introduce loan words into the English language]. *Severo-vostochnyy nauchnyy zhurnal* [North-Eastern Scientific Journal], 2007, No. 1, pp. 7–10 (In Russ.).
- Tyurkan E. A. *Nekotorye problemy perevoda natsional'no-kul'turnoy leksiki (na primere perevoda nazvaniy natsional'no-kul'turnykh realiy saamskogo yazyka)* [On some problems of translation of ethnic and cultural lexis (evidence from translated names of ethnic and cultural realia of the Sami language)]. *Natsional'no-kul'turnye realii saamskoy kul'tury: perevodcheskiy aspekt* [Ethnic and cultural realia of Sami culture: the aspect of translation]. Murmansk, Murmansk State Humanities University Press, 2015, pp. 142–150 (In Russ.).
- Fedorov A. V. *Vvedenie v perevodovedenie: uchebno-metodicheskoe posobie dlya vuzov* [An introduction to theory of translation: a study book for university students]. Voronezh, Voronezh State University Press, 2010, 51 p. (In Russ.).
- Fedorov A. V. *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): uch. posobie. Izd. 5-e* [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic issues): a study book. 5th ed.]. Saint Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University Press; Moscow, Filologiya Tri Publ. Ltd., 2002, 416 p. (In Russ.).
- Shveytser A. D. *Perevod i lingvistika (gazetno-informatsionnyy i publitsisticheskiiy perevod)* [Translation and linguistics (translation of materials for newspapers and journals)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1973, 280 p. (In Russ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909, 154 p. (In German).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919, pp. 155–237 (In German).

УДК 81'373+398.21

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК (на примере текстов калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом)

Александра Тагировна Баянова¹

¹ заведующий, Научная библиотека им. П. Э. Алексеевой, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу безэквивалентной лексики в сказках, записанных и переведенных на немецкий язык финским ученым Г. Й. Рамstedтом. Автором дана классификация слов безэквивалентной лексики, которые разделены на 16 групп. Рассмотрены способы перевода безэквивалентной лексики, определено абсолютное количество БЭЛ, а также количество БЭЛ с учетом слов-синонимов и частотность их употребления. Все численные показатели рассматриваются в разрезе отдельных групп БЭЛ. Кроме этого, осуществлен анализ БЭЛ по видам перевода в различных группах, выявлены наиболее часто используемые способы перевода: калькирование, приближенный и описательный перевод, которые в общей сложности составляют 85 % перевода БЭЛ.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, перевод, реалія, транслитерация, транскрипция, эквивалентность, сказочный текст, калмыцкий язык.

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 112–120, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-112-120
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

The Kalmyk Obsolete Buddhist Vocabulary (Evidence from the Kalmyk National Corpus)

Evgeniy V. Bembееv¹

¹ Ph. D. in Philology, Deputy Director for Science and Research, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: galdma@yandex.ru.

Abstract

The article attempts to study the obsolete Buddhist vocabulary of the Kalmyk language with evidence from the “early” 18th-19th century texts that have been introduced into the database of the Kalmyk National Corpus.

As is known, within any language one can constantly witness two reciprocal processes: disappearance of some lexemes that pass out of use — and appearance of new ones. In terms of the historical approach to the studies of a word, the stages as follows can be distinguished: appearance of a lexeme, loss of novelty and movement into the realm of neutral lexis, appearance of obsolete features, passing out of use and designation as obsolete. But the process can be both slow, continuous — and uneven like, e.g., the case of religious lexis. Once shifted towards passive positions, such vocabulary did not disappear altogether but kept existing in corresponding texts. However, at certain historic moments obsolete vocabulary can get re-actualized and start functioning actively in speech; thus, re-emergence of a once obsolete word to active use is always a new stage in the life-cycle of the word. So, e.g., due to the social and political transformations that occurred in the past 20 years, religious terms and notions that used to be designated as obsolete are re-introduced into the active vocabulary.

Kalmyk written monuments contain a huge layer of Buddhist lexis and expressions that passed out of active use and are difficult to understand (or cannot be understood at all) for contemporary Kalmyk speakers. Analyses of old written texts allow to fill some gaps relating to the vocabulary of modern Kalmyk and Mongolian languages in general. In view of the aforesaid, to enrich the contemporary vocabulary certain archaisms and obsolete words should be re-introduced — with due account of corresponding examples since the boundaries between the active and passive vocabulary (including mainly obsolete words) are not fixed.

The considered examples testify that due to external reasons (both linguistic and extra-linguistic ones, i.e. those that resulted from social and political transformations) there occurred substitution of notions, restriction of meanings of words and other processes in modern Kalmyk which significantly impoverish the vocabulary of the language. E.g., the word *äädikh* expresses both the meanings of ‘report’ and ‘predestination’, *bishilykh* stands only for ‘to contemplate’. It is the social movement for restoration of once lost spiritual traditions, cultural values and realities that stimulates the re-introduction of rare and obsolete lexis. The value of most of the words is indisputable since those constitute a huge layer of the culture and traditional national identity.

Ключевые слова: Kalmyk language, archaisms, obsolete words, Buddhist vocabulary, Kalmyk National Corpus.

В результате активного использования современных информационных технологий и компьютерных методов обработки текстовой информации актуальной проблемой современной лингвистики является сохранение письменного наследия, что предполагает перевод источников и архивных документов в цифровую форму, создание каталогов и баз данных. Этим обусловлено стремительное развитие корпусной лингвистики, а исследования, проводимые на материале корпуса текстов на том или ином языке, позволяют во многом скорректировать имеющиеся описания грамматик как в диахронном, так и синхронном срезе, что, несомненно, является значительным шагом в становлении новых методов изучения структуры того или иного языка.

Как известно, лексика любого языка подвержена изменениям в зависимости от определённых общественно-исторических условий, развития языка как такового, влияния других языков и т. д. Каждый новый этап в развитии общества накладывает свой отпечаток на словарный состав языка. Октябрьская революция 1917 г. и последовавшие за ней события оказали огромное влияние не только на социально-политический, экономический и культурный уклад жизни всех без исключения народов России, но и повлекли за собой колоссальные изменения в их языках и письменных традициях.

В калмыцком языке за годы советской власти, когда атеизм стал важнейшей составляющей государственной идеологии, буддийская религиозная лексика была решительно отодвинута на периферию лексической системы и практически вытеснена из сознания людей, что, безусловно, отразилось на языке. С конца XX в., когда в нашей стране произошли социально-политические и культурные события, когда прекратились гонения на церковь, буддийская религиозная лексика постепенно возвращается к активному употреблению. Поэтому можно говорить о процессе лексической деархаизации, т. е. возвращения в активное речевое употребление лексики, которая в словарях середины и конца XX в. помечалась как *устаревшая, историзмы и архаизмы*.

Цель данной работы заключается в попытке анализа и реконструкции устаревшей буддийской лексики калмыцкого языка на материале Национального корпуса калмыцкого языка. Материалом для исследования послужили «ранние» тексты XVIII–XIX вв.,

введенные в базу данных Национального корпуса калмыцкого языка (далее — НККЯ). Новизна работы заключается в том, что впервые предлагается провести анализ и реконструкцию буддийской устаревшей лексики с привлечением НККЯ.

Изучение «ранних» текстов носит ретроспективный исторический характер и охватывает самый широкий круг вопросов — от текстологии и диалектологии до сравнительно-исторического изучения словоформ, словосочетаний и т. д., что в свою очередь часто приводит к реконструкции ойратских и общемонгольских древностей на вербальном уровне. Создание подкорпуса «ранних» текстов, написанных на старокалмыцком языке (калм. *тодо бичиг* ‘ясное письмо’), в рамках НККЯ сопряжено с рядом проблем [Куканова 2013; Бембеев 2015]. На сегодняшний день ввиду отсутствия для «тодо бичиг» кодировки некоторых символов в соответствии со стандартами UNICODE было принято решение оцифровывать «ранние» памятники на разработанном универсальном транслитерационном алфавите, позволяющем унифицировать письменные памятники калмыцкого языка XVIII–XIX вв. [см. Очирова 2012; Куканова, Бембеев 2013; Бембеев 2012; 2014]. Более 200 текстов, представляющих собой историко-литературные источники, памятники эпистолярного жанра и т. д., введены в массив базы данных подкорпуса¹. Между тем создание полноценного ресурса предполагает создание морфологической модели и парадигмы именных и глагольных словоизменительных типов старописьменного калмыцкого языка, дальнейшие поиск, оцифровка и введение в научный оборот (т. е. факсимильное копирование источников) письменных памятников на «ясном письме», которые хранятся в собраниях рукописных памятников России, Монголии, КНР, Германии, Дании и других стран [см. Бембеев 2012]. Создается «Словарный модуль калмыцкого языка», который представляет собой электронную лексикографическую базу данных (на основе лексикографических источников XVIII и первой половины XX вв.) и который впоследствии составит основу для создания распадающей программы.

В процессе работы использована программа TextAnalyzer, функции которой за-

¹ В транслитерации текстов на «тодо бичиг» принимали участие Д. Н. Музраева, Ц. Д. Манджиева, а также автор данной работы.

ключаются в проведении графематического (лексического) и морфологического анализа. Она позволяет проанализировать большую часть примеров корпуса текстов и получить наиболее полную картину значений, или так называемое семантическое поле употребительности лексической единицы.

Калмыцкий язык, закономерно развиваясь вместе с материальной и духовной культурой народа, располагает значительным по объему и богатым по содержанию лексическим фондом. Образ жизни, условия и среда обитания, род занятий наших предков нашли отражение в языке, в его словарном составе. Как отмечает в своей работе Э. Ч. Бардаев, «калмыцкий язык поразительно богат лексикой, относящейся к животноводству и растительному миру» [Бардаев 1985: 7].

Как известно, в любом языке постоянно протекают два взаимобратных процесса: исчезновение одних лексем, которые не находят должного употребления в обыденной жизни, и появление новых слов. В рамках исторического подхода к изучению слова можно выделить следующие этапы: момент появления, утрата новизны и переход слова в разряд нейтральных, появление оттенка устарелости, выход из активного употребления и переход в разряд устаревших. Но этот процесс может происходить не только постепенно и непрерывно, но и неравномерно, как, например, в случае с религиозной лексикой. Перейдя в определенный исторический момент в пассивный запас, эта лексика не исчезла совсем: она продолжала и продолжает жить в текстах. Однако в определенные исторические моменты устаревшая лексика может актуализировать свое значение и начать активно функционировать в речи, поэтому возвращение некогда устаревшего слова в активное употребление — это всегда новый этап в жизни этого слова.

Исследование устаревшей буддийской лексики калмыцкого языка представляет интерес, так как монографические работы, посвященные данной проблематике, отсутствуют, а имеющиеся носят рамочный характер. Одной из таких работ является книга А. Ш. Кичикова «Угин туск үг» («Слово о словах») [1979], в которой рассматривается устаревшая лексика калмыцкого языка, встречающаяся в эпосе «Джангар». В словарных статьях автор приводит слова с переводом и примерами, трактуя возможное историческое развитие и происхождение

данных слов. Большой интерес представляет работа Г. Ц. Пюрбеева «Хальмгудын заңшалта бээцин тээлвр толь» («Толковый словарь традиционного быта калмыков»), где также приводится большой пласт устаревшей лексики [Пюрбеев 2005]. Важным источником по рассматриваемой проблематике является работа Ц.-Д. Номинханова «Материалы к изучению истории калмыцкого языка» [Номинханов 1975]. В ней автор классифицирует лексику по тематическим группам, а также приводит параллели из тюркских языков. Исследованию устаревшей лексики калмыцкого языка на материале художественных и фольклорных произведений посвящен ряд статей А. Б. Лиджиева [2011а; 2011б], Н. М. Мулаевой, С. Е. Бачаевой [2011], Н. Ч. Очировой [2011].

Исследования по семантике устаревших слов значительно облегчаются тем, что имеется достаточное количество «ранних» двуязычных словарей, составленных в XVIII–XX вв. В этом отношении необходимо выделить следующие лексико-графические памятники: «Русско-калмыцкий словарь» (XVIII в.) анонимного автора; «Краткий русско-калмыцкий словарь» (1857 г.) П. Смирнова; «Калмыцко-русский словарь» (1893 г.) М. Львовского; «Kalmükisches Wörterbuch» Г. Й. Рамстедта; «Калмыцко-русский словарь» (1911 г.) А. М. Позднеева. При сравнении словарей разных времен или даже эпох можно представить характер изменений в жизни народа. Поэтому особенно пристального внимания заслуживает исчезающая лексика, отражающая эволюцию языка и дающая дополнительную информацию о прежней эпохе.

Поскольку калмыцкая буддийская лексика формировалась на протяжении долгого времени, она не могла быть однородной по происхождению (заимствования из тибетского, санскритского и других языков), значимости, употребительности, сфере функционирования (например, слова, обозначающие понятия, имеющие непосредственное отношение к буддизму и т. д.). Между тем духовная сфера не относится к тем сферам человеческой жизнедеятельности, в которых изменения происходят быстро. Несмотря на тот факт, что буддийская лексика долгое время находилась на периферии лексической системы калмыцкого языка, она наиболее консервативна и достаточно константна, на что указывают следующие примеры:

**Устаревшая лексика буддийско-
религиозной тематики**

ayildqal (ayildyal) ‘доклад, донесение, рапорт, представление’ [Ковалевский, 1 1844: 4]; ‘доклад, донесение, представление’ [Голстунский, 1 1895: 3]; ‘доклад, представление’ [Позднеев 1911: 1]. Существительное *ayildqal (ayildyal)* является производным от глагола *ayildqaqu (ayildyaqu)* ‘доложить, донести, довести до сведения, рапортовать, представить, говорить (высшей особе)’ [Ковалевский, 1 1844: 3]; ‘доложить, донести, довести до сведения; просить, спрашивать (младшие старшему)’ [Голстунский, 1 1895: 2]; ‘докладывать’ [Позднеев 1911: 1]. Например: *Tere kebērēn bide, dēdüstü ayiladqal örgön...* ‘Точно так же мы доводили до сведения [представлялись] всевышним богам’ [Сказание ... 1897: 14].

В современном калмыцком языке это слово оформляется как *әәлдхл* [әәлдхел] ‘уст. доклад, рапорт; предначертание’ [КРС 1977: 62]. Согласно основным закономерностям развития гласных калмыцкого языка, дифтонг *ai (ayi)* в первых слогах старописьменного языка соответствует в современном калмыцком языке долгой фонеме [æ:], которая на письме передается буквой *әә* [Биткеев 1975: 145]. Краткие гласные непоследних слогов старописьменного языка, в данном случае гласный *a*, в современном калмыцком языке ввиду их редуцированности на письме не обозначаются, причем в транскрипции слова [әәлдхел], представленной в «Калмыцко-русском словаре», исторически краткая гласная второго слога не отмечена, а краткая гласная последнего слога передана знаком [e], обозначающим редуцированную гласную [КРС 1977: 62].

Одноименное название «әәлдхл» носит так называемый жанр буддийской ойратской (калмыцкой) литературы «пророчества», который чрезвычайно популярен среди простых верующих [Меняев 2014]. Данный факт подтверждается не только рукописными памятниками XVIII–XIX вв., но и художественной литературой XX в., в которой очень часто встречаются упоминания произведений этого жанра. Например: *Боорцг кетн, цә чантн, — гижә гергн куүкн хойртан заачкад, хур татад, хальмг ут дуд дуулжә өгәд, моңлар бичгдсн «Әәлдхлин бичг» умшч өгәд, сән гидгәр сергәжә хонулв «Делайте борцоки, варите чай», — велел он жене и дочери. Сам сыграл на хуре, спел протяжные песни, почитал «Книгу предска-*

заний», написанную на монгольском языке, чем взбудрил перед сном» [НККЯ: «Халан хадл» К. Э. Эрендженов]; *Очр-Маань ик гидгәр терүндән хүндрхад, кесг-кесгтән уха ухалад, наадк цаһан саната гегән-бурхдасн селвг сурад, әәлдхлин дегтрән секәд оркна «Очир-Мани, очень сильно на него обидевшись, довольно долго поразмышляв, открыл «Книгу предсказаний», чтобы спросить советы у других добродушных бурханов»* [НККЯ: «Арахан туск келвр» К. Э. Эрендженов]; *Мана аав Әәлдхлиг умшдг билә «Мой отец тоже читал «Книгу предсказаний»»* [НККЯ: «Әәлдхлин зәрлгин тасрха» Б. П. Амбекова]; *Эн келсн мини үг биш — әәлдхлин бичг «Это сказанное — не мои слова, — это из «Книги пророчества»»* [НККЯ: «Мукөвүн» А. Б. Бадмаев].

Как отмечено выше, в «Калмыцко-русском словаре» словом *әәлдхл* [әәлдхел] передаются два значения: 1) ‘высок. уст. доклад, рапорт’ и 2) ‘предначертание’ [КРС 1977: 62]. Это слово является производным от глагола *әәлдх* [әәлдхе], который передает уже четыре значения: 1) ‘уст. отдавать себе отчет’; 2) ‘поучать кого-л.’; 3) ‘соизволить’; 4) *перен.* ‘предсказывать’ [КРС 1977: 61]. Между тем в словарях конца XIX—нач. XX в. приводятся два разных слова, обозначающих понятия ‘докладывать’ и ‘предсказывать’. Например, в этих словарях, помимо глагола *ayildqaqu (ayildyaqu)* ‘доложить, донести, довести до сведения, рапортовать, представить, говорить (высшей особе)’ [Ковалевский, 1 1844: 3], имеется глагол *ayiladqu* ‘знать, понимать, разуметь, иметь чистое познание, ведать (внимать)’ [Ковалевский, 1 1844: 4]; ‘знать, ведать; знать будущее, проникать, ясно видеть, доложить; соблаговолить, соизволить’ [Голстунский, 1 1895: 2]; ‘знать, ведать’ [Позднеев 1911: 1]. Таким образом, в конце XIX — нач. XX в. на письме эти понятия передавались двумя разными словами. Если привести в качестве сравнения данные из монгольско-русского словаря 1957 г., то в нем эти понятия отражены отдельно: *айлдах* ‘1) *высок. уст.* изрекать; 2) соблаговолить, соизволить’ и *айлтгах* ‘*высок. уст.* доводить до сведения, докладывать’ [МРС 1957: 27]. В «Большом академическом монгольско-русском словаре» — *айлдах* ‘*хүндэтгэл*: 1) изрекать; произносить, вещать; 2) знать, ведать, разуметь; проникать, предвидеть, провидеть; 3) соблаговолить, соизволить; 4) *шилж.* читать, учить’ и *айлтгах* ‘*хүндэтгэл*: 1) доводить

до сведения, докладывать, представлять доклад (вышестоящему лицу); 2) спрашивать, просить (у старших) [БАМРС, 1 2001: 66]. В современном калмыцком языке на материале НККЯ обнаружены следующие примеры: *Манишин гегэн ээлдх ...* [НККЯ: «Маниг Ленин дуудла» С. К. Каляев] ‘Мандзуши гегэн предскажет...’; *Ямаран бурхн ээлдх?* [НККЯ: «Хальмг күүкнэ харц» С. К. Каляев] ‘Какой бурхан предскажет?’.

badar ‘санскр. патра — чашка, введенная Буддой для сбора подаяний нищенствующими монахами (бикшу)’ [Позднеев 1911: 119]; *badar* ‘санскр. патра — чашка, нищенская чаша для собирания милостыни, подаяний’ [Голстунский, 2 1894: 202]. Например: *Badariyin üldel-dü basa kürtebe* [Сказание... 1897: 107] ‘Тоже угостили (нас) остатками подаяний’.

В «Калмыцко-русском словаре» *бадр* [бадър] ‘П. *уст. рел.* чашка (для сбора подаяний странствующими монахами)’ [КРС 1977: 76]. Например: *Erte urida burхан badar bariji* ‘Когда-то давным-давно Будда нищенствовал (*досл.* держал чашу для подаяний)’ [НККЯ: «Сказки на калмыцком языке»]. Как было указано выше, краткие гласные непервых слогов старописьменного языка в современном калмыцком языке ввиду их редуцированности на письме не обозначаются. В современном монгольском языке *бадар* ‘I са. 1) подаяние, милостыня, пожертвование; 2) сбор пожертвований, подаяний; 3) чаша для сбора пожертвований, подаяния, потир; II *бадар бүдэр хорш.* спотыкаясь, заплетаясь ногами; III *бадар шар цэцэг са., ург.* ‘жёлтый цветок широколистного падука, воздушный ирис, касатик’; IV *бадар хээ* ‘вид орнамента в виде орхидей’ [БАМРС, 1 2001: 368]. В современном калмыцком языке на материале НККЯ примеры со словом *бадр* в значении ‘чашка (для сбора подаяний странствующими монахами)’ не обнаружены.

badarči ‘нищенствующий пилигрим’ [Позднеев 1911: 119]; *badarči* ‘сборщик подаяний при храме и монастырях’ [Голстунский, 2 1894: 202]. Например: *Vasa qalqayin nige 19 nasutai köbüün badarči bolži* [Сказание... 1897: 40] ‘Один 19-летний халхаский юноша стал нищенствующим пилигримом’. В «Калмыцко-русском словаре» *бадарч* [бадарчъ] ‘*уст.* бадарчин, странствующий монах, сборщик пожертвований (живущий подаянием): *бадарчин йовсн хазрт хуурмгудл олн, батхн олар хурсн хазрт өтн-хорха*

олн ‘в местах, где бадарчин бывал, прегрешений было много, а в тех местах, где мухи собираются, там и личинок (червяков) много <посл.>’ [КРС 1977: 75]; «*Яhad атхр бээдлтэ йовхмбч?*» — *гигэ бадарчин суржсана* ‘Нищий монах спрашивает: «Почему ты идешь такой мрачный?»» [НККЯ: «Мектэ бадарчин» Э. А. Эльдышев].

bišilgaxu ‘созерцать’ [Позднеев 1911: 126]; *bišilgaxu* ‘размышлять, созерцать, упражняться в чем, прилежать к чему’ [Голстунский, 2 1894: 229]; *bišilgaxu* ‘созерцать, размышлять, мечтать; воображать; прилежно заниматься чем, упражняться в чем’ [Ковалевский, 2 1846: 1135]. Например: *Dotoroni suuyād diyan bišilyaži bayigsan oron gedeg geži kelene* ‘Говорят, что внутри имеется место, где, садясь, проводят созерцание’ [Сказание... 1897: 47]; *Arban tabun jili dūsan daya bišilyaži* ‘В течение пятнадцати лет находился в созерцании’ [НККЯ: «Сказки на калмыцком языке»]. В современном калмыцком языке отражено лишь одно значение слова *бишилх* [бишилhexe] ‘созерцать’ [КРС 1977: 76]. Необходимо отметить, что после согласного *ш* присутствует редуцированный *и*. В монгольском языке слово *бясалгах* передает несколько значений, что отражено в словарных статьях: *бясалгах* ‘созерцать; размышлять, мыслить’ [МОТ 1957: 103]; *бясалгах* ‘созерцать, предаваться созерцанию; размышлять, мыслить’ [БАМРС, 1 2001: 319]. В современном калмыцком языке на материале НККЯ примеры со словом *бишилх* [бишилhexe] в значении ‘созерцать’ не обнаружены.

lungdun ‘устное наставление, приказ’ [Позднеев 1911: 227]. Например: *Lungdun čigi qayiralagsan...* ‘Даровал наставление (грамоту)’ [Сказание... 1897: 1]. В словаре современного калмыцкого языка это слово отсутствует. Ср. в монгольско-русском словаре *лүндэн* ‘*уст.* булла (указ, грамота, послание Богдо-гегена, Далай-ламы и др.)’ [МОТ 1957: 231]; *лүндэн* ‘*тө., хуучир.* 1) булла (указ, грамота, послание богдо-гегена, далай-ламы и др.); пророческое писание; *зарлиг лүндэн* ‘*хорш.* указ; веление; 2) воззвание, наставление’ [БАМРС, 2 2001: 306]. В современном калмыцком языке на материале НККЯ примеры со словом *лүндн* не обнаружены.

nirba ‘казначей при ламской кумирне’ [Позднеев 1911: 68]; ‘управитель, надзиратель, смотритель’ [Ковалевский, 2 1846: 673]; ‘с *тиб. яз.* название должности, со-

ответствующей смотрителю и казначею (в монастыре)» [Голстунский, 2 1894: 33]. Например: *Ene tōtān beledkü arga bideni Yonzan qamboyin nirba Cembel gedeg töböd küün sayinār zāzi ögči bayibai* 'Все вопросы по подготовке и снаряжению нам хорошо объяснил казначей Хамбо Йонзан, тибетец, по имени Цембл' [Сказание... 1897: 13]. В «Калмыцко-русском словаре» *нирв* [нирве] '1) кассир, казначей; 2) завхоз, эконом' [КРС 1977: 379]. В монгольском языке *нярав* — 'тө. казначей; кассир; управляющий, смотритель, завхоз' [МОТ 1957: 279].

В современном калмыцком языке на материале НККЯ примеры со словом *нирв* обнаружены в произведении М. В. Хонинова «Ленина дуудвар», но здесь *нирв* представлено как имя собственное: *Аюл татси Гевкү, Нирв нег-негүрн бүлтэлдэжэд, үргсн темэн кевтэ үүднүр үкс алхлде* 'Гевкю и Нирв, совершившие нехорошее дело [досл. беду притянувшие], посмотрев друг на друга, словно испуганные верблюды, быстро направились к двери' [НККЯ: «Ленина дуудвар» «Мукөвүн» М. В. Хонинов].

Таким образом, памятники письменности калмыцкого языка располагают большим пластом устаревшей лексики и выражений, которые вышли из активного фонда языка и малопонятны (или же совсем не понятны) говорящим на современном калмыцком языке. Необходимо отметить, что анализ старописьменных памятников позволит восполнить некоторое пробелы по лексике современного калмыцкого и в целом монгольских языков. В связи с этим словарный фонд современного языка необходимо дополнять архаизмами и устаревшими словами, снабжая их соответствующими примерами, так как границы между пассивным словарным фондом, куда в первую очередь и относятся устаревшие слова, и активным словарем всегда подвижны. Так, к примеру, религиозные термины и понятия, относящиеся к устаревшей лексике, в силу произошедших в последние 20 лет социально-политических трансформаций, вновь возвращаются в активный словарный фонд языка. Рассмотренные примеры показывают, что в современном калмыцком языке по объективным причинам (как лингвистического, так и экстралингвистического, общественно-политического характера) отмечаются подмена понятий, сужение значений слов и другие процессы, которые в значительной степени обедняют лексический фонд языка.

Например, одним словом *ээдхл* передаются значения 'доклад, рапорт' и 'предназначение', *бишилх* имеет лишь одно значение 'созерцать'.

Возвращению в узус лексики, бывшей какое-то время малоупотребительной и неупотребительной, способствует установка общества на возрождение части духовных традиций, культурных ценностей и общественных реалий, утраченных в ходе истории. Ценность большей части возвращенной лексики бесспорна. Это огромный пласт культуры и важная часть традиционного сознания народа.

Литература

- Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 153 с.
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь / под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба, отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. М.: Academia, 2001. 520 с. Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с. Т. 3. Ò–Ф. М.: Academia, 2001. 440 с. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Бембеев Е. В. Графо-фонетический анализ гласных на материале «русско-калмыцкого словаря анонимного автора XVIII в.» // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: мат-лы Межд. науч. конф., посвящ. 75-летию В. И. Рассадина (10–13 ноября 2014 г., г. Элиста). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2014. С. 204–210.
- Бембеев Е. В., Куканова В. В. Электронные лексикографические базы данных калмыцкого языка // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: мат-лы Межд. науч. конф., посвящ. 75-летию В. И. Рассадина (10–13 ноября 2014 г., г. Элиста). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2014. С. 210–216.
- Бембеев Е. В. «Ранние» двуязычные словари как источники изучения лексики калмыцкого языка: Материалы от V межд. науч. конф. (Варна, 15–20 сентября 2014 г.) / отв. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. София; Ижевск, 2014. С. 243–246.
- Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь, сост. проф. Санкт-Петербургского ун-та К. Ф. Голстунским. В 3-х т. Т. I. СПб., 1895. 268 с.; Т. II. СПб., 1894. 462 с.; Т. III. СПб., 1893. 491 с.; том «Дополнения». СПб., 1896. 91 с.
- КРС — Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 769 с.

- Кичиков А. Ш. Угин туск үг. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1979. 102 с.
- Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. В 3-х т. Т. I. Казань, 1844. С. 1–594; Т. II. Казань, 1846. С. 595–1545; Т. III. Казань, 1849. С. 1546–2690.
- Куканова В. В., Бембеев Е. В. К проблеме электронных словарей калмыцкого языка // Информационные технологии и письменное наследие. Е1 Manuscript-2012: Мат-лы IV Межд. науч. конф. (г. Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 г.). Петрозаводск; Ижевск, 2012. С. 146–149.
- Куканова В. В. О Национальном корпусе калмыцкого языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XIII Межд. конф. (г. Уфа, 13–14 сентября 2013 г.). Уфа, 2013. С. 209–212.
- Лиджиев А. Б. Материалы к изучению устаревшей военной лексики калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 113–116.
- Лиджиев А. Б. Об устаревшей лексике калмыцкого языка // Научная мысль Кавказа. № 1 (65). Ч. 2. Ростов н/Д., 2011. С. 52–57.
- Меняев Б. В. Список рукописи «Наставления V Богдо Джибцун-Дамба гэгэна» (на материале сочинения «Поучения Джибцун-Дамба-ламы») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 175–182.
- Медодий (Львовский Н. В.) Калмыцко-русский словарь. 1893. 297 л. // Библиотека Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Сalm. D 13.
- МОН — Монгол-орос толь (Монгольско-русский словарь) / под общ. ред. А. Лувсандэндэва. М.: ГИИНС, 1957. 716 с.
- Мулаева Н. М., Бачаева С. Е. Архаизмы, историзмы и религиозная лексика в калмыцком языке (на материале романа А. Бадмаева «Арнзлын гүүдл») // Монголоведение. Вып. 5. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 222–229.
- НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://kalmcorp.org.ru> (дата обращения: 06.05.2016).
- Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Вост. лит., 1975. 328 с.
- Очирова Н. Ч. Об устаревшей лексике в калмыцком художественном тексте (на материале прозы К. Эрендженова) // Вестник КИГИ РАН. 2011. № 2. С. 111–115.
- Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1911. 312 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Хальмгудын заңшалта бээцин тээлвр толь. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Русско-калмыцкий словарь анонимного автора, XVIII в.: / транслит. Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч.; сост. Куканова В. В., Мулаева Н. М.; отв. ред. Бембеев Е. В., Куканова В. В. [электронное издание]. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 570 с.
- Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского Бааза-бакши. Калмыцкий текст с пер. и примеч., сост. А. М. Позднеевым. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1897. 261 с.
- Смирнов П. А. Краткий русско-калмыцкий словарь (в пер.). Казань: Тип. Казанского Ун-та, 1857. 127 с.
- Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1976. 592 s.

References

- Bardaev E. Ch. *Sovremennyj kalmyckij jazyk. Leksikologija* [Modern Kalmyk. Lexicology]. Elista, Kalm. Book Publ., 1985, 153 p. (In Russ.).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' v 4-h tomah (BARMS)*. Red. A. Luvsandende, Ts. Tsendamba, G. Pyurbeev [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vol. Edit. by A. Luvsandende, Ts. Tsendamba, G. Pyurbeev]. Moscow, Academia Publ., 2001, vol. I, 502 p.; vol. II, 536 p.; vol. III, 440 p.; vol. IV, 532 p. (In Mong. and Russ.).
- Bembeev E. V. *Grafo-foneticheskij analiz glasnyh na materiale "russko-kalmyckogo slovarja anonimnogo avtora XVIII v."* [Graphophonetic analysis of consonants based on Russian-Kalmyk dictionary by anonymous author of the 18th century]. *Aktual'nye problemy sovremennogo mongolovedenija i altaistiki: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. 75-letiju V. I. Rassadina (10–13 nojabrja 2014 g., Elista)* [Topical Issues of Contemporary Mongol and Altai Studies: proc. of the Internat. research conf. celebrating the 75th anniversary of Prof. V. I. Rassadin (10–13 Nov. 2014, Elista)]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2014, pp. 204–210 (In Russ.).
- Bembeev E. V., Kukanova V. V. *Elektronnyje leksikograficheskie bazy dannyh kalmyckogo jazyka* [Digital lexicographic databases of the Kalmyk language]. *Aktual'nye problemy*

- sovremennogo mongolovedenija i altaistiki: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. 75-letiju V. I. Rassadina (10–13 nojabrja 2014 g., Elista) [Topical Issues of Contemporary Mongol and Altai Studies: proc. of the Internat. research conf. celebrating the 75th anniversary of Prof. V. I. Rassadin (10–13 Nov. 2014, Elista)]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2014, pp. 210–216 (In Russ.).
- Bembeev E. V. “Rannie” dvujazychnye slovari kak istochniki izuchenija leksiki kalmyckogo jazyka [Tekst] [“Early” bilingual dictionaries as sources for the study of the Kalmyk language]. *Materiali ot V mezhdun-arodna nauch. konf. (Varna, 15–20 septemvri 2014 g.) / otg. red. V. A. Baranov, V. Zheljazkova, A. M. Lavrent’ev* [Proc. of the 5th Internat. research conf. (Varna, 15–20 Sept. 2014). Edit. by V. A. Baranov, V. Zhelyazkova, A. M. Lavrentyev]. Sofia, Izhevsk, 2014, pp. 243–246 (In Russ.).
- Mongol’sko-russkij slovar’, sostavlennyj professorom Sankt-Peterburgskogo universiteta K. F. Golstunskim. V 3-h tomah* [A Mongolian-Russian dictionary, comp. by Prof. of Saint Petersburg University K. F. Golstunskii. In 3 vol.]. Saint Petersburg, vol. I, 1895, 268 p.; vol. II, 1894, 462 p.; vol. III, 1893, 491 p.; vol. “Supplements”, 1896, 91 p. (In Mong. and Russ.).
- Kalmycko-russkij slovar’ (KRS)* [A Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1977, 769 p. (In Kalm. and Russ.).
- Kichikov A. Sh. *Ügin tusk üg* [A word about the word]. Elista, Kalm. Book Publ., 1979, 102 p. (In Kalm.).
- Kovalevskii O. M. *Mongol’sko-russko-francuzskij slovar’. V 3-h tomah* [A Mongolian-Russian-French dictionary]. Kazan, vol. I, 1844, pp. 1–594; vol. II, 1846, pp. 595–1545; vol. III, 1849, pp. 1546–2690 (In Mong., Russ. and French).
- Kukanova V. V., Bembeev E. V. *K probleme elektronnyh slovarej kalmyckogo jazyka* [Revisiting the issue of Kalmyk digital dictionaries]. *Informacionnye tehnologii i pis’mennee nasledie. El’Manuscript-2012: Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Petrozavodsk, 3–8 sentjabrja 2012 g.)* [Information Technologies and Written Heritage. El’Manuscript-2012: proc. of the 4th Internat. research conf. (Petrozavodsk, 3–8 Sept. 2012)]. Petrozavodsk, Izhevsk, 2012, pp. 146–149 (In Russ.).
- Kukanova V. V. *O Nacional’nom korpuse kalmyckogo jazyka* [On the Kalmyk National Corpus]. *Aktual’nye problemy dialektologii jazykov narodov Rossii: Mat-ly XIII Mezhdunarodnoj konferencii (Ufa, 13–14 sentjabrja 2013 g.)* [Topical Issues of Dialectology of Russia’s Languages: proc. of the 13th Internat. conf. (Ufa, 13–14 Sept. 2013)]. Ufa, 2013, pp. 209–212 (In Russ.).
- Lidzhiev A. B. *Materialy k izucheniju ustarevshej voennoj leksiki kalmyckogo jazyka* [Materials for exploration of Kalmyk obsolete military lexis]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2011, No. 1, pp. 113–116 (In Russ.).
- Lidzhiev A. B. *Ob ustarevshej leksike kalmyckogo jazyka* [On Kalmyk obsolete lexis]. *Nauchnaja mysl’ Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus journal], No. 1(65), part 2, Rostov-on-Don, 2011, pp. 52–57 (In Russ.).
- Menyaev B. V. *Spisok rukopisi «Nastavlenija V Bogdo Dzhibczun-Damba gjegjena» (na materiale sochinenija «Pouchenija Dzhibczun-Damba-lamy»)* [The Manuscript Copy of “The Fifth Bogdo Gegen Jebtsundamba’s Precepts” (the Case Study of the Work of “The Jebtsundamba Lama’s Teachings”)]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], No. 4, Elista, Print. Dept. of the Kalm. Inst. for Humanities of the RAS, 2014, pp. 175–182 (In Russ.).
- Mefodij (L’vovskij N. V.) *Kalmycko-russkij slovar’. 1893. 297 l.* [A Kalmyk-Russian dictionary. 1893. 297 p.]. *Biblioteka Vostochnogo fakul’teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo fakul’teta. Shifr. Calm. D13* [Library of the Oriental Faculty of Saint Petersburg State Univ. Ref. No. Calm. D13] (In Kalm. and Russ.).
- Mongol-oros tol’ (Mongol’sko-russkij slovar’) (MOT) / Pod obshh. red. A. Luvsandendeva* [A Mongolian-Russian dictionary. Edit. by A. Luvsandendev]. Moscow, State Publ. House for Foreign and National Dictionaries, 1957, 716 p. (In Mong. and Russ.).
- Mulaeva N. M., Bachaeva S. E. *Arhaizmy, istorizmy i religioznaja leksika v kalmyckom jazyke (na materiale romana A. Badmaeva «Arnzlyn gyydl»)* [Outdated Words and Word Combinations in the Kalmyk Language (on a Material of the Novel of A. Badmaev «Arnzlyn Güüdl»)]. *Mongolovedenie [Mongol Studies journal]*, iss. 5, Elista, Print. Dept. of the Kalm. Inst. for Humanities of the RAS, 2011, pp. 222–229 (In Russ.).
- Nacional’nyj korpus kalmyckogo jazyka* [the Kalmyk National Corpus]. Available at:

- <http://kalmcorporu.ru> (accessed: 6 May 2016) (In Russ.)
- Nominhanov Ts.-D. *Materialy k izucheniju istorii kalmyckogo jazyka* [Materials for history studies of the Kalmyk language]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1975, 328 p. (In Russ.).
- Ochirova N. Ch. *Ob ustarevshej leksike v kalmyckom hudozhestvennom tekste (na materiale prozy K. Erendzhenova)* [On obsolete lexis in Kalmyk literary texts (evidence from K. Erendzhenov's prose)]. *Vestnik KIGI RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], No. 2, Elista, Print. Dept. of the Kalm. Inst. for Humanities of the RAS, 2011, pp. 111–115 (In Russ.).
- Pozdnee A. M. *Kalmycko-russkij slovar' v posobie k izucheniju russkogo jazyka v kalmyckih nachal'nyh shkolah* [A Kalmyk–Russian dictionary within a Russian language learning textbook for Kalmyk primary schools]. Saint Petersburg, Print. House of the Imperial Acad. of Sciences, 1911, 312 p. (In Russ.).
- Pyurbеev G. Ts. *Hal'mgudyn zaŋshalta bäätsin täälvr tol'* [A Kalmyk dictionary]. Elista, Kalm. Book Publ., 1996, 176 p. (In Kalm.).
- Russko-kalmyckij slovar' anonimnogo avtora, XVIII v.: / translit. Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch.; sost. Kukanova V. V., Mulaeva N. M.; otv. red. Bembeev E. V., Kukanova V. V. [elektronnoe izdanie]* [A 18th cent. Russian-Kalmyk dictionary by an anonymous author. Translit. By N. Mulaeva, N. Ochirova; comp. by V. Kukanova, N. Mulaeva; edit. by E. Bembeev, V. Kukanova]. Elista, Print. Dept. of the Kalm. Inst. for Humanities of the RAS, 2014, 570 p. (In Kalm. and Russ.).
- Ramstedt G. J. *Kalmükisches Wörterbuch* [A dictionary of the Kalmyk language]. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 1976, 592 p. (In Kalm. and Finnish).
- Smirnov P. A. *Kratkij russko-kalmyckij slovar' (v per.)* [A brief Russian-Kalmyk dictionary]. Kazan, Kazan University Press, 1857, 127 p. (In Russ.).

УДК 811.512.37

БУДДИЙСКАЯ УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА (на материале Национального корпуса калмыцкого языка)

Евгений Владимирович Бембеев¹

¹ кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: galdma@yandex.ru.

Аннотация. В настоящей статье нами предпринята попытка исследования устаревшей буддийской лексики калмыцкого языка на материале «ранних» текстов XVIII–XIX вв., введенных в базу данных Национального корпуса калмыцкого языка. Памятники письменности калмыцкого языка располагают большим пластом буддийской лексики и выражений, которые вышли из активного фонда языка и малопонятны (или же совсем не понятны) говорящим на современном калмыцком языке. Анализ старописьменных памятников позволит восполнить некоторые пробелы по лексике современного калмыцкого и в целом монгольских языков. Кроме того, в современном калмыцком языке в силу объективных причин (как лингвистического, так и экстралингвистического, общественно-политического характера) произошли подмена понятий, сужение значений слов и другие процессы, которые в значительной степени обедняют лексический фонд языка. Например, одним словом *элдхл* передаются значения ‘доклад, рапорт’ и ‘предназначение’, *бишилх* имеет лишь значение ‘созерцать’. В связи с этим словарный фонд современного языка необходимо дополнять архаизмами и устаревшими словами, снабжая их соответствующими примерами, так как границы между пассивным словарным фондом, куда в первую очередь и относятся устаревшие слова, и активным словарем всегда подвижны.

Ключевые слова: калмыцкий язык, архаизмы, устаревшие слова, буддийская лексика, Национальный корпус калмыцкого языка.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 26, Is. 4, pp. 121–131, 2016
 DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-121-131
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 81'33

An Experiment on Reconstruction of the Meanings of the Lexical Items Applied in The Jangar Epic

Victoriya V. Kukanova ¹

¹ Ph. D. of Philology, Director, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Abstract

The Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences conducts work aimed at compiling a Definition Dictionary of the Kalmyk Heroic Epic of Jangar which presents a lot of difficulties and problems. One of the difficulties is to find meanings of the words that have not been automatically analyzed by the TextAnalyzer — the morphological analyzer created within the project on the development of the Kalmyk National Corpus — and the semantics of which is unclear since the words have gone out of use and are nowadays part of the passive vocabulary. The paper examines some of the words (*khavshu* ‘ravine, narrow gorge’, *khavtsn*, *khavtsn* ‘saddletree’, *khozu* ‘itch’, *khövlkh* ‘re-surge; turn into, change, vary’, *khüivly* ‘jar’) that have not been analyzed automatically for a number of reasons. Another goal of the research study is to reveal the reasons of the failure of the analysis in case of certain lexical items. The article attempted to describe the reasoning algorithm based on the analysis of the formal structure of the word, its position within a sentence, the context and its lexical category, with evidence from corresponding lexicographic sources which allowed to make conclusions regarding the semantics of the lexical unit.

Keywords: Kalmyk language, definition vocabulary, reconstruction of the meaning, lexeme, semantics, epic of Jangar, corpus

1. Введение

Эпос «Джангар» является одним из уникальнейших созданий словесного искусства человечества, он по праву может быть отнесен к нематериальному наследию ЮНЕСКО, и работу по включению в данный реестр необходимо проводить уже сегодня. Как результат творчества не одного поколения тексты эпоса содержат в себе элементы архаики и те элементы, которые присущи и настоящему времени. Одним из ярких свидетельств архаичности, помимо грамматики, являются лексические единицы, вышедшие из употребления в современной калмыцкой речи и являющиеся, по сути, загадкой для современного носителя

калмыцкого языка. При разработке Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» языковеды столкнулись с проблемой непонимания многих лексических единиц и, следовательно, невозможности дать правильное и тем более точное и детальное толкование слову.

Целью данной работы является попытка реконструировать значения лексических единиц по различным признакам (начиная с формальных в первую очередь), употребляющихся в текстах эпоса «Джангар». Актуальность такой реконструкции очевидна: это означает во многом оживить слово, наделять «душой» (значением) слово, которое будет понятно читателю, обретет вторую жизнь.

2. Материал исследования

Материалом исследования послужили 28 эпических песен «Джангара» в современном переложении. Объем словоупотреблений составляет 101 969 словоформ, количество неразобранных слов — почти тысячу единиц, среди которых есть одни и те же лексические единицы, стоящие в разных формах. Данные тексты, подготовленные исполнителями проекта по созданию Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» [Мулаева 2016; 2015а; 2015б; и др.], загружены в программу TextAnalyzer, базу данных с автоматическим анализатором — парсером. Анализ проведен на основе разработанного алгоритма [Куканова, Каджиев 2014; Куканова 2016а], однако, поскольку схема основана на словарном методе, то не все лексические единицы получили свою характеристику в силу разных причин, которые будут рассмотрены ниже. В качестве основных методов используются компонентный анализ, контекстный подход, анализ позиции словоформы в предложении, анализ сочетаемости той или иной лексемы.

При анализе лексического материала на предмет выяснения их значений мы использовали лексикографические источники: «Калмыцко-русский словарь» [1977], «Калмыцко-русский словарь» [Позднеев 1911], «Калмыцко-русский словарь» [Львовский], «Я изучаю „Джангар“» [Тодаева 2009], «Словарь ойратов Синьцзяна» [Тодаева 2001], «Толковый словарь традиционного быта калмыков» [Пюрбеев 1996], «Большой академический монгольско-русский словарь» [БАМРС 2001; 2002] и др. В данной работе мы рассмотрим некоторые слова, которые не были автоматически проанализированы по тем или иным причинам.

3. Причины не-разбора в автоматическом режиме

Автоматический анализатор основан на словарном методе, в основу словника положен Калмыцко-русский словарь, изданный в 1977 г., который состоит из более 25 тыс. словарных статей [КРС 1977]. Переводной словарь не охватывает все его лексическое богатство калмыцкого языка, а поскольку тексты песен эпоса «Джангар», являясь полистадиальным продуктом творческой деятельности не одного человека, а целого народа, представляют собой «эпос, бытующий в виде самостоятельных национальных версий, отличающихся друг от друга в типологическом отношении» [Кичиков 1997:

3], лексическое разнообразие употребляемых слов достаточно широко и включает в себя и архаичные элементы.

3.1. Диалектные варианты. Не все диалекты представлены в КРС. Каждая песня является репрезентацией речи того или иного сказителя, проживающего (проживавшего) на определенной территории кочевий калмыцкого народа, а также относившегося к носителям определенного говора, по этой причине содержит яркие черты диалектной речи. Например: *цолвур* вместо *цулвур*: *Күржңгсн олн сэдүдин көвүд / Буһ мөңгн цолвур булалдгсн бээдг* [МД: I].

3.2. Орфографические варианты. Язык фольклорных произведений характеризуется тем, что это в первую очередь некодифицированный текст как в диалектном, так и орфографическом отношениях. Ко всему прочему это тексты, существовавшие в устной форме, они зафиксированы при помощи различных графических систем (посредством *тодо бичиг* ‘ясное письмо’, фонетическое письмо и т. д.) в разное время, но тогда, когда орфографическая система правил еще не сложилась в калмыцком языке. Так, например, *мал-гер* кодифицированное написание употребляется в текстах эпоса наряду с ненормированным *гер-мал*: *Нэ уга нээмн миңһ гестэд орквл, / Ду уга долан миңһ һуйдад орквл, / Тоормасн хагдад одвл, / Тооснасн жшигэд одвл, / Долан долан — дөчн йисн хонгт / Гүүлгэд одхнь эн болвл, / Уняртгсн ик утан, / Унжаргсн мал-гер / Үздэд бээв гинэл* [БМ: II]; *Көвүн гер-мал болад, / Бээһэд бээв* [ШД: I].

3.3. Архаическая лексика. КРС, который лежит в основе автоматического анализатора, содержит около 26 тыс. словарных статей, что является лишь небольшой частью всей лексической системы калмыцкого языка: *Дундк марлын дотрнь / Гурвн алтн зулзһн¹ бээнэ гинэ-лэ* [БЦ: II]. В современных текстах, включенных в Национальный корпус калмыцкого языка (kalmcoqroga.ru), данная единица не употребляется. Во всем корпусе имеется только одно употребление в эпосе «Джангар» — в тексте багацохуровского цикла, в одном из самых ранних циклов.

¹ В [БАМРС, 2 2001: 236] дается слово *зулзага(н)* ‘детеныш (животных); птенец’, учитывая, что в тексте речь идет о марале, следовательно, в калмыцком языке бытовала такая лексическая единица, которая была утрачена со временем.

Таблица 1. Лексема *хавишу/ховишу* и схожие с ней слова в лексикографических источниках

Лексема	Пюрбеев 1996	КРС 1977	Тодаева 2001	Позднеев 1911	Львовский	БАМРС	Тодаева 2009	Голстунский 1860
<i>хавишу</i>	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>хавчг</i>	—	‘теснина’ [1977: 563]	‘теснина’ [2001: 375]	—	<i>хабчигай</i> ‘крутая скала, узкий проход’ [123]	—	—	—
<i>хавчл</i>	—	—	—	—	<i>хавчил</i> ‘горное ущелье, тесный проход, междугорье’ [124]	<i>хавчил</i> ‘теснина, ущелье’ [4, 2002: 8]	‘у щ е л ь е’ [2009: 298]	—
<i>хавцал</i>	—	—	—	<i>хабцалнай</i> , <i>хабцал</i> ‘утес, теснина, ущелье’ [1911: 77]	—	‘ущелье; теснина, горный проход, глубокое ущелье у подножья горы, балка’ [4, 2002: 8]	—	—
<i>хавцгай</i>	—	—	—	—	—	‘утес, отвесная скала; крутая скала; узкое ущелье; падь’ [4, 2002: 8]	—	—
<i>ховишу</i>	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>хавчу</i>	—	—	тесный, узкий [2001: 375]	<i>хабчу</i> ‘ущелье’ [1911: 77]	—	—	—	<i>хабџиу</i> ‘ущелье’ [1860: 127]

3.4. *Вышедшие из употребления или изменившие свою структуру комплексы аффиксов.* Например, аффикс причастия *-гсн*. Данная проблема решалась сразу же в программе путем добавления аффикса и приписывания ему грамматического значения.

4. Реконструкция значений

4.1. Лексема *хавшуд*

Лексическая единица употребляется всего один раз в репертуаре песен Мукубена Басангова: *Арнзл Улан хурдн Зеерд күлгим / Бээдг назринь сурхлачн, / Өргн Шарту далан / Дотак довтлһнд, / Бас Бумб далан / Барун ар хавшуд, / Шишин дөрвн далан / Дотак давхр догдлһнд, / Долан давхр / Күрл мөңгн басан дотр / Захан алтн бахнась уята, / Күдр хар чөдриг / Чөдр һурвн көлднь / Өндин дөрвн цагтнь холһата бээдмн, / Жил насн хойраһан / Жидән үзүрт болзгсн, / Жилв бах хойраһан / Деед богд Жаңһртан өггсн / Долан давхр церг маната бээдмн* [БМ: I].

Вместе с тем в этой же главе встречается и употребление *ховшуд*, т. е. с написанием через букву *о*: *Өндр Маңхн Цаһан уулан / Дотак довтлһнднь, / Бас һурвн Бумб далан / Барун ар ховшуд, / Шишин дөрвн далан / Долан давхр күрл мөңгн басан дотр / Захан алтн бахнас уята* [БМ: I].

Из контекста видно, что словоформа *хавшуд/ховшуд* стоит после двух прилагательных, обозначающих направления сторон света¹, перед двумя прилагательными может находиться только прилагательное или существительное, которое скорее всего обозначает место. Судя по форме слова, перед нами, видимо, существительное, стоящее в дательном падеже, передающем значение место совершения действия [ГКЯ 1983: 120], что косвенно доказывается сочетаемостью с прилагательными, обозначающими стороны света.

В различных лексикографических источниках отсутствует единица, которая в той или иной степени была бы схожа с указанной лексемой. Однако можно обнаружить слово, которое более или менее совпа-

¹ В калмыцкой культуре существует вертикальное и горизонтальное членение пространства [Бакаева 2008а; 2008б; 2008в; Очиров 2008; Очир-Горяева 2008]. «В калмыковедческой литературе отмечено наличие монгольской традиции почитания полуденного солнца и ориентации на дневное солнце. Тем не менее имеются свидетельства о древнейшем доминировании локативного кода, построенного на сакрализации востока» [Бакаева 2009: 19].

дает с ним частично: *хавчуу (хавчуу)* ‘тесный, узкий’ [Годаева 2001: 375]. В словарях также имеются лексемы *хавчг* ‘теснина’ [КРС 1977: 563], *хавчл* ‘ущелье’ [Годаева 2009: 298]. Лексема *хавчу* не встречается в песнях эпоса, однако обнаружены лексические единицы *хавчг*, *хавчл*, но совершенно в других контекстах. Они сочетаются со словом *хад* ‘скала’.

Думается, что данное слово произошло от *хавчуу* ‘тесный, узкий’, и, вероятно, произошла субстантивация данной единицы. Замена согласного *ч* на *ш* связана, видимо, с индивидуальными особенностями речи сказителя. Лексема, скорее всего, обозначает теснину, место прохода между скалами, в нашем случае, находящегося недалеко от океана, от водной поверхности.

ХАВШУ (1)² |xavšū|

б. н.

уутьхн, чагчм ташута уулын цувг хаалһ ‘узкий крутосклонный горный проход’

■ *Арнзл Улан хурдн Зеерд күлгим / Бээдг назринь сурхлачн, / Өргн Шарту далан / Дотак довтлһнд, / Бас Бумб далан / Барун ар хавшуд, / Шишин дөрвн далан / Дотак давхр догдлһнд, / Долан давхр / Күрл мөңгн басан дотр / Захан алтн бахнась уята, / Күдр хар чөдриг / Чөдр һурвн көлднь / Өндин дөрвн цагтнь холһата бээдмн, / Жил насн хойраһан / Жидән үзүрт болзгсн, / Жилв бах хойраһан / Деед богд Жаңһртан өггсн / Долан давхр церг маната бээдмн* [БМ: I].

ХОВШУ (1) |xovšū| = ХАВШУ

б. н.

■ *Өндр Маңхн Цаһан уулан / Дотак довтлһнднь, / Бас һурвн Бумб далан / Барун ар ховшуд, / Шишин дөрвн далан / Долан давхр күрл мөңгн басан дотр / Захан алтн бахнас уята* [БМ: I].

4.2. Лексемы *хавцн, хавцсн*

В текстах эпоса употребляются лексемы *хавцсн* (2), *хавцн* (6), очевидно, что это слово, обозначающее один и тот же денотат, при этом источники разные: во втором случае это песни, записанные от сказителя Б. Мукабенова, уроженца аймака Харахус Харахусовского улуса (ныне посёлка Утта Яшкульского района Республики Калмыкия) [Овалов 1978: 65–66]; в первом случае — из текстов Багацохуровского цикла. Данные лексемы являются ярким примером орфографических вариантов, которые не были разобраны в силу того, что в исходном словаре отсутствует такая основа.

² Здесь и далее в круглых скобках указана частота употребления лексемы.

Таблица 2. Лексемы *хавцн*, *хавцсн* и схожие с ними слова в лексикографических источниках

Лексема	Пюрбеев 1996	КРС 1977	Тодаева 2001	Позднеев 1911	Львовский	БАМРС	Тодаева 2009
<i>хавца</i> (хабца)	—	—	‘ленчик (деревянная основа седла), к которому привязывают торока’ [2001: 374]	‘арчак, к которому привязываются торока’ [1911: 76]	—	—	—
<i>хавча</i>	‘ленчик седла, к которому привязывают торока’ [1996: 59]	‘ленчик (к которому привязывают торока)’ [1977: 563]	—	—	—	—	—
<i>хавц,</i> <i>хавцс</i>	—	—	—	—	—	—	‘ленчики седла’ [2009: 298]

Как видно из анализа лексикографических источников, данная лексема обозначает ‘ленчик седла’, но зафиксирована она в разных написаниях. У сказителя Мукубена Басангова слово зафиксировано в одном варианте, но употребляется в разных формах: в дативе (1 — *хавцнд*), в ассоциативе (5 — *хавцта*), перед нами слово, принадлежащее к склонению на неустойчивый *-н*. Различное написание данной лексемы связано, скорее всего, с тем, что звук [ц] является аффрикатой, состоящей из двух звуков: [т + с], по этой причине в написании появляется буква *с*. В качестве исходной мы принимаем лексему *хавцн*, поскольку именно в этом написании зафиксирована единица в классическом словаре, составленном А.М. Позднеевым [1911].

Из контекстов, которые были обнаружены в базе данных TextAnalyzer, ясно, что ленчик изготавливали из:

• *дуба* (*хар модн хавцста*): *Арвн алд элмн торһн цулвраснь көтлэд, / Шар алтн хавхан амнд тоххларн, / Сал мөңгн тохмиг тальвэж, / Хар модн хавцста, / Бульһр мөңгн бүүргтэ / Дөш алтн эмэлиг / Дүүвр Көк Һалзнд тохв; / Сар-нарн зурһта / Деевр цоохр олнцгин / Дорд захинь / Арвн хойр давхрлгсн / Арта шар торһн олңгар / Һом цаһан эрвңинь / Голднь күргэд, / Һурв көтржэ татв; / Түрвд мөңгн көвциг / Тальвад оркв, / Хэвур зандн татуриг / Хавсни заагар, / Хараһинь тасртл, татв; / Бул мөңгн жолоһинь / Хадг мөңгн бүүргтнь / Эргүлжэ хантрв; / Элмн торһн цулвраснь алд делм бэрүлсн / Эрвэлзсн Көк Һалзн күлг / Долан*

мөрчин деегүрнь / Дөрвн болд хар туруһан / Күргл уга, энд-тендэн һәрэдв [БЦ: I];

• *серебра* (*мөңгн хавцта*): *Холвр мөңгн хавцта, / Бульһр мөңгн бүүргтэ / Дөш алтн эмэлиг / Дөрвн тө дөрү / Өмкүлүжэ тохв* [БМ: I]; *Толр мөңгн тохм / Тальвад орквл, / Тохмин үзүр чичрүлэд, зогсвл, / Бульһр мөңгн бүүргтэ, / Холвр мөңгн хавцта / Дөш алтн эмэлиг / Дөрвн тө дөрү өмкүлэд, тохвл* [БМ: VI].

ХАВЦН (6) |xɑfɕʰn|

б. н.

мөрнэ нурһнас эмэл бичэ мөлтртхэ гһһэд модар эс гиж төмрэр кегдсн эмэлин энг, нурһн эмэл хоорнд заг үлдэнэ ‘часть седла, обычно изготовленная из дерева или металла, которая держит седло на спине лошади и сохраняет просвет между ними’

■ *«Кемр мергн үкэд одхнь, / Дууни нертэ дуулх, / Довтлхла цэклдг үлд хойриһан / Алдад оркхнь яахв!» — гһһэд, / Довтлн йовжэ, эмэлиннь барун хавцнд / Улан мөңгэр хадвл* [БМ: II].

□ *халвр (холвр) мөңгн хавцта*

■ *Бульһр мөңгн бүүргтэ, / Халвр мөңгн хавцта / Дөш алтн эмэлиг / Дүүвр сээхн Көк Һалзнд / Дөрвн тө дөрү үмкүлэд тохвл* [БМ: V];

■ *Холвр мөңгн хавцта, / Бульһр мөңгн бүүргтэ / Дөш алтн эмэлиг / Дөрвн тө дөрү / Өмкүлүжэ тохв* [БМ: I];

■ *Бульһр мөңгн бүүргтэ, / Халвр мөңгн хавцта / Дөш алтн эмэлиг / Дүүвр ут Улан Буурлд / Дөрвн тө дөрү өмкүлүжэ тохвл* [БМ: IV];

■ *Толр мөңгн тохм / Тальвад орквл, / Тохмин үзүр чичрүлэд зогсвл, / Бульһр мөңгн бүүргтэ, / Халвр мөңгн хавцта / Дөш алтн эмэлиг / Дөрвн тө дөрү өмкүлэд тохвл* [БМ: VI];

▪ *Халвр мөңгн хавцта*, / Бульһр мөңгн бүүргтә / Дөш алтн эмэлиг / Дүүвр Көк Һалзнд / Дөрвн тө дөрү үмкүлэд тохвл [БМ: II].

ХАВЦСН (2) |xafcsʌn| = ХАВЦН

□ *хар модн хавцста*

▪ *Түжндг гигч мөрч баатрнь / Хадг мөңгн хазаринь / Хажудан сүүвдэд , / Көк Самбан ташуд тэвсн / Күчтә баатрмудын / Күлг дотрас / Көк Һалзн күлгинь / Күрч көтлэд авв, / Эвлн, һәрд бәәшгин үүднд / Өлкәдгсн Көкинь тохв: / Салын хар тохмиг / Салвалһж тәвв; / Салн **хар модн хавцста**, / Бульһр мөңгн бүүргтә / Дөш алтн эмэлиг / Дүүвр Көкән оңһн делд / Дөрвн тө дөрү үмскв... [БЦ: I];*

▪ *Арвн алд элмн торһн цулвраснь көтлэд, / Шар алтн хавхан амнд тоххларн, / Сал мөңгн тохмиг тальвж, / **Хар модн хавцста**, / Бульһр мөңгн бүүргтә / Дөш алтн эмэлиг / Дүүвр Көк Һалзнд тохв... [БЦ: I].*

4.3. Лексема *хозу*

В текстах эпоса «Джангар» дважды встречается словоформа *хозута*:

▪ *Цааранднь һарад йовад одхлань, / Теднә Алтн Күңкә Чееж өвгнь / Ардаснь хәләһәд, келжәдг болнал: / «Дорк **хозута** му дааһнь / Нег гүрвдән нүк ишкхил, / Дегд чамшиж ишкәд йовнал [БМ: V].*

▪ *«Гертәсн ишгәрән һарад уга бәәж, / Хожһр тарха көвү үзхләрн, / Ширкин Хоңһр гижж келдг, / **Хозута** му дааһ үзхләрн, / Бумбин орна Арнзл Хурдн Зеерд гижж келдг /*

Әлдәч болдгчн чамд / Әлдчн бәәдв?» — гижж хань цухлдв гинәл [БМ: V].

Очевидно, что перед нами существительное, стоящее в ассоциативе, об этом свидетельствует и конструкция Adj + N: перед прилагательным может стоять только прилагательное или существительное в генитиве или ассоциативе. Такие ограничения грамматического характера подсказывают нам, что словоформа *хозута* имеет начальную форму *хозу* или *хозун*.

Оба примера встречаются только в эпических песнях, записанных от М. Басангова, однако в эпосе обнаружено еще четыре примера с тем же самым контекстом (*хамута му дааһ*), видимо, по каким-то причинам произошла замена *хамута* на *хозута*:

▪ *Оцл Дамбан Көк Һалзнан / **Хамута** му дааһ келәд, / Бийнь нег му тарха болад, / Нутг-нурһ эргәд, / Хот-хоолын шавхр ууһад йовв [ШД: IV];*

▪ *Арнзлын хурдн Зеердән / **Хамута** му дааһ келәд, көтлв [ШД: IV];*

▪ ***Хамута** му дааһтаһан / Хоюрн күүнджә йовна [ШД: IV];*

▪ *Бийнь нег му өнчн тарха / Көвүн болад, / Оцл дамбан Көк Һалзн күлгән / Юмн керглиш уга / **Хамута** му дааһ келәд хайв [ШД: IV].*

Приведем результаты анализа словарных статей в различных лексикографических источниках.

Таблица 3. Лексема *хозу* и схожие с ней слова в лексикографических источниках

Лексема	Пюрбеев 1996	КРС 1977	Тодаева 2001	Позднеев 1911	Львовский	БАМРС	Тодаева 2009
<i>хамуу/ хаму</i>	‘чесотка [1996: 34]’	‘чесотка’ [1977: 574]	‘чесотка’ [2001: 384]	‘чесотка’ [1911: 83]	‘большая часть, повсюду, на все стороны; паршиветь; чесотка, проказа’ [126]	—	—
<i>хамуу(н)</i>	—	—	—	—	—	‘парша, лишай; чесотка’ [4, 2002: 35]	—
<i>хозу</i>	—	—	—	—	—	—	—
<i>хазу</i>	—	—	—	—	—	—	—

Отметим, что это уже второе «искажение» слова, которое встречается в песнях, зафиксированных именно от Мукабена Басангова. Скорее всего, эта речевая особенность сказителя.

ХОЗУ (2) |xozū| = ХАМУ

□ **хозута му даань**

■ *Цааранднь һарад йовад одхлань, / Теднэ Алтн Күңкэ Чеежэ өвгнь / Ардаснь халдэд, келжэдэ болнал: / «Дорк хозута му даань / Нег гүрүлдэн нүк ишкхил, / Дегд чаммиж ишкэд йовнал [БМ: V].*

■ *«Гертэсн ишгэрэн һарад уга бээжэ, / Хожһр тарха көвү үзхлэрн, / Ширкин Хоңһр гижэ келдэ, / Хозута му даань үзхлэрн, / Бумбин орна Арнэл Хурдн Зеерд гижэ келдэ / Элддэч болдгчн чамд / Элдчн бээдэ?» — гижэ хань цухлдв гинэл [БМ: V].*

4.4. Лексема **хөвлх**

Данный пример ярко демонстрирует диалектную вариативность калмыцкой речи, отраженную в языке сказителей эпоса: *Зун жила зовлң үзв гижл, / «Ях!» гижл келдэ уга, / Зурһан хонгт зогсл угал / Маля гүвишл бээсн бийднь¹, / Амн деерэн ээх һорвн үгл / Келжл өгдг уга, / Эмсхл авч һартлан, / Арвн хойр хөвлдг / Эср Улан Хоңһр гижл келдэ*

[БН: I]. По формальной структуре это хабикулярное причастие на -дг, исходя из позиции в предложении причастный оборот стоит перед именем собственным в именительном падеже. Лексемы *хөвлх* и *хүвлх* по своему значению идентичны, однако различаются тем, что принадлежат разным диалектам: дербетскому и торгутскому соответственно. Этот признак — наличие среднего, лабиального гласного [ø] в позиции перед губно-губными [м] и [в] в мягкорядных словах вместо узкого лабиального гласного [y] в торгутском — является отличительной чертой [Убушаев 2006: 17–18]. Лексема *хүвлх* в [КРС 1977] дается как ‘возрождаться; превращаться, меняться, переменяться’.

ХӨВЛХ (1) |xöv^øх^ø| = ХҮВЛХ

■ *Зун жила зовлң үзв гижл, / «Ях!» гижл келдэ уга, / Зурһан хонгт зогсл угал / Маля гүвишл бээсн бийднь, / Амн деерэн ээх һорвн үгл / Келжл өгдг уга, / Эмсхл авч һартлан, / Арвн хойр хөвлдг / Эср Улан Хоңһр гижл келдэ [БН: I].*

4.5. Лексема **хүүвлһ**

В тексте употребляется лексема *хүүвлһ*, ранее мы рассматривали ряд слов [Куканова 2016б], обозначающих предметы хозяйственной утвари.

Таблица 4. Лексема **хүвң** и схожие с ней слова в лексикографических источниках (ранее в [Куканова 2016б])

Лексема	Пюрбеев 1996	КРС 1977	Тодаева 2009	Позднеев 1911	Львовский	БАМРС
<i>хүвң</i>	«кубок для вина» [1996: 130]	—	—	хубиң ‘кувшин, ручнойник, умывальник’ [1911: 100]	хубинг (хубиң) ‘кувшин, кружка, сосуд’ [Л. 152]	—
<i>хүвң</i>	—	—	«кувшин» [2009: 331]	—	—	—
<i>хүүвң</i>	‘кувшин’ [1996: 131]	—	—	—	—	—
<i>хувин</i>	—	—	—	—	—	‘ведро’ [4, 2002: 155]

Из контекста ясно, что это сосуд, в котором может находиться вода: *Өдрин килэсн болгсн / Көөрк Жаңһр яһла?» гинэд, / «Ода күртл юңгад унтнач?» — гинэд, / Арвн хойр алтн хүүвлһин усиг / Дакн-дакн цацад илв [БМ: I].*¹ Сосуд изготовлен из золота, калмыки издревле считают, что золото при-

надлежит к сакральным металлам, обладающими защитными функциями [Омакаева, Бурыкин 2008; Бакаева 2003].

На наш взгляд, это кувшин для воды или кубок для вина. Этот пример еще раз демонстрирует «искажение» слов, объясняющееся либо особенностью речи сказителя М. Басангова, либо неправильной фиксацией при записи эпических песен в его исполнении.

¹ Здесь и далее таким образом зафиксировано в первоисточнике.

ХҮҮВЛҺ (1) |xüvly^ç| = ХҮВҢ

б. н.

• *Өдрин килэсн болгсн / Көөрк Жаңһр яһла?» — гихэд, / «Ода күртл юңгад унтнач?» — гихэд, / Арвн хойр алтн хүүвлһин усиг / Дакн-дакн цацад илвл* [БМ: I].

5. Выводы

Одной из сложных задач является поиск значения слов, которые автоматически не проанализированы морфологическим анализатором TextAnalyzer, созданного в рамках разработки Национального корпуса калмыцкого языка, и семантика которых не ясна в силу их утраты, перехода в пассивный запас лексики или изменения внешне-го вида. В данной работе мы рассмотрели некоторые слова (*хавшу* ‘ущелье, теснина’, *хавцсн, хавцн* ‘ленчик’, *хозу* ‘чесотка’, *хөвлх* ‘возродиться; превращаться, меняться, переменяться’, *хүүвлһ* ‘кувшин’), которые не были автоматически проанализированы по тем или иным причинам. Дополнительной задачей данного исследования стало выявление причин не-разбора тех или иных единиц. Здесь мы попытались описать алгоритм рассуждений, основанных на анализе формальной структуры слова, его позиции в высказывании, контексте, его частеречной принадлежности, а также на лексикографических источниках, позволявших сделать выводы касательно семантики лексической единицы.

Источники

Багацохуровский цикл

[БЦ: I] — Дуут богд Жаңһр Догһн Хар Кинесиг дөрөцүлгсн бөлг

Цикл песен из репертуара Басңһа Мукөвүн (Мукебена Басангова)

[БМ: I] — Жаңһрин бийиннь түрүн төрән авгсн бөлг

[БМ: II] — Шар Бирмс хаана дууни нертө дуулх, довтлхла цөклдг үлд хойриг Хоңһрин авч иргсн бөлг

[БМ: IV] — Тавн ор һаргсн Так Бирмс хаана замгта нуурин көвөд заядар өгсн долан сай тунжмудыг Санлын догдлулж көөж авч иргсн бөлг

[БМ: V] — Аю Манзан Буурлта Ээх Маңна хаана очн болгсн Уланта Нарни Герл гидг баатрин Жаңһрахна шижтө тавн юм сурж иргсн бөлг

Цикл песен из репертуара Шавалин Дава (Давы Шавалиева)

[ШД: I] — Арнзлын Хурдн Зеердиг хулха авгсна туск бөлг

[ШД: IV] — Оцл Дамбан Көк Һалзн күлтгө Азг Улан Хоңһр нисдг алг мөртө Арл Манз хааг даргсн бөлг

Песня из репертуара Балдра Наснк (Насанки Балдырова)

[БН: I] — Алдр богд Жаңһрахн Ээх Догһн Маңна хаанла бээр бәрлдгсн бөлг

Малодербетовский цикл песен

[МД: I] — Ут Цаһан Маңһсиг Богд Жаңһр дөрөцүлгсн бөлг

Литература

Бакаева Э. П. «Ар Бумб» – страна Бумба, расположенная в стороне восхода солнца (к проблеме сакральных кодов калмыцкой культуры) // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии, Китая. Мат-лы Междунар. конф. (Элиста, май 2007 г.). Элиста, 2008. Ч. III. С. 15–25.

Бакаева Э. П. К вопросу о знаковой функции украшений в культуре калмыков // Монголоведение: сб. науч. тр. Вып. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2003. С. 238–250.

Бакаева Э. П. К проблеме ориентации по сторонам света у ойратских народов // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюркомонгольских народов. Вып. 2. Элиста, 2008. С. 128–135.

Бакаева Э. П. Освоенное культурное пространство в буддийских молитвах калмыков // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд гавджи). 1887–1980. Элиста, 2008. С. 114–129.

Бакаева Э. П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 2. М.: Academia, 2001. 507 с.

БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 4. М.: Academia, 2002. 506 с.

Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.

Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 3-е. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Куканова В. В. Опыт реконструкции значений лексических единиц, употребляющихся в эпосе «Джангар» // Монголоведение: сб. науч. тр. Вып. 8. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016а. С. 184–198.

- Куканова В. В. Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: принципы и проблемы составления словарных статей // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования» Мат-лы III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2016б. С. 7–12.
- Куканова В. В., Каджиев А. Ю. Алгоритм работы морфологического парсера калмыцкого языка // Писменото наследство и информационните технологии: Материалы от V международна науч. конф. (Варна, 15–20 септември 2014 г.) / отв. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. София; Ижевск, 2014. С. 116–119.
- Мефодий (Львовский Н. В.). Калмыцко-русский словарь. 1893. 297 л. // Библиотека Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Сalm. D13.
- Мулаева Н. М. Тематическая группа «одежда»: система толкований (на материале толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Монголоведение: сб. науч. тр. Вып. 8. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 158–174.
- Мулаева Н. М. Тематическая группа «животные»: система толкований (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 3 (19). С. 134–142.
- Мулаева Н. М. Дефиниции растений в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Урало-алтайские исследования. 2015. № 3 (18). С. 64–74.
- Овалов Э. Б. Легенда о «Джангаре» в записи Б. Бергмана // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: Республиканская типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Калмыцкой АССР, 1978. 128 с.
- Омакаева Э. У., Бурькин А. А. Заметки к этимологии некоторых названий металлов в алтайских языках // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая. Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 185–189.
- Очир-Горяева М. А. Ориентация по странам света: традиции и истоки // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 118–122.
- Очиров У. Б. К вопросу о терминах «зюн» и «барун» в этнической истории монгольских народов // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 123–127.
- Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 312 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Русско-калмыцкий словарь, составленный Константином Голстунским. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1860. 136 с.
- Тодаева Б. Х. Я изучаю «Джангар»: калмыцко-русский словарь. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. 530 с.
- Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 494 с.
- Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 256 с.

References

- Bakaeva E. P. «Ar Bumb» – strana Bumba, raspolozhennaya v storone voskhoda solntsa (k probleme sakral'nykh kodov kalmytskoy kul'tury) [Ar Bumb – a country in the sunrise direction (on sacral codes of Kalmyk culture)]. *Oyraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii, Kitaya. Mat-ly Mezhdunar. konf. (Elista, may 2007 g.)* [Oirats and Kalmyks in the history of Russia, Mongolia, China. Proc. of the Internat. conference (Elista, May 2007)]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, 2008, part III, pp. 15–25 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *K voprosu o znakovoy funktsii ukrasheniy v kul'ture kalmykov* [Sign functions of decorating elements in Kalmyk culture revisited]. *Mongolovedenie: sb. nauch. tr. (Mongol Studies. Collected scholarly works)*. Iss. 2, Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS, 2003, pp. 238–250 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *K probleme orientatsii po storonom sveta u oyratskikh narodov* [On orientation by the cardinal directions among the Oirat ethnic groups]. *Problemy etnogeneza i etnicheskoy kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Vyp. 2* [Problems of ethnogenesis and ethnic culture of Turkic and Mongolic peoples. Iss. 2]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2008, pp. 128–135 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Osvoennoe kul'turnoe prostranstvo v buddiyskikh molitvakh kalmykov* [The digested

- cultural environment in Buddhist prayers of the Kalmyks]. *Buddiyskaya traditsiya v Kalmykii v XX veke: pamyati O.M. Dordzhieva (Tugmyud gavdshi). 1887–1980* [Kalmykia's Buddhist tradition of the 20th cent. In commemoration of O.M.Dordzhiev (Tügümüd gavji). 1887-1980]. Elista, 2008, pp. 114–129 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Sakral'nye kody kul'tury kalmykov* [Sacral codes of Kalmyk culture]. Elista, Publ. Dept. of IKIAT (institute), 2009, 159 p. (In Russ.).
- BAMRS 2001 — *Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkiy slovar': v 4 t. / pod red. G.Ts. Pyurbeeva. T. 2* [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vol. Ed. by G. Pyurbeev. Vol. 2]. Moscow, Academia Publ., 2001, 507 p. (In Mong. and Russ.).
- BAMRS 2002 — *Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkiy slovar': v 4 t. / pod red. G. Ts. Pyurbeeva. T. 4.* [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vol. Ed. by G. Pyurbeev. Vol. 4]. Moscow, Academia Publ., 2002, 506 p. (In Mong. and Russ.).
- Grammatika kalmytskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Kalmyk grammar: phonetics and morphology]. Elista, Kalm. Book Publ., 1983, 336 p. (In Russ.).
- Kichikov A. Sh. *Geroicheskiy epos «Dzhangar». Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamyatnika. Izd. 3-e* [The heroic epic of Jangar. A comparative and typological study of the composition]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1997, 320 p. (In Russ.).
- KRS 1977 — *Kalmytsko-russkiy slovar' / pod red. B. D. Munieva* [A Kalmyk-Russian dictionary. Ed. by B. Munieva]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1977, 768 p. (In Russ.).
- Kukanova V. V. *Opyt rekonstruktsii znacheniy leksicheskikh edinit, upotreblyayushchikhsya v epose «Dzhangar»* [An experiment on reconstruction of the meanings of the lexical items applied in the Jangar epic]. *Mongolovedenie: sb. nauch. tr.* (Mongol Studies. Collected scholarly works). Iss. 8, Elista, Publ. Dept. of Kalm. Scientific Center of the RAS, 2016a, pp. 184–198 (In Russ.).
- Kukanova V. V. *Tolkovyyslovar'yazyka kalmytskogo geroicheskogo eposa «Dzhangar»: printsipy i problemy sostavleniya slovarnykh statey* [A definition dictionary of the Kalmyk heroic epic of Jangar: principles and problems pertaining to the compilation of vocabulary entries]. «„Dzhangar“ i epicheskie traditsii tyurko-mongol'skikh narodov: problemy sokhraneniya i issledovaniya» Mat-ly III Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 75-letiyu Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN [Dzhangar and Epic Traditions of the Turkic and Mongolic peoples: Problems of Preservation and Research. Proc. of the 3d Internat. conference celebrating the 75th anniversary of Kalmyk Institute for Humanities of the RAS]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, 2016b, pp. 7–12 (In Russ.).
- Kukanova V. V., Kadzhiev A. Yu. *Algoritm raboty morfologicheskogo parsera kalmytskogo yazyka* [An operation algorithm of the Kalmyk morphological parser]. *Pismenoto nasledstvo i informatsionnaya tekhnologiya: Materialy ot V mezhdunarodnoy nauch. konf. (Varna, 15–20 septemvri 2014 g.) / otg. red. V. A. Baranov, V. Zhelyazkova, A. M. Lavrent'ev* [Written Legacy and Information Technologies. Proc. of the 5th Internat. scientific conf. (Varna, 15-20 Sept. 2014). Ed. by V. A. Baranov, V. Zhelyazkova, A. M. Lavrentiev]. Sofiya; Izhevsk, 2014, pp. 116–119 (In Russ.).
- L'vovskiy — Mefodiy (L'vovskiy N. V.). *Kalmytsko-russkiy slovar'* [A Kalmyk-Russian dictionary]. 1893. 297 p. (stored in the Library of the Oriental Faculty, Saint Petersburg State Univ. Item Kalm. D13).
- Mulaeva N. M. *Tematicheskaya gruppa «odezhda»: sistema tolkovaniy (na materiale tolkovogo slovara yazyka kalmytskogo geroicheskogo eposa «Dzhangar»)* [The lexical-thematic group 'clothes': a system of definitions (evidence from the Definition Dictionary of the language of the Kalmyk Heroic epic of Jangar)]. *Mongolovedenie: sb. nauch. tr.* (Mongol Studies. Collected scholarly works). Iss. 8, Elista, Publ. Dept. of Kalm. Scientific Center of the RAS, 2016, pp. 158–174 (In Russ.).
- Mulaeva N. M. *Tematicheskaya gruppa «zhivotnye»: sistema tolkovaniy (na materiale kalmytskogo geroicheskogo eposa «Dzhangar»)* [The 'animals' thematic group: a system of explanations (based on the Kalmyk heroic epic "Dzhangar")]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* (Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS), 2015, No. 3 (19), pp. 134–142 (In Russ.).
- Mulaeva N. M. *Definitsii rasteniy v Tolkovom slovare yazyka kalmytskogo geroicheskogo eposa «Dzhangar»* [Definitions of plants in the Definition Dictionary of the language of the Kalmyk Heroic epic of Jangar]. *Uralo-altayskie issledovaniya* (Ural-Altaic Studies journal), 2015, No. 3 (18), pp. 64–74 (In Russ.).
- Ovalov E. B. *Legenda o «Dzhangare» v zapisi B. Bergmana* [A legend of Jangar as recorded by B. Bergman]. *Tipologicheskie i khudozhestvennyye osobennosti «Dzhangara»* [Typological and artistic peculiarities of the Jangar (epic)]. Elista, Kalm. Book Publ., 1978, 128 p. (In Russ.).

- Omakaeva E. U., Burykin A. A. *Zametki k etimologii nekotorykh nazvaniy metallov v altayskikh yazykakh* [Notes on the etymology of some words denoting metals in Altaic languages]. *Oyraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii i Kitaya. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf.* [Oirats and Kalmyks in the history of Russia, Mongolia, China. Proc. of the Internat. conference]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, 2008, pp. 185–189 (In Russ.).
- Ochir-Goryaeva M. A. *Orientatsiya po stranam sveta: traditsii i istoki* [Orientation by the cardinal directions]. *Problemy etnogeneza i etnicheskoy kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* [Problems of ethnogenesis and ethnic culture of Turkic and Mongolic peoples], iss. 2, Elista, Kalm. State Univ. Press, 2008, pp. 118–122 (In Russ.).
- Ochirov U. B. *K voprosu o terminakh «zyun» i «barun» v etnicheskoy istorii mongol'skikh narodov* [On the terms 'zün' and 'barun' in the ethnic history of Mongolic peoples]. *Problemy etnogeneza i etnicheskoy kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* [Problems of ethnogenesis and ethnic culture of Turkic and Mongolic peoples], iss. 2, Elista, Kalm. State Univ. Press, 2008, pp. 123–127 (In Russ.).
- Pozdneev A. M. *Kalmytsko-russkiy slovar' v posobie k izucheniyu russkogo yazyka v kalmytskikh nachal'nykh shkolakh* [A Kalmyk-Russian dictionary to the Russian language textbook for Kalmyk elementary schools]. Saint Petersburg, Print. House of Imperial Academy of Sciences, 1911, 312 p. (In Russ.).
- Pyurbееv 1996 — Pyurbееv G. Ts. *Tolkovyy slovar' traditsionnogo byta kalmykov* [A definition dictionary of the Kalmyks' traditional life]. Elista, Kalm. Book Publ., 1996, 176 p. (In Russ.).
- Russko-kalmytskiy slovar', sostavlennoy Konstantinom Golstunskim* [A Russian-Kalmyk dictionary by K. Golstunsky]. Saint Petersburg, Print. House of Imperial Academy of Sciences, 1860, 136 p. (In Russ.).
- Todaeva 2009 — Todaeva B. Kh. *Ya izuchayu «Dzhangar»: kalmytsko-russkiy slovar'* [I study the Jangar: a Kalmyk-Russian dict.]. Elista, Gerel Publ., 2009, 530 p. (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Slovar' yazyka oyratov Sin'tszyana (Po versiyam pesen «Dzhangara» i polevym zapisyam avtora / otv. red. G.Ts. Pyurbееv* [A dictionary of Xinjiang Oirats' language (materials from Jangar songs and field records of the author). Ed. by G. Pyurbееv]. Elista, Kalm. Book Publ., 2001, 494 p. (In Russ.).
- Ubushaev N. N. *Dialektnaya sistema kalmytskogo yazyka* [The Kalmyk dialectal system]. Elista, Dzhangar Publ., 2006, 256 p. (In Russ.).

УДК 81'33

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИЙ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, УПОТРЕБЛЯЮЩИХСЯ В ЭПОСЕ «ДЖАНГАР»

Виктория Васильевна Куканова¹

¹ кандидат филологических наук, директор, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Аннотация. В Калмыцком научном центре Российской академии наук ведется работа по созданию Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар», которая сопряжена со многими трудностями и проблемами. Одной из сложных задач является поиск значения слов, которые автоматически не проанализированы морфологическим анализатором TextAnalyzer, созданного в рамках разработки Национального корпуса калмыцкого языка, и семантика которых не ясна в силу их утраты, перехода в пассивный запас лексики или изменения внешнего вида. Здесь мы рассмотрели некоторые слова (*хавиу* 'ущелье, теснина', *хавцн*, *хавцн* 'ленчик', *хозу* 'чесотка', *хөвлх* 'возродиться; превращаться, меняться, переменяться', *хүүвлх* 'кувшин'), которые не были автоматически проанализированы по тем или иным причинам. Дополнительной задачей данного исследования стало выявление причин не-разбора тех или иных единиц. В данной работе мы попытались описать алгоритм рассуждений, основанных на анализе формальной структуры слова, его позиции в высказывании, контексте, его частеречной принадлежности, а также на лексикографических источниках, позволяющих сделать выводы касательно семантики лексической единицы.

Ключевые слова: калмыцкий язык, толковый словарь, реконструкция значения, лексема, семантика, эпос «Джангар», корпус.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 132–136, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-132-136
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.3

Lexis Denoting Some Traditional Meat, Flour and Vegetable Products in the Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk Languages

Valentin I. Rassadin¹, Svetlana M. Trofimova²

¹ Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Department of Kalmyk Language, Mongol and Altai Studies, Head of Research Center for Mongol and Altai Studies, Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: rassadin17@mail.ru.

² Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: trofimovasm@mail.ru.

Abstract

The article analyzes lexis denoting traditional foods and products of the Mongolian peoples – Khalkha-Mongols, Buryats and Kalmyks.

Meat cooking methods include cooking in water (Kh.-Mong. *chansan makh*, Bur. *shanyan myakhan*, Kalm. *chansn makhn*), frying (Kh.-Mong. *sharsan makh*, Bur. *sharyan myakhan*, Kalm. *sharsn makhn*), sun-drying (Kh.-Mong. *borts*, Bur. *borso*, Kalm. *borts* ‘air-dried stripes of meat’), roasting (Kh.-Mong. *boodog*, *khoorkhog*, Kalm. *kür*). In addition, the Mongolian peoples cook and consume animal innards (organ meats), such as heart (Kh.-Mong. *zürkh*, Bur. *zürkhen*, Kalm. *zürkn*), liver (Kh.-Mong. *eleg*, Bur. *elgen*, Kalm. *elkn*), lungs (Kh.-Mong. *uushgi*, Bur. *uushkha*, Kalm. *ooshk*), kidney (Kh.-Mong. *böör*, Bur. *bööre*, Kalm. *böör*), etc. Flour foods include steamed dumplings (Kh.-Mong. *buuz*, Bur. *buuza*; the distinct feature of a similar Kalmyk dish *börg* is that dumplings are boiled), fried hand-held pies (Kh.-Mong. *khuushuur*, Bur. *sharbin*), flour porridge (Bur. *salamat* / *zöökhei kaasha*, Kalm. *bulmg*), oil-fried flatbread (Kh.-Mong., Bur. *boov*, Kalm. *boortsg*), etc. Plant-based dishes containing vegetables, fruits and roots of wild plants may vary and depend on surrounding conditions.

The conducted analysis allowed to identify both the common Mongolian terms that exist in all the Mongolic languages and local ones characteristic of separate groups of Mongolic languages and corresponding peoples that live in identical geographical and climatic conditions and follow similar ways of economic and cultural life, e.g. Khalkha-Mongols, Eastern and Southern Buryats. Furthermore, the paper identifies a number of specific denotations that exist in separate Mongolic languages. Such terms can be found in the languages of all the three peoples considered (and their subdivisions) — Khalkha-Mongolian, Buryat (both the western and eastern dialects), Kalmyk. The differences signify that the traditional ethnic diet of Mongolian peoples started taking shape quite a long time ago, i.e. during the common Mongolian period when the ethnic groups co-existed, and kept developing all the way through the subsequent centuries.

Keywords: lexis, foods and products, traditional food, meat food, flour food, plant-based food, consumption of game meat, consumption of fish.

Традиционное питание монголоязычных народов состояло в основном из мясных и молочных продуктов, которые дополнялись растительной и мучной пищей. Мясные продукты складывались на основе особенностей разведения пяти видов скота (лошадей, коров, овец, коз и верблюдов) у халха-монголов, бурят и четырех видов скота (лошадей, коров, овец и верблюдов) у калмыков. В разные сезоны они употребляли в пищу мясо определенного вида крупного или мелкого рогатого скота. Так, например, летом предпочтение отдавалось баранине: х.-монг. *хонины мах*, бур. *хониной мяхан*, калм. *хөөнэ махн*; зимой — говядине: х.-монг. *үхрийн мах*, бур. *үхэрэй мяхан*, калм. *үкрэ махн*; конине: х.-монг. *адууны мах*, бур. *адуунай мяхан*, калм. *мөрнэ махн*. Мясо употреблялось в вареном виде: х.-монг. *чансан мах*, бур. *шанаһан мяхан*, калм. *чансн махн*; — жареном: х.-монг. *шарсан мах*, бур. *шараһан мяхан*, калм. *шарсн махн*; — вяленом: х.-монг. *борц*, бур. *борсо*, калм. *борц* ‘нарезанное тонкими полосками и высушенное на солнце мясо’.

Известны способы запекания туш домашних и диких животных: х.-монг. *боодог* ‘мясное блюдо, которое готовят на костре, набив полость туши раскаленными камнями’, х.-монг. *хоорхог* ‘мясное блюдо, приготовляемое на раскаленных камнях в плотно закрытой посуде; иногда его готовят, вынув из туши через горло все кости и набив полость тела раскаленными камнями’, калм. *күр* ‘мясо в своем соку, вареное на жару без пламени: мелкие куски баранины кладутся в требуху и подвешиваются над жаром в яме, которая наглухо покрывается на несколько часов овчиною’, х.-монг. *шорлог* ‘шашлык’ — один из способов приготовления мяса, известный с глубоких времен. Слово *шорлог* происходит от слова *шор* ‘заостренная палочка типа шампура’.

Мясо ели преимущественно в вареном виде, для чего его клали в котел, заливали водой и ставили на огонь, варили недолго. Такое мясо называлось: х.-монг. *бүхэл мах*, бур. *бүхэли мяхан*, у калмыков это блюдо называлось *махн шөлтәһән* ‘досл. мясо с бульоном’. Калмыки к вареному мясу обычно подавали мясной отвар, который обильно солили и подавали с луком. Этот отвар назывался *тузлук* от тюркского слова *туз* ‘соленый раствор’.

Самое излюбленное и распространенное кушанье, изготавливаемое из внутренно-

стей домашних животных, у халха-монголов называется *дотор*, у бурят — *дотор*, у калмыков — *дотр*. К таким блюдам, прежде всего, следует отнести отваренную прямую кишку: х.-монг. *цагаан мах*, бур. *хошхоног*, калм. *цаһан махн*. Иногда прямую кишку наполняли измельчённым мясом и изготавливали из нее домашнюю колбасу: калм. *киим* [киимё], бур. (диал.) *хиима* || *шиима* ‘вареная колбаса из рубленного мяса’, отмечается в хамниганском и эхирит-булагатском говорах как слово, отсутствующее в литературном бурятском языке, у К. М. Черемисова слово *хиимэ* приводится как синоним к слову *эрезлжэ* ‘самодельная колбаса из крови, печени и жира’, к сожалению, без указания говора. Из внутренностей забитых животных в пищу употребляют обычно вареные желудок и его части — сычуг, книжку, сетку. В бур. *хэрхинсэг* ‘сетка (один из отделов желудка жвачных животных)’; калм. *сәңгүг* ‘сычуг, часть желудка жвачных’, х.-монг. *сархинаг*, бур. *һархинсаг* ‘кишки, внутренности’.

Наряду с мясом в пищу шли и другие внутренности животных: х.-монг. *зүрх*, бур. *зүрхэн*, калм. *зүркн* ‘сердце’, х.-монг. *бөөр*, бур. *бөөрэ*, калм. *бөөр* ‘почки’, х.-монг. *элэг*, бур. *эльгэн*, калм. *элкн* ‘печень’, х.-монг. *уушги*, бур. *уушха*, калм. *оошк* ‘легкие’.

Буряты и халха-монголы из внутренностей готовили также своеобразную закрутку, для чего нарезались полосы из легкого и брюшины, все это обматывалось тонкими кишками и варилось. Такое кушанье у бурят называется *орёмог*, у халха-монголов — *ороомог*.

В пищу шли не только мясо, внутренности, но и кровь животных: х.-монг. *цус*, бур. *шуһан*, калм. *цусн*. Кровь забиваемых животных сливали в посуду, разминали сгустки крови, разбавив молоком, если оно было, или сдобривали кусочками внутреннего жира. Затем кровь наливали в сычуг, который зашлифовали заострённой палочкой и обматывали тонкими кишками. Придерживая за палочку, его опускали в кипящий бульон. Кроме того, кровь наливали в средние кишки и делали кровяную колбасу. В некоторых районах Бурятии, например, в Окинском районе, употребляли в пищу и селезенку забитого барана: х.-монг. *дэлүүн*, бур. *дэлюун*, калм. *делүн*. Для этого её разрезали вдоль, клали внутрь кусочек жировой рубашки: х.-монг. *сэмжэ*, бур. *һэмжэ*, калм. *семжн*, и затем поджаривали. Вос-

точные буряты, халха-монголы и калмыки в пищу ее не употребляли.

Монголы и буряты осенью и зимой, в период морозов, предпочитали питаться конским мясом, которое варили кусками, а в сыром замороженном виде употребляли печень, почки, внутренний и брюшной жир, который у халха-монголов называется *харвин*, у бурят — *арбин*, у калмыков — *эрвн*, а употребляемый в сыром и вареном виде заливочный жир — х.-монг. *далаң*, бур. *далаң*, калм. *далң* — считался особым лакомством.

Буряты используют также конскую кровь, предварительно дав ей отстояться, после чего светлую отстоявшуюся часть наливают в кишки и варят. Это все называется по-бурятски *шабай* ‘варенная в кишках конская кровь’, а монголы словом *шавай* называют ‘толстую кровяную колбасу; желудок мелкого скота, начиненный кровью, салом и пряностями’, калм. *шава* ‘сгусток крови’.

У халха-монголов, бурят и калмыков были национальные супы на мясном бульоне: суп с мясом и лапшой — х.-монг. *гурилтай шөл*, бур. *лабшаатай шүлэн*, калм. *һуйрта шөлн*, суп с мясом и рисом — х.-монг. *будаатой шөл*, суп с пельменями — х.-монг. *банишатай шөл*, суп с китайскими, сваренными на пару, пышками — х.-монг. *маньтоу шөл*; появились овощные супы на мясном бульоне: х.-монг. *тэмстэй шөл* ‘картофельный суп’, х.-монг. *ногоотой шөл* // *хүрэн шөл* ‘суп с овощами’, х.-монг. *мөөгтэй шөл* ‘грибной суп’, варят супы и с другими наполнителями: х.-монг. *гоймонтой шөл* ‘суп с вермишелью’, х.-монг. *бөөрөнхий шөл* ‘суп с фрикадельками’, х.-монг. *хавиргатай шөл* ‘суп с рёбрышками’, х.-монг. *тунгалаг шөл* ‘бульон’. Восточные буряты предпочитают варить мясной бульон, заправив его пшеничными зёрнами. Такой суп у них носит название *орооһоной шүлэн*.

Излюбленным блюдом бурят и монголов являются варенные на пару крупные круглые пельмени, которые называются: х.-монг. *бууз* ‘род больших пельменей, изготовленных на пару’, бур. *бууза* ‘большие пельмени, сваренные на пару’ с начинкой в виде смеси нескольких сортов мяса с луком. У калмыков это *бөрг* ‘мясные пельмени’. В принципе они такие же, но только их варят в воде, а не на пару.

Очень популярны у монголов и бурят жареные пирожки типа чебуреков, которые по-монгольски называются *хуушуур*, по-

бурятски — *шарбин* (у монголов же *шарбин* — это блинчики).

У калмыков и западных бурят есть сытное мучное блюдо, которое в бурятском языке называется *саламат* или *зөөхэй кааша*, а в калмыцком — *булмг* ‘мука, смешанная с маслом, салом’. Готовят его так: в кипящее в котле топленое масло или баранье сало добавляют муку и перемешивают до тех пор, пока не получится густая масса. Кроме того, калмыки готовят из муки особое блюдо, напоминающее мучную затирку, мучной суп, который носит название *будан*. При варке в него добавляют немного сушеного мяса или творога. Буряты варят особый суп, носящий название *аарса*, в который не добавляют творог, а вместо основы супа используют *аарсу* ‘кисломолочный остаток после перегонки молочной водки’. В этот суп добавляют крупу. Монголы из муки варят мучной суп *бантан*.

Нельзя не упомянуть также о некоторых изделиях из теста, к каковым относятся бурятские шаньги, по-бурятски *шаанги*, оладьи и блины — *алаада*, *алаади*, бурятские изделия из песочного теста *бообо*, своеобразное печенье величиной с большую лепешку, обычно фигурное или продолговатой формы, поджаренное в масле и высушенное. Монголы из теста готовят лапшу *мянтууз*, а также жарят в масле *боов* — большие лепешки продолговатой формы. Готовят их из крутого теста, после поджарки высушивают. Из песочного теста монголы готовят своеобразные коврижки *езвэн* со сладкой начинкой. Калмыки из теста пекут оладьи — *борва*, жарят на масле большие круглые лепешки *целвг*, а также крендели *тоһи*.

В дни весеннего праздника *Цаһан сар* (‘букв. Белый месяц’ — монгольский Новый год) калмыки лепили из теста *боорцоки* (‘лепешки, жаренные на масле’) различной формы, которые имеют определенное символическое значение: *хуц* ‘валух’, *жзола* ‘поводья’, *темэн* ‘верблюд’, *целвг* ‘круглая лепешка в виде солнца’, *тоһи* ‘баранка’, *хорха боорцг* ‘досл. червячки боорцоки’, *мошкмр* ‘плетеные жгуты, напоминающие внутренности овцы’, *кит* ‘напоминающие конские внутренности’, *шовун* ‘птичка, символизирующая приход весны’, их жарили в кипящем жиру. Для детей готовили подарок из *хуц*, *темэн*, *шовун*, *целвг*, *хорха боорцг*, *тоһи*, которые нанизывались на нить белого цвета.

Мясную и мучную пищу дополняла растительная пища, состоящая из овощей, плодов и корней диких растений, собранных в природе. Разные монгольские народы имели определенный растительный рацион, продиктованный разными возможностями. Так, буряты, издавна обитавшие как в тайге, так и в степи, широко использовали различные дикоросы: весной собирали в тайге черемшу *халяр*, в начале лета собирали дикий полевой лук *мангир* (у западных бурят он называется *маньяһан*), который сушили и зимой клали в суп, в конце лета выкапывали луковицы сараны *тибһэн*, которые как сушили впрок, чтобы ими заправлять мясной бульон, так и употребляли в свежем виде, смешивая со сметаной, молочными пенками, иногда варили с молоком. Осенью собирали много ягод. Особенно любят буряты смешивать ягоды черемухи со сметаной или молочными пенками. С различными огородными культурами бурят познакомили русские крестьяне. У них же они переняли и русские названия овощей: *ханууса* 'капуста', *үгэрсэ* 'огурец', *хортаабха* 'картофель', *морхооб*, *морхообхо* 'морковь' и т. п.

Монголы, как и буряты, обитают частично в степной местности, частично в таёжной, поэтому им тоже известны черемша *халяр* и дикий лук *мангир*, они также копали и заготавливали луковицы сараны *тэмс*, собирали различные ягоды. С овощами монголы познакомились через китайцев, поэтому названия овощей пришли к ним из китайского языка: это, например, *байцай* 'капуста', *өргөст хэмх* 'огурец', *лууван* 'морковь', *хулуу* 'тыква', *манжин* 'свекла' и т. п.

Как буряты, так и монголы осенью добывали кедровые орехи, называвшиеся у бурят *һамар* (у западных бурят *һамарһан*), у монголов — *самар*, которые во множестве употребляли в пищу.

Калмыки — степные жители, поэтому у них нет такого разнообразия дикоросов. Названия овощей в их язык пришли либо из китайского языка, как, например, *лууһ* 'морковь', либо из тюркских языков, как *хаяр* 'огурец', *хавг* 'тыква', *бурчг* 'горох', *сэрмсг* 'чеснок' и т. п.

С репчатым луком монгольские народы, видимо, знакомы давно, потому что в их языках бытуют собственные названия: бур. *һонгино*, х.-монг. *сонгино*, калм. *мәңгәрсн*.

Все монгольские народы издревле занимаются охотой и рыбной ловлей и активно используют в пищу мясо добытых зверей и птиц, пойманных рыб, которое употребляют преимущественно в свежем виде.

Таким образом, даже этот приведенный выше краткий обзор названий традиционных мясных, мучных и растительных продуктов питания, представленных у монгольских народов — халха-монголов, бурят и калмыков — показал большое разнообразие этих терминов, выработанных в данных монгольских языках за исторический период существования этносов, обусловленное окружающей географической средой и их хозяйственно-культурным типом. При этом ряд названий оказывается общемонгольским, а некоторые наименования характерны для бурят и халха-монголов. Также встречаются специфические обозначения, бытующие лишь в отдельных языках.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии в рамках научного проекта № 16-24-03001а/м «Сложение пласта традиционной бытовой лексики монгольских языков (на примере халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков, сравнительно-исторический аспект).

Литература

- Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. I. А-Г. М.: АCADEMIA, 2001. 520 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. II. Д-О. М.: АCADEMIA, 2001. 536 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. III. Ф-Ц. М.: АCADEMIA, 2001. 440 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. IV. Х-Я. М.: АCADEMIA, 2002. 532 с.
- Калмыцко-русский словарь. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 765 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. I. А-Н. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская тип.», 2010. 636 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II. О-Я. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская тип.», 2010. 708 с.

References

- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V 4-h tomah. T. 1. A–G* [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vol. Vol. 1. A–G]. Moscow, Academia Publ., 2001, 520 p. (In Russ. and Mong.).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V 4-h tomah. T. 2. D–O* [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vol. Vol. 1. D–O]. Moscow, Academia Publ., 2001, 536 p. (In Russ. and Mong.).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V 4-h tomah. T. 3. Ø–F* [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vol. Vol. 1. Ø–F]. Moscow, Academia Publ., 2001, 440 p. (In Russ. and Mong.).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V 4-h tomah. T. 4. Kh–Ya* [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vol. Vol. 1. Kh–Ya]. Moscow, Academia Publ., 2002, 532 p. (In Russ. and Mong.).
- Kalmycko-russkij slovar'* [A Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow, Russky Yazyk Publ., 1977, 768 p. (In Kalm. and Russ.).
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Burjaad-orod toli. Burjatsko-russkij slovar'. V 2 tomah. T. I. A–N* [A Buryat-Russian dictionary. In 2 vol. Vol. I. A–N]. Ulan-Ude, Respublikanskaya Tipografiya Publ. ('The Republican Printing House'), 2010. 636 p. (In Buryat and Russ.).
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Burjaad-orod toli. Burjatsko-russkij slovar'. V 2 tomah. T. II. O–Ya* [A Buryat-Russian dictionary. In 2 vol. Vol. II. O–Ya]. Ulan-Ude, Respublikanskaya Tipografiya Publ. ('The Republican Printing House'), 2010. 708 p. (In Buryat and Russ.).

УДК 49

ЛЕКСИКА НЕКОТОРЫХ ПРОДУКТОВ ТРАДИЦИОННОГО МЯСНОГО, МУЧНОГО И РАСТИТЕЛЬНОГО ПИТАНИЯ В ХАЛХАСКОМ, БУРЯТСКОМ И КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКАХ

Валентин Иванович Рассадин¹, Светлана Менкеновна Трофимова²

¹ доктор филологических наук, профессор, кафедра калмыцкого языка и монголистики; директор, Научный центр монголоведных и алтаистических исследований, Калмыцкий государственный университет (Элиста, Российская Федерация). E-mail: rassadin17@mail.ru.

² доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и общего языкознания, Калмыцкий государственный университет (Элиста, Российская Федерация). E-mail: trofimovasm@mail.ru.

Аннотация. В данной статье анализируется лексика, называющая продукты традиционного мясного, мучного и растительного питания монгольских народов — халха-монголов, бурят и калмыков. Проведенный анализ позволил выявить как общемонгольские термины, бытующие во всех монгольских языках, так и ареальные, характерные для отдельных групп монгольских языков, народы которых обитают в сходных географических и климатических условиях и имеют сходный хозяйственный и культурный тип, например, халха-монголы и восточные и южные буряты. Кроме того, выявились и некоторые специфичные названия, бытующие в отдельных монгольских языках. Такие термины есть и у халха-монголов, и у бурят как восточных, так и западных, есть они и в калмыцком языке. Такой разницей лишь свидетельствует о том, что рацион традиционного этнического питания начал формироваться у монгольских народов очень давно, в общемонгольский период исторического развития, и продолжал развиваться на протяжении всей дальнейшей истории развития монгольских народов.

Ключевые слова: лексика, продукты питания, традиционное питание, мясная пища, мучная пища, растительная пища, употребление дичи, использование рыбы.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 137–145, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-137-145
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.51

Comparing the Mongolian Scriptural Graphics and that of Zaya Pandita's Clear Script in the Light of the General Theory of Writing and History of Writing Systems of Central Asian Peoples in the 17th Century

Alexey A. Burykin ¹

¹ Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Dictionary Department, Institute for Linguistic Studies of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: albury@rambler.ru.

Abstract

The article views the Oirat Clear Script ('*Todo bičiq*') developed by Zaya Pandita Nam-mkha' rGya-mtsho (1599–1662) as one of the Mongolian writing systems in terms of the theory of writing with due use of the formal technique of the theory.

The paper considers historic characteristics of the most famous Mongolian writing systems, namely the alphabet of the Mongolian written language and the Oirat Clear Script ('*Todo bičiq*') alphabet created on the basis of the classical Mongolian alphabet in the 1640s — comparing those to one another and to other writing systems, such as the Uighur, Sogdian and Arabic ones. The article provides an overview of case studies on the history of Mongolian writing systems performed within the framework of studies on the general history and theory of writing as a linguistic discipline from the early the 20th century to the present days. The author agrees with the opinion that it is the Old Uighur alphabet — based on the Sogdian (Palmyrene) alphabet — that served as the basis for the Mongolian scripts.

The article attempts to show that the additional signs of Clear Script proposed by Zaya Pandita — from the perspective of their sound meaning and inscription as compared to the original meanings of the signs of the Mongolian script preserved by Clear Script — only in one of their several sound meanings can be viewed as evidence of the peculiarities of the phonetic system of the 17th century Oirat language and its dialect which became the basis for the written language of the Oirats.

According to the author, while developing Clear Script Zaya Pandita made use of the Arabic alphabet with its set of additional signs creating uniformity of reading of separate spellings, and this is evidence of the repeated appeals of philologists to Mid-Eastern writing systems as a source for the development of Central Asian alphabets.

Keywords: Clear Script (*Todo bičiq*), Zaya Pandita, theory of writing, Sogdian alphabet, Oirats.

«Ясное письмо», или «тодо бичиг», как его принято называть без перевода его ойрат-калмыцкого названия на русский и другие языки, представляет собой один из интересных феноменов письменных систем народов Центральной Азии II тыс. н. э., хотя, как мы знаем, «тодо бичиг» было создано хошутским Зая-пандитой (*ойр.* Огторгуйин Далай Намкай джамцо) примерно в 1648 г. (о нем см. [Бадмаев 1968; Норбо 1999]). Столь широкий временной диапазон необходим для того, чтобы понять и проследить, откуда, как и при каких привходящих обстоятельствах в регион, располагавшийся по соседству с громадной территорией, на которой использовался китайский язык и китайское иероглифическое письмо, проникали идеи приближения написания слов к звучанию и появления письменностей с теми характеристиками, какие свойственны алфавитному письму.

Еще в начале XX в. исследователи полагали, что монгольское алфавитное письмо при посредстве уйгурского письма восходило к сирийскому [Шницер 1903: 127]. Потребовалось достаточно много времени, чтобы после изучения согдийских письменных памятников ученые смогли прийти к выводу, что в основе древнеуйгурского и монгольского письма лежит именно согдийское письмо [Фридрих 1978: 169]. Высказывались и идеи, согласно которым монголы и уйгуры заимствовали письмо непосредственно у согдийцев, причем одновременно [Шагдарсурэн 2001: 293]. Однако при этом не находят подтверждения и остается открытым вопрос, по какой причине мы не имеем монгольских памятников в оригинальной «уйгуро-монгольской» графике в период с IX по начало XII вв.

Создание «Ясного письма» справедливо считается знаковым событием в культуре ойратов и калмыков. Имеются практические пособия по его изучению [Бадмаев 1971], исследования, посвященные ойрат-калмыцкой письменности и ее истории [Лыткин 1859; 320 лет... 1970; Номинханов 1976; Санжеев 1977: 57; Шагдарсурэн 1978; и др.]. Интересной и важной работой в области истории письменности монгольских народов является диссертация Л. Чуулунбаатара [Чуулунбаатар 2000].

То, что «тодо бичиг» является модификацией монгольского письма, как и сам факт создания маньчжурского письма на той же основе монгольского письма, не

вызывает сомнений. Все, кто обращался к комментированию самого появления «тодо бичиг» или характеристике его достоинств, отмечают, что создание «тодо бичиг» устранило многие проблемы обозначения фонем на письме и чтения тех знаков, за которыми в монгольском письме скрывались две фонемы. При этом мы почти не знаем специальных исследований, которые показали бы реальные различия монгольского алфавита и алфавита «тодо бичиг» (или отличия маньчжурского алфавита от монгольского). Все, чем мы располагаем в этой области, — это сопоставительные таблицы по истории монгольского письма или сравнительные таблицы разных монгольских алфавитов. Еще Я. Шницер представил в своем труде по истории письмен детализированные таблицы, показывающие эволюцию письменных знаков с их значениями от пальмирского письма до уйгурского [Шницер 1903: 127] и от уйгурского до маньчжурского [Шницер 1903: 131]. В этой же книге приведена и «калмыцкая слоговая азбука» [Шницер 1903: 132], выступающая предметом нашего внимания. В фундаментальном труде Д. Дирингера по истории алфавита имеется сравнительная таблица знаков письменности монголов от классического монгольского письма до бурятского алфавита А. Доржиева [Дирингер 1963: 375] с повторением калмыцкой азбуки с начертаниями слогов [Дирингер 1963: 377], какую можно видеть у А. Шницера. И. Фридрих в своей книге «История письма» ограничивается указаниями на то, что калмыцкое письмо «тодо бичиг» и бурятское письмо являются ответвлениями монгольского письма [Фридрих 1978: 169, 420–421].

Специальные исследования, которые были бы посвящены «тодо бичиг» или другим письменным системам монголов и описывали бы эти системы с использованием формального аппарата и терминов общей теории письма, по существу, отсутствуют. К ним приближается, как мы полагаем, только работа С. Намжавина [Намжавин 2004], хотя в ней социолингвистический аспект доминирует над грамматологическим (грамматологией называется иногда общая теория письма). Недавно появившаяся содержательная статья А. Д. Цендиной [Цендина 2014], в которой дается характеристика элементов монгольского алфавита и представляются знания о фонетике, которыми располагали монголы в XVI–XVII вв. и в более позднее время, составляет счастливое

исключение, но по сложившейся традиции внимание в ней уделено в большей степени тибетскому языку и тибетскому письму у монголов, нежели филиациям собственно монгольского письма. Эти проблемы, равно как и монгольская и ойратская палеография, остаются неразработанными.

Для того чтобы показать различия между звукобуквенными соответствиями

монгольского письма и «тодо бичиг», а также между знаками монгольского письма и «тодо бичиг» (последнее важно на предмет выяснения характера и истоков модификации знаков монгольского письма при создании «тодо бичиг») мы представим знаки названных письменных систем в следующей таблице (составлена на основе [Поппе 1937; Яхонтова 1996]):

№	В начале слова		В середине слова		В конце слова		Транслитерация
	монгольский	ойратский	монгольский	ойратский	монгольский	ойратский	
1							<i>a</i>
2							<i>e</i>
3							<i>i</i>
4							монг. <i>o / u</i> ойр. <i>o</i>
5							ойр. <i>ö</i>
6							монг. <i>ö / ü</i> ойр. <i>ü</i>
7							ойр. <i>u</i>
8							<i>n</i>
9							<i>ng</i>
10							монг. <i>q</i> ойр. <i>x</i>
11							<i>γ</i>

12	ᠪ	ᠪ	ᠪ	ᠪ	ᠪ	ᠪ	<i>b</i>
13	ᠫ	ᠫ	ᠫ	ᠫ	—	—	<i>p</i>
14	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	<i>s</i>
15	ᠬᠢ	ᠬᠢ	ᠬᠢ	ᠬᠢ	ᠬᠢ	ᠬᠢ	<i>š</i>
16	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	монг. <i>t / d</i> ойр. <i>d</i>
			ᠬ				
17		ᠬ		ᠬ		—	ойр. <i>t</i>
18	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	<i>l</i>
19	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	<i>m</i>
20	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	—	—	<i>c, č</i>
21	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	—	—	монг. <i>ᠵ</i> ойр. <i>z, ž</i>
22	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	—	<i>y</i>
23	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	—	монг. <i>k / g</i> ойр. <i>g</i>
24		ᠬ		ᠬ		—	ойр. <i>k(a)</i>
25		ᠬ		ᠬ		—	ойр. <i>k(e)</i>
26		—		ᠬ		ᠬ	ойр. <i>q</i>
27	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	<i>r</i>
28	ᠬ		ᠬ				<i>v</i>
29	ᠬ		ᠬ				<i>h</i>

Сразу же придется сделать оговорку, что все найденные нами в литературе сравнительные материалы по монгольскому письму и «тодо бичиг» или по всем системам письменности монгольских народов, в основе которых лежит уйгурское письмо (см. выше), не позволяют делать подобные наблюдения, именно поэтому нам пришлось составлять такую таблицу самостоятельно.

Итак, что же было привнесено Зая-пандитой в «тодо бичиг» из элементов письма, отсутствующих в монгольском письме?

1. В «тодо бичиг» в обозначении начальных гласных используется наклонная влево вниз черта, начинающая начертания букв в позиции начала слова. Монгольская графика не знает такого элемента. Как писал Г. Д. Санжеев, «...эти буквы имеют начальную коронку с фонетически немим значением, подобно элифу в арабской письменности» [Санжеев 1977: 58]. Это сравнение, как мы увидим ниже, выглядит весьма перспективным для определения источников-образцов фонологизации «тодо бичиг».

2. В «тодо бичиг» более выразительны различия начертания *А* и *Э* в начале и середине слова за счет дополнительного знака-элемента, а знак *Э* составляет отдельную букву и имеет собственное начертание в начальной и срединной позициях и собственное значение [э].

3. В «тодо бичиг» знак-полифон монгольского письма *О* ~ *У* оставлен в значении *О*, для *У* появился особый знак «ойратское *О* с зубчиком слева». Возможно, что ойратский гласный *У* отличался по качеству (например, по степени закрытости или большей степени лабиализованности) от монгольского гласного *У* (обозначавшегося той же буквой, что и *О*). Других объяснений для такой уточняющей модификации буквы-полифона не находится.

4. В «тодо бичиг» знак-полифон *Ö* ~ *Û* оставлен в значении *Û*, для *Ö* используется знак «ойратское *О* с зубчиком слева». Скорее всего, это случай, противоположный ситуации с гласными *О* и *У*. Остается предполагать по аналогии с дифференциацией знаков *О* ~ *У*, что в ойратском языке времен Зая-пандиты в его диалектном окружении и его идиолекте гласный *Ö* существенно отличался от соответствующего монгольского гласного, для гласного же *Û* специфика по отношению к монгольскому гласному *Û* была менее значительной. Напомним, что краткие *Ö* и *Û* в бурятском языке совпали и дали гласный *Û*.

5. Вероятно, в «тодо бичиг» существует разница в использовании дополнительных «диакритических» знаков: две точки слева в начальном и срединном начертаниях получила буква *Х*, а кружок справа в начальном и срединном начертаниях — буква *у*.

6. В «тодо бичиг» появилась буква *П* в виде модификации буквы *Б* с «ушком» слева.

7. В «тодо бичиг» начертание *Т* ~ *Д* (соответствующая буква-полифон монгольского алфавита) сохранило значение *Д* в середине и конце слова и значение *Т* — в начале слова.

8. В «тодо бичиг» для начального *Д* изобретен особый знак — модификация срединного начертания монгольской буквы *Т* ~ *Д*.

9. В «тодо бичиг» для начального и срединного *Т* используется незначительная модификация начальной буквы *Т* ~ *Д* монгольского алфавита, которая выглядит как перевернутое *Д*. Вероятно, при модификации знаков монгольского алфавита для «тодо бичиг» осознавалась потребность обозначать букву с чтением *Д* как что-то маркированное в начале и середине по сравнению с буквой *Т*. Г. Д. Санжеев связывает эти особенности графики «тодо бичиг» с изменением различительных признаков дентальных согласных и замену оппозиции согласных по признаку непридыхательности–придыхательности на оппозицию по звонкости-глухости или ненапряженности–напряженности (слабых и сильных) [Санжеев 1977: 63–64].

10. В «тодо бичиг», как и в монгольском письме, не требовалось различать на письме звуки *Ц* и *Ч*, *ДЗ* и *ДЖ*, которые обозначаются одной соответствующей парой букв в обоих алфавитах.

11. В «тодо бичиг» вторичными являются буквы *К* и *Q*. Традиционная монгольская буква-полифон *К* ~ *Г* оставлена без модификаций для обозначения фонемы *Г*. Возможно, это связано с тем, что звук *Г* в ойратском был ненапряженным, а звук *К* — напряженным с более сильной степенью проявления данного признака, чем в монгольском языке. Пара новых знаков, представляющих собой разные модификации ойратского *Г*, соответствует в равной мере монгольской паре звуков *Х* ~ *К* и паре калмыцких звуков, качество которых зависит от следующего гласного и от огласовки слова — его сингармонического ряда.

Совершенно ясно то, что при создании «тодо бичиг» никак не учитывался опыт создания маньчжурского письма в его окончательном виде в 1632 г., и этот вопрос не требует обсуждения: маньчжурское письмо в его исторической перспективе неоднократно рассматривалось в литературе [Позднеев 1901; Гребенщиков 1912; Кормушин 1990; Горелова 2002; Болдырев 2009]. Но каков был источник инноваций, вносимых Зая-пандитой в монгольское письмо при создании «тодо бичиг»?

Поставленный здесь вопрос любопытен не только сам по себе: он интересен еще и тем, что при явной независимости модификаций старомонгольской графики для маньчжурского языка и для языка ойратов при создании новых букв маньчжурского и ойратского алфавитов использовались одни и те же независимые «диакритические» знаки — точки и кружок, хотя использовались они для конструирования разных букв.

Знаки, обозначающие качество гласных и имеющие начертания отдельно от слова, появились еще в поздних ветвях сирийского письма, в частности в несторианском [Шницер 1903: 129]. Существенно то, что эти знаки имели род кружков и точек. Однако мы не можем предполагать, что при создании «тодо бичиг» мог использоваться опыт обозначения гласных, реализованный в алфавитах, более древних, нежели уйгурский алфавит.

Посмотрим в поисках аналогий для новых знаков монгольского письма на арабский алфавит:

Можно полагать, что опыт различения знаков, обозначающих сходные по арти-

куляции звуки, при помощи наборов точек был заимствован реформаторами монгольской письменности для маньчжурского языка и для создания «тодо бичиг» из арабского алфавита. В частности, использование в арабском письме знаков *фатха*, *кесра*, *дамма*, указывающих на чтение гласных *a*, *u*, *y* соответственно, и *тенвин*, имеющего форму кружка (см. [Юшманов 1999: 12–13]), вполне могло подсказать монгольским и маньчжурским филологам, совершенствовавшим свои письменности, аналогичные способы обозначения тех звуков, которые в монгольском письме не различаются. Аналогия в различении знаков для *С* и *Ш* в монгольском и арабском письме (ср. *син* и *шин*) наводит на мысль о том, что обращение к письменностям Ближнего и Среднего Востока при совершенствовании монгольского алфавита на уйгурской основе проявлялось в истории монгольской письменности неоднократно. К сожалению, мы пока не можем ответить на вопрос, читал ли Зая-пандита по-арабски или же воспользовался приемом использования модифицированных букв для сходных звуков, не имевших ранее специального обозначения.

Вопросы, затронутые в настоящей работе, разумеется, весьма сложны, и те ответы на них, которые пытается найти автор, никоим образом не претендуют на то, чтобы стать истиной в последней инстанции. Вероятнее всего, прояснить детали происхождения «тодо бичиг» и его отличий от монгольского алфавита и системы графики, т. е. обозначения звуков на письме, может только специальное комплексное филологическое исследование старомонгольского

ا	ب	ت	ث	ج	ح	خ	د	ذ	ر	ز
baa'	taa'	thaa'	jiim	Haa'	khaa'	daal	dhaal	raa'	zaay	'alif
س	ش	ص	ض	ط	ظ	ع	غ			
siin	shiin	Saad	Daad	Taa'	Zaa'	Zayn	ghayn			
ف	ق	ك	ل	م	ن	ه	و	ي		
faa'	qaaf	kaaf	laam	miim	nuun	haa'	waaw	yaa'		

алфавита и графики в его исторической перспективе. Здесь очень важную роль будут играть те детали, которые на первый взгляд кажутся несущественными: например, названия букв монгольского и маньчжурского алфавитов и «тодо бичиг» и их история. Во всяком случае, те названия монгольских и ойратских букв, которые приводит в своей книге Г. Д. Санжеев, должны соответствовать либо филологической традиции монголов, либо интуиции одного из крупнейших специалистов по языкам и письменностям монгольских народов.

В той области истории письма и монголоведения, к которой принадлежит настоящая статья, весьма перспективным представляется дальнейшее продолжение детального изучения истории письменности монгольских народов со времени принятия монголами уйгурского алфавита до его позднейших модификаций [Чулуунбаатар 2000]. Кроме того, исключительно важным для затронутых здесь вопросов является изучение истории филологических знаний в Индии, Тибете и Китае в их взаимосвязи (см. [Иванов 1981]), а также дальнейшее исследование филологических традиций монгольских народов в их связях с Тибетом, Индией, Ближним Востоком, Китаем.

Литература

- Бадмаев А. В.* Зая-Пандита (Списки калмыцкой рукописи «Биография Зая-Пандиты»). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 75 с.
- Бадмаев А. В.* Практический самоучитель старокалмыцкой письменности. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. 108 с.
- Болдырев Б. В.* Маньчжурское письмо // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. Новосибирск: Издат. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 321.
- Гребенищikov А. В.* Маньчжуры, их язык и письменность. Владивосток: Изд. и печать Восточного института, 1912. 63 с.
- Дирингер Д.* Алфавит. М.: Изд-во иностр. литры, 1963. 654 с.
- Иванов Вяч. Вс.* Тибетская грамматическая традиция в соотношении с санскритской (опыт комментария) // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л.: Наука, 1981. С. 177–201.
- Кормушин И. В.* Маньчжурское письмо // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 [электронный ресурс] // URL: <http://tapemark.narod.ru/les/284c.html> (дата обращения: 25.08.2016).
- Лыткин Г.* Исторический очерк письменности монголов и ойратов // Астраханские губернские ведомости. 1859. 14 авг. (№ 33).
- Намжавин С.* «Ясное письмо» ойратов Синьцзяна КНР.: автореф дис. ... канд филол. наук. Элиста, 2004. 18 с.
- Номинханов Ц.-Д.* Очерк истории калмыцкой письменности. М.: Наука, 1976. 140 с.
- Норбо Ш.* Зая-Пандита / пер. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Позднеев А.* Разыскания в области вопроса о происхождении и развитии маньчжурского алфавита. Владивосток, 1901. 21 с. (Оттиск: Известия Восточного института, 1901. Т. 2. В. 2. С. 118–139).
- Поппе Н. Н.* Грамматика письменного монгольского языка. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937. 198 с.
- Санжеев Г. Д.* Лингвистическое введение в изучение письменности монгольских народов. Улан-Удэ: БИОН, 1977. 160 с.
- 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 236 с.
- Фридрих Й.* История письма. М.: Наука, 1978. 463 с.
- Цендина А. Д.* Монгольские традиционные азбуки (конец XVI — начало XX вв.) // Проблемы современного образования [Интернет-журнал]. 2014, № 6. С. 106–118.
- Чулуунбаатар Л.* Письменность монгольских народов и ее культурно-историческое значение.: автореф дис. ... канд ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 28 с.
- Шагдарсүрэн Ц.* Монголчуудын бичиг үсэг // Монгол судлалын эрдэм шинжилгээний бичиг. Боть XVII (169). Улаанбаатар, 2001. X. 28–75.
- Шагдарсүрэн Ц.* К вопросу о происхождении монгольского письма // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. III боть. Улаанбаатар, 1978. X. 286–290.
- Шницер Я. Б.* Иллюстрированная всеобщая история письмен. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса, 1903. 264 с.
- Юшманов Н. В.* Грамматика литературного арабского языка. 2-е изд., М.: Юридический центр Пресс, 1999. 159 с.
- Яхонтова Н. С.* Ойратский литературный язык XVII века. М.: Восточная литература, 1996. 152 с.
- Gorelova L. M.* Manchu Grammar. Brill, Leiden–Boston–Köln, 2002. 200 p.

References

Badmaev A. V. *Zaya-Pandita (Spiski kalmyskoj rukopisi «Biografija Zaya-Pandity»)* [Zaya-Pandi-

- ta (Lists of the Kalmyk manuscript “Biography of Zaya-Pandita”). Elista, Kalm. Book Publ., 1968. 75 p. (In Russ.).
- Badmaev A. V. *Prakticheskij samouchitel' starokalmyckoj pis'mennosti* [Practical self-instruction manual of the Old-Kalmyk alphabet]. Elista, KSIHLL Publ., 1971. 108 p. (In Russ.).
- Boldyrev B. V. *Man'chzhurskoe pis'mo* [Manchu Script]. *Istoricheskaja enciklopedija Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk, “Historical Heritage of Siberia” Publishing House, 2009. P. 321 (In Russ.).
- Grebenshnikov A. V. *Man'chzhury, ih jazyk i pis'mennost'* [Manchus, their language and writing]. Vladivostok, Oriental Institute Publ., 1912. 63 p. (In Russ.).
- Diringer D. *Alfavit* [Alphabet]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1963. 654 p. (In Russ.).
- Ivanov Vjach. Vs. *Tibetskaja grammaticheskaja tradicija v sootnoshenii s sanskritskoj (opyt kommentarija)* [Tibetan grammatical tradition in relation to the Sanskrit (the experience of commentary)]. *Istorija lingvisticheskikh uchenij. Srednevekovyj Vostok* [History of linguistic teachings. Medieval East]. Leningrad, Nauka, 1981. Pp. 177–201 (In Russ.).
- Kormushin I. V. *Man'chzhurskoe pis'mo* [Manchu Script]. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow, 1990. Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/284c.html> (accessed: 25 August 2016) (In Russ.).
- Lytkin G. *Istoricheskij ocherk pis'mennosti mongolov i ojratov* [Historical essay on the writing of the Mongols and Oirats] // *Astrahanskije gubernskie vedomosti* [Astrakhan Provincial News]. 1859. 14 August (№ 33) (In Russ.).
- Namzhavin S. «*Jasnoe pis'mo*» ojratov Sin'czjana KNR [“Clear Script” of the Oirats of Xinjiang of PRC]. Avtoref. dis. ... kand filol. nauk. Elista, 2004. 18 p. (In Russ.).
- Nominhanov C.-D. *Ocherk istorii kalmyckoj pis'mennosti* [Essay on the history of the Kalmyk alphabet]. Moscow, Nauka, 1976. 140 p. (In Russ.).
- Norbo Sh. *Zaya-Pandita / per. D. N. Muzraevoj, K. V. Orlovoj, V. P. Sanchirova* [Zaya-Pandita / transl. by D. Muzraeva, K. Orlova, V. Sanchirov]. Elista, Kalm. Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.).
- Pozdneevev A. *Razyskanija v oblasti voprosa o proishozhdenii i razvitii man'chzhurskogo alfavita* [Researches in the field of the question of the origin and development of the Manchu alphabet]. Vladivostok, 1901. 21 p. (*Otisk: Izvestija Vostochnogo instituta* [Separate print: Izvestiya of the Eastern Institute]). 1901. Vol. 2. Iss. 2. Pp. 118–139 (In Russ.).
- Poppe N. N. *Grammatika pis'mennogo mongol'skogo jazyka* [Grammar of written Mongolian language]. Moscow–Leningrad, AS of the USSR Publ., 1937. 198 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Lingvisticheskoe vvedenie v izuchenie pis'mennosti mongol'skikh narodov* [Linguistic introduction to the study of the writing of the Mongolian peoples]. Ulan-Ude: BISS Publ., 1977. 160 p.
- 320 let starokalmyckoj pis'mennosti [320 years of the Old-Kalmyk alphabet]. Elista, Kalm. Book Publ., 1970. 236 p. (In Russ.).
- Friedrich J. *Istorija pis'ma* [History of the Script]. Moscow, Nauka, 1978. 463 p. (In Russ.).
- Cendina A. D. *Mongol'skie tradicionnye azbuki (konec XVI — nachalo XX vv.)* [Mongolian traditional alphabets (late 16th — early 20th centuries)]. *Problemy sovremennogo obrazovanija* [Problems of modern education]. Internet-journal. 2014, № 6. Pp. 106–118 (In Russ.).
- Chuluunbaatar L. *Pis'mennost' mongol'skikh narodov i ee kul'turno-istoricheskoe znachenie* [Writing of the Mongolian peoples and its cultural and historical significance]. Avtoref. dis. ... kand ist. nauk. Ulan-Ude, 2000. 28 p. (In Russ.).
- Shagdarsüren C. *Mongolchuudyn bichig ysjeg* [Writing of the Mongolian peoples]. *Mongol sudlalyn erdjem shinzhilgejenij bichig* [Scientific notes of Mongolian studies]. T. XVII (169). Ulaanbaatar, 2001. Pp. 28–75 (In Mong.).
- Shagdarsurjen C. *K voprosu o proishozhdenii mongol'skogo pis'ma* [On the question of the origin of the Mongolian Script]. *Olon ulsyn mongolch erdjemtijn III ih hural* [3rd International Congress of Mongolists]. Vol. III. Ulaanbaatar, 1978. Pp. 286–290 (In Russ.).
- Schnitzer Ja. B. *Illjustrirovannaja vseobshhaja istorija pis'men* [Illustrated general history of writing]. SPb., A. F. Marks Publ., 1903. 264 p. (In Russ.).
- Yushmanov N. V. *Grammatika literaturnogo arabskogo jazyka* [Grammar of literary Arabic]. 2nd ed. Moscow, Legal Center Press, 1999. 159 p. (In Russ.).
- Yahontova N. S. *Ojratskij literaturnyj jazyk XVII veka* [Oirat Literary Language of the 17th century]. Moscow, Nauka, Vostochnaja literatura Publ., 1996. 152 p. (In Russ.).
- Gorelova L. M. *Manchu Grammar*. Leiden–Boston–Köln, Brill Publ., 2002. 200 p. (In Eng.).

**СРАВНЕНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ ГРАФИКИ И «ЯСНОГО ПИСЬМА»
ЗАЯ-ПАНДИТЫ В СВЕТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПИСЬМА И ИСТОРИИ
ПИСЬМЕННОСТЕЙ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ XVII в.**Алексей Алексеевич Бурыкин ¹

¹ доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Словарный отдел, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: albury@rambler.ru.

Аннотация. Предметом статьи является рассмотрение ойратского «ясного письма» «тодо бичиг» Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599–1662) как одной из монгольских письменных систем с использованием терминологии и формального аппарата теории письма.

Автор рассматривает характеристики истории наиболее известных монгольских письменных систем, а именно алфавит монгольского письменного языка и ойратский алфавит «тодо бичиг» («ясное письмо»), созданный на основе монгольского алфавита в 1640-е гг., в сравнении друг с другом и с письменными системами других языков — уйгурского, согдийского, арабского. В статье представлен обзор освещения проблем истории письменности монгольских языков в исследованиях по общей истории и теории письма как лингвистической дисциплины с начала XX в. до современности. Автор соглашается с мнением, согласно которому в основе монгольского письма лежит уйгурское письмо, происходящее от согдийского (пальмирского).

Статья представляет собой попытку показать, что дополнительные знаки «ясного письма», предложенные Зая-пандитой, со стороны их звукового значения и начертания в сравнении с исходными значениями знаков монгольского письма, сохранившихся в «ясном письме» только в одном из нескольких своих звуковых значений, могут быть свидетельством особенностей фонетической системы ойратского языка середины XVII в. и того его диалекта, который был положен в основу письменного языка ойратов. По мысли автора, при создании «ясного письма» был использован арабский алфавит с его набором дополнительных знаков, создающих единообразие чтений отдельных написаний, и это является свидетельством неоднократного обращения филологов к письменностям Ближнего и Среднего Востока как источнику для совершенствования алфавитов для языков Центральной Азии.

Ключевые слова: «ясное письмо» («тодо бичиг»), Зая-пандита, теория письма, согдийское письмо, ойраты.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 146–153, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-146-153
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 294.3

“Ploughing Ashes vs. Ploughing a Field”: Studies of Lamrim Texts at Buddhist Monasteries

Darima E. Daribazon ¹

¹ Postgraduate Student, Department of Regional Studies, Institute of Oriental Studies, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: darima.daribazon@gmail.com.

Abstract

The article discusses the role of *lamrim* texts in the curriculum of Buddhist monastic universities of the Gelug tradition. Texts of the *lamrim* genre in a concise manner describe the stages of the Buddhist path — development of one’s mind from the present supposedly deluded state to the omniscience of a Buddha — according to the canonic texts of the Mahayana tradition. Within such texts, the narration is typically based on the classification of spiritual aspirants into three categories — persons of modest, medium and high scope — depending on their motivation of spiritual practices.

Ever since the first *lamrim* text “A Lamp for the Path to Awakening” was introduced to Tibet by the 11th century Indian pandita Jowo Atisha, *lamrim* texts have been extremely popular among followers of the Tibetan Buddhism, particularly among Gelug adherents. It is believed that the most famous and authoritative work of the genre, “Lamrim Chenmo” by Je Tsongkhapa, played a formative role in institutionalization of the Gelug tradition; it is also considered to be an encyclopedia of the Buddhist doctrine and practice in the interpretation of the Gelugpas.

However, despite their popularity, none of the *lamrim* texts are included in the official curriculum of Gelug monasteries. The author suggests an explanation that might help us have a closer look at some certain characteristics of Buddhist monastic education and the role it plays in lives of Buddhist practitioners; it will also help us define the role of the *lamrim* genre in the Tibetan Buddhist literature.

The article provides a brief history of the development of the genre in Tibet and lists the most significant *lamrim* texts in the Gelug tradition. It is suggested that the importance of these texts is attributed not to the uniqueness of their contents or even its presentation but rather to the authority and influence their authors had in the religious and political life of Tibet. The article gives an overview of the curriculum of the three largest monastic universities of the Gelug tradition — Ganden, Drepung and Sera. It also discusses the latest changes introduced into the study program along with their reasons, as well as the prospects of including the *lamrim* texts in the study program at later stages.

Keywords: *lamrim*, monastic education, monastic universities, Buddhist literature.

Появление жанра *ламрим* в Тибете традиционно связывают с именем Джово Атиши Шриджняны Дипамкары, индийского пандита, прибывшего в Тибет в XI в. по приглашению царя Джангчуб О. Успех проведенных им реформ во многом объясняется популярностью написанного им сочинения под названием «Светоч на пути к Пробуждению» (санскр. *Bodhipathapradīpa*, тиб. *Vyang chub lam gyi sgron ma*). К XI в. в Индии и Тибете возникло огромное количество сочинений о буддизме, представлявших собой как оригинальные тексты на различные темы буддийской философии, так и комментарии к ним. Многие из них нередко противоречили друг другу, и несведущим в вопросах философии было непросто в них разобраться. В «Светоч» размером в несколько фолио Джово Атише «впервые удалось собрать все 84 000 томов наставлений Будды Шакьямуни» [Tenzin Gyatso 2002: 12] и примирить различные точки зрения относительно теории и практики учения Будды. Новой для тибетцев была классификация буддийских адептов, представляющая собой разделение на три категории в зависимости от их мотивации к духовным практикам, — низшую, среднюю и высшую личности, для каждой из которых был рекомендован определенный набор практик, т. е. тем для медитации и размышления. Текст незамедлительно завоевал популярность, и впоследствии к нему было написано множество различных комментариев, большинство из которых заимствовали структуру «Светоча» с его опорой на три типа личности, в то время как некоторые опустили эту классификацию. К последним относится «Драгоценное ожерелье освобождения» (тиб. *Dam chos yid bzhin gyi nor bu thar pa rin po che'i rgyan*) Гампопы (тиб. *Sgam po pa*) (1079–1153), основателя традиции кагью (тиб. *bka' rgyud*). Все эти произведения, однако, объединяло стремление в доходчивой форме изложить суть буддийского пути и его этапы. Отсюда и возникло название жанра — *ламрим*, или «этапы пути», *lam* в переводе с тибетского означает 'путь', 'дорога', *rim* — 'этапы', 'ступени'.

Самым известным произведением данного жанра, бесспорно, является «Большое руководство по этапам пути к Пробуждению» (тиб. *Lam rim chen mo*) Чже Цонкапы (тиб. *Rje tsong kha pa*) (1357–1419) — «великий памятник философии и духовности, одно из наиболее известных произведений

буддийской мысли и практики, когда-либо написанных в Тибете» [Tucci 1980: 17]. С легкой руки известного тибетолога Джузеппе Туччи «Ламрим Ченмо» называют «сводом ламаистской доктрины в его [Чже Цонкапы. — прим. авт.] интерпретации <...> библией Желтой секты, на которую они постоянно ссылаются и цитируют» [Tucci 1980: 37].

В очень упрощенном виде структуру этого энциклопедического произведения можно представить следующим образом:

- преамбула — объяснение величия Учения и учителя, методов слушания и объяснения Учения;
- предварительные практики — подготовка к медитации, непосредственно медитация;
- основы пути — опора на духовного наставника, драгоценное человеческое перерождение, три типа личности;
- практики низшей личности — размышления о смерти, прибежище в Трех Драгоценностях, размышления о карме, этике, страданиях и их источнике, двенадцать факторов взаимозависимого происхождения;
- практики средней личности — путь к Освобождению, три вида обучения;
- практики высшей личности — бодхичитта и методы ее культивации, принятие обетов бодхисаттвы, шесть парамит, способы привлечения учеников, шаматха и випашьяна.

«Ламрим Ченмо» изобилует цитатами как из индийских, так и тибетских буддийских текстов, его уникальность — в «транслировании канонических текстов в непосредственную практику» [Lama Zora Rinpoche]. Автор статьи неоднократно встречался со сравнением «Ламрима Ченмо» с готовой рубашкой, сотканной из полотна буддийских учений, надев которую, можно войти в город Великого Освобождения, т. е. достигнуть Пробуждения, конечной цели пути Махаяны. Впоследствии Чже Цонкапа написал еще два произведения *ламрим* — «Среднее руководство по этапам пути к Пробуждению», или «Средний ламрим» (тиб. *Vyang chub lam rim 'bring ba*), и «Краткое руководство по этапам пути к Пробуждению», или «Краткий ламрим» (тиб. *Vyang chub lam rim bsdus don*). «Средний ламрим» является сокращенным вариантом «Ламрима Ченмо», за исключением

разделов о шаматхе и випашьяне, которые были написаны для «Среднего ламрима» заново. В «Кратком ламриме», также известном как «Песнь о пути» (тиб. *Lam rim nyams mgur*), Чже Цонкапа в поэтической форме делится своими медитативными переживаниями.

Все последующие произведения *ламрим* в традиции *гелук*, в сущности, являются комментариями к «Ламриму Ченмо». Наиболее известными являются «восемь больших комментариев» (тиб. *Lam rim chen po brgyad*). Помимо трех вышеупомянутых сочинений Чже Цонкапы, к ним относятся следующие сочинения:

- «Суть всех возвышенных учений» (тиб. *Lam rim legs gsung kun gyi nying khu*), или «Гомчен ламрим» (тиб. *Sgom chen lam rim*), Нгаванг Дракпы из Дагпо (тиб. *Dwag po ngag dbang grags pa*) (ок. XV в.), представляющий собой краткое изложение «Среднего ламрима» в стихотворной форме, лёгкой для запоминания и начитывания во время медитации;
- «Сущность очищенного золота» (тиб. *Lam rim gser zhun ma*) Далай-ламы III Сонама Гьяцо (тиб. *Rgyal mchog sku phreng gsum pa bsod nams rgya mtsho*) (1543–1588), дословный комментарий (тиб. *tshig 'grel*) к «Краткому ламриму» Чже Цонкапы;
- «Священные слова Манджушри» (тиб. *'Jam dpal zhal lung*) Далай-ламы V Нгаванг Лобсанг Гьяцо (тиб. *Rgyal mchog sku phreng lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho*) (1617–1682), комментарий к «Сущности очищенного золота» Далай-ламы III;
- «Легкий путь, ведущий к всеведению» (тиб. *Bde lam*) Панчен-ламы I Лобсанг Чокьи Гьялцена (тиб. *PaN chen blo bzang chos kyi rgyal mtshan*) (1570–1662), текст для начитывания с целью запоминания основных положений Пути;
- «Быстрый путь» (тиб. *myur lam*) Панчен-ламы II Лобсанг Еше (тиб. *PaN chen blo bzang rgya mtsho*) (1617–1682), комментарий к «Лёгкому пути» Панчен-ламы I, дополненный цитатами и поучительными историями.

Как мы видим, «Восемь больших комментариев» были написаны на этапе становления жанра *ламрим*, т. е. в XV–XVII вв. Авторами их были религиозные деятели,

обладавшие исключительным авторитетом как в религиозной, так и политической жизни Тибета. Единственным исключением здесь, возможно, является Нгаванг Дракпа из монастыря *ламрим* в местности Дагпо (см. ниже).

К другим значительным произведениям жанра принято относить следующие сочинения:

- «Счастливая судьба» (тиб. *Rtog brjod mdun legs ma*), «Три аспекта пути» (*Lam gyi gtso bo rnam gsum*) и «Основа всех достоинств» (тиб. *Yon tan gzhi gyur ma*) Чже Цонкапы;
- «Южная линия [передачи] — этапы пути к Пробуждению» (тиб. *Lho rgyud lam rim*) Гендун Жамьянга (тиб. *Dge 'dun 'jam dbyangs*);
- «Сущность нектара — этапы пути к Пробуждению» (тиб. *Lam rim bdud rtsi snying po*) Ламы Еше Цондру из Конгпо (тиб. *Kong po bla ma ye shes brtson 'grus*) (1761–1816);
- Трактаты по этапам пути к Пробуждению (тиб. *Zhwa dmar lam rim*) и випашьяне (тиб. *Zhwa dmar lam rim lhag mthong*) Четвёртого Шамара из Амдо, Гендун Тензин Гьяцо (тиб. *A mdo bla ma dge 'dun bstan 'dzin rgya mtsho*) (1852–1912), также известного как Шамар пандита (тиб. *Zhwa dmar paN Di ta*);
- «Освобождение на вашей ладони» (тиб. *Lam rim rnam grol lag bcangs*) Пабонгки Ринпоче (тиб. *Pha bong kha bde chen snying po*) (1878–1941), конспект Триджанга Ринпоче (тиб. *Khris byang rin po che blo bzang ye shes bstan 'dzin rgya mtsho*) (1901–1981) учения по *ламриму*, дарованному Пабонгкой Ринпоче в 1921 г.;
- Основные темы Среднего руководства к этапам пути к Пробуждению (тиб. *Lam rim 'bring po'i sa bcad*) Триджанга Ринпоче.

На самом деле текстов жанра *ламрим* насчитывается по крайней мере несколько сотен, а возможно, и больше. Практически каждый учитель традиции *гелук* считал своим долгом прокомментировать один из текстов *ламрим*, либо законспектировать учение, полученное по *ламриму*. Последние очень популярны и проводятся довольно часто: так, по словам Тензина Гьяцо Далай-ламы XIV, к 2008 г. он дал около 15 публичных учений только по «Ламриму Ченмо»

[Tenzin Gyatso 2008]. В отличие от эзотерических учений они открыты для широкой общественности. В 2016 г. завершился четырехлетний цикл учений Далай-ламы XIV по основным текстам *ламрим*. По данным организационного комитета, учения ежегодно посещало более 30 тыс. человек, так, в 2015 г. в аудитории присутствовало около 18,1 тыс. монахов и монахинь и 14 тыс. мирян [Cynthia Karena 2016].

Удивителен тот факт, что, несмотря на признанный авторитет и популярность литературы этого жанра, ни «Ламрим Ченмо», ни любое другое произведение этого жанра не включены в учебную программу монастырских университетов *гелукпа*.

Взглянем на план обучения трех крупнейших гелукпинских монастырей (тиб. *Gdan sa gsum*) — Гандена (тиб. *Dga ldan*) основанного в 1409 г., Дрепунга (тиб. *'bras spungs*), основанного в 1416 г., и Сэра (тиб. *se ra*), основанного в 1419 г. Обучение в них предполагает изучение пяти «больших текстов» (тиб. *Gzhung lnga*), вернее, комментариев к ним, написанных тибетскими авторами:

- Сочинение Дхармакирти (тиб. *Chos kyi grags pa*) (VII в.) «Праманавартика» (тиб. *Tshad ma rnam 'grel*) из раздела буддийской литературы *Прамана* (тиб. *Tshad ma* 'достоверное знание'), содержащее доказательства существования и достоверности таких базовых понятий, как Три Драгоценности, перерождение, всеведение и т. д.;
- Сочинение Майтреи (тиб. *Rgyal ba byams pa*) (IV в.) «Абхисама-ламакара» (тиб. *Mngon rtogs rgyan*) из раздела *Праджняпарамита* (тиб. *Phar phyin* 'букв. возвышенная мудрость'), описывающее этапы и пути (тиб. *sa lam*) развития сознания, необходимые для постижения пустоты (тиб. *stong pa nyid*), Освобождения (тиб. *thar pa*) и Всеведения Будды (тиб. *sangs rgyas kyi go 'phang*);
- Сочинение Чандракирти (тиб. *Zla ba grags pa*) (VII в.) «Мадхьямакаватара» (тиб. *Dbu ma la 'jug pa*) из раздела Мадхьямика (тиб. *Dbu ma* 'букв. срединный путь'), описывающее истинную природу реальности согласно точке зрения философской школы *Прасангика-Мадхьямика* (тиб. *Dbu ma thal 'gyur*);
- Сочинение Васубандху (тиб. *Dbyigs gnyen*) (IV–V вв.) «Абхидхармакоша» (тиб. *Mngon pa'i mdzod*) из раздела *Абхидхарма* (тиб. *Mngon par chos*), содержащее описание особого знания, касающегося физических и ментальных составляющих живых существ, состояний перерождения, кармы, омрачающих эмоций, путей к Освобождению и т. д.
- Сочинение Гунапрабхи (тиб. *Yon tan 'od*) (VII в.) «Виная сутра» (тиб. *'dul ba'i mdo*) из раздела *Виная* (тиб. *'dul ba*), включающая изучение монашеских обетов.

К дополнительным дисциплинам относятся:

- *Дуйпа* (тиб. *Bsdus grwa*) — основы буддийской логики, знакомство с такими логическими понятиями, как цвет, форма, их взаимосвязи и способы выстраивания философского диспута;
- *Лопуг* (тиб. *Blo rigs*) — виды сознания, ошибочные и безошибочные способы познания;
- *Тагпуг* (тиб. *Rtags rigs*) — верные и неверные логические силлогизмы, способы доказательства верности или ошибочности утверждения;
- Взгляды четырех философских школ (тиб. *Grub mtha' bzhi*): Вайбхашика (тиб. *Bye brag pa*), Сватантрика (тиб. *Mdo sde pa*), Читтаматра (тиб. *Sems tsam pa*) и Мадхьямика (тиб. *Dbu ma pa*);
- Изучение интерпретации буддийских текстов согласно «Сущности искусства изложения иносказательных и буквальных наставлений» (тиб. *Drang nges legs bshad snying po*) Чже Цонкапы.

Как мы видим, для произведений *ламрим* места в учебной программе не нашлось. Их изучение проводилось в факультативном порядке, кроме того, известно, что в Тибете «в летнее время, с 17-го числа 5-го лунного месяца до 15-го числа 6-го лунного месяца, настоятели различных монастырей, как правило, давали комментарии к «Ламриму Ченмо» Чже Цонкапы» [Tucci 1980: 143].

Даже в так называемом Ламрим дацане (тиб. *Lam rim grwa tshang*) программа обучения практически ничем не отличалась от программы в Гандене, Дрепунге и Сэра. Монастырь Дагпо Шедруб Линг (тиб. *Dwags po*

shes 'grub gling) получил название Ламрим дацана в связи с историей его основания. Согласно легенде, монастырь, расположенный на юго-востоке Тибета, был основан во второй половине XV в. Чже Лотро Тенпа (тиб. *Rje blo gros bstan pa*) (1404–1478), которому Чже Цонкапа вручил копию «Ламрима Ченмо» и указал построить монастырь, в котором будет проходить подробное изучение этого произведения [The Pearl Garland 2012: 215]. Ежегодно в апреле в монастыре проводились особые занятия по *ламриму*, и каждые три года настоятель монастыря давал учения по «Ламриму Ченмо», в остальном учебный план был стандартным для гелукпинских монастырей.

Почему же несмотря на значение произведений *ламрим* их изучение не является приоритетным для монахов?

Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить о том, что тема Пути отнюдь не является прерогативой произведений *ламрим*, но, по словам Джорджа Дрейфуса, «является центральной идеей буддийской традиции. Эта идея лежит в основе всего остального в буддизме, от простейшего акта даяния до тончайшего медитативного переживания и пылкого философского диспута. <...> Тибетская литература, посвященная пути, включает многочисленные комментарии на сутры Праджняпарамиты, произведения о ступенях и уровнях (*sa lam*) пути, трактаты Дзогчен и т. д.» [Dreyfus 2003: 55].

Таким образом, при внимательном рассмотрении мы обнаружим, что «Абхисамаяаламкара» и «Абхидхармакоша» посвящены исключительно объяснению Пути. «Мадхьямакаватара» развернуто говорит о пустотной природе вещей и явлений, реализация которой необходима для продвижения по Пути. В «Винае сутре» Гунапрабхи рассматриваются обеты, соблюдение которых позволит практику беспрепятственно продвигаться по Пути, достоверное же знание, о котором говорится в Праманавартике, необходимо для доказательства безошибочности Пути.

Темы *ламрима*, таким образом, находят самое непосредственное отражение в изучаемых текстах. Например, такие практики низшей личности, как размышления о драгоценном человеческом перерождении, смерти и непостоянстве, трех низших мирах и Прибежище, описаны в первой и второй главах «Праманавартики» и первой главе «Абхисамаяаламкар». О низших ми-

рах также говорится в «Абхидхармакоше». Практики средней личности — размышления о карме, природе сансары, нирване, омрачениях и противоядиях для них, а также Благородная истина пути — подробно описаны в первой и второй главах «Праманавартики» и первых четырех главах «Абхисамаяаламкар». Карма, омрачения и противоядия к ним изучаются в «Абхидхармакоше». Три высших обучения разъясняются в «Абхисамаяаламкаре», «Мадхьямакаватаре» и «Винае сутре». Практики высшей личности — культивация бодхичитты, природы Будды, пустоты и шести парамит — описаны в «Абхисамаяаламкаре», «Праманавартике» и «Мадхьямакаватаре». Шесть парамит описываются в разделе, посвященном уровням и путям (тиб. *Sa lam*), «Абхисамаяаламкары» и первых шести главах «Мадхьямакаватары».

Кроме того, монастырская жизнь предполагает ежедневное выполнение всех шести предварительных практик (тиб. *Sbyor chos drug*): 1) уборка помещения для медитации; 2) совершение подношения; 3) принятие Прибежища и возвращение альтруистической мотивации; 4) визуализация Поля благодетелей; 5) семичастная молитва и подношение мандалы; 6) взывание к духовным наставникам и ламам, а также опору на духовного наставника — учителя.

Таким образом, мы можем говорить о том, что вся программа обучения в буддийских монастырях нацелена именно на изучение пути. Однако монастырские учебники дают более схоластическое или в некоторых случаях техническое описание различных этапов и аспектов пути, в то время как многие произведения рассматриваемого нами жанра посвящены таким практическим рекомендациям, как правильное расположение сидения для медитации, расстояние между чашками для подношений на алтаре и т. п. Неслучайно многие комментарии *ламрим* называют руководствами к медитации. Монастыри же в первую очередь призваны возвращать схоластов, интеллектуалов, которые с помощью логики могли бы убедить себя и других в безошибочности буддийского учения. Очевидно, однако, что с точки зрения религиозного адепта теория и практика пути должны идти рука об руку. Так, Янгси Ринпоче, подчеркивая в своем комментарии к «Ламриму Ченмо» важность медитации, говорит о том, что «изучение буддийского пути в монастыре по учебникам сходно об-

учению тому, как вспахать поле на примере схем, начерченных пальцем в кучке золы» [Yangsi Rinpoche 2003: 462].

Еще одним объяснением отсутствия произведений ламрим в монастырской учебной программе может служить традиционность тибетского буддизма. Дело в том, что учебная программа была сформирована в XV в. по образцу программы обучения в индийских монастырях Наланда и Викрамалашила. С тех пор вплоть до последнего времени она практически не менялась. Только с перенесением крупнейших монастырей в Индию программа начала претерпевать изменения: с недавних пор монахи школьного возраста сначала должны пройти обучение в школе, где они изучают грамматику тибетского языка, хинди, китайский и английский языки, общественные, точные науки и естествознание. Также теперь в тибетских монастырях в Индии проводится обучение монахов естественным и точным наукам в рамках проекта «Science meets Dharma».

Джордж Дрейфус говорит о том, что многие монахи теперь относятся к своему пребыванию в монастыре как к обычному образованию, рассматривая его с точки зрения перспективы дальнейшего трудоустройства. Поэтому в последнее время ведутся разговоры об упрощении процедуры получения степени *геше* и изучения текстов, востребованных посетителями Дхарма-центров, куда, как правило, по завершении обучения отправляются монахи в качестве учителей. К этим текстам относятся и произведения ламрим.

Любопытно, что в буддийской общественной организации «Фонд по Сохранению Традиции Махаяны» уже давно ведутся разговоры о создании монастыря ламрим, где монахи или монахини в течение одного года могли бы углубленно изучать тексты ламрим, в первую очередь, «Ламрим Ченмо» [Ven Losang Monlam 2008]. Однако факт, что такой монастырь до сих пор не создан, возможно, является подтверждением того, что большая часть литературы этого жанра имеет в первую очередь практический характер и не предполагает её схоластического изучения. Исключением, конечно, являются отдельные разделы «Ламрима Ченмо» и «Среднего ламрима», посвященные шаматхе и випашьяне. Неслучайно немногочисленные академические исследования литературы ламрим посвящены именно этим главам.

Литература

- Далай-лама III Сонам Гьяцо*. Ламрим Сершунма. Сущность практики Ламрим Дже Цзонхавы / пер., ред. Б. Очирова. Улан-Удэ, 1998. 52 с.
- Пабонка Ринпоче, Триджанг Ринпоче*. Освобождение на вашей ладони / пер. с англ. С. Хоса, науч. ред. А. Терентьев. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2014. Кн. 1. 616 с., Кн. 2. 464 с.
- Чже Цонкапа*. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения / пер. А. Кугячивуса, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 2010. Т. 1–2. 2384 с.
- Чже Цонкапа*. Основа всех достоинств. Молитва поэтапного Пути Пробуждения / пер. с тиб. М. Кожевниковой // Буддийские медитации: тексты практик и руководств / сост. и пер. М. Кожевниковой. СПб.: Нартанг, 2011. С. 366–368.
- Чже Цонкапа*. Три основы Пути / пер. с тиб. М. Кожевниковой // Буддийские медитации: тексты практик и руководств / сост. и пер. М. Кожевниковой. СПб.: Нартанг, 2011. С. 198–200.
- Cynthia Karena*. Observations from Final Jangchup Lamrim Teaching [электронный ресурс] // URL: <http://fpmt.org/fpmt-community-news/news-around-the-world/observations-from-final-jangchup-lamrim-teaching/> (дата обращения: 30.09.2016).
- Dreyfus, Georges B. J.* The Sound of Two Hands Clapping: The Education of a Tibetan Buddhist Monk. Berkeley: University of California Press, 2003. 460 p.
- Lama Zopa Rinpoche*. Tibetan Buddhist Monastic Studies [электронный ресурс] // URL: <http://www.lamayeshe.com/article/tibetan-buddhist-monastic-studies> (дата обращения: 30.09.2016).
- Tenzin Gyatso, the XIV Dalai Lama of Tibet. Illuminating the Path to Enlightenment / transl. by Geshe Thupten Jinpa, edit. by Rebecca McClen Novick, Geshe Thupten Jinpa, Nicholas Ribush. Lama Yeshe Wisdom Archive, 2002. 212 p.
- Tenzin Gyatso, the XIV Dalai Lama of Tibet. Teachings on Lam-rim Chen-mo in July 2008, Lehigh University, Pennsylvania, USA [электронный ресурс] // URL: <http://www.lamayeshe.com/article/teachings-lam-rim-chen-mo> (дата обращения: 30.09.2016).
- The Pearl Garland. An Anthology of Lamrims / Transl. from the Tibetan under Ven. Dagpo Rinpoche's guidance by Rosemary Patton. Institut Guepele, France, 2012. 222 p.
- Tsenzhab Serkong Rinpoche II*. The Gelug Monastic Education System [электронный ресурс] // URL: <http://studybuddhism.com/en/advanced->

- studies/history-culture/buddhism-in-tibet/the-gelug-monastic-education-system (дата обращения: 30.09.2016).
- Tucci, Giuseppe.* The Religions of Tibet, transl. from German & Italian by Geoffrey Samuel, Allied Publishers Pvt. Ltd. 1980. 340 p.
- Ven. Losang Monlam.* The Lam-rim monastery, a vision for IMI and FPMT [электронный ресурс] // URL: <http://fpmt.org/wp-content/uploads/sites/2/2008/12/LamrimMonastery.pdf> (дата обращения: 30.09.2016).
- Yangsi Rinpoche.* Practicing the path: a commentary on the Lamrim Chenmo / Yangsi Rinpoche; foreword by Geshe Lhundub Sopa; preface by Lama Zopa Rinpoche; transl. by Tsering Tuladhar; edit. by Miranda Adamas. Simon and Schuster, 2003. 533 p.
- References**
- Sonam Gyatso, the 3d Dalai Lama. *Lamrim Sershunma. Suschnost praktiki Lamrim Je Dzonkhavy* [Lamrim Sershunma. Essence of Je Tsongkhapa's Lamrim practice (Essence of Refined Gold). Transl. and edit. by B. Ochirov]. Ulan-Ude, Ganden Publ., 1998, 52 p. (In Russ.).
- Je Tsongkhapa. *Bolshoye rukovodstvo k etapam Puti Probuzhdeniya* [The Great Treatise on the Stages of the Path to Enlightenment. Transl. by A. Kugyavichus, edit. by A. Terentyev]. Saint Petersburg, Nartang Publ., 2010, Vol. 1–2, 2384 p. (In Russ.).
- Je Tsongkhapa. *Osnova vsekh dostoinstv. Molitva Poetapnogo Puti Probuzhdeniya* [The Foundation of All Good Qualities. The Prayer of the Gradual Path to Enlightenment. Transl. by M. Kozhevnikova]. *Buddiyskiye meditatsii: texty praktik i rukovodstv* [Buddhist meditations: texts of practices and guides. Comp. and trans. by M. Kozhevnikova]. Saint Petersburg, Nartang Publ., 2011, pp. 366–368 (In Russ.).
- Je Tsongkhapa. *Tri osnovy Puti* [Three Principle Aspects of the Path. Transl. by M. Kozhevnikova]. *Buddiyskiye meditatsii: texty praktik i rukovodstv* [[Buddhist meditations: texts of practices and guides. Comp. and trans. by M. Kozhevnikova]. Saint Petersburg, Nartang Publ., 2011, pp. 198–200 (In Russ.).
- Pabongka Rinpoche, Trijang Rinpoche. *Osvobozhdeniye na vashey ladoni* [Liberation in the Palm of Your Hand. Transl. from English by S. Khos, science editor A. Terentyev]. Moscow, "Save Tibet" Foundation, 2014, Vol. 1, 616 p.; Vol. 2, 464 p. (In Russ.).
- Cynthia Karena. Observations from Final Jangchup Lamrim Teaching. Available at: <http://fpmt.org/fpmt-community-news/news-around-the-world/observations-from-final-jangchup-lamrim-teaching/> (accessed: 30 September 2016) (In Eng.).
- Dreyfus G. B. J. The Sound of Two Hands Clapping: The Education of a Tibetan Buddhist Monk. Berkeley, University of California Press, 2003, 460 p. (In Eng.).
- Lama Zopa Rinpoche. Tibetan Buddhist Monastic Studies. Available at: <http://www.lamayeshe.com/article/tibetan-buddhist-monastic-studies> (accessed: 30 September 2016) (In Eng.).
- Tenzin Gyatso, the 14th Dalai Lama of Tibet. Illuminating the Path to Enlightenment. Transl. by Geshe Thupten Jinpa, edit. by Rebecca McClen Novick, Geshe Thupten Jinpa, Nicholas Ribush. Lama Yeshe Wisdom Archive, 2002, 212 p. (In Eng.).
- Tenzin Gyatso, the 14th Dalai Lama of Tibet. Teachings on Lam-rim Chen-mo in July 2008, Lehigh University, Pennsylvania, USA. Available at: <http://www.lamayeshe.com/article/teachings-lam-rim-chen-mo> (accessed: 30 September 2016) (In Eng.).
- The Pearl Garland. An Anthology of Lamrims. Transl. from Tibetan under Ven. Dagpo Rinpoche's guidance by Rosemary Patton. Institut Guepele (France), 2012, 222 p. (In Eng.).
- 2nd Tsenzhab Serkong Rinpoche. The Gelug Monastic Education System. Available at: <http://studybuddhism.com/en/advanced-studies/history-culture/buddhism-in-tibet/the-gelug-monastic-education-system> (accessed: 30 September 2016) (In Eng.).
- Tucci, G. The Religions of Tibet. Transl. from German and Italian by Geoffrey Samuel. Allied Publishers Pvt. Ltd, 340 p. (In Eng.).
- Ven. Losang Monlam. The Lam-rim Monastery: A Vision for IMI and FPMT. Available at: <http://fpmt.org/wp-content/uploads/sites/2/2008/12/LamrimMonastery.pdf> (accessed: 30 September 2016) (In Eng.).
- Yangsi Rinpoche. Practicing the Path: A Commentary on the Lamrim Chenmo. Foreword by Geshe Lhundub Sopa; preface by Lama Zopa Rinpoche; transl. by Tsering Tuladhar; edit. by Miranda Adamas. Simon and Schuster Publ., 2003, 533 p. (In Eng.).

УДК 294.3

**«ВСПАХИВАТЬ ЗОЛУ VS. ВСПАХИВАТЬ ПОЛЕ»:
ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТОВ ЛАМРИМ В БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЯХ**Дарима Эрдэмовна Дарибазарон¹

¹ аспирант, кафедра истории и регионоведения стран Азии, Восточный институт, Бурятский Государственный Университет (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: darima.daribazon@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена вопросу изучения текстов *ламрим* в буддийских монастырях традиции *гелук*. Тексты этого жанра вкратце излагают этапы буддийского пути — развитие сознания от нынешнего предположительно несовершенного состояния до всеведения Будды — в соответствии с канонами Махаяны и пользуются огромной популярностью и авторитетом в тибетском буддизме. Так, наиболее известное произведение жанра «Ламрим Ченмо» Чже Цонкапы сыграло решающее значение в формировании традиции *гелук* и является своего рода энциклопедией буддийской доктрины и практики в интерпретации этой традиции.

Однако несмотря на их значимость, ни одно из произведений этого жанра не входит в официальную учебную программу монастырских университетов традиции *гелук*. Предлагаемое автором объяснение этому парадоксу позволяет составить более четкое представление об особенностях монастырского образования и его роли в жизни буддийского адепта, а также определить значение жанра *ламрим* в тибетской буддийской литературе.

В статье также дается описание истории развития жанра *ламрим*, приводится список и краткая характеристика наиболее значительных текстов *ламрим* в традиции *гелук*. Выдвигается предположение о том, что значимость произведений определялась не только уникальностью содержания, но и авторитетом и влиятельностью их авторов в религиозной и политической жизни Тибета. В статью включен обзор официальной учебной программы в трех крупнейших монастырских университетах традиции *гелук* — Ганден, Дрепунг и Сэра, здесь же говорится о вносимых в программу изменениях и факторах, которые могут на них повлиять.

Ключевые слова: *ламрим*, монастырское образование, монастырские университеты, буддийская литература.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 154–159, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-154-159
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 821.512.36

The Influence and Contribution of the Novel *Tungalag Tamir* to Inner Mongolian Literature

Khishigdelgeriin Khohmandal ¹

¹ Postgraduate Student, School of Arts and Sciences, National University of Mongolia (Ulan-Bator, Mongolia). E-mail: 920321387@qq.com.

Abstract

The famous writer from the Mongolian People's Republic Lodoidamba Ch. finished his novel *Tungalag Tamir* in 1971 and soon received a government award. The novel accurately depicted the early 1930s and actual situation, social conditions, relations with authorities and even the outer world of the Mongols who lived by the river called *Tungalag Tamir*.

He begins the novel with the words: "One day in early summer which is ...". This suggests that the narration starts from 1914. In the end he writes: "In the autumn of 1932 ...". Thus, those are experiences of this period that were described in the novel. The composition was affected by the theory of Socialist reality, so the writing techniques make its characters look realistic enough.

The novel *Tungalag Tamir* can be divided into several parts depending on time periods. From 1914 through 1921, the Mongolian people were under the reign of the diverse political and military alliances, namely the 'black' ones, 'yellow' feudal ones and those fighting for democratic values. Between 1921 and 1932, the Mongolian people chose to become independent from capitalists and established a Socialist society. The writer describes the historical events and creates approximately 130 characters — with definite distinguishing features — which are independent personalities with their own destinies; the proof of this can be found in the end of the very novel: "The images, thoughts and even destinies of the three generations were unfolded before the reader's eyes". During the lifetime of the first generation, people suffer from social bondages and rely on Buddhism, they completely — and even irrationally — trust in religion. They are convinced regarding their miserable fates and take sufferings for granted. Those characters include Doljin, Hishigt, Nym, Galsan and others. Characters of the second generation see their fight as a duty rather than retribution of an evil for evil, perceive work as a means to attain happiness rather than a torment and are awoken from the old heresy and search for a totally new way to live the life they long for; those are Janjin, Cuhbaatar and Erdene, Xvyg, Dorj, Dolmaa, etc. The third generation is represented by those who inherited the revolutionary missions from their fathers and advocate the methods of science that can and shall change the old and laggard life of the community. Those are Bat, Jargal, Colongo, etc. In view of the aforesaid, due to the novel we have an opportunity to witness the experiences of those harsh times — the fight of the Mongolian people against the feudal forces — and appreciate the influence of the October Revolution on the new destiny of Mongols. In terms of cultural exchange, the novel *Tungalag Tamir* had a significant influence not only on the Inner Mongolian people and literature but also on the ethnic Chinese of Inner Mongolia. And the two editions (i. e. both Mongolian and Chinese ones) of the novel contributed a lot to cultural communication between Chinese and Mongolian individuals. In those days, the novel *Tungalag Tamir* revealed the Mongolian society, Mongolian traditional life style, even the very nomadic culture to all its numerous readers.

Keywords: novel *Tungalag tamir*, Inner Mongolian literature, status.

Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын (тухайн үеийн нэрээр) нэрт зохиолч Ч. Лодойдамба 1971 онд төрийн шагнал хүртсэн «Тунгалаг Тамир» гэдэг түүхэн романдаа Тамирын голын сав нутагт өрнөж байгаа үйл явцаар жишээ болгож, хорьдугаар зууны эхний гучаад жилийн Монголын ард түмний амьдрал тэмцэл, нийгмийн байдал, улс төр, гадаад байдал гэхчлэн олон талын хүчин зүйлийг өргөнөөр багтаан, оновчтой дүрслэн харуулжээ [Лодойдамба 1999: 5]. Зохиолын эхэнд «олноо өргөгдсөний дөрөвдүгээроны зуны эхэн сарын нэгэн өдөр» [Лодойдамба 1971: 1] хэмээсэн нь 1914 оныг тэмдэглэж буй хэрэг бөгөөд зохиолын төгсгөлд тэмдэглэгдсэн «мянга есөн зуун гучин хоёр оны намар» [Лодойдамба 1971: 448] хүртлэх бараг хорь шахам жилийн хугацаанд өрнөсөн түүхэн үйл явдлыг уран зохиолын хэлбэрт системжүүлэн, XX зууны урлагийн үзэл санаанд гүнзгий хувь нэмрээ оруулсан социалист реализмын онол, арга зүйн үүднээс түүхэнд үүссэн бодит үнэн явдлаас үүсэж бүтсэн үнэн бодит дүр төрхийг уран зохиолын багарт амилуулан зохиомжилжээ.

«Тунгалаг Тамир» романд бичигдсэн хорь шахам жилийг тухайн түүхэн нөхцөл байдалтай холбогдуулан юуны өмнө нэгдүгээрт, 1914 оноос 1921 он хүртлэх цаг хугацааг гадаад, дотоодын хар шар феодалын эзэрхэг ноёрхолтой тэмцэн ардын хувьсгалаар байгуулагдсан үндсэн хуульт эзэнт төрийн эрхийг тогтоосон цаг үе, хоёрдугаарт, 1921 оноос 1932 он хүртлэх цаг хугацааг хөрөнгөтнийг түшиглэхгүйгээр хөгжлийн замыг эрэлхийлж, хөрөнгөт ёсыг алгасан нийгэм журмын замыг хайж, нийгэм журмаар улс төр барихыг ухуулсан цаг үе гэж бүдүүвчлэн хувааж болно [Ван Мин 2010: 1]. Яг энэхүү цаг хугацааны учрыг зохиогч бүтээлдээ дүрслэгдсэн нэг зуун гучаад баатрын харилцан адилгүй зан төрх, хувь заяаг өгүүлэх замаар дэлгэн үзүүлэв. Үүнийгээ тус романы төгсгөлийн үгэнд «гурван үеийн хүний шинж төрх, үзэл санаа, хувь заяаг дурайлган харуулж байна» [Лодойдамба 1971: 453] гэж товчлон өгүүлжээ.

Энд өгүүлж бүхий нэгдүгээр үеийнхэн гэдэгт хамжлагат нийгмийн харанхуй ёс, бурхан шашны бурангуй номлолд доройтон мансуурч, мухар сүсэгт мунхран, амьдралын сайн сайхныг хойт насандаа даатган залбирч, энэ төрлийнхөө зовлон зүдгүүр, уй гашууг хүлцэн наманчилж яваа

Должин, Хишигт, Ням, Галсан нарын дүр, хоёрдугаар үе гэдэгт тэмцэл бол нүгэл биш буян, хөдөлмөр бол там биш жаргал мөн гэсэн хувьсгалын бүрэн дуугаар олон зуун жилийн шарын шашин, мухар бишрэлийн амтат зүүднээс сэрж, жанжин Сүхбаатар тэргүүтэй хувьсгалын удирдагчдын зарлиг тушаалаар итгэл зориг, эв нэгдлээ болгосон Эрдэнэ, Хуяг, Дорж, Дулмаа нарын дүр, гуравдугаар үе гэдэгт хувьсгалын хэргийг залгамжлан авч, гүнзгийрүүлэн шинэ нийгмийг цогцлон байгуулах шинжлэх ухаан, шинэ цагийн төрөлжсөн мэргэжлээр улс гэр, нийгэм, хүн ардын амьдралын хувь заяаг аварч өөрчлөхийг түүхийн явцаар хүлээхийн хамт үүргээ гүнзгий мэдэрч байгаа Бат, Жаргал, Солонго нарын дүр нэгд нэгэнгүй илэрхийлэгдэн бүтээгджээ [Мандал 1988 : 24].

Үүнээс бид тус романд Монгол улсын ард түмний феодал хүчний эсрэг эрс тэмцэл явуулж, Орос улсын арван сарын (октябрийн) хувьсгалын нөлөөгөөр эрх чөлөөт тусгаар тогтнолоо сэргээж, туурга тусгаар бүгд найрамдах улс болсноо тунхаглахаар тэмцсэн бүх явцыг багтаан бичсэнийг мэдэж болно.

Дээр өгүүлсэн ёсоор «Тунгалаг Тамир» романд амилан бүтээгдсэн зохиолын гол дүрүүд бүгд гурван үеийн хориод хүний дүр байдаг. Зохиогчоос эдгээр олон харилцан адилгүй дүр төрхийг бүтээхээр дамжуулан тухайн үеийн цаг төрийн байдал, нийгмийн тэмцэл, ард түмний амьдралын түүхийг тодруулан өгүүлж, Монгол улсын нийгмийн зөрчил мөргөлдөөн хурц ширүүн байсан цаг үед амьдарч асан янз бүрийн давхаргын хүн ардын сэтгэлгээний хувиралт, түүний дотроос хатуу чанга тэмцлийн дүр зургийг дэлгэн илчилжээ.

Энэхүү «аварга» бүтээл нь хэл, соёлын талаар судалгааны чухал ач холбогдолтойгоор үл барам Монгол үндэстний түүхийн судалгааны хувьд ч ашиглаж болмоор тун чухал ач холбогдолтой болохыг тэмдэглэх нь зүйтэй юм. Тийм болохоор энэ романыг «XX зууны шилдэг монгол роман» мөн хэмээн монголын уран зохиол судлаач эрдэмтэд дуу нэгтэйгээр хүлээн зөвшөөрчээ.

1977 онд босоо монгол бичгээр хөрвүүлэгдэн Өвөрмонголын олон түмэн уншигчийн оюуны хүртээл болж чаджээ. Босоо монгол үсгээр анх удаа хэвлэгдсэнээс хойш энэхүү роман зургаан удаа хэвлэгджээ [Хосбаяр 2007: 23]. Хэдийгээр хэвлэгдэх

удаа бүрийн хэвлэгдсэн тоо нь харилцан адилгүй боловч тухайн хэвлэлт болгондоо уншигчдын захиалгын тоонд тулгуурлаж гаргасан төлөвлөгөө ёсоор хэвлэгдсэн учраас тэр даруйдаа тархагдан дуусчихдаг. Юуны урьд энэхүү тооны бүртгэлээс авч үзвэл «Тунгалаг Тамир» роман нь Өвөрмонголын уншигчдын сэтгэл зүрхэнд гүн хоногшиж, нэгэн үе «Тунгалаг Тамир»-ын «халуурал» болох хэмжээнд нэгэнт хүрч байсныг тэмдэглүүштэй. Энэхүү сонирхолтой үйл явцын хүрээнд «Засагт ханы цахиур Төмөр», «Эр хүн эр хүндээ хайртай», «Баян Итгэлтийн хүү Хонгор» гэхчлэн зохиолын баатрын нэрсийг нь орлуулан өөрийгөө өгүүлж, түүх соёл, баатар эрс, адуу малаараа бахархсан хүмүүс болцгоохын зэрэгцээ Өвөрмонголын уран зохиолд «Тунгалаг Тамир» гэх романыг бат бэх байр суурьтай болгон бэхэлжээ. Нэн онцгойлон «цахиур» Төмөрийн зүгээс Итгэлтийн хүү Хонгорт хэлсэн «эр хүн эр хүндээ хайртай» [Лодойдамба 1971: 10] гэх үг уншигчдын сэтгэл зүрхэнд гүн сэтгэгдэл төрүүлж, ид хүч, сэтгэл итгэлийн тэнхээ авч буй мэт амнаас ам дамжин яригдаж, бичгээс бичиг дамжин бичигдэх болжээ.

«Тунгалаг Тамир» түүхэн роман Өвөрмонголд босоо монгол бичгээр хэвлэгдэн тархагдасны дараагаар Өвөрмонголын уран зохиолын яс чанар, нэн онцгойлон романы бичлэгийн арга хэлбэр, үзэл бодлоо илтгэх арга зарчмын хувьд мэдэгдэхүйц хувиралт гарсаныг утга зохиолын түүхийн судалгаа баттай гэрчилж чадна.

Соёлын хувьсгалын үед соёл түүх, язгуур урлаг, уламжлалт амьдралын үзэл бодлоо хэрэглэж үл болох дарамтад дарлагдаад дөнгөж сая эрх чөлөөгөө олж байсан Өвөрмонголчуудад «Тунгалаг Тамир»-ын бичлэгийн хэлбэр, жич бичлэгийн үзэл санаа нь Өвөрмонголын зохиолчдын үзэл бодлыг түргэн чөлөөлж, сэтгэхүй урлагийг нь баяжуулж, амьдрал, улс төр, нийгмийн шахалтад өртөлгүй чөлөөтэй сэтгэн бодолхийлж зохиол бүтээлээ системтэй туурвих замыг зохих хэмжээнд нэмэгдүүлжээ. «Тунгалаг Тамир» роман нь Монгол улсад дөрвөн ангит кино болгон найруулагдаж [Вен Ин 2013: 43], «Тунгалаг Тамир» хэмээх романыхаа нэртэй ижил нэртэйгээр урлагийн байгууллагуудын тогтолцоогоор дамжин цацагдсан нь Өвөрмонгол уншигчдын хүсэл сонирхлыг татаж, киног нь ахин дахин үзэхийн хамт түг

түмэн уншигчдыг дахин нэг удаа «Тунгалаг Тамир» романыг сонирхон уншихад хүргэжээ. Иймээс «Тунгалаг Тамир» романы Өвөрмонгол уншигчдын оюуны эрэлт хэрэгцээг хангаж, хүсэл сонирхлыг татсан, жич эрдэмтэн судлаачдын судалгааны үр дүнгүүдээс ч харсан, аль эсхүл «Тунгалаг Тамир» киноны урлагийн үнэ цэнэ, үүрэг, ач холбогдлоос ч дүгнэн үзэхэд, «Тунгалаг Тамир» роман нь Өвөрмонголын уран зохиолд багагүй хэмжээний түлхэц үзүүлж, Өвөрмонголын романы туурвилтыг шинэ шатанд гарахад ихээхэн нөлөө үзүүлсэн гэж хэлж болох юм.

Монгол улсын орчин уран зохиолын шилдэг бүтээлүүд нь анх хорьдугаар зууны тавиад оноос эхлэн Хятад хэлнээ орчуулагдаж эхэлжээ. Ингээд 1955–1965 оны хоорондох охорхон арван жилийн хооронд роман, жүжиг, яруу найргийг багтаасан нийт 20-иод бүтээл хэвлэгдсэнээр Монгол улсын уран зохиолын Хятад орчуулгын оргил үеийг бий болгожээ [Вен Ин 2005: 5]. Алдарт орчуулагч Вен Жүн Ге «Тунгалаг Тамир» романыг 1984 онд хятад хэлэнд орчуулжээ. Хятад хэлэнд орчуулагдсан «Тунгалаг Тамир» роман нь Өвөрмонголын ардын хэвлэлийн хорооноос хэвлүүлэн тараагдаж, тоо хэмжээний хувьд 8700 иж бүрэн ботид хүрсэн байна [Вен Ин 2013: 43].

Хэдийчинээ олон үндэстний хүртээл болох тусам төдий чинээ дэлхийн хэмжээнд хүрдэг нь илэрхий зүйл. Яг энэ үүднээс үзвэл, «Тунгалаг Тамир» роман нь монгол үндэстний жирийн байгаль орчин, нутаг усанд ердийн байдлаар өрнөж байгаа уламжлалт нүүдлийн соёлд суурилсан учраас Монголчуудын ажил амьдралдаа зохицуулан бүтээсэн зан үйлийн ариун дээд ёс суртахууныг илэрхийлэн харуулж, тухайн цаг үеийн нийгмийн амьдралыг хүүрнэн өгүүлсэн учраас Монгол соёлын агуулгаар туйлын баялаг байдаг. Тэр тусмаа «Тунгалаг Тамир» романд маш олон ардын дуу, зүйр үг, хэлц үг, үлгэр домог зэргээс гадна Монгол үндэстний уламжлалт зан үйлийн ёс горим, эмх цэгцийг бодит амьдралд уялдуулан дараалуулж уран яруугаар хүүрнэжээ.

Тухайлбал, «Цахиур» Төмөрийн цаг үргэлжид дуулж, морины нуруун дээр дууны ид шидээр аяны ядаргаагаа гаргадаг «Эрдэнэ засгийн унага» бол Монгол ардын уртын дууны нэг бөгөөд эр хүний хүчин зоригийг хөвчилж, амьдралын сайн

сайхныг бэлэгшээсэн энэхүү дуу «Тунгалаг Тамир» романд эхлэлээсээ төгсгөл хүртлээ тууштай өгүүлэгдсэн байдаг. Нөгөө талаар, «Тунгалаг Тамир» романд илэрсэн газрын нэр, амьдрал ахуйд илрэх эд хэрэглэл, хэрэг учрын нэрийдэл, мал ахуй, амьтан араатны дуудлага шинж, тэрчлэн зохиолын баатруудын нэр гэх зэрэг аль олон төрөл зүйлийн талаарх дүрслэл, мэдээлэл нь нэгэн соёлын системийг бий болгож байгаагаараа бүхэлдээ тус зохиолыг судлаж болох салбар судалгааны хандлагыг өөртөө агуулахад хүрсэн гэж үзэж болно.

Харин уг романыг хятад хэлэнд буулгасан нь Монгол үндэстнийхээ зан заншил, ёс суртахууныг амьдралын явцдаа ойлгож суралцсаны хүчинд хоёр өөр соёлын харилцан адилгүй шинжүүдийг оновчтой үг хэллэг, нэр томъёо, зан үйлүүдээр дамжуулан илэрхийлж чадсанаараа «Тунгалаг Тамир» романы хэл хэллэг, утга агуулгыг дээд зэргийн мэдрэмжээр амьдлаг орчуулж, Өвөрмонголын, улмаар Дундад улсын түг түмэн уншигчдад амжилттай хүргэж чаджээ.

Орчуулагчийн ажил бол зөвхөн үг хэллэгийг махчилан орчуулж, цэг тэмдэг, язгуур дагаварыг зөв оновчтой хэрэглэвэл болчихдог ажил биш юм. Орчуулга нь соёл хоорондын харилцаанд ямар нэгэн өө сөв гаргалгүй нэг үндэстний соёл боловсрол, амьдрал тэмцлийн үзэл санааны хандлагыг язгуур чанараар нь өөр бусад үндэстний уншигч түмэнд хүргэх явдал бөгөөд энэ нь орчуулагчийн ажлын утга учир мөртлөө чухал чанар мөн [Ли Зай Ду, Мэн Жу Юан 2005: 591]. Орчуулгын явц дунд соёлын хоёр өөр тогтолцооны хоорондох зөрөө үүсэхээс гадна тэдгээрийг тэмдэглэн илэрхийлдэг хэл ярианы зөрөө, үг хэллэгийн дэс дарааны хувьд ч ялгаа зөрөө үүсдэг юм.

Орчуулагчаас «Тунгалаг Тамир» романыг орчуулахдаа хэл хэллэг, зан заншил, амьдрал ахуй, соёл боловсролын харилцаан дахь саад бэрхшээлийг нэгд нэгэнгүй даван туулж, Өвөрмонголын уран зохиолын Хятад хэлний хэрэглээг ч шинэ шатанд ахиулсан төдийгүй Дундад улсын монгол зохиолчдын хятадаар илэрхийлэх явцад хүндрэл учруулж буй хэл хэллэг, соёл боловсролын асуудлуудыг дөхөм дөт, амьдлаг дүрслэх арга замыг баяжуулж байгаагаараа чухал ач холбогдолтой юм.

Монгол улсын алдарт зохиолч, соёлын гавьяат зүтгэлтэн, төрийн хошой шагналт

Ч. Лодойдамба гуай Тамирын голын хөвөөндөө үе үеийн турш амьдарсан малчин түмний амьдрал ахуйд суурилж, Тамирын хөндийд, түүгээр дамжуулан нийт Монгол улс даяарт болж буй нийгэм-улс төр, ахуй амьдралын хувьсалт өөрчлөлтийг илэрхийлэн өгүүлж, улс төр, нийгэм амьдралын зөрчил мөргөлдөөнийг нэгд нэгэнгүй уран зохиолын дэг маягт урлагжуулан «Тунгалаг Тамир» романаа туурвин бүтээжээ.

«Тунгалаг Тамир» романд үндэстний шинж ба орон нутгийн онцлог шинжийг ил тод илрүүлэн гаргасан юм. Монголын уламжлалт сайн «эр»-ийн дүр ба өвөрмөц зан үйлүүд, Монгол үндэстний уламжлалт ёс заншлыг илрүүлэн гаргасан төдийгүй нүүдлийн соёл иргэншил, мал аж ахуйн амьдралаас урган гарсан олон хэвшмэл хэллэг, хэлц үг, ардын дуу, шүлэг, ерөөл магтаалыг багтаажээ. Босоо монголд хөрвүүлэгдэн хэвлэгдсэнээсээ гадна «Тунгалаг Тамир» роман эдүгээ нэгэнт гадаадын найман хэлээр орчуулагдахын хамт «Тунгалаг Тамир» гэсэн нэр бүхий гурван анги киног романы агуулгын дагуу найруулагдаж нийтийн хүртээл болсон билээ. Тус зохиол нь Монгол улсын ерөнхий боловсролын сургуулийн сурагчдын уран зохиолын сурах бичигт сонгогдон орсон зэрэг мэдээ сэлтээс тус романы уран зохиолын хүрээнд болоод судалгаа шинжлэлд үзүүлсэн үнэ цэнэ буюу хувь нэмрийг зохих хэмжээгээр харуулна.

«Тунгалаг Тамир» роман Өвөрмонголын уншигчидтай анх золгосноосоо аваад өнөөдрийг хүртэл уншигчдын хүсэл сонирхлыг татаж, оюуны эрэлт хэрэгцээг хангасаар байна. Өвөрмонголчуудын дунд «Тунгалаг Тамир»-ын уншилт хийх, «Цахиур» Төмөрөөр бахархах сэтгэгдэл өнөөг хүртэл үргэлжилсээр байгаа юм. Нүүдлийн соёл иргэншил, бэлчээрийн мал аж ахуйгаас үүдэн тогтсон амьдралын соёл, онцлогт суурилж, уламжлалт зан заншлыг дэлгэн үзүүлээд мал аж ахуй, тал нутгийн энгүүн амьдралыг зураглан бичсэн болохоороо Өвөрмонголын уран зохиолын хөрсөнд ч удаж төдөлгүй дэлгэрэн тархаж, соёлын үр шимээ харамгүй түгээсээр уншигчдын сэтгэл зүрхэнд гүнээс гүн үндэслэжээ.

«Тунгалаг Тамир» романаас хойш Өвөрмонгол уран зохиолчдын түүхэн сэдэвт роман, «сайн эр»-ийн дүр төрхийг бишрэн

магтсан сэдэвтэй, шарын шашны нөлөө тусгалыг шүүмжлэн илчилсэн агуулга бүхий Өвөрмонголын нийгмийн амьдралын зөрчил мөргөлдөөн, чөлөөлөлтийн үеийн цаг төрийн сэдэв бүхий роман зохиолууд удаа дараагаар зохиогдон уншигчдын гар дээр хүрэх болжээ.

«Тунгалаг Тамир» роман нь Өвөрмонгол зохиолчдын бүтээн туурвихуйн сэтгэлгээг чөлөөлсөн төдийгүй Өвөрмонгол уншигчдын талархлыг хүлээсэн төдийгүй эрдэмтэн судлаачдын судалгааны ажлын үр дүнгээс ч үзсэн мөн адил, аль эсхүл «Тунгалаг Тамир» киноны урлагийн үнэ цэнийг тусгайлан авч үзсэн ч «Тунгалаг Тамир» роман нь Өвөрмонголын уран зохиолд бага бус хэмжээний нөлөө үзүүлж, Өвөрмонголын романы төрлийн бүтээл туурвиланд чухал түлхэц үзүүлжээ.

Нөгөө талаар, «Тунгалаг Тамир» романы 1984 онд хятад хэлэнд орчуулагдан хэвлэгдсэн явдал нь Дундад болон Монгол хоёр улсын соёлын солилцооны түвшинг бас нэгэн шатаар ахиулан урагшлуулж, Монгол уран зохиолын орчуулгын болон хэл зүйн бусад саад тотгорыг хэрхэн даван туулах үлгэр жишээ болж өгсөн төдийгүй орчуулгын онол, арга зүйн асуудалд ч багагүй хэмжээний ахиц дэвшлийг авчирсан гэж үзэж болно. Монгол үндэстний өвөрмөц онцлог бүхий зан заншил, ёс суртахуун, нүүдэл буудал, мал ахуй, хувцас засал, эд хэрэгсэлтэй холбогдох нэр томъёо, газар усны нэрийдэл, мал амьтдын дуудлага зэргийг жинхэнэ агуулгаар нь үзүүлсэнээр Монгол амьдралын баялаг сайхан, тухайн үеийн нийгэм нийтийн зөрчилдөөний хурц ширүүн байдлыг илчлэн тусгаж чаджээ.

Хураангуйлбал, соёлын харилцааны үзэл санааны үүднээс авч үзвэл «Тунгалаг Тамир» романы Өвөрмонгол дахь Хятад, Монгол хос хэвлэл нь цөм уншигчдын таашаалыг нэгэнт олж, Өвөрмонголын монгол, хятад хос хэлэн дэх зохион бүтээлт, улмаар Өвөрмонголын романы туурвилд гэгээн саруул ирээдүйг харуулж чадсанаараа чухал ач холбогдолтой юм. Монгол, хятад хос хэлний «Тунгалаг Тамир» роман нь Дундад болон Монгол хоёр орны соёлын солилцоонд зохих хувь нэмэр үзүүлсэн төдийгүй Монгол үндэстний нийгэм, амьдрал ахуй, нүүдэл соёлын өвөрмөц онцлогуудыг эерэгээр хүлээж авах үнэлэмжид чухал нөлөө үзүүлж чаджээ.

Литература

- Ван Мин.* Монгол улсын орчин үеийн уран зохиолын орчуулгын дундоршиж буй асуудлын тухай (Ч. Лодойдамбын «Тунгалаг Тамир» романы жишээн дээр) // Өвөрмонголын багшийн их сургуулийн нийгмийн шинжлэх ухааны эрдэм шинжилгээний сэтгүүл. 2010. № 39 (1). Х. 25–33.
- Вен Ин.* «Тунгалаг Тамир» романы Хятад орчуулгын ололт, амжилт // Баруун хойдын үндэстний их сургуулийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүл. 2013. Х. 43–47.
- Вен Ин.* «Тунгалаг Тамир»-ын соёлын бүтцийг шинжлэх нь // «Дундад улсын монгол судлал» сэтгүүл. 2005. 5 сар. Х. 16–21.
- Ли Зай Ду, Мэн Жу Юан.* Дундад улсын орчуулгын соёлын түүх. Бээжин: Бээжингийн их сургуулийн хэвлэлийн хороо, 2005. 591 х.
- Лодойдамба Ч.* Тунгалаг Тамир. Хөххот: Өвөрмонголын ардын хэвлэлийн хороо, 1999. 482 х.
- Лодойдамба Ч.* Тунгалаг Тамир. УБ: Монгол улсын хэвлэлийн хороо, 1971. 453 х.
- Мандал А.* «Тунгалаг Тамир» дахь Итгэлтийн дүр // Өвөрмонголын үндэстний багшийн дээд сургуулийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүл, 1988. Х. 24–26.
- Хосбаяр Ч.* Лодойдамба ба түүний зохиол бүтээлийн тухай // Өвөрмонголын багшийн их сургуулийн докторын зэрэг горилсон нэг сэдэвт бүтээл, 2007. Х. 23.

References

- Lodoidamba Ch. *Tungalag tamir* [Transparent Tamir]. Hohhot, Inner Mongolia People's Publ. House, 1999, 482 p. (In Mong.).
- Van Min. *Mongol ulsyn orchin ueiin uran zohiolyn orchuulgyn dund orshizh buj asuudlyn tuhaj* (Ch. Lodoidambyn "Tungalag tamir" romany zhisheen deer") [On the issues of modern Mongolian literature (evidence from Ch. Lodoidamba's novel *Tungalag Tamir*). *Övörmongolyn bagshiin ih surguuliin niigmin shinzhljeh uhaany erdem shinzhilgeenij setgüül* [Scientific journal for social studies of Inner Mong. Pedagogical Univ.], 2010, No. 39 (1), pp. 25–33 (In Mong.).
- Lodoidamba Ch. *Tungalag tamir* [Transparent Tamir]. Ulaanbaatar, Mongolian Publ. House, 1971, 453 p. (In Mong.).
- Mandal A. "Tungalag tamir" dah' Itgeltiin dür [The image of Itgelt in the novel *Tungalag Tamir*]. *Övörmongolyn undestnij bagshiin deed surguuliin erdem shinzhilgeenij setgüül* [Scientific journal of Inner Mong. National Pedagog. Institute], 1988, pp. 24–26 (In Mong.).

- Hosbayar. *Ch. Lodoidamba ba түүний зохиол бүтээлийн тухай* [About Ch. Lodoidamba and his compositions]. *Övörmongolyn bagshiin ih surguuliin doktoryn zereg gorilson neg sedevt бүтээл* [An abstract of the Ph.D. thesis. Inner Mong. Pedagog. University], 2007, 23 p. (In Mong.).
- Ven In. “*Tungalag tamir*” romany Hyatad orchuulgyn ololt, amzhilt [Merits of the Chinese translation of the novel *Tungalag Tamir*]. *Baruun hoidyn үндэстний ih surguuliin ердэм шинжилгээний setgүүл* [Scientific journal of North-Western National Univer.], 2013, pp. 43–47 (In Chinese).
- Ven In. “*Tungalag tamir*”-yn soyolyn бүтэц шинжлэх н’ [Studying the cultural component of the novel *Tungalag Tamir*]. “Dundad ulsyn mongol sudlal” setgүүл (*Mongol Studies of China journal*), 2005, iss. 5, pp. 16–21 (In Chinese).
- Li Zaj Du, Mjen Zhu Juan. *Dundad ulsyn orchuulgyn soyolyn түүх* [The history of translation studies in China]. Beijing, Beijing Univ. Press, 2005, 591 p. (In Chinese).

УДК 821.512.36

РОМАН «ПРОЗРАЧНЫЙ ТАМИР» И ЛИТЕРАТУРА ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ: РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ

(«Тунгалаг Тамир» романы Өвөрмонголын уран зохиолд үзүүлсэн нөлөө, ач холбогдол)

Хишигдэлгэрийн Хөхмандал¹

¹ аспирант, кафедра литературы и искусства, Монгольский государственный университет (Улан-Батор, Монголия). E-mail: 920321387@qq.com.

Аннотация: Роман «Прозрачный Тамир», написанный известным монгольским литературоведом Ч. Лодойдамбой, был удостоен двух государственных премий Монголии и является одним из лучших произведений автора. Также этот роман, признанный в Монголии лучшим романом XX в., занимает достойное место в кинематографе и пользуется необычайной популярностью среди читателей. Он вообрал в себя общественный строй, жизнь и чаяния монгольского народа, начиная с 1914 по 1921 гг. Автор делает попытку проанализировать значимость, влияние, место и роль романа в культурах Монголии и Китая. «Прозрачный Тамир» оказал заметное влияние на культурную жизнь Внутренней Монголии, что повлекло за собой бурное развитие литературы в данном регионе.

Ключевые слова: Роман «Прозрачный Тамир», литература Внутренней Монголии, роль и место.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 160–167, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-160-167
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398.224

Sacral Values of the Jangar Epic

Petr Ts. Bitkeev¹, Grenada S. Bitkeeva²

¹ Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Department of the Kalmyk Language and Mongolian Studies, Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: bipetr37@yandex.ru.

² Ph. D. in Philology, Associate Professor, Department of Germanic Philology, Institute for the Humanities, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: bipetr37@yandex.ru.

Abstract

The paper presents new arguments that the Kalmyk epic of Jangar is an exceptional epic tale based on the people's sacral values that are of great importance for the global civilization as well. It should be mentioned that the Jangar epic is far from being fully analyzed. A lot of questions regarding the epic have yet to be dealt with by research and including those of sacral values which constitute the topic of the present paper.

Based on their research, the authors of the article come to the conclusion that the most important idea that serves as the basis for the epic is sacral values that are of universal significance.

One of the most important values proclaimed in the epic is the land of Bumba which is a great and powerful empire, and its essential ideal, its *raison d'être*, is to provide peace and happiness to the people. It is a land where people live in peace, harmony and prosperity, it is a society where people are not murdered, do not get punished or humiliated. Bumba is a land where people live in social and material equality, where a person is respected only for being a human being, a bearer of new ideas and new values.

Another value is the citizens of the land of Bumba who live by the laws of social equality. Jangar Bogd-Khan (the ruler) himself and his brave and victorious heroes (knights) defending the land of Bumba and their people from attacks of external enemies also serve as another value. Thereby they also defend the ideas the land of Bumba lives by. Those are ideas of peace and prosperity, equality and happiness. The authors of the paper assert that these ideas are based on certain sacral values. Moreover, as is evident subsequent to the results of the conducted analysis of corresponding data from the epic, the high moral standards of the people of the land also form a sacral value.

The postulates of the author of the epic are conceptual: the promoted moral values are based on what the author of the epic regards as a realistic possibility to construct a new happy society.

Keywords: sacral values, Jangar epic, land of Bumba, social and material equality, peace and happiness, moral code in society, mutual respect.

Фольклор, являясь составной частью культуры народа, тесно связан с историей формирования общечеловеческой цивилизации. Особое место в этом отношении занимает эпический фольклор, представленный в устной традиции калмыков эпосом «Джангар».

Эпос «Джангар» всегда привлекал внимание ученых, писателей и деятелей культуры. Вслед за замечательным монголоведом К. Ф. Голстунским многие выдающиеся монголоведы, внесшие большой вклад в исследование эпоса, называли его «дивной поэмой» [Котвич 1958; Владимирцов 1967; Козин 1941; Бергман 1804; Бобровников 1864; Кугультинов 1990], а также А. М. Позднеев, Н. И. Михайлов, И. И. Попов, Н. В. Гоголь, М. Шагинян, С. И. Липкин, Н. Очиров и др.

Изучению эпоса «Джангар» посвящены работы таких современных калмыцких исследователей, как Н. Ц. Биткеев, А. Ш. Кичиков, Э. Б. Овалов, Н. Б. Пюрвеева, Т. Г. Борджанова, Е. Э. Хабунова и др. Исследователи обращают особое внимание на художественные особенности эпоса и описывают храбрость и отвагу богатырей, их безграничную преданность своей родине, стране Бумба, Джангар Богдо-хану и своему народу.

Языку «Джангара» посвящено монографическое исследование Б. Х. Тодаевой «Опыт исследования языка эпоса «Джангар» [Тодаева 1976]. Изучение лингвистического аспекта эпоса находит сегодня продолжение в творческих поисках А. Бьерке, но уже с применением современных методов компьютерной технологии по системе «Конкорданс» [Бьерке 2009: 67–73].

Однако многие проблемы, связанные с этим прекрасным творением предков калмыцкого народа, все еще ждут научного изучения. Определение достоинства «Джангара» требует сравнительного анализа его с аналогичными эпическими произведениями других народов. Решение проблем историзма эпоса «Джангар» требует комплексного подхода с привлечением материалов из других областей знания, в частности, исторических данных калмыцкого и других народов, включая археологические и этнологические сведения.

М. Шагинян отметила сходство основополагающих идей «Пятерицы» Низами и калмыцкого эпоса «Джангар» [Кугультинов 1990: 8]. Исследования в этом отношении

необходимо продолжить, поскольку те объективные высокие оценки и эпитеты, которыми наделяли «Джангар» выдающиеся ученые, мыслители, известные общественные и государственные деятели, нуждаются сегодня в дополнительном научном обосновании, что требует применения новых методологических подходов.

В качестве методологической основы исследования данной проблемы нами был выбран принцип, согласно которому достоинства эпоса «Джангар» оцениваются путем сравнительного анализа краеугольных концептуальных положений эпоса с точки зрения высших критериев общечеловеческих ценностей. В первую очередь, это проблемы счастливой жизни общества и каждого его члена.

Центральное место в эпосе «Джангар» отведено стране Бумба и, естественно, ее героям — хану великой державы мира Джангару, его богатырям и народу страны. Исследователи и поэты воспринимали эту страну как страну мечты. Такое представление отразилось, в частности, и в известной песне «Бумбин орн» («Страна Бумба»), которая была принята общественностью как гимн Республики Калмыкия. Слова поэта Л. О. Инджиева, автора текста песни, звучат следующим образом: *Кесг зун жилин туршарт кўслмвидн Бумб билә* 'На протяжении многих веков мечтой нашей была Бумба'.

В известной степени можно согласиться с тем, что эти слова отражают также мечту народа о счастливой жизни на протяжении тысячелетий. В наше время люди склонны связывать это с идеями эпоса «Джангар», которые воспринимаются как выраженная в поэтической форме мечтательность, что вполне естественно, ибо аналогичные явления встречаются в любом другом произведении такого типа. Однако нетрудно заметить, что автор эпоса совсем по-другому представлял страну Бумба. Далеким предок калмыков, великий мыслитель-гуманист искренне верил в то, что на земле можно создать страну нового типа, где люди, в том числе хан и его оборонительная сила — дружина, состоящая из храбрых и отважных богатырей, живут по совершенно новым, гуманным законам, обеспечивающим счастливую радостную жизнь для всех.

Страна Бумба — то место, где люди уважают друг друга, где человека уважают только потому, что он человек, где люди чувствуют себя достойными гражданами

страны. Люди в стране Бумба — особые люди. Они носители счастья, человеческой доброты, исполненные благородных чувств. На практике эти отношения регулируются еще субординацией людей по возрастному принципу, который соблюдается и поддерживается на государственном уровне. Этот замечательный принцип был для калмыков важнейшим в отношениях между людьми в обществе, о чем свидетельствует и поговорка *Кен ахан кундлэд, кен дүүһэн тевчэд* ‘Относиться уважительно к старшим, учтиво — к младшим’. Обращает внимание в этом отношении принцип размещения участников на торжествах при дворе хана:

*Цал буурл сахлта
Элжэ улан эмед нег дунһра күцэд,
Цууда цаһан берэд нег дунһра күцэд,
Цусн улан күүкд нег дунһра күцэд
суудг гинэ.*

Белобородые старцы составили круг.
Краснощекие старушки составили круг.
Светлолицие женщины составили круг.
Молодые девушки составили круг.

[Пер. авт.]

Однако на пути создания такого идеального общества возникали, на наш взгляд, по меньшей мере, два практически непреодолимых препятствия. Во-первых, надо полагать, автор эпоса хорошо понимал, что в обществе материального неравенства очень трудно достичь социального равенства. Сегодня совершенно очевидно, что это практически невозможно. Страна Бумба построена, судя по всему, на основе феодального строя и, естественно, феодальных отношений. Феодальный строй — это, как известно, классовое общество, где доминируют отношения господства одних и подчинения других. Но автор эпоса считал, что богатство само по себе не приносит счастья людям. Он был убежден, что справедливость в обществе и равенство граждан могут быть установлены и при материальном неравенстве членов общества. Правда, он ввел для этого понятие, которое фактически полностью нейтрализует фактор материального неравенства. Это выражено в следующих строках эпоса: *Эврэ күүнэ гих юмн уга* ‘Нет ничего, что [можно] назвать своим и чужим’. Люди жили, не деля на «мое» и «твое». Следовательно, у них не было привязанности к материальным ценностям. Ценность общества страны Бум-

ба составляли, по убеждению автора эпоса, люди как носители высоких нравственных идей, счастливые люди, живущие в полной гармонии в обществе и с самой природой.

Второе препятствие — это природа самой жизни людей на земле. Она не бывает, как известно, ровной и гладкой. Как говорит калмыцкая поговорка: *Күүнэ жүрһл нег кевэр бээдго* ‘Счастье человека не бывает одинаково ровным на протяжении всей его жизни’. Это хорошо понимал и автор эпоса «Джангар», являвшийся великим благородным мыслителем. Это нетрудно заметить в следующих строках эпоса:

*Орчлңгин сээхн Мингиян
Йирн йисн нүктэ
Йиндр мөңгн хууриг
Адг арандан айслулад,
Гер шүдндэн геглзүлэд,
Зовлңгин зун нээмн айс татад,
Жирһлин жүрн нээмн айс татад
Бээдг болна.*

В данном тексте представляют интерес места, которые повествуют о том, что красавец вселенной богатырь Мингиян играл на музыкальном инструменте — хууре, издавая сто восемь мелодий страдания и шестьдесят восемь мелодий счастья. Из этого следует, что автор эпоса четко представлял соотношение страдания и счастья человека в этом мире.

Именно это препятствие, которое, на первый взгляд, несовместимо с проходящими красной нитью через весь эпос идеями и положениями, согласно убеждениям автора эпоса, также возможно преодолеть. Основой такой возможности преодоления социальных трудностей автор эпоса считал нравственность, которая должна пронизывать все слои общества и являться основным кодексом поведения граждан страны, независимо от их материального и социального положения в обществе и возраста.

В подтверждение сказанного приведем некоторые эпизоды из эпоса, например, эпизод, когда мать Хонгора по просьбе сына трижды перешагнула через Джангара, смертельно раненного, со стрелой у сердца. Стрела должна была выпасть, если этот ритуал совершала женщина безукоризненной, кристальной чистоты. Стрела повисла на кончике, но не выпала. Тогда мать Хонгора, перебирая в памяти события, начала вспоминать:

Как-то на следующий год
 После замужества, весной,
 Приключилась беда со мной.
 Делала я кобылицам обход,
 Помню, хороший был удой,
 Вдруг один жеребец гнедой
 Матку покрыл. В ту пору еще
 Глупой была я. Молодой,
 И на них через плечо
 Страстолюбивый бросила взгляд.
 Вот от чего, может быть, стрела
 Выйти из раны теперь не могла!

[Пер. С. И. Липкина]

В предисловии к книге «Калмыцкий народный эпос» Давид Кугультинов приводил полные восхищения слова поэта — переводчика эпоса «Джангар» С. И. Липкина, который восклицал: «Посмотрите, какое целомудрие, какая нравственная высота! Ведь какая нравственность, если только необдуманно брошенный взгляд есть нарушение целомудрия, чистоты души!» [Кугультинов 1990: 11].

Совершенно очевидно, что данный эпизод в эпосе «Джангар» свидетельствует о том, что представления автора эпоса о сфере деятельности человека, на которую распространяется нравственность, расходятся с нашими обыденными представлениями. Согласно убеждениям автора эпоса, нравственность охватывает и ту область деятельности человека, которая совершается еще на мыслительном уровне, когда человек внешне еще ничего не совершил, а только подумал или был охвачен какой-то эмоциональной волной.

Идеи высокой нравственности, духовности, которые были для людей страны Бумбы сакральными, пронизывают красной нитью весь эпос. В подтверждение можно привести еще один пример, также связанный с нравственностью: когда для хана Джангара решили построить дворец, какого еще не было на этом свете, Мудрый Кюнкян Алтан Чееджи сказал: «Если мы построим дворец высотой до самого неба, то это будет выражением чрезмерного высокомерия, что обернется недобрым самому хану. Постройте дворец на три пальца ниже неба» [Героический эпос... 2015: 132]. Это высказывание также является проявлением высокой духовности людей страны Бумба и в отношении окружающей среды, в данном случае — синего неба.

Стоит отметить, что это высказывание созвучно по своему значению с традиционными ценностями калмыцкого народа, в чем нетрудно убедиться: и в настоящее время среди калмыков бытует поговорка *Дегд ик санан делкэ эзлгч ик хаанд чигн зоксмн уга* ‘Чрезмерное высокомерие не пошло впрок даже повелителю мира — великому хану’.

В этом отношении обращают на себя внимание и взаимоотношения хана и его богатырей. Они непосредственны, но, что очень важно, в них всегда присутствуют взаимные уважительность, учтивость, почтительность и доброта.

Богатыри вступают в борьбу с враждебными силами других стран и одерживают верх над ними. При этом невозможно не отметить следующие моменты. Во-первых, в борьбу не вовлечен простой народ. Повидимому, автор эпоса, являвшийся великим гуманистом, отчетливо представлял, что в любых военных действиях именно мирные жители очень часто становились жертвами претенциозных амбиций правителей, даже в те далекие времена, когда не было, например, современных видов оружия массового уничтожения.

Во-вторых, обращает на себя внимание и тот факт, что в эпосе нет никаких упоминаний о каком-либо виде насилия, порабощения или истребления народа, включая жестокие убийства. Мало того, нет упоминаний о каких-либо нападениях на другие страны и народы. В тексте встречается лишь один момент, носящий скорее справочный характер: *Дордын долан ориг дорацулж дуута Жаңһр нерэн дуудулгсн болдг* ‘Он взял верх над семью странами Востока и возвестил славное имя свое Джангар’. Это напоминает известное латинское изречение *Veni vidi vici* ‘Пришел, увидел, победил’, которое родилось в связи с тем, что Юлий Цезарь вопреки запретам Сената ворвался со своими легионами в Галлию в 49 г. до н. э. и одержал победу без боя.

Обращает на себя внимание значение слова *дорацулж* в приведенном выше отрывке. Перевод этого слова дается в словарях и текстах обычно как ‘побеждать, угнетать’ с пометой, что это переносное значение. В любом случае перевод не соответствует контекстуальному значению слова в эпосе.

Анализ текста эпоса показывает, что Джангару и его богатырям было чуждо стремление завоевать другую страну и по-

работить ее народ. Богатыри выходили на борьбу с иноземными богатырями только в том случае, если другое ханство готовилось напасть или шло войной на страну Бумба, и даже в этом случае сражения носили скорее символический характер. Нападавшие входили в состав страны Бумба, принимая принципы и идеи государственного устройства, после чего становились равноправными членами общества. Наглядный пример тому — мудрый предсказатель Кюнкян Алтан Чееджи, который сначала был противником Джангара, но впоследствии стал его преданным сподвижником.

Страна побежденного хана становилась относительно самостоятельной частью Бумбы. Однако привлечение других стран под власть своей державы у Джангар Богдо-хана носило совершенно иной характер, отличный от привычных представлений о возможных решениях конфликтов. Во-первых, ни у самого Джангара, ни у его богатырей даже не было мыслей о возможности грабежа, насилия или уничтожения народов, равно как и кровопролития. Причина была в том, что Джангар и его держава Бумба были носителями новых идей. Поэтому он утверждал на земле государство, основное идейное содержание которого составляли гуманизм, мир, справедливость, благополучие и, конечно, счастье для всех народов. Во-вторых, сражения с враждебными силами носили символический характер.

Правда, в эпосе можно найти выражения типа *Түмн жидин үзүр хуһлад*, что можно перевести как ‘Сломав наконецники тысячи копий’. Это иносказательная формула для передачи состоявшегося сражения. Однако в конце военных столкновений оказывалось, что погибших нет.

Основные концептуальные положения эпоса «Джангар» свидетельствуют о том, что его автор был глубоко убежден в возможности создания на земле реального мира и счастливой жизни для всех членов общества. И это возможно, как считал автор эпоса, если государство, его правитель и доблестные богатыри являются гарантами реализации идеологии уважения человеческого достоинства, идеологии жизни без зависти и вражды, без ненависти и междоусобицы, идеологии без насилия и наказания, идеологии, которая обеспечивает материальное и социальное равенство людей. Автор эпического творения был также убежден и в том, что в стране, где царят мир и счастье на ос-

нове высокой нравственности, в гармонии находится и сама природа:

*Увл уга хаврин кевэр,
Зун уга намрар,
Даарх киитн угаһар,
Халх халун угаһар,
Сер-сер салькта,
Бур-бур хурта
Бумбин орн болна.*

Смерть не ступала туда.
Люди не знали в этой стране
Лютых морозов, чтоб холодать,
Летнего зноя, чтоб увядать.
Осень сменялась там весной.
Ветер — колыханием был.
Дождь — благоуханием был.

[Пер. С. И. Липкина]

Надо сказать, что мечтой всего прогрессивного человечества, в первую очередь мыслителей, было создание такого общества, где люди жили бы счастливо. В этой связи уместно вспомнить об утопической литературе XVIII–XIX вв., насчитывающей более двух тысяч произведений. Их авторов критиковали за то, что они мечтали о свободе человека в свободном обществе, которое должно было находиться в абстрактном или уединенном от реальной жизни месте, нередко на необитаемом острове.

Автор калмыцкого эпоса говорит о возможности создания общества, построенного на основе новых принципов и не где-нибудь, а на земле, в том же пространстве и тех же условиях, где живут сами люди. Также он утверждает, что, если человек живет в гармонии с самим собой, обществом и природой, в его жизни не будет перепадов, отраженных в эпосе как сто восемь мелодий страдания и шестьдесят восемь мелодий счастья. Тогда и сама природа будет едина с таким обществом и милостива к нему.

Бумба — это великая могущественная держава, важнейшим идеалом и смыслом существования которой является обеспечение мира и счастья людей. Это страна, где важнейшим кодексом является принцип взаимного уважения людей, являющихся носителями идей добра и сострадания. Это страна, где нет унижения людей, жестокости, убийств, нет даже упоминаний о каких-либо формах наказания. В Бумбе нет отношений господства одних и подчинения других. Это страна, где люди живут, не деля

на «мое» и «твое». В основе всей идеологии лежат идеи высокой нравственности, провозглашающей все общество сверху донизу и ставшей нормой человеческой жизни, основой кодекса счастливой жизни на земле и конкретно в стране Бумба.

Эпос «Джангар», прекрасное художественное произведение, написанное выразительным языком, имеет логически выстроенную композиционную структуру. В нем провозглашается реальная возможность создания общества на основе нравственного совершенства человека, социального и материального равенства людей, общества, где люди счастливы, где царят мир, спокойствие и благополучие граждан. Поэтому калмыцкий эпос «Джангар» совершенно справедливо относится к числу выдающихся шедевров мирового эпического творчества.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14-04-00613 «„Живой язык“: трёхступенчатая теория сохранения и развития языков».

Литература

- Биткеев Н. Ц. Эпос «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 352 с.
- Бобровников А. А. «Джангар» // Вестник Императорского русского Географического общества. Ч. II. СПб., 1864.
- Борджанова Т. Г. О сюжетных функциях некоторых жанров обрядовой поэзии в эпосе «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Элиста: Джангар, 2004. С. 310–312.
- Бьерке А. Корпусный подход к исследованию лексики эпоса «Джангар» // Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве (Мат-лы Межд. науч.-практ. конф.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. С. 49–53.
- Владимирцов Б. Я. О «Джангаре»: ойратско-калмыцкий героический эпос / под ред. А. Ш. Кичикова, Г. И. Михайлова. Элиста: Калмгосиздат, 1967. 99 с.
- Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.
- Козин С. А. Джангариада: героическая поэма калмыков: введ. в изучение памятника и пер. торгут. его версии. Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 250 с.

Котвич В. Л. Джангариада и джангарчи // Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б. Я. Владимирцова. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 196–199.

«Джангар»: Калмыцкий народный эпос. Новые песни / пер. с калм., предисл. и коммент. Н. Ц. Биткеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 310 с.

Овалов Э. Б. Сюжетно-стилистические традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар»», 2008. 303 с.

Памятники фольклора монгольских народов. Т. I. Героический эпос «Джангар». М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2015. 1056 с.

Позднеев А. М. Калмыцкая хрестоматия. Изд. 2-ое. СПб.: б/и., 1907. 195 с.

Пюреева Н. Б. Поэтика героического эпоса «Джангар». Элиста: АПП «Джангар», 2003. 240 с.

Пурбэн Григорий. Жаңһрин дуулвр: сойл болн келн. Элст: Хальмг ик сурһуль, 2004. 103 х.

Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.

Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: Поэтические константы богатырского жизненного цикла (Сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.

Bergmann V. Nomadische Streifereien unter den Kalmucken in der Jahren 1802 und 1803 Bd. II. Riga, 1804. S. 205–221. Bd. IV. Riga, 1805. S. 181–214.

References

- Bitkeev N. Ts. *Epos "Dzhangar"* [The Epic of Jangar]. Elista, Kalm. Book Publ., 2006, 352 p. (In Russ.).
- Bobrovnikov A. A. "Dzhangar" [The Jangar]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo Geograficheskogo obshhestva* [Bulletin of the Russian Imperial Geographic Society], part II, Saint Petersburg, 1864 (In Russ.).
- Bordzhanova T. G. *O sjuzhetnyh funkcijah nekotoryh zhanrov obrjadovoj poezii v epose "Dzhangar"* [About the plot functions of some genres of sacramental poetry in the Jangar epic]. "Dzhangar" i problemy epicheskogo tvorchestva [The Jangar and issues of epic art]. Elista, Dzhangar Publ., 2004, pp. 310–312 (In Russ.).
- Bjerke A. *Korpusnyj podhod k issledovaniju leksiki eposa "Dzhangar"* [A corpus-based approach to the study of the vocabulary of the Jangar epic]. *Problemy funkcionirovanija i razvitija jazykov*

- v polilingval'nom prostranstve (*Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*) [Problems of Functioning and Development of Languages in a Polylingual Environment (Proc. of the International research and practice conference)]. Elista, Kalmyk State Univ. Press, 2009, pp. 49–53 (In Russ.).
- Vladimirtsov B. Ya. *O "Dzhangare": ojratsko-kalmyckij geroicheskij epos / red. A. Sh. Kichikov, G. I. Mihajlov* [About the Jangar: the Oirat-Kalmyk heroic epic. Edit. by A. Sh. Kichikov, G. I. Mikhaylov]. Elista, Kalmgosizdat Publ., 1967, 99 p. (In Russ.).
- Kichikov A. Sh. *Geroicheskij epos «Dzhangar». Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamjatnika* [The heroic epic of Jangar. A comparative and typological study of the literary monument]. Moscow, Vostochnaja Literatura Publ., 1997, 320 p. (In Russ.).
- Kozin S. A. *Dzhangariada: geroicheskaja poema kalmykov: vved. v izuchenie pamjatnika i per. torgut. ego versii* [Jangariada: A heroic poem of the Kalmyks (text). An introduction to the study of the literary monument and the translation of its Torghut version]. Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1940, 250 p. (In Russ.).
- Kotvich V. L. *Dzhangariada i dzhangarchi* [Jangariada and epic tellers]. *Filologija i istorija mongol'skih narodov. Pamjati akad. B. Ja. Vladimircova* [Philology and history of Mongolian peoples. In memory of acad. B. Ya. Vladimirtsov]. Moscow, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1958, pp. 196–199 (In Russ.).
- "Dzhangar": *Kalmyckij narodnyj epos. Novye pesni. Per. s kalm., predisl. i komment. N. Ts. Bitkeeva* [Jangar: the Kalmyk people's epic. New songs. Transl. from Kalmyk, comment. and the foreword by N. Ts. Bitkeev]. Elista, Kalm. Book Publ., 1990, 310 p. (In Russ.).
- Ovalov E. B. *Sjuzhetno-stilisticheskie tradicii v epose "Dzhangar" i ego versijah* [The plot and stylistic traditions in the Jangar epic and its versions]. Elista, Dzhangar Publ., 2008, 303 p. (In Russ.).
- Pamjatniki fol'klora mongol'skih narodov. T. I. Geroicheskij epos "Dzhangar"* [Folklore monuments of Mongolian peoples. Vol. 1. The heroic epic of Jangar]. Moscow, Gorky Institute of World Literature of the RAS, 2015, 1056 p. (In Russ.).
- Pozdneev A. M. *Kalmyckaja hrestomatija. Izd. 2-oe* [The Kalmyk chrestomathy. 2nd ed.]. Saint Petersburg, 1907. 195 p. (In Kalmyk and Russ.).
- Pjurveeva N. B. *Poetika geroicheskogo eposa "Dzhangar"* [Poetics of the heroic epic of Jangar]. Elista, Dzhangar Publ., 2003, 240 p. (In Russ.).
- Todaeva B. H. *Opyt lingvisticheskogo issledovanija eposa "Dzhangar"* [An effort of linguistic exploration of the Jangar epic]. Elista, Kalm. Book Publ., 1976, 530 p. (In Russ.).
- Habunova Ye. E. *Geroicheskij epos "Dzhangar": Pojeticheskie konstanty bogatyrskogo zhiznennogo cikla (Sravnitel'noe izuchenie nacional'nyh versij)* [The heroic epic of Jangar: poetic constants of the heroic life cycle]. Rostov-on-Don, Southern Federal University Press, 2006, 256 p. (In Russ.).
- Pyrbæn Grigoriy. *Dzhangyrin duulvr: sojl boln keln* [The Jangar epic: culture and language]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2004, 103 p. (In Kalmyk).
- Bergmann B. *Nomadische Streifereien unter den Kalmucken in der Jahren 1802 und 1803* [Nomadic journeys among the Kalmyks in 1802–1803]. Riga. Vol. II, 1804, pp. 205–221. Vol. IV, 1805, pp. 181–214 (In German).

САКРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ЭПОСА «ДЖАНГАР»Петр Цеденович Биткеев ¹, Гренада Сариевна Биткеева ²

¹ доктор филологических наук, профессор, кафедра калмыцкого языка и монголистики, Институт калмыцкой филологии и востоковедения, Калмыцкий государственный университет (Элиста, Российская Федерация). E-mail: bipetr37@yandex.ru.

² кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Калмыцкий государственный университет (Элиста, Российская Федерация). E-mail: bipetr37@yandex.ru.

Аннотация. На основе проведенных исследований авторы статьи приходят к выводу, что важнейшими идеями, положенными в основу эпоса «Джангар», являются сакральные ценности, имеющие и общечеловеческое значение. К числу важнейших ценностей эпоса относится сама страна Бумба — великая могущественная держава, смыслом существования которой является обеспечение мира и счастья людей. Другую ценность представляют граждане страны, которые живут по принципам социального равноправия и материального равенства. Ценность представляют сам Джангар Богдо-хан и его отважные и непобедимые богатыри, которые оберегают страну Бумба и свой народ от агрессивных посягательств со стороны враждебных стран, тем самым защищая ценности страны Бумба — идеи мира и благополучия, равенства и счастья народа.

Авторы статьи считают, что их идеологическую основу составляют сакральные ценности, к важнейшим из которых относится высокая нравственность граждан страны, пронизывающая всю сферу деятельности людей, включая и мыслительную деятельность. Концептуальными представляются положения автора эпоса — провозглашенные им нравственные ценности, при утверждении которых в обществе существует реальная возможность построения новой счастливой жизни для всех граждан общества.

Ключевые слова: сакральные ценности, эпос «Джангар», высокая нравственность, социальное равноправие, материальное равенство.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 168–176, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-168-176
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398.21

On the Interaction between Folk Tales of Caucasian Peoples (Evidence from Household Fairy Tales)

Zhenia G. Thamokova¹

¹ Ph. D. in Philology, Senior Research Associate, Sector of Adyghe Folklore, Kabardino-Balkar Institute for Humanities Research — Affiliated Institution of Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS (Nalchik, Russian Federation). E-mail: Zt1017@mail.ru.

Abstract

Since the genre of fairy tale is the most “permeable” realm of folklore, any national set of fairy tale plots is diverse enough and — in addition to the authentic plots — contains a considerable number of those borrowed from other peoples. However, it is not that easy to identify them for, as V. M. Zhirmunsky wrote, tale-tellers “tend to transform them within the context of their cultural frameworks”. Still, the plot connections of Adyghe fairy tales to fairy tales of other peoples is a historical question of great scientific interest. The paper discusses the issue of mutual relations between the plots of Adyghe fairy tales and those of other Caucasian peoples — from the perspective of historical interaction between the peoples that go back for centuries. Articulation of the issue as such is possible due to the Directory of Adyghe Fairy-Tale Plots compiled by the author which provides parallels from fairy tales of other Caucasian peoples. The largest number of fairy tale plots similar to those of Adyghe folklore were discovered in the oral tradition of Dagestani peoples. It is noteworthy that in most cases those are fairy tales that resemble parables or definitely contain some didactic components. The common features of plot structures of the Adygheans and Abkhazians that share the same linguistic and cultural ancestry are also of definite scientific interest (plot types -921B***** “Wishful words for a newborn”; -922* “A witty fisherman”; -1448* “Reeducating a wife”; -1600 “A fool – a murderer”; -1294A* “They are carrying a girl to a cemetery: a hand stuck in a jar”). Type 1653 “Robbers under a tree” can be found not only among the Adygheans and Abkhazians but also among their cognate people — the Abazins. Moreover, in Adyghe and Karachay-Balkar folklore there are some fairy tales with identical titles and names of characters; and it is in Balkar folklore that a plot parallel with the famous Adyghe fairy tale AT 889 “A devoted shepherd” was determined by the author. Summarizing the results of individual studies, the author concludes that contacts with other peoples of the Caucasus played a significant role in the formation of the set of plots of Adyghe household fairy tales. The creative interaction of the diverse peoples resulted in the rich common Caucasian fund of folklore plots.

Keywords: directory, Adyghe fairy tale, peoples of the Caucasus, borrowings, intercation.

Бесспорным является тот факт, что изучение сказок любой национальности не может быть успешным и результативным без широких сравнений и сопоставлений с инонациональными. В данной статье мы ставим задачу охарактеризовать сюжетный состав адыгских бытовых сказок в сравнении со сказками других народов Кавказа.

Отсутствие национальных сказочных указателей по народам Кавказа осложняет сравнительное изучение бытовых сказок народов этого региона, лишая возможности определить частотность бытования тех или иных типов сказок рассматриваемого разряда у разных кавказских народов. Изданный свыше 50 лет назад указатель осетинских сказок А. Х. Бязырова [1958] по системе Аарне–Андреева, включавший небольшое количество сюжетов и их вариантов, не переиздавался. Указатели грузинских сказок, составленные Е. Б. Вирсаладзе [1961] и Т. Д. Курдованидзе [1977], охватывают лишь сказки о животных и волшебные сказки. Вместе с тем в последние годы издано значительное число сказочных сборников народов Кавказа, многие из которых сопровождаются комментариями, типологическим анализом сюжетов [Аварские народные сказки 1972; Абазинские народные сказки 1985; и др.], что все же делает сравнительное изучение возможным. В составленном нами указателе адыгских бытовых сказок представлена попытка описания сказочных сюжетов в сравнении с фольклорными традициями других народов Кавказа [Тхамокова 2014: 175–220]. В ходе сравнительного исследования было установлено, что из 231 типа адыгских бытовых сказок, включенных в указатель [Тхамокова 2014], 122 типа обнаружили соответствие в сказках соседних народов Кавказа. Номера собственно адыгских сказок условно определены нами по тематическому соответствию номерам, включенным в Аарне–Томпсона (далее — АТ), и выделены знаком «←» перед номером и «*» в правом верхнем углу, что соответствует способу обозначения сюжетов в «Сравнительном указателе восточнославянских сказок» [1979]. Таким образом, мы попытались унифицировать условные обозначения нововведений в АТ. Из них в отдельности:

48 типов адыгских бытовых сказок представлены в сказках народов Дагестана [Сказки народов Дагестана 1965; Аварские народные сказки 1972; Сатира и юмор наро-

дов Дагестана 1976; Сборник материалов... 1892; Сборник сведений...]: 854, –854*, 875В, 875Д-П, –875ДП*, 881, 882А, 883А, 888А*, 890, 893, –901*, –910А*, 910В, –910В*, –910В**, 921А, АА 925*, –926*, 950, 981, 1240, 1241, 1288, 1313А, –1353*, –1380*, 1381А, 1415, 1525Д, 1525Е, 1530, 1533, 1534, 1537, 1539, 1540, 1542-П, 1551, 1600, 1617, 1626, 1640, 1641, 1655, 1725, –1735*, 1864;

38 типов — в сказках грузин [Грузинские народные сказки 1956; Грузинские народные новеллы 1974; Грузинские народные новеллы 1984; Сборник материалов... 1892; Сборник сведений...]: 854, –860В*, 875, 875Д-П, –875–Д-П*, 881, 882А, 883А, –888А*, –893*, –901В*, –901В**, 911*, 915А, 922, 922А, АА 925*, 930, 950, 1384, 1408, 1415, 1525Е, 1525Н, 1535, 1537, 1539, 1540, 1543, 1551, 1617, 1640, 1654, 1696, –1730*, –1730**, 1861;

40 типов — в репертуаре абхазских сказок [Абхазские сказки 1965; Абхазские сказки 1979]: 875, 875 Д-П, –875Д-П*, 875Е*, 883А, 910В, 911*, 921А, 921В, –922*, АА 925*, 930, 938, 981, –983*, –1294А*, 1313В, 1351, 1381А, 1384, 1415, –1448*, 1525Д, 1525Е, 1525Н, 1530, 1534, –1534*, 1535, 1539, 1542-П, 1551, –1572*, 1600, 1617, 1653, 1654, –1685В*, 1696, 1698В;

30 типов — в осетинском сюжетном фонде [Бязыров 1958; Дракон и злая женщина 1962; Осетинские народные сказки 1973; Бритаев 1974]: 875Д-П, –875Д-П*, 881, 882А, 883А, –981В*, –901*, –901В*, 910В, –910В**, 911*, 915А, 922А, АА 925*, 950, 1380, 1384, 1525Д, 1525Е, 1534, 1537, –1538**, 1539, 1540*, 1551, –1572****, 1626, 1696, 1725, –1730*;

30 — в сказках чеченцев и ингушей [Чечено-ингушский фольклор 1940; Сказки и легенды чеченцев и ингушей 1983; Сборник материалов... 1892; Сборник сведений...]: 875, –875 Д-П*, 875Е*, 882А, –910В**, 915А, 935, 950, 960А, 1415, –1419*, 1525Е, –1527*, –1529В*, 1534, –1538*, 1539, 1540, 1543, 1551, –1572*, 1617, –1617*, 1626, 1641, 1696, 1718, –1730*, –1735*, 1862А;

39 — в сказочном материале балкарцев и карачаевцев [Карачаево-балкарские народные сказки 1957; Егорова 1964; Караева 1964; Сборник материалов... 1892; Балкарские и карачаевские народные сказки 1983; Карачаево-балкарские народные сказки 2006]: 875, 875Е*, 889, –910А*, 910В, –910В**, –922*, АА 925*, –926*, –976*,

–976**, –976*, –976**, 1381А, 1384, 1534, –1735*, 980А, –983*, 986, 1240, 1313, 1313А, 1313В, 1415, –1529В*, 1533, 1539, 1540, 1543, 1551, 1553, –1572*, –1572****, 1624, 1654, 1718, 1725, –1730*, 1862, –1862*;

16 — в армянском [Армянский фольклор 1979]: 883А, 888А*, –893*, 910В, 930, 938, –983*, 1348, 1351, 1365А, –1538**, 1539, 1624, –1624*, 1698В, 1750А, –1795*;

37 — в абазинском сюжетном фонде [Абазинские народные сказки 1985]: 875, –875*, –875Д-П*, –887*, 901, 910В, –910В**, 911*, АА 925*, –926*, 974, –976*, –976**, 981, –983*, –986*, 1240, 1241, –1246*, 1263, 1288, 1313, 1313А, 1313В, 1358В, 1381А, 1384, –1430*, –1525Е*, 1540, 1640, 1641, 1653, 1687, 1696, –1734*, 1735.

Значительное количество общих сюжетов у народов Кавказа налицо, что позволяет говорить о сложении общекавказского регионального сказочного фонда, частью которого является сюжетный репертуар бытовых сказок адыгов. Итак, результаты данного исследования подтверждают и дополняют общее мнение кавказоведов, отметивших на разном материале региональную общность культуры народов Кавказа, таких, как В. Ф. Миллер [1892: 2], В. И. Абаев [1945: 7], Е. И. Крупнов [1960: 27], Ш. Д. Инал-Ипа [1969: 30–68], У. Б. Далгат [1972: 16], А. А. Петросян [1969: 5–14], А. А. Ахлаков [1981: 128–129] и др. Рассматривая вопрос об исторической основе этой общности, представляется уместным привести высказывание А. А. Петросяна об общности нартских сказаний народов Кавказа: «Исторические корни, объединяющие нартские сказания всех национальных версий (адыгские, абхазские, осетинские, балкаро-карачаевские, чечено-ингушские, дагестанские, грузинские. — Ж. Т.), надо искать в основных факторах кавказской общности, таких, как генетическое родство народов Кавказа; роль единого кавказского субстрата; сходные условия материального общественного существования и тесное духовное общение между этими народами в течение длительного времени» [Петросян 1969: 8]. Надо думать, что в отношении последнего (духовного общения между народами Кавказа) не последнюю роль сыграли адыгские странствующие *джегуако*¹, которые «разъезжали по Северному Кавказу, посещая любое племя, любую народность» [Налоев 1978: 46]. Этому способствовало и

то, что *джегуако* нередко владели языками соседних народов. Так, знаменитый *джегуако* Ляша Агноков легко объяснялся с ногайцами на их языке и был частым гостем у соседних народов. Камбот Абазов из Малой Кабарды неплохо говорил на осетинском и ингушском языках. Кильчуко Сижажев в совершенстве знал балкаро-карачаевский язык [Налоев 1978: 46].

Следует добавить, что эти связи не ограничивались рамками Северного Кавказа. Известно, что между народами Северного Кавказа и Закавказья на всем протяжении гор существовала тесная связь, а также поддерживалось многовековое экономическое и культурное общение. Перевалы были известны обитателям Кавказа со времен глубокой древности, и Кавказский хребет никогда не был для них непреодолимой преградой. В ряде случаев один и тот же народ жил и живет по обе его стороны [Народы Кавказа 1960: 10]. К тому же до революции Кавказ представлял единую в административном отношении часть Российской империи [Народы Кавказа 1960: 17].

Многоязычие (свыше 50 языков) не являлось значительным барьером в формировании фольклорной общности народов Кавказа. Многовековые экономические, политические и культурные связи привели к необходимости знания языка друг друга, что не раз отмечалось в кавказоведческой литературе [Калмыков 1974: 18]. В нашей собирательской практике в Кабардино-Балкарии мы общались со сказителями, знавшими несколько кавказских языков. Известно, что в различные периоды социально-исторического развития региона широкое распространение получали отдельные языки, которые осваивались большинством населения. Например, как отмечают исследователи, в XVIII в. большое распространение на Северном Кавказе получил татарский язык (татарами называли все тюркские народности, не дифференцируя их). Более того, он был введен в гимназиях Кавказа для обязательного изучения [Калмыков 1974: 18]. И. Х. Калмыков предполагает, что причиной появившегося в русской кавказоведческой литературе этнического собирательного понятия «татары», обозначавшего всех жителей Северного Кавказа (наряду со словом «горцы»), могло быть знание «турецко-татарского» языка многими жителями региона. В XVIII–XIX вв. в кавказских гимназиях для обязательного изучения был введен черкесский язык (черкесами называли в

¹ Народные певцы и актеры.

дореволюционном прошлом всех адыгов), получивший широкое распространение в Кубанской, Терской областях и Ставропольской губернии [Калмыков 1974: 17–18]. Адыгский просветитель XIX в. А.-Г. Кешев писал, что ввиду развитости феодализма, а потому особого положения Кабарды на Северном Кавказе, кабардинский язык был сильно распространен в этом регионе [Кешев 1980: 125]. Общеизвестны факты распространности арабского [Крачковский 1960: 549–622] и турецкого [Гордлевский 1961: 141–142] языков на Кавказе в дореволюционном прошлом.

Также стоит отметить присутствие в фольклорной традиции некоторых дополнительных материалов, подтверждающих характерность многих типов сказочных сюжетов из вышеперечисленных для кавказского фольклора. Большинство из них (21 из 36) в адыгском репертуаре вошли в число наиболее популярных: 875Д-II, –875Д-II*, 882А, 883А, –901В*, –910В*, 911*, АТ 655, –АА 925*, 930, 950, 980А, 981, –983*, 1384, 1415, 1525Д, 1525Е, 1539, 1551, 1730; И. Левин отмечал популярность типов 875 [Абхазские народные сказки: 458], 883А [Абхазские народные сказки: 440] на Кавказе; А. Глонти — распространенность типа 882А у грузин [Грузинские народные новеллы 1974: 412–414].

Существуют сведения и обратного порядка, подвергавшие сомнению характерность тех или иных типов, вошедших в этот круг для фольклора кавказских народов. В частности, И. Г. Левин отметил нехарактерность типа 1696 «Использование советов невпопад» на Кавказе [Осетинские народные сказки 1973: 584]. В адыгском сказочном материале этот тип тоже не отличается популярностью: в последнем варианте Указателя адыгских бытовых сказок, содержащегося в приложении к нашей монографии [Тхамокова 2014], он представлен лишь в четырех вариантах. При этом нами выявлено бытование этого сюжета еще у пяти кавказских народов: абазин, абхазов, грузин, осетин, ингушей. Таким образом, мы не можем подтвердить мнение И. Г. Левина. В дальнейшем верность наших выводов о характерности кавказских сюжетов будет проверяться с помощью дополнительных изысканий.

Исходя из вышеприведенного перечня сюжетов, характерных для кавказского регионального сюжетного фонда, можно проверить на рассматриваемом материале,

подтверждается ли общее мнение Н. П. Андреева и И. Г. Левина о романтичности как характерной черте общекавказского сказочного репертуара [Абхазские народные сказки: 428–430]; а также мнение И. Г. Левина о характерности для современного кавказского сказочного репертуара произведений лубочного происхождения [Абхазские народные сказки: 440]. Относительно последнего можно пока упомянуть о существовании точки зрения о лубочном происхождении двух сюжетных типов, вошедших в круг характерно кавказских сюжетов, — типа 882А «Спор о верности жены» и 883А «Оклеветанная девушка».

Установление характерно кавказского регионального сюжетного фонда не входило в задачу данной статьи. Результаты, полученные нами в процессе установления сюжетного состава адыгских бытовых сказок по этой важной и актуальной проблеме кавказского сказковедения, мы расцениваем как первоначальный вклад в развитие сравнительного кавказского сказковедения, приглашение кавказских сказковедов к сотрудничеству, прежде всего, к созданию регионального указателя сказок.

Несколько возвращаясь назад, обратим внимание на различное количество сюжетных соответствий адыгских сказок со сказками отдельных народов Кавказа:

адыго-дагестанские	— 48
адыго-грузинские	— 38
адыго-абхазские	— 40
адыго-абазинские	— 37
адыго-осетинские	— 30
адыго-чеченские	— 12
адыго-ингушские	— 18
адыго-балкар-карачаевские	— 39
адыго-армянские	— 16

Цифры могут отражать как реальную тенденцию, так и состояние публикаций сказочного материала каждого народа, которым мы пользовались. Каждая из перечисленных общностей может быть темой для самостоятельного исследования, в котором найдут продолжение наблюдения кавказского фольклориста А. А. Ахлакова, который, исследуя исторические песни народов северо-кавказского региона, указал на разную степень близости фольклора народов, входящих в этот регион [Ахлаков 1981: 15]. В частности, интересно отметить самый большой цифровой показатель по сказочным параллелям адыгов и народов Дагестана. Заметим, что большая часть —

это сказки, сближающиеся с притчами, или имеющие явно дидактический характер. Например, сказка 910А* «Не потребляй ничего не заработанного тобой» встречается только в адыгском и аварском репертуарах [Сказки народов Дагестана 1965]. Также пока только в адыгском и аварском сказочном репертуаре нами обнаружена сказка 982 «Наставление для родителей» [Аварские народные сказки 1972: 179].

Взаимодействие адыгского сказочного репертуара со сказками народов Дагестана вполне объяснимо исторически. Дагестан издавна считался центром мусульманского духовного образования на Кавказе [Касумов 1976: 254] и в то же время своеобразным культурным центром, из которого арабская культура и литература распространились в других районах Северного Кавказа. Здесь обучались многие будущие религиозные служители из Кабарды, Адыгеи, Черкесии, иные из которых, получив арабское образование, отказались от религиозной деятельности и стали просветителями, как например, первый адыгский просветитель и историк Ш. Б. Ногмов [Кумыков 1982: 7]. Они возвращались на родину, знакомые с фольклором дагестанских и других восточных народов, и именно через их посредство в фольклор могли проникнуть многие сказочные сюжеты, в основном, назидательно-моралистического или апологического характера, столь характерные для Востока.

Говоря о путях перенесения образов фольклора народов Дагестана к адыгам, подчеркнем еще одно обстоятельство. Из историко-этнографических исследований известно, что в XVIII–XIX вв. Дагестан славился чрезвычайно развитым ремесленным производством. Оттуда шел постоянный приток мастеров-отходников, временно или постоянно оседавших в адыгских селениях.

Проблемным является и вопрос о сюжетной общности сказочного репертуара адыгов и абхазов, родственных по языку и культуре [Волкова 1973: 26]. Абхазский ученый Ш. Д. Инал-Ипа, проводя сравнительное исследование нартского эпоса указанных народов, отмечал: «В нартских сказаниях обоих народов (абхазов и адыгов. — Ж. Т.) почти тождественными являются некоторые сюжеты и мотивы» [Инал-Ипа 1977: 96].

Специальное сравнительное исследование репертуара бытовых сказок абхазов и адыгов, несомненно, даст интересные

дополнительные сведения об общности их культур. Исходным материалом могут быть перечисленные выше общие сюжеты, в том числе обнаруженные нами только у адыгов и абхазов. Это типы: –921В***** «Благопожелание новорожденному»; –922* «Остроумный рыбак»; –1448* «Перевоспитание жены»; 1600 «Дурак–убийца»; –1294А* «Ведут хоронить девушку: рука застряла в кувшине». Тип 1653 «Разбойники под деревом» встречается не только у адыгов и абхазов, но и родственных им абазин [Абазинские народные сказки 1985: 85]. Как видно из условных обозначений, большинство из них отсутствуют в международном Указателе.

Особый интерес вызывает также проблема адыго-балкаро-карачаевских сюжетных связей, а именно: того, как длительное совместное проживание двух народов — представителей различных этноязыковых групп — сказалось на фольклоре каждого из них. К сожалению, по сказочному эпосу балкарцев и карачаевцев мы располагаем малым количеством источников, переведенных на русский язык. Также еще не издан сборник сказок этих народов в серии «Сказки и мифы народов Востока» с типологическим анализом сюжетов, какими мы пользовались при исследовании фольклора других кавказских народов, в частности, осетин, абхазов, абазин, чеченцев и ингушей, народов Дагестана. Возможно, поэтому цифровой показатель сюжетной общности адыгов с балкаро-карачаевцами оказался сравнительно ниже.

В нашей собирательской практике мы неоднократно сталкивались с фактом, когда адыгский сказитель указывал на балкарца, свободно владевшего адыгским языком, как на источник иных сказок своего репертуара. Одним из таких сказителей является 75-летний кабардинский сказитель Хазиз Зихов (сел. Урвань, Кабардино-Балкария), с которым мы работали в ходе фольклорной экспедиции, организованной Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом в 1984 г. [ПМА: 13].

Конечно, этот процесс не был односторонним. Например, исследователь балкарского языка и фольклора А. Ю. Бозиев пишет о «сюжетных кальках» в балкарском фольклоре из кабардинского. В качестве одного из сюжетов, заимствованных из кабардинского, автор указывает на тип –1730* «Любовник-неудачник» [Материалы и ис-

следования... 1962: 124–125], представляющий собой один из наиболее популярных у адыгов сюжетных типов.

В адыгском и балкаро-карачаевском фольклоре бытуют сказки с одинаковыми названиями или именами персонажей. Пока отметим, что сюжетную параллель к одной популярной у адыгов сказке АТ 889 «Верный пастух» мы установили только в балкарском из всех кавказских народов.

Надо думать, что балкарцы и карачаевцы, представляющие тюркоязычную группу, сыграли немалую роль в том, что в репертуаре адыгских бытовых сказок присутствует большое количество сюжетов восточного происхождения, однако эта тема еще ждет своего исследования.

Источники

ПМА — Полевые материалы автора (1984 г.).

Литература

- Абаев В. И.* Нартовский эпос // Известия. Дзауджикау. 1945. Т. 10. Вып. 1. С. 7.
- Абазинские народные сказки / сост., пер. с абаз., вступ. ст. и примеч. В. В. Тугова, под ред. А. И. Алиева. М.: Наука, 1985. 414 с.
- Абхазские народные сказки / сост., примеч. К. С. Шакрыла, предисл. К. С. Шакрыла и Ш. Х. Салакая. М.: Наука, 1975. 464 с.
- Абхазские сказки / сост., обраб. и пер. Х. С. Бгажба. Сухуми: Алашара, 1965. 334 с.
- Абхазские сказки / сост., обраб. и пер. Х. С. Бгажба. Сухуми: Алашара, 1979. 318 с.
- Аварские народные сказки / сост. Д. М. Атаев. М.: Наука. 1972. 176 с.
- Армянский фольклор / сост. Г. О. Карапетян. М.: Наука, 1979. 376 с.
- Ахлаков А. А.* Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. 229 с.
- Балкарские и карачаевские народные сказки / сост. А. Алиева, А. Холаев. М.: Дет. лит., 1983. 111 с.
- Бритаев С.* Волшебная папаха. Орджоникидзе: Ир, 1974. 255 с.
- Бязыров А. Х.* Опыт классификации осетинских народных сказок по системе Аарне-Андреева // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. 9. Сталинград, 1958. С. 310–346.
- Вирсаладзе Е. Б.* Указатель по животному эпосу // Литературные разыскания. Тбилиси, 1961. Т. 13. С. 333–363.
- Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. 211 с.
- Гордлевский В. А.* Избранные сочинения. Т. 2. Язык и литература / под ред. Н. А. Баскакова и др. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 558 с.
- Грузинские народные новеллы / пер. с груз., сост. и предисл. А. А. Глонти. Тбилиси: Мериани, 1984. 376 с.
- Грузинские народные новеллы / пер. с груз., сост. и предисл. А. А. Глонти. Тбилиси: Мериани, 1974. 358 с.
- Грузинские народные сказки (Сто сказок) / сост. и пер. Н. И. Долидзе, ред. М. Я. Чиковани. Тбилиси: Заря Востока, 1956. 432 с.
- Далгат У. Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972. 469 с.
- Дракон и злая женщина / сост. К. Казбеков. Орджоникидзе: Севосгиз, 1962. 110 с.
- Егорова А. П.* Изучение фольклора народов Карачаево-Черкессии. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1964. 78 с.
- Инал-Ипа Ш. Д.* Исторические корни древней культурной общности кавказских народов (опыт сравнительного изучения нартского эпоса) // Сказания о нартах. Эпос народов Северного Кавказа. М., 1969. С. 30–68.
- Инал-Ипа Ш. Д.* К абхазо-кабардинским этнографическим параллелям // Национальная культура и общение. М., 1977. С. 96.
- Калмыков И. Х.* Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск: Карачаево-Черкес. отд-ие Ставропольского кн. изд-ва, 1974. 343 с.
- Караева А. И.* О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1964. 60 с.
- Карачаево-балкарские народные сказки / сост. Х. Лайпанов. Фрунзе: Кирг. гос. изд-во, 1957. 87 с.
- Карачаево-балкарские народные сказки / сост., вступ. ст. и коммент. Р. А.-К. Ортабаевой. Черкесск: КЧИГИ, 2006. 267 с.
- Касумов А. Х.* К вопросу о взглядах общественно-политических деятелей на роль ислама в истории адыгов XIX — начала XX века // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX — нач. XX века. Нальчик, 1976. С. 254.
- Кешиев А.-Г.* Характер адыгских песен // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 125.
- Крачковский И. Ю.* Арабская письменность на Северном Кавказе // Избранные сочинения в 6 т. Т. VI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 549–622.
- Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.
- Кумыков Т. Х.* Жизнь и деятельность Ш. Б. Ногмова // Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982. С. 7.

- Курдованидзе Т. Д. Сюжеты и мотивы грузинских волшебных сказок (Систематический указатель по Аарне-Томпсону) // Литературные взаимосвязи. Тбилиси, 1977. С. 240–263.
- Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик: Эльбрус, 1962. 200 с.
- Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М.: б/и., 1892. 301 с.
- Миллер В. Ф. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: б/и., 1884. 13 с.
- Налоев З. М. Роль джегуако в национальном и интернациональном общении // Налоев З. М. Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 46.
- Народы Кавказа. Т. 1 / под ред. М. О. Косвена, Л. И. Лаврова, Г. А. Нерсесова, Х. О. Хашаева. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
- Осетинские народные сказки / сост. Г. А. Дзагуров. М.: Наука, 1973. 857 с.
- Петросян А. А. Решенные и нерешенные вопросы нартоведения // Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 5–14.
- Сатира и юмор народов Дагестана / сост. А. Ахлаков и др.; предисл. Х. Халилова, А. Ахлакова. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1976. 400 с.
- Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 13. Тифлис: Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1892. 343 с.
- Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1–10. Тифлис, 1868–1881.
- Сказки и легенды чеченцев и ингушей. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1983. 384 с.
- Сказки народов Дагестана / сост. и авт. примеч. Х. Халилов. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1965. 319 с.
- Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка / сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 442 с.
- Тхамокова Ж. Г. Адыгская бытовая сказка (Сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2014. 284 с.
- Чечено-ингушский фольклор. М.: Гос. изд-во «Худ. лит-ра», 1940. 285 с.
- The Types of The Folktale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen Transl. and enlarged by Stith Thompson. Helsinki: Suomalainen Tiedakatemia, 1961. 584 p.

Sources

- PMA — *Polevye materialy avtora (1984 g.)* [Author's field data (1984)].

References

- Abaev V. I. *Nartovskij epos* [The Nart Sagas]. *Izvestija* [The Bulletin], Dzauzhikau (Vladikavkaz), 1945, vol. 10, iss. 1, p. 7 (In Russ.).
- Abazinskie narodnye skazki / sost., perev. s abaz., vstup. stat'ja i primech. V. V. Tugova, pod red. A. I. Alieva* [Abaza folk tales. Comp., transl., foreword and notes by V. Tugov]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 414 p. (In Russ.).
- Abhazskie narodnye skazki / sost., primech. K. S. Shakryla, predisl. K. S. Shakryla i Sh. H. Salakaja* [Abkhaz folk tales. Comp. and notes by K. Shakryl, foreword by K. Shakryl and Sh. Salakaj]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 464 p. (In Russ.).
- Abhazskie skazki / sost., obrab. i per. H. S. Bgaghba* [Abkhaz fairy tales. Comp., transl. and proc. by Kh. Bgaghba]. Sukhumi, Alashara Publ., 1965, 334 p. (In Russ.).
- Abhazskie skazki / sost., obrab. i per. H. S. Bgaghba* [Abkhaz fairy tales. Comp., transl. and proc. by Kh. Bgaghba]. Sukhumi, Alashara Publ., 1979, 318 p. (In Russ.).
- Avarskie narodnye skazki / sost. D. M. Ataev* [Avar folk tales. Comp. by D. Ataev]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 176 p. (In Russ.).
- Armjanskij fol'klor / sost. G. O. Karapetjan* [Armenian folklore. Comp. by G. Karapetian]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 376 p. (In Russ.).
- Akhlaikov A. A. *Istoricheskie pesni narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza* [Historical songs of Dagestani and North Caucasian peoples]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 229 p. (In Russ.).
- Balkarskie i karachaevskie narodnye skazki / sost. A. Alieva, A. Holaev* [Balkar and Karachay folk tales. Comp. by A. Alieva and A. Kholae]. Moscow, Det. Lit. Publ., 1983, 111 p. (In Russ.).
- Britaev S. *Volshebnaia papaha* [The magic papakha (hat)]. Ordzhonikidze (Vladikavkaz), 1974, 255 p. (In Russ.).
- Byazyrov A. H. *Opyt klassifikacii ossetinskih narodnyh skazok po sisteme Aarne-Andreeva* [An attempt of classifying Ossetian folk tales according to Aarne-Andreev's principle]. *Izvestija Jugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [Bulletin of Southern Ossetian Research Institute], iss. 9, Staliniri (Tskhinvali), 1958, pp. 310–346 (In Russ.).
- Virsaladze E. B. *Ukazatel' po zhivotnomu eposu* [Animal epic index]. *Literaturnye razyskaniia* [Literary Explorations], Tbilisi, 1961, vol. 13, pp. 333–363 (In Russ.).
- Volkova N. G. *Etonimy i plemennye nazvaniia Severnogo Kavkaza* [Ethnonyms and tribal names of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 211 p. (In Russ.).
- Gordlevsky V. A. *Izbrannye sochineniia. T. 2. Yazyk i literatura / pod red. N. A. Baskakova i dr.*

- [Selected compositions. Vol. 2. Language and literature. Edit. by N. Baskakov et al.]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1961, 558 p. (In Russ.).
- Gruzinskie narodnye novelly / per. s gruz., sost. i predisl. A. A. Glonti* [Georgian folk novels. Transl., comp. and foreword by A. Glonti]. Tbilisi, Merani Publ., 1984, 376 p. (In Russ.).
- Gruzinskie narodnye novelly / per. s gruz., sost. i predisl. A. A. Glonti* [Georgian folk novels. Transl., comp. and foreword by A. Glonti]. Tbilisi, Merani Publ., 1974, 358 p. (In Russ.).
- Gruzinskie narodnye skazki (Sto skazok) / sost. i per. N. I. Dolidze, red. M. Ya. Chikovani* [Georgian folk tales (100 tales). Comp. and transl. by N. Dolidze, edit. by M. Chikovani]. Tbilisi, Zarya Vostoka Publ., 1956, 432 p. (In Russ.).
- Dalgat U. B. *Geroicheskiy epos chechencev i ingushej* [The Chechen and Ingush heroic epic]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 469 p. (In Russ.).
- Drakon i zlaja zhenshhina / sost. K. Kazbekov* [A dragon and an evil woman. Comp. by K. Kazbekov]. Ordzhonikidze (Vladikavkaz), North Osset. State Publ., 1962, 110 p. (In Russ.).
- Egorova A. P. *Izuchenie fol'klora narodov Karachaevo-Cherkessii* [Studying the folklore of Karachay-Cherkessia's peoples]. Stavropol, Stavropol Book Publ., 1964, 78 p. (In Russ.).
- Inal-Ipa Sh. D. *Istoricheskie korni drevnej kul'turnoj obshhnosti kavkazskih narodov (opyt sravnitel'nogo izuchenija nartskogo eposa)* [The historical roots of the ancient Caucasian cultural multinational community (an attempt of studying the Nart Sagas using the comparative method)]. *Skazaniya o nartah. Epos narodov Severnogo Kavkaza* [Tales of the Narts. The epic of the North Caucasian peoples]. Moscow, 1969, pp. 30–68 (In Russ.).
- Inal-Ipa Sh. D. *K abhazo-kabardinskim etnograficheskim paraleljam* [On Abkhaz-Kabardian ethnographic parallels]. *Nacional'naja kul'tura i obshhenie* [National culture and communication]. Moscow, 1977, p. 96 (In Russ.).
- Kalmykov I. H. *Cherkesy. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [The Cherkess people. A historical and ethnographic sketch]. Cherkessk, Karach.-Cherkess Branch of Stavropol Book Publ., 1974, 343 p. (In Russ.).
- Karaeva A. I. *O fol'klornom nasledii karachaevo-balkarskogo naroda* [On the folklore heritage of the Karachay-Balkar people]. Cherkessk, Karach.-Cherkess Branch of Stavropol Book Publ., 1964, 60 p. (In Russ.).
- Karachaevo-balkarskie narodnye skazki / sost. H. Lajpanov* [Karachay-Balkar folk tales. Comp. by Kh. Laipanova]. Frunze, Kirg. State Publ., 1957, 87 p. (In Russ.).
- Karachaevo-balkarskie narodnye skazki / sost., vstupit. st. i komment. R. A.-K. Ortabaevov* [Karachay-Balkar folk tales. Comp., comment. and foreword by R. Ortabaeva]. Cherkessk, Publ. Dept. of Karach.-Cherkess Institute for Humanities Research, 2006, 267 p. (In Russ.).
- Kasumov A. H. *K voprosu o vzgljadah obshhestvenno-politicheskikh dejatelej na rol' islama v istorii adygov XIX — nachala XX veka* [Revisiting the views of public and political leaders on the role of Islam in the history of the Adyghe people during the 19th — early 20th cc.]. *Obshhestvenno-politicheskaja mysl' adygov, balkarcev i karachaevcev v XIX — nach. XX veka* [Public and political thought of the Adyghe, Balkar and Karachay peoples in the 19th-early 20th cc.]. Nalchik, 1976, p. 254 (In Russ.).
- Keshev A.-G. *Harakter adygskih pesen* [The mood and distinctive features of Adyghe songs]. *Izbrannye proizvedenija adygskih prosvetitelej* [Selected compositions of Adyghe enlighteners]. Nalchik, Elbrus Publ., 1980, p. 125 (In Russ.).
- Krachkovsky I. Yu. *Arabskaja pis'mennost' na Severnom Kavkaze. Izbrannye sochinenija v 6 t. T. VI* [The Arabic script in the North Caucasus. Selected works. In 6 vol. Vol. VI]. Moscow-Leningrad, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1960, pp. 549–622 (In Russ.).
- Krupnov E. I. *Drevnjaja istorija Severnogo Kavkaza* [The ancient history of the North Caucasus]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1960, 520 p. (In Russ.).
- Kumykov T. H. *Zhizn' i dejatel'nost' Sh. B. Nogmova* [Sh. Nogmov's life and works]. *Nogmov Sh. B. Istorija adygejskogo naroda* [Nogmov Sh. B. A history of the Adyghe people]. Nalchik, 1982, p. 7 (In Russ.).
- Kurdovanidze T. D. *Sjuzhety i motivy gruzinskih volshebnyh skazok (Sistematičeskij ukazatel' po Aarne-Tompsonu)* [Plots and motifs of Georgian magic tales (a systematic index acc. to Aarne-Thompson's principle)]. *Literaturnye vzaimosvjazi* [Literary Interconnections], Tbilisi, 1977, pp. 240–263 (In Russ.).
- Materialy i issledovanija po balkarskoj dialektologii, leksike i fol'kloru* [Materials and studies of Balkar dialects, lexis and folklore]. Nalchik, Elbrus Publ., 1962, 200 p. (In Russ.).
- Miller V. F. *Ekskursy v oblast' russkogo narodnogo eposa* [Excursions into the domain of the Russian folk epic]. Moscow, 1892, 301 p. (In Russ.).
- Miller V. F. *Sbornik materialov dlja opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza* [A collection of materials for description of the Caucasian territories and tribes]. Tiflis (Tbilisi), 1884, 13 p. (In Russ.).
- Naloev Z. M. *Rol' dzheguako v nacional'nom i internacional'nom obshhenii* [The role of 'džheguako' (improvising singers) in the national and international communication]. *Naloev Z. M. Iz istorii kul'tury adygov* [Naloev Z. M.

- Sketches on the history of Adyghe culture]. Nalchik, Elbrus Publ., 1978, p. 46 (In Russ.).
- Narody Kavkaza. T. 1 / pod red. M. O. Kosvena, L. I. Lavrova, G. A. Nersesova, H. O. Hashaeva* [Peoples of the Caucasus. Edit. by M. Kosven et al.]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1960, 622 p. (In Russ.).
- Osetinskie narodnye skazki / sost. G. A. Dzagurov* [Ossetian folk tales. Comp. by G. Dzagurov]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 857 p. (In Russ.).
- Petrosyan A. A. *Reshennye i nereshennye voprosy nartovedenija* [Solved and unsolved questions of Nart studies]. *Skazaniya o nartah — epos narodov Kavkaza* [Tales of the Narts — The epic of the North Caucasian peoples]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 5–14 (In Russ.).
- Satira i jumor narodov Dagestana / sost. A. Ahlakov i dr.; predisl. H. Halilova, A. Ahlakova* [Satire and humor of Dagestani peoples. Comp. by A. Ahlakov et al.; foreword by Kh. Khalilov, A. Ahlakov]. Makhachkala, Dagestan Book Publ., 1976, 400 p. (In Russ.).
- Sbornik materialov dlja opisaniya mestnostej i plemjon Kavkaza. Vyp. 13* [A collection of materials for description of the Caucasian territories and tribes, Iss. 13]. Tiflis (Tbilisi), Print. Dept. of the General Caucasian Civil Officer's Chancellery, 1892, 343 p. (In Russ.).
- Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah* [A collection of data about Caucasian highlanders]. Iss. 1–10, Tiflis (Tbilisi), 1868–1881.
- Skazki i legendy chechencev i ingushej* [Fairy tales and legends of the Chechen and Ingush peoples]. Moscow, Nauka Publ. (Chief editorial board for Oriental literature), 1983, 384 p. (In Russ.).
- Skazki narodov Dagestana / sost. i avt. primech. H. Halilov* [Fairy tales of Dagestani peoples]. Moscow, Nauka Publ. (Chief editorial board for Oriental literature), 1965, 319 p. (In Russ.).
- Sravnitel'nyj ukazatel' sjužetov. Vostočno-slavjanskaja skazka / sost.: L. G. Barag, I. P. Berzovskij, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov* [A comparative index of plots. The East-Slavic fairy tale. Comp. by L. Barag et al.]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 442 p. (In Russ.).
- Thamokova Zh. G. *Adygskaja bytovaja skazka (Sjužetnyj sostav v sravnitel'nom osveshhenii)* [The Adyghe household fairy tale (plot structure in the context of comparative studies)]. Nalchik, Publ. Dept. of Kabardino-Balkar Institute for Humanities Research, 2014, 284 p. (In Russ.).
- Checheno-ingushskij fol'klor* [Chechen-Ingush folklore]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1940, 285 p. (In Russ.).
- The Types of The Folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen. Transl. and enlarged by Stith Thompson. Helsinki, Suomalinen Tiedakatemia Publ., 1961, 584 p. (In Eng.).

УДК 398.21

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СКАЗОК НАРОДОВ КАВКАЗА (на материале бытовых сказок)

Женя Галимовна Тхамокова¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, сектор адыгского фольклора, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Нальчик, Российская Федерация). E-mail: Zt1017@mail.ru.

Аннотация. Ввиду того, что сказка — самый «проницаемый» из фольклорных жанров, в формировании сказочного сюжетного фонда любого народа, наряду с сюжетами, возникшими на национальной почве, значительное место занимают сюжеты, заимствованные у других народов. Правда, их очень трудно выявить, поскольку, как пишет В. М. Жирмунский, сказители их «перевоспощают в национальные формы». Тем не менее сюжетные связи адыгских сказок со сказками других народов — это исторический вопрос, представляющий научный интерес. В статье автор касается проблемы взаимоотношений сюжетного репертуара адыгских бытовых сказок со сказками других народов Кавказа, исходя из исторических контактов этих народов, уходящих в глубокую древность. Постановка подобной научной проблемы возможна благодаря существованию сюжетного указателя по адыгским сказкам, составленного автором, в котором приводятся параллели из сказок других народов Кавказа. В результате наблюдений автор приходит к выводу, что контакты с другими народами Кавказа сыграли важную роль в формировании сюжетного состава адыгских бытовых сказок. Творческое взаимодействие разных народов привело к формированию общекавказского сюжетного фонда.

Ключевые слова: указатель, бытовая сказка, адыгский фольклор, народы Кавказа, заимствования, взаимодействие.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 177–184, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-177-184
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398.838

The Poetic World of Love Poetry in Dargin Folklore

Fatima A. Alieva¹

¹ Ph. D. in Philology, Head of Department of Folklore, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: folkloriyali@mail.ru.

Abstract

The article analyzes love songs in Dargin folklore, considers their ideological, aesthetic and compositional features as well as the system of expressive means and methods, such as epithet, metaphor, comparison, conversion, symbols, artistic parallelism, etc.

The genres as follows are characteristic of Dargin love poetry: quatrain songs (*khabsqub*), dialogue-songs, addressing songs (or monologue-songs); the prevailing motifs expressed by their contents are those of the narrator's emotional state, i.e. his/her actual feelings and emotional upheaval. Structurally each of the genres has its peculiarities: quatrain songs are short poetic miniatures, mostly lyrical by nature; dialogue-songs take the form of dialogues which are a chain of questions and answers where a young man and a young woman take turns in the lead; addressing songs are compiled of addresses or monologues which are essence reflections and musings. Addressing songs create a special emotional mood that expresses some certain psychological state. Those often contain addresses to natural phenomena, celestial bodies, poetic images, symbols, etc.

The number of themes of Dargin love songs is vast and varied. Those are songs about hatred, one-sided feelings, life and death, social disparity, confusion of the world, etc. In terms of emotions, feelings and moods expressed, love songs are most diverse and vary from merry and soulful ones to those full of sadness, depicting the narrator's spirits.

The system of expressive means of love poetry includes epithets, poetic metaphors, comparisons, symbols of the natural world, artistic parallelisms, contrasts and oppositions, appeals, monologues. Epithet is one of the main means of creating an artistic image in many folk genres. The main purpose of epithet in the Dargin love song is to help reveal the narrator's state of spirit and mind. Epithets increase expressiveness, contribute to poetic richness. The epithets applied in love songs may take both simple and complex, i.e. extended, forms.

In love poetry of the Dargin people, considerable attention is paid to natural phenomena. Pictures of nature help express the narrator's inner world, add to the brightness and expressiveness of images and deepen their psychologism. In this context, a special role is played by comparisons. The narrator's mental state is compared with natural phenomena which increases the emotionalism and dramatics of the situation. The rich poetic world of love poetry is an integral part of the spiritual heritage of the Dargin people.

Keywords: Dargin folklore, love songs, narrator, *khabsqub*, dialogue-songs, monologue-songs, addressing songs, epithet, comparisons, metaphors, symbols, artistic parallelism, good wishes.

Поэтическое творчество — неисчерпаемое богатство многонациональной духовной культуры народов Дагестана. Народная поэзия в последние годы была объектом внимания многих дагестанских исследователей-фольклористов. Существенный вклад в ее изучение внесли труды А. А. Ахлакова [1968], А. М. Аджиева [1983], С. М. Хайбуллаева [1967], Х. М. Халилова [2004], А. М. Ганиевой [1976], З. А. Магомедова [2003], М. Р. Халидовой [2004], Ф. О. Абакаровой, Ф. А. Алиевой [1999] и др. В них освещаются проблемы песенной лирики народов Дагестана в аспекте анализа ее жанровой классификации, идейно-художественных и эстетических особенностей, определения ее социальной сущности и общественной значимости, рассматриваются художественные приемы и средства.

Среди большого разнообразия жанровых разновидностей народной поэзии особенно выделяются лирические любовные песни, распространенные в фольклоре многих народов Дагестана — аварцев, лакцев, кумыков, лезгин. Любовные песни — наиболее развитый жанр и в фольклоре даргинцев. Талантливая композиция и глубина образов в любовной поэзии свидетельствуют «о большой поэтической культуре даргинского народа» [Ахлаков 1968: 65]. Любовные песни наполнены глубоким идейным содержанием; в них утверждаются идеалы добра, бескорыстной любви, верности и преданности, стремление к счастью и справедливости, раскрывается душевный и нравственный мир народа, его демократические и прогрессивные устремления. «В них вся житейская мудрость и ход практической опытности. И все это выражено в таких оригинальных русских, непередаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах», — писал В. Г. Белинский о русской народной лирической песне [Белинский 1944: 15]. Эти слова в полной мере применимы и к богатейшему поэтическому миру любовной лирики даргинцев.

Тематика даргинских любовных песен обширна и разнообразна. Это песни о любви и ненависти, о неразделенных чувствах, о жизни и смерти, о социальном неравенстве, о неустройстве мира и т. д. По своей эмоциональной направленности, характеру передаваемых в них чувств и настроений любовные песни могут быть самыми разнообразными — от веселых и задумчивых до грустных или глубоко печальных, пере-

дающих душевное состояние лирического героя. Но поэтическому творчеству любого народа «чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно» [Горький 1936: 305].

Многие мотивы любовной песни восходят к далекому прошлому, когда были сильны патриархальные устои, когда женщина нередко была бесправна и не могла сама решать свою судьбу. Однако в большинстве своем любовные песни, касаясь самых потаенных уголков человеческой души, передают глубокие чувства; в них любовь облагораживает, очищает человека, делает его духовно богатым и счастливым.

Любовные песни исполнялись и в период проведения весенних обрядов и праздников, в том числе и во время праздника сбора цветов и трав: они были связаны с весенними полевыми работами — жатвой и прополкой [Юсупов 2000: 26–28]. Обновляющаяся природа пробуждала и в человеке эмоциональные чувства, связанные с душевным состоянием ожидания любви. В таких песнях звучат ноты грусти, печали, в них вклиниваются и мотивы о несчастной любви. Особенно часто они звучат в тех песнях, где описываются переживания насильственно разлученных влюбленных, просьбы девушки не продавать ее, не отдавать за нелюбимого, но богатого или старого и т. д. В одной из таких песен — «Ой, моя мать, не выдавай меня замуж» — девушка обращается к матери с мольбой не выдавать ее замуж за богатого пастуха, который будет думать только о своих овцах, за старика, который ляжет с ней в постель и уснет. Она просит отдать ее за того, кто мил ее сердцу и будет думать только о ней [ДХД 1970: 77]. Касаясь самых дальних уголков человеческой души, песни передают ее тончайшие нюансы. Любовь воспевается в них как светлое чувство, приносящее и радость, и муку, в песнях герой готов пожертвовать собой во имя своей любви.

Самой популярной формой даргинской любовной поэзии являются *хабкубы*. Хабкубы — это лирические миниатюры, произведения, выражающие нравственно-этические и эстетические идеалы народа. Н. В. Капиева, характеризуя специфическую образность народной поэзии даргинцев, пишет, что она внесла в общую сокровищницу поэтического творчества народов Дагестана особо совершенные лирические миниатюры [Капиева 1970: 9]. В процессе длительной

шлифовки лирическая миниатюра достигла своей художественной отточенности и совершенства. Ее философичность неразрывна с истинной поэтичностью, филигранно отточенной образностью [Капиева 1970: 10]. Такие песни-миниатюры заключают в себе «не просто мысль, но и мысль-образ, мысль-чувство, мысль-картину, а значит, призваны рождать в душе читателя по возможности „широкую цепь эмоционально-смысловых ассоциаций“» [Абакарова, Алиева 1999: 58].

Песни-четверостишия известны у многих народов Дагестана и имеют свои названия: у аварцев — *кокал кучдул* ‘короткие песни’, у даргинцев — *хабкуб*, у кумыков — *сарыны и такмаки*, у лезгин — *бенд, манияр*, у лакцев — *шанмарду*, у ногайцев — *дияр*. Они во многом напоминают азербайд-

жанские *баяты*, узбекские *рубайи*, татарские *такмаки* [Магомедов 2003: 31].

Живость, оперативность, способность как откликаться на характерные явления повседневной жизни, так и выражать личные чувства и переживания привели к тому, что *хабкубы* во всех даргинских районах стали ведущей частью их песенного репертуара и, в особенности, любовной поэзии.

Особую форму даргинских любовных песен составляют песни-монологи, содержащие мотивы эмоционального состояния лирического героя. В них говорится о его безответной любви, о душевной тревоге и страданиях. В песнях-монологах в наибольшей степени проявляется эмоциональное начало, т. е. непосредственное выражение чувств и переживаний героя, состояние его души. Так, в одной из таких песен поется:

*Хечи дигаи дихъила,
Агара урши паргъат,
УркIи саби цIумлизиб,
Ну сарра гIязаблизир
УркIи дила изули,
Сайра ну къиянлизив
Селичирал хIерлира,
ХIулби умцIули сари,
УркIи къяйцIлизиб саби
Аммаки наб гIягIлиси,
ХIебургулира нуни.*

С тех пор, как полюбила тебя,
Нет покоя мне,
Сердце стонет мое,
Очень тяжело мне.
Мое сердце болит,
Мне очень тяжело
Я чего-то так жду,
Глаза что-то ищут,
Сердце в поисках чего-то,
Но то, что я хочу,
Найти я не могу.

[ДХД 1970: 53]
[Подстр. пер. авт.]

В песнях-монологах часто используются обращения героя к любимой или любимому, в них могут называться конкретные имена или лица, которым они адресованы. Подобные обращения служат средством усиления психологического настроения песни. Монологи-обращения могут быть построенными и в вопросной форме, которые чаще все-

го используются в тех случаях, когда идет речь о безответной любви, о душевной тревоге и страданиях. Они не только содержат любовную тематику, но и подчеркивают социальные мотивы — о неравенстве, о бедности и богатстве. Истинная любовь не имеет границ, как об этом поется в следующем восьмистишии:

*Дила дигаила хабар,
Теб бизс Маккализиб,
Маккала ГIялимтани
ЛукIули Лилмулизи.
Дила карцIайла хабар
Теб бизс Мадиналид,
Мадинала къаднани
ЛукIули Къуръаннизи*

Легенды о моей любви,
Говорят, известны в Мекке.
Ученые Мекки
Пишут о ней в своих трудах.
Предание о моей страсти,
Говорят, известно в Медине.
Кадии Медины
Вносят ее в Коран.

[Абакарова, Алиева 1999: 59]
[Подстр. пер. авт.]

Систему изобразительно-выразительных средств любовной поэзии составляют эпитеты, поэтические метафоры, сравнения, символы из мира природы, художественные параллелизмы, контрасты и противопоставления, обращения, монологи.

Эпитет — это один из основных способов создания художественного образа во многих фольклорных жанрах. Главное назначение эпитета в любовной песне даргинцев состоит в том, чтобы способствовать раскрытию душевного состояния лирического героя. Эпитеты создают в них образность, выразительность, поэтическую насыщенность. Используемые в любовных песнях эпитеты по своему характеру представляют как простые, так и сложные, развернутые, формы. Простые эпитеты, как правило, имеют постоянный характер: они связаны с образом любимой, которая подобна «восходящему солнцу», «луне», она «стройна как стебелек», её «черные глаза» подобны «черному винограду», у неё «тонкое тело», «сахарная грудь», «походка как у лани». Изливая свои чувства к возлюбленному, девушка называет его «ясным соколом» в небе, летящим «как ветер», храбрым, «как конь в бою».

В создании поэтического образа лирической песни особую роль играет художе-

*Икди ахь дубуртачир
Вава гъанни кьар дурьар
Вавагъуна дила чарх
Дурьуличу хлу гъанни*

В даргинской народной песне «На одинокой окраине» [ДХД 1970: 175] героиню обращает к природе: «финиковому дереву», «роднику из сладкого шербета», «горным цветкам», «голубке на скале», которые символизируют его трепетное чувство к возлюбленной.

Символы в любовных песнях чаще всего выражают не какой-нибудь конкретный образ, а являются выразителем того или иного настроения и создают определенный эмоциональный колорит. Частыми символами женского образа из мира животных, птиц, природы выступают «ласточка», «синяя птица», «зеленая трава», «горные цветы», «горный родник на вершине высокой горы». Глаза любимой уподобляются «чер-

ственный параллелизм. Художественный параллелизм — это сопоставление двух образов, один из которых имеет буквальное, а другой — иносказательное значение. В любовных песнях эмоциональное состояние героя чаще всего сопоставляется с природными явлениями, с растительным и животным миром. Метафорические сравнения с «морем», «солнцем», «молнией», «горами», «каменной скалой», «козленком, замерзающим в снегу», «соколом в небесах», «подстреленным фазаном» и др., используемые во многих песнях, усиливают его душевное состояние, придают дополнительную эмоциональную окраску и способствуют более глубокому выражению чувств.

В любовной поэзии даргинцев значительное место отводится явлениям природы. Картины природы в них служат средством выражения внутреннего мира героя, способствующим яркости и выразительности образов и углубляющим их психологизм. Особую роль при этом играют сопоставления. Душевное состояние героя сопоставляется с природными явлениями, что усиливает эмоциональность и драматизм ситуации.

В песнях-монологиях обращение к явлениям природы придает эмоциональную окраску, помогая глубже передать чувства девушки:

На тех высоких горах
Сохнет трава, думая о цветке,
Тело мое, как цветок,
Сохнет, думая о тебе.

[Магомедов 2003: 118]

[Подстр. пер. З. А. Магомедова]

ным чернилам», их блеск сравнивается со «свинцом в белом серебре». Ласточка или куропатка чаще всего символизируют женский образ, а конь — мужской.

Даргинские любовные песни представляют собой произведения, в которых наиболее ярко выражено душевное состояние лирического героя, что чаще всего достигается средствами психологического параллелизма. В песнях говорится о печали, обиде, тоске, боли, одиночестве, сомнениях, т. е. описываются те душевные переживания, которые испытывает герой. Несчастливую любовь девушка омывает проникновенными слезами, она обращается к матери, солнцу, небу, земле и просит облегчить ее страдания:

*Ва аба, дила аба,
Урки кьакъали саби,
Уркилизиб децI саби,
Хулбазир биса сари [ДХД: 77].*

Мама, родимая мама,
Сжимается до боли сердце,
И в сердце лишь одна печаль,
И на глазах лишь только слезы.

[Подстр. пер. авт.]

Центральное место в любовной лирике даргинцев занимает образ женщины. Для поэтизации образа женщины в любовных песнях используется неисчерпаемый запас изобразительно-выразительных приемов. Это метафорические сравнения, поэтические образы, эпитеты, художественные параллелизмы и т. д. Образ возлюбленной особенно часто сравнивается с ясным голубым небом, ярким солнцем, утренним рассветом, майским цветком, утренней росой, фиалкой, розой, куропаткой, луноликой красавицей, ласточкой, голубкой, весенним полевым цветком, виноградной лозой и т. д.

Описание красоты возлюбленной очень поэтично и многообразно. В песне воспеваются ее глаза, руки, белое тело, у нее походка как у лани, тонкая шея, тонкие пальцы,

*Шала ливкьян гьаулле,
Муте гута биццийда,
Уче либкьян гьаулле,
Маалла тIине биццийда,
Къита либкьян гьаулле,
Аасла къятта бяхъида*

длинные волосы. Иногда поэтизация образа достигается кратким, но очень емким метафорическим выражением: «...Сердце без любви — высохшее русло реки» [Магомедов 2003: 30].

Характеры горянок в лирических песнях обрисованы весьма многогранно. Если героиня песни — мать, то она — мудрая наставница, чьи мудрые советы помогают героям выйти из тяжелого положения. Если же она — возлюбленная, то ради любимого она может пойти даже на смерть.

Образ такой преданной горянки, умеющей беззаветно любить, а порой, если это нужно, и беспредельно ненавидеть, соответствовал народным идеалам женщины. Трепетной радостью веет от песни девушки, ожидающей возвращения любимого:

Если скажут — едет любимый,
Поставлю скамью из золота,
Если скажут — едет его лошадь,
Сеном ясли наполню,
Если скажут — едет жеребенок,
Серебряный гвоздь прибью.

[Абакарова, Алиева 1999: 59]

[Подстр. пер. авт.]

Настоящая любовь таит в себе как бесконечную радость, так и горести, неизбежно связанные с ней. В следующей песне своеобразно поэтизируется образ горянки, сумев-

*Агълира, агъвайлира,
Ургъур бердиб ятлира,
Ратрухъи азадлира —
Дигусилис дигахъес,
Хейгусилис хейгахъес,
Урки лебси жагъиллис
Рукъесра хIядурлира!*

шей освободиться от капкана, т. е. тягостных оков семейной жизни. Толчком к такому всплеску чувств послужило то, что она, наконец, бросила старого ненавистного мужа:

Веселая, веселая.
Узда разорвана — вольная я,
Капкан разорван — свободна я,
Пусть кто меня любит, женится,
Кто не любит — плачет,
За хорошего парня (с горячим сердцем)
Я готова выйти замуж.

[Абакарова, Алиева 1999: 60]

[Подстр. пер. Ф. О. Абакаровой]

К сожалению, горянка не всегда находила выход из такого положения. В художественную ткань песен нередко вплетены и

проклятия, несущие основную эмоциональную нагрузку. Так, ненавистью к нелюбимому мужу проникнуты следующие строки:

*Я акъанав, я хъилив,
Авичче дам Вика-Мямя,
Я шулив, я бушанав,
Авичче дам Вика-Мямя.*

*Папрус буччу гулажил
Садакья ваакъ, Вика-Мямя,
Дич дуччу жагьилтажил
Къурбанный вилхв
Вика-Мямя*

Не хочу, чтобы у очага
И в доме со мною был Вика-Мямя,
Ни рядом, ни в постели
Не хочу Вика-Мямя.

Пусть тебя курящим парням
Отдадут как садака,
Выпивающим водку парням,
Пусть зарежут тебя, как
Жертвенного барана, Вика-Мямя.

[Абакарова, Алиева 1999: 60]
[Подстр. пер. авт.]

В любовные песни могут включаться и благопожелания:

*У вашила хъунилтаб
Хул асла маака баакъаб,
У вашила хъунилтаб
Къвс къуллая таттакъаб,
Са шинна, са шарабла,
Ууч шинне буччихъий,
У шарабтад укыхъий*

Пусть в пути тебя застанет
Дождик чистого серебра,
И попадутся тебе в пути
Два родника,
В одном — вода, в другом — шербет,
Чтоб конь жажду утолил водой,
А сам пил шербет.

[Абакарова, Алиева 1999: 61]
[Подстр. пер. авт.]

В этой песне-благопожелании метафоры делают образ возлюбленного зримым и поднимают его над обыденностью. Опоэтизировано все, что может встретиться на его пути. В структурном отношении такого типа песни-благопожелания представляют обращения к одному человеку или к группе людей. Они могут быть четверо- или восьмистишиями, а иногда состоят из десяти и более стихотворных строк. Большой частью песни-благопожелания заканчивают-

ся глаголом в повелительном наклонении и словом «пусть». Вплетаясь в художественную ткань лирических песен, благопожелания воспевают в мужчине мужество и храбрость, а в женщине — красоту.

Благопожелания нередко исполняются в сатирико-юмористическом плане. В таких случаях они принимают форму пародий-благопожеланий, переходящих в проклятия, которые в свою очередь звучат как своеобразные шутки:

*Алжана маккаб эклуд,
Алжана хвалел гъаккаб,
Мажалисла къакъана
Гурусла дуклуд хаса
Дисибжуд дегъваже.*

Я не говорю — не попади в рай,
Пусть будет для тебя рай на то время
Пока в переулках Маджалиса
Успеет высохнуть
Тонкая марля.

[Абакарова, Алиева 1999: 61–62]
[Подстр. пер. авт.]

Итак, любовная поэзия в фольклоре даргинцев, представляющая собой наиболее развитый жанр устного поэтического творчества занимает заслуженное место в национальной духовной культуре народа. Для любовных песен характерны определенная тематика, сюжетный состав и арсенал изо-

бразительно-выразительных средств. Их отличают яркая образность, поэтическая выразительность, лиризм, а также особый эмоциональный настрой. Кроме того, они имеют большое идейно-эстетическое, воспитательное и познавательное значение.

Источники

ДХД — Даргалахалклядалуйти (Даргинские народные песни) / сост. З. А. Магомедов, Ф. А. Алиева. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1971. 175 с.

Литература

Абакарова Ф. О., Алиева Ф. А. Очерки устно-поэтического народного творчества даргинцев. Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 1999. 260 с.

Аджиев А. М. Кумыкская народная поэзия (Вопросы типологии связей в историческом освещении). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1983. 177 с.

Ахлаков А. А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1968. 226 с.

Белинский В. Г. О Крылове: Сборник статей и высказываний. М.: Гослитиздат, 1944. 70 с.

Ганиева А. М. Народная лирическая поэзия лезгин. Махачкала, 1976. 164 с.

Гоголь в воспоминаниях современников (Литературные мемуары). М.: Гослитиздат, 1952. 718 с.

Горький М. Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 27. М.: Худ. лит., 1933–1936. 592 с.

Магомедов З. А. Композиция песенной лирики народов Дагестана. Махачкала: ИНЦ ДГУ, 2003. 218 с.

Поэзия народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1954. 718 с.

Халидова М. Р. Устное народное творчество аварцев. Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 2004. 335 с.

Халилов Х. М. Лакский песенный фольклор. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1959. 154 с.

Юсупов Х. А. Обрядовая поэзия даргинцев (Общее и локально-особенное). Махачкала: ООО Деловой мир, 2000. 180 с.

Sources

DHD — *Darganhalkladaluyti (Darginskie narodnye pesni). Sost. Z. A. Magomedov, F. A. Aliyeva* [Dargin folk songs. Comp. by Z. A. Magomedov, F. A. Aliyeva]. Makhachkala, Publ. House of the Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences, 1971, 175 p. (In Dargin).

References

Abakarova F. O., Aliyeva F. A. *Ocherki ustno-poeticheskogo narodnogo tvorchestva dargintsev* [Sketches of oral poetic folk art of

the Dargin people]. Makhachkala, Publ. House of the Dagestan Scientific Center of the RAS, 1999, 260 p. (In Russ.).

- Adzhiev A. M. *Kumyikskaya narodnaya poeziya (Voprosy tipologii svyazey v istoricheskom osveschenii)* [Kumyk folk poetry (Questions of typology of relations in a historical light)]. Makhachkala, Dagestan Book Publ., 1983, 177 p. (In Russ.).
- Ahlov A. A. *Geroiko-istoricheskie pesni avartsev* [Heroic and historical songs of the Avars]. Makhachkala, Publ. House of the Dagestan Branch of the USSR AS, 1968, 226 p. (In Russ.).
- Belinsky V. G. *O Krylove: Sbornik statey i vyiskazyvaniy* [About Krylov: A collection of articles and statements]. Moscow, Goslitizdat (State Liter.) Publ., 1944, 70 p. (In Russ.).
- Ganieva A. M. *Narodnaya liricheskaya poeziya lezgin* [Folk lyric poetry of the Lezgins]. Makhachkala, 1976, 164 p. (In Russ.).
- Gogol v vospominaniyah sovremennikov (*Literaturnye memuary*) [Gogol in the memoirs of contemporaries (Literary memoirs)]. Moscow, Goslitizdat (State Liter.) Publ., 1952, 718 p. (In Russ.).
- Gorky M. *Sobr. soch.: v 30-ti tomah. T. 27* [Coll. works: in 30 volumes. Vol. 27]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura (Belles-lettres) Publ., 1933–1936, 592 p. (In Russ.).
- Magomedov Z. A. *Kompozitsiya pesennoy liriki narodov Dagestana* [The composition of the song lyrics of the peoples of Dagestan]. Makhachkala, Dagestan State University Press, 2003, 218 p. (In Russ.).
- Poeziya narodov Dagestana* [Poetry of the peoples of Dagestan]. Makhachkala, Dagestan Book Publ., 1954, 718 p. (In Russ.).
- Khalidova M. R. *Ustnoe narodnoe tvorchestvo avartsev* [The oral folklore of the Avars]. Makhachkala, Publ. House of the Dagestan Scientific Center of the RAS, 2004, 335 p. (In Russ.).
- Khalilov Kh. M. *Lakskiy pesennyiy folklore* [The song folklore of the Laks]. Makhachkala, Publ. House of the Dagestan Branch of the USSR AS, 1959, 154 p. (In Russ.).
- Yusupov Kh. A. *Obryadovaya poeziya dargintsev (Obshee i lokalno-osobennoe)* [The ritual poetry of the Dargins (general and local features)]. Makhachkala, Delovoy Mir Publ. Ltd., 2000, 180 p. (In Russ.).

УДК 398.838

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ЛЮБОВНОЙ ПОЭЗИИ В ФОЛЬКЛОРЕ ДАРГИНЦЕВ

Фатима Абдуловна Алиева¹

¹ кандидат филологических наук, заведующий, отдел фольклора, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Дагестанский научный центр Российской академии наук (Махачкала, Российская Федерация). E-mail: folkloriyali@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируются любовные песни в фольклоре даргинцев, рассматриваются их идейно-эстетические и композиционные особенности, система изобразительно-выразительных приемов и средств — эпитет, метафора, сравнения, обращения, символы, художественный параллелизм и др.

В любовной поэзии даргинцев выделяются такие жанровые разновидности, как песни-четверостишия (*хабкубы*), песни-диалоги, песни-обращения (или песни-монологи), в содержании которых преобладают мотивы эмоционального состояния героя, т. е. непосредственное выражение его чувств и переживаний. Каждая из них в структурном плане характеризуется своими особенностями: песни-четверостишия представляют краткие поэтические миниатюры, в которых преобладает лирическая струя, в основе песен-диалогов лежит композиционный прием — диалог, состоящий из цепи вопросов и ответов, где ведущая роль принадлежит то парню, то девушке, а песни-обращения построены на обращениях или монологах, которые носят характер раздумий, размышлений. Песни-обращения создают определенное эмоциональное настроение, которое выражает какое-либо психологическое состояние. В них часты обращения к явлениям природы, небесным светилам, поэтическим образам, символам и т. д. Богатый поэтический мир любовной поэзии является неотъемлемой частью духовного наследия даргинского народа.

Ключевые слова: даргинский фольклор, любовные песни, лирический герой, *хабкубы*, песни-диалоги, песни-монологи, песни-обращения, эпитет, сравнения, метафоры, символы, художественный параллелизм, благопожелания.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 185–191, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-185-191
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 316.77

Communicative Solidarity in Social Media: Methodological Peculiarities of Research

Aleksandr E. Gapich ¹, Anna P. Istomina ²

¹ Ph. D. in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: eversor@mail.ru.

² Ph. D. in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: annaistom@yandex.ru.

Abstract

In modern science, the topic of social solidarity is certainly relevant and is evolving. A special factor in the development of the theme is the active formation of social communities in not only the real world but also in the virtual one. The article aims to examine the methodological peculiarities of research of communicative solidarity in social media.

The phenomenon of solidarity provides explicit opportunities for interpretation in the context of large-scale social transformations that have been taking place in our country in the past two decades. In a situation of deep and structural crises, peculiarities of social interactions based on solidarity get manifested most clearly.

Synthesizing the definition of “solidarity” and characteristics of communicative solidarity, we can assert that in the broadest sense communicative solidarity arises in the course of transmission and reception of information based on harmony and mutual trust given that it also serves as the basis for unity of social actors pursuing a certain goal.

Studies of communicative solidarity in social media should be based on the methodology of the network analysis (SNA). The main distinct feature of the latter from other approaches is that it focuses the researcher’s attention on the interaction within the network rather than on separate attributes and characteristics of the object under consideration.

At the empirical level, application of the methodology of the network analysis in studies of the phenomenon of communicative solidarity makes it possible to define the basic structural components of typical communicative practices in social media, to perform their typology and classification in the context of definite situations.

Moreover, the network analysis has extensive capabilities for analyzing textual information which is important enough for studies of communicative solidarity in social media. The network analysis of texts fills the structure of communicative solidarity with meaningful and essential characteristics. Such analysis helps identify new mechanisms of social interactions that affect the characteristics of communicative solidarity. The methodology of the network analysis can significantly reduce research costs when it comes both to studies of social solidarity in diverse virtual forms as well as those of communication practices typical of network communities.

Keywords: communicative solidarity, social media, research of social media.

Безусловно, в современной науке тема социальной солидарности является актуальной и развивающейся. Особым фактором развития этой темы является активное формирование социальных общностей не только в реальном, но и виртуальном мире. В XX в. Ю. Хабермас, С. Хантингтон, А. Хонетт, Дж. Харвуд в ответ на выводы ученых-коммуитаристов — Э. Дюркгейма, Ф. Тенниса, Т. Парсонса, Н. Лумана, Э. Гидденса, А. Этциони, У. Бека — о том, что наличие базисного ценностно-нормативного консенсуса должно быть основой социальной солидарности, спрогнозировали, что солидаризация неоднородных, различных социальных акторов возможна при наличии определенных условий. В XXI в. мы видим подтверждение такого прогноза: социальные медиа являются инструментом формирования микросоциальной и макросоциальной солидарности в современном обществе.

Весьма близким к термину «солидарность» является понятие социальной сплоченности, которая обычно тесно вплетена в общие нормы и ценности конкретного общества. Единство норм и ценностей в таком случае становится определяющим фактором в формировании и развитии различных, в том числе и виртуальных, сообществ. Сплоченность в данном контексте понимается как определенное состояние данного сообщества или конкретной социальной группы. В этом смысле сплоченность является составной частью конструкта национального единства и важным ресурсом социального управления. В целом в социальной науке сплоченность рассматривается как результат договоренностей между акторами и агентами, взаимная выгода или же определенные преимущества, возникающие в результате совместных действий.

Феномен солидарности имеет весьма широкие перспективы для осмысления в контексте масштабных социальных трансформаций, происходящих в нашей стране в последние два десятилетия. В ситуации глубоких и структурных кризисов наиболее отчетливо проявляются особенности солидаризированных социальных взаимодействий, причем сама ситуация кризисов обуславливает изменение механизмов солидарности в обществе, а также констелляцию между различными видами солидарности.

Безусловно, рассмотрение и интерпретацию феномена коммуникативной солидарности необходимо начать с понятия более высокого уровня — «социальная соли-

дарность». Данный термин, предложенный Э. Дюркгеймом, означал определенную целостность общественной жизни, коллективность и одновременно высший моральный принцип, высшую и универсальную ценность, которая признается всеми членами общества. Э. Дюркгейм различал механическую и органическую солидарность, характерные для архаических и развитых социальных систем соответственно [Дюркгейм 2008].

Третьим типом социальной солидарности является коммуникативная солидарность. Данный термин был введен в научный оборот Е. В. Батаевой в 2015 г. при изучении условий единения социальных акторов в диверсифицированных полицентрических обществах [Батаева 2015]. Опираясь на концепцию Ю. Хабермаса, автор формулирует понятие коммуникативной солидарности, возникающей в процессе / контексте общения социальных акторов, свободно и сознательно вступающих в диалог *insitu* — от лат. ‘на месте’ (мы бы еще добавили *ad hoc* ‘по случаю’). Выделение нового типа солидарности Е. В. Батаева обосновывает содержательным отличием данного типа от механической и органической солидарности Э. Дюркгейма, заключающемся в наличии согласия между всеми участниками диалогической ситуации, которое становится эффектом мотивационно-целевой направленности социальных акторов на никем не навязываемое взаимопонимание. Такая формулировка поднимает вопрос о соотношении понятий «солидарность» и «согласие».

Кроме этого, Е. В. Батаева указывает на следующие характеристики коммуникативной солидарности:

1) наличие акционального параметра — усилий социальных акторов, которые нацелены на достижение согласия в процессе группового общения;

2) проективная направленность — реализация социальных проектов примирения / умиротворения / воссоединения;

3) гармоничное сочетание с механическим и органическим типами солидарности (в стабильных общественных ситуациях) — существующие в единой нормативно-ценностной системе социальные акторы выражают / подтверждают свое единение в процессе социально публичного коммуницирования, причем как в повседневной жизни, так и в пространстве масс-медиа;

4) возрастание роли в условиях нестабильности общественных ситуаций — в

случае ослабления ценностно-нормативного консенсуса и нарушения структурного равновесия в обществе социальные акторы, опираясь на коммуникативную солидарность, могут избежать эскалации конфликтной напряженности;

5) возможность установления на микроуровне (уровне повседневной межличностной коммуникации) и макроуровне (уровне взаимодействия институциональных социальных структур), причем и в том, и в другом случае фундаментом коммуникативной солидарности выступает «мягкая» сила взаимного доверия между участниками дискуссии или же социальными акторами, поддерживающая моральные связи.

Несмотря на то что феномен коммуникативной солидарности рассмотрен Е. В. Батаевой достаточно подробно, в работе данного автора, как и других, использующих данные термин «вскользь», например, в работе Е. И. Головахи, Н. В. Паниной «Социальное безумие: история, теория и современная практика» [Головаха, Панина 1994], не дается его определение. Отсутствие устоявшегося понимания термина «коммуникативная солидарность» влечет за собой сложности в определении коммуникативной солидарности в социальных медиа.

Из синтеза определений «солидарность» и рассмотренных выше характеристик коммуникативной солидарности мы можем говорить о том, что в наиболее общем виде коммуникативная солидарность возникает в процессе передачи и восприятия информации, основанная на согласии и доверии, а также выступающая основой единения социальных акторов в достижении определенной цели.

В научном и экспертном сообществах сегодня еще не существует доминирующего мнения о роли социальных медиа в формировании и механизмах коммуникативной солидарности [Сетевые сообщества 2016]. Нет также понимания самого факта наличия или отсутствия такой роли. При этом большинство ученых склоняются к тому, что социальные медиа оказывают мобилизующее действие на различные социальные группы. Мы полагаем, что одним из возможных путей поиска ответа на вопрос о коммуникативной солидарности в социальных медиа является постановка отдельных исследовательских вопросов, например, о том, как влияет характер контента на количество участников отдельных сетевых сообществ. Для ответа на этот и подобные вопросы

необходима разработка определенных исследовательских подходов, систематизация терминов и понятий, их интерпретация и операционализация, разработка инструментария исследования и т. д.

На наш взгляд, исследование коммуникативной солидарности в социальных медиа необходимо осуществлять на основе методологии сетевого анализа (SNA). Основным отличием сетевого анализа от других подходов является концентрация исследовательского внимания на интеракциях внутри сети, а не на конкретных атрибутах и характеристиках изучаемого объекта.

На эмпирическом уровне использование методологии сетевого анализа при исследовании феномена коммуникативной солидарности позволяет определить основные структурные компоненты типичных коммуникативных практик в социальных медиа, осуществить их типологизацию и классификацию в контексте конкретных ситуаций. Кроме того, сетевой анализ обладает обширными возможностями для анализа текстовой информации, что является весьма важным для изучения коммуникативной солидарности в социальных медиа. Сетевой анализ текстов наполняет структуру коммуникативной солидарности содержательными характеристиками. В результате осуществления подобного анализа возможна фиксация новых механизмов социальных взаимодействий, влияющих на характеристики коммуникативной солидарности. Методология сетевого анализа позволяет существенно снизить исследовательские издержки при изучении как социальной солидарности в различных виртуальных образованиях, так и коммуникативных практик, типичных для сетевых сообществ.

Сетевой анализ прежде всего является исследовательским инструментом для описания и выявления характеристик сетевых структур на основе отношений между акторами. Методология сетевого анализа обладает всеми необходимыми процедурами, правилами кодировки и фиксации первичной информации, а также собственной внутренней логикой и строгими алгоритмами. Одним из существенных преимуществ данной методологии в исследовании коммуникативной солидарности являются строгие процедурные требования к сбору первичных эмпирических данных, которые в дальнейшем позволяют оценивать различные структурные свойства, такие, как плотность, центральность, кластеризация и т. д.

Опираясь на социологический инструментарий исследования солидарности и сплоченности, сетевая методология позволяет операционализировать и измерять качества коммуникативных структур и их элементов при помощи сбора и анализа эмпирических данных.

Кроме формализованного количественного подхода, в сетевом анализе коммуникативной солидарности большим потенциалом обладает качественный подход, получивший свое развитие в соответствующей методологической парадигме. Качественный подход основан на детальном исследовании конкретных составляющих коммуникативной солидарности в виртуальной сфере, в которых описываются и детализируются характеристики коммуникативной структуры. В таком ракурсе сетевая методология используется в качестве основы социологического анализа исследуемого феномена, а именно: речь может идти о концептуализации в рамках сетевого анализа понятия «коммуникативная солидарность».

Современные исследования, осуществляемые в рамках сетевой парадигмы, связаны с обоснованием коммуникативной солидарности как инновационной формы социальных взаимодействий в рамках виртуальных сетевых структур. Сторонники сетевого подхода исходят из положения о том, что усложнение и дифференциация современных коммуникаций не могут осуществляться лишь силами традиционных медиа. Сетевое измерение предполагает вовлечение в процесс коммуникации большого количества институционализированных и неинституционализированных акторов и агентов, характеризующихся общими целями, интересами, ценностями и мотивами.

В целом можно говорить о том, что информационные технологии, на развитии которых основывается формирование нового типа общества, способствовали изменению характера коммуникации. Особое место в данном процессе завоевали специфические интерактивные средства массовой коммуникации — социальные медиа (социальные сети, блоги, подкасты, web-сайты, интернет-форумы, Wiki, видеохостинги и т. д.), ежедневно используемые в качестве коммуникационного канала в современном обществе [Шестеркина, Борченко 2014]. Переход к дистанционным формам взаимодействия посредством сети Интернет порождает не локализованную, виртуализированную форму солидарности, обладающую эфе-

мерным и незакрепленным характером, и является фактором, усложняющим процесс установления коммуникативной солидарности. Таким образом, коммуникативная солидарность, и без того являющаяся более «неуловимым» и труднофиксируемым феноменом, нежели нормативная и структурная, требует разработки методологических и методических подходов к изучению данного феномена в социальных медиа.

Что касается прикладных аспектов исследования коммуникативной солидарности, то, по мнению авторов, наиболее перспективным направлением является изучение данной проблематики в контексте анализа информационных войн.

Проблема использования виртуальных коммуникаций в сфере информационного противоборства в современном обществе является фундаментальной для современной социологии, политологии и военной теории. Широкое распространение Интернет-технологий и интерактивных форм и механизмов коммуникации детерминирует появление и изменение общественных ценностей, продуктов и услуг, а также новых типов социальных конфликтов.

Современные военно-политические конфликты характеризуются активным использованием виртуальных средств коммуникации противоборствующими сторонами. Так, вооруженный конфликт 2008 г. с Грузией, современный конфликт 2013–2014 гг. на Украине, события в Сирии этого же периода, актуальная угроза распространения исламского фундаментализма на Ближнем Востоке (обострение ситуации в Ираке и Ливии) и другие локальные вооруженные противостояния характеризуются не только усилением роли военной составляющей информационного противоборства (радиоэлектронная разведка, повышение значимости космических войск), но и активным и агрессивным воздействием на массовое сознание населения, представляющего различные стороны конфликта.

Указанные события со всей очевидностью продемонстрировали, что широкие слои населения быстро и эффективно подвергаются мощному пропагандистскому воздействию, уровень социальной солидарности в обществе резко возрастает, а его следствием являются конкретные, зачастую деструктивные, проявления. Кроме того, коммуникативная солидарность в обществе во время локальных вооруженных конфликтов часто выражается в том, что

представители многих социальных групп, не связанных с институтами безопасности, принимают в качестве добровольцев участие в боевых действиях, вызываются работать волонтерами в зонах вооруженных конфликтов и т. д. Еще одним следствием изучаемой проблемы является повышение уровня коммуникационных барьеров в обществе к противоположной или альтернативной точкам зрения. Население, акторы и агенты социальных институтов не готовы воспринимать противоположную или альтернативную точки зрения на происходящий конфликт. Это серьезно усложняет задачи пропаганды, информационной борьбы и т. д.

Отмеченные выше тенденции требуют ответа на фундаментальный вопрос о том, какую роль играют виртуальные социальные сети, медиа-коммуникации и Интернет в целом в резком повышении уровня сплоченности и солидарности в обществе в период активного развертывания локальных вооруженных конфликтов.

Характеристика и систематизация форм, способов и механизмов коммуникативной солидарности, возникающей в виртуальной сфере у акторов различных сторон конфликта в период военно-политического противостояния, осуществляется в прикладных исследованиях на основе данных стандартизированных интервью с пользователями виртуальных социальных сетей с использованием типологического анализа и количественных методов классификации (деревья решений, факторный анализ, кластерный анализ).

Поиск новых коммуникативных форм адаптации к информационному воздействию на массовое сознание, подверженное влиянию виртуальных коммуникаций, осуществляется теоретическими методами, такими как Groundedtheory, обобщение и анализ, а также ретроспективное интервьюирование наиболее активных участников виртуальных интеракций во время локального вооруженного конфликта, подсчет участников сетевого взаимодействия в виртуальных сообществах, созданных в период локального вооруженного конфликта.

Перспективным также представляется анализ коммуникативных потоков, распространяющих информацию пропагандистского содержания через виртуальные социальные сети в условиях локального вооруженного противостояния, с помощью методов визуализации социальных сетей и

анализа тематических сетевых сообществ Facebook, Вконтакте, сетевых дневников наиболее активных блогеров.

С точки зрения социологического анализа феномена коммуникативной солидарности перспективным является также определение отдельных компонентов стратегии информационного противоборства в виртуальной сфере в ситуации наличия локальных вооруженных конфликтов. В качестве единиц анализа в данных случаях обычно представлены отдельные информационные поводы, а также уровень посева данной информации и реакция на нее в виртуальных социальных сетях.

Основные научные аспекты изучаемой проблемы связаны с осмыслением и описанием механизмов коммуникативной солидарности, возникающих и активно формирующихся с помощью виртуальных средств коммуникации у различных социальных групп в период локальных вооруженных конфликтов.

В дальнейшем в рамках теоретико-прикладных социологических исследований важным представляется исследование форм, способов и механизмов коммуникативной солидарности, подвергающихся активному информационному воздействию в социальных сетях и виртуальных масс-медиа.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-33-01350/15 «Коммуникативная солидарность в виртуальной сфере: проблемы информационного противоборства в современных локальных конфликтах».

Литература

- Арестова А. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е.* Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1996. № 4. С. 14–20.
- Батаева Е. В.* Условия коммуникативной солидарности в диверсифицированном обществе // Гуманитарный часопис. 2015. № 2. С. 12–18.
- Владимирова Т. В.* Сетевые коммуникации как источник информационных угроз [электронный ресурс] // URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/20/1267451215/Vladimirova.pdf> (дата обращения: 05.10.2016).
- Головаха Е. И., Панина Н. В.* Социальное безумие: история, теория и современная практика. Киев: Абрис, 1994. 168 с.

- Градьюшко А. А. Социальные медиа в системе интернет-коммуникаций [электронный ресурс] // URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/16643> (дата обращения: 05.10.2016).
- Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. В. Модели влияния в социальных сетях // Управление большими системами: сборник трудов. 2009. № 29. С. 207–284.
- Дюркгейм Э. Определение морального факта // Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2008. С. 244–275.
- Ксенофонтова И. В. Роль интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3 (109). С. 114–116.
- Лежебоков А. А., Сергодеева Е. А., Сергодеев В. А. Сетевые сообщества в социальных медиа Рунета. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. 182 с.
- Обухов К. Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2008. № 1 (55). С. 107–110.
- Реутов Е. В., Колпина Л. В., Реутова М. Н., Бояринова И. В. Эффективность социальных сетей в региональном сообществе [электронный ресурс] // URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/04/25/1268026819/Reutov.pdf> (дата обращения: 05.10.2016).
- Семенов Е. Е. Виртуальная сетевая парадигма политической активности // Власть. 2013. № 4. С. 34–38.
- Усик Е. Ю. Социальная сеть как социологическая категория и социальный феномен // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества. 2011. С. 82–85.
- Шестёркина Л. П., Борченко И. Д. Основные характеристики новых социальных медиа // Ученые записки ЗабГУ. 2014. № 2 (55). С. 107–111.
- Шибут И. П. Комплексный подход к коммуникации в социальных медиа: ориентация на целевые группы [электронный ресурс] // URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/54530> (дата обращения: 05.10.2016)
- Штейнберг И. Е. Парадигма четырех «К» в исследованиях социальных сетей поддержки // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 40–50.
- References**
- Arestova A. N., Babanin L. N., Voiskunsky A. E. *Kommunikatsiya v komp'yuternykh setyakh: psikhologicheskie determinanty i posledstviya* [Communication in computer networks: psychological determinants and consequences]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [The Moscow University Herald], ser. 14, Psychology, 1996, No. 4, pp. 14–20 (In Russ.).
- Bataeva E. V. *Usloviya kommunikativnoy solidarnosti v diversifitsirovannom obshchestve* [Terms of communicative solidarity in a diversified society]. *Gumanitarny chasopis* [Humanities Journal], 2015, No. 2, pp. 12–18 (In Russ.).
- Vladimirova T. V. *Setevye kommunikatsii kak istochnik informatsionnykh ugroz* [Network communications as a source of information threats]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/20/1267451215/Vladimirova.pdf> (accessed: 5 October 2016) (In Russ.).
- Golovakha E. I., Panina N. V. *Sotsial'noe bezumie: istoriya, teoriya i sovremennaya praktika* [Social Madness: history, theory and current practices]. Kiev, Abris Publ., 1994, 168 p. (In Russ.).
- Gradyushko A. A. *Sotsial'nye media v sisteme internet-kommunikatsiy* [Social media in the Internet communications system]. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/16643> (accessed: 6 October 2016) (In Russ.).
- Gubanov D. A., Novikov D. A., Chkhartishvili A. V. *Modeli vliyaniya v sotsial'nykh setyakh* [Models of influence in social networks]. *Upravlenie bol'shimi sistemami: sbornik trudov* [Control of Large Networks: a collection of works], 2009, No. 29, pp. 207–284 (In Russ.).
- Durkheim E. The definition of moral fact. E. Durkheim Sociology: Its subject matter, method, purpose. Moscow, TERRA Publ., 2008, pp. 244–275 (In Russ.).
- Ksenofontova I. V. *Rol' interneta v razviti protestnogo dvizheniya* [The role of the Internet in the development of the protest movement]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes journal], 2012, No. 3 (109), pp. 114–116 (In Russ.).
- Lezhebokov A. A., Sergodeeva E. A., Sergodeev V. A. *Setevye soobshchestva v sotsial'nykh media Runeta* [Network communities in the social media of the Runet: a monograph]. Stavropol, North-Caucasus Federal Univ. Press, 2016, 182 p. (In Russ.).
- Obukhov K. N. *Set' kak sotsial'naya struktura: model' setevoy kommunikatsii v teorii M. Kastel'sa*

- [Network as a social structure: a model of the network communication in the theory of M. Castells]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], ser. "Philosophy. Psychology. Pedagogy", 2008, No. 1 (55), pp. 107–110 (In Russ.).
- Reutov E. V., Kolpina L. V., Reutova M. N., Boyarinova I. V. *Effektivnost' sotsial'nykh setey v regional'nom soobshchestve* [The effectiveness of social networks in a regional community]. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/04/25/1268026819/Reutov.pdf> (accessed: 5 October 2016) (In Russ.).
- Semenov E. E. *Virtual'naya setevaya paradigma politicheskoy aktivnosti* [The virtual network paradigm of political activity]. *Vlast'* [Power journal], 2013, No. 4, pp. 34–38 (In Russ.).
- Usik E. Y. *Sotsial'naya set' kak sotsiologicheskaya kategoriya i sotsial'nyy fenomen* [Social network as a sociological category and social phenomenon]. *Metodologiya, teoriya i praktika sotsiologicheskogo analiza sovremennogo obshchestva* [Methodology, theory and practice of the sociological analysis of modern society], 2011, pp. 82–85 (In Russ.).
- Shestyorkina L. P., Borchenko I. D. *Osnovnye kharakteristiki novykh sotsial'nykh media* [Basic descriptions of new social media]. *Uchenye zapiski ZabGU* [Scholarly Notes of Transbaikalian State University], 2014, No. 2 (55), pp. 107–111 (In Russ.).
- Shibut I. P. *Kompleksnyy podkhod k kommunikatsii v sotsial'nykh media: orientatsiya na tselevye gruppy* [A comprehensive approach to communication in social media: focus on target groups]. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/54530> (accessed: 7 October 2016) (In Russ.).
- Steinberg I. E. *Paradigma chetyrekh «K» v issledovaniyakh sotsial'nykh setey podderzhki* [The paradigm of the four "K" in studies of social support networks]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* (journal), 2010, No. 5, pp. 40–50 (In Russ.).

УДК 316.77

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Александр Эрикович Гапич¹, Анна Петровна Истомина²

¹ кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Российская Федерация). E-mail: eversor@mail.ru.

² кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Российская Федерация). E-mail: annaistom@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и методологические подходы к анализу феномена коммуникативной солидарности в социальных медиа. Анализируется возможность применения аппарата методологии сетевого анализа в исследовании различных форм солидарности. В статье описана история возникновения и развития методологии сетевого анализа, а также подробно рассматривается понимание социальных сетей в различных гуманитарных и социально-экономических науках.

В настоящее время накоплено существенное количество эмпирических исследований феномена солидарности, основанных на традиционных методах социологического анализа, совершенствуется методология использования математических и компьютерных алгоритмов изучения сетей. При этом, однако, очевиден определенный дефицит теоретических и методологических исследований коммуникативной солидарности, основанных на методологии SNA.

В целом сеть оказывает влияние на структуру социальных медиа и механизмы коммуникативной солидарности виртуальных сообществ. Виртуальное пространство состоит из персональных микросетей, где личные интересы индивидов реализуются через множество коммуникационных взаимодействий. В рамках социологического анализа особого изучения требуют формы и способы коммуникативной солидарности, а также механизмы коммуникативной солидарности: идеи, представления и причинно-следственные связи, подвергающиеся активному информационному воздействию в социальных сетях и виртуальных масс-медиа.

Ключевые слова: коммуникативная солидарность, социальные медиа, исследование, методология.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 192–200, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-192-200
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 316.343.65

Revisiting the Criteria and Indicators for Identifying the Middle Class within Contemporary Russian Society (before the Social and Economic Crisis of 2014)

Dmitriy A. Lushnikov¹, Artem V. Volchinski²

¹ Ph. D. in Sociology (Doct. of Sociological Sc.), Professor, Head of Department of Sociology, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: keremet2000@mail.ru.

² Postgraduate Student, Assistant Lecturer, Department of Sociology, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: volchin@mail.ru.

Abstract

The article deals with the problem of delineating the middle strata of Russian society in the context of the social and economic crisis and assesses the correlation of the differences in social positions of middle class representatives as a criterion for social stratification in general. Since the position of the middle strata within a system of social inequality is vulnerable enough, the economic crisis has quite a sizeable impact on the middle class and changes its structure. Over the past twenty-five years, Russia's middle class has undergone a number of transformations caused by the new waves of social and economic crises. So, in 1998 the Russian sovereign default resulted in the fact that following the massive declining trends the middle classes have thinned out to a minimum. The subsequent economic recovery accompanied by a social and political stabilization has led to an increase in the number of middle class members up until 2008 when another wave of the economic crisis had its dramatically significant impact on the middle strata. A comparison of survey data collected by the Public Opinion foundation in 2004 and 2014 leads to the conclusion that on the level of identity middle-class population trends have been stable in the past decade, except for the period of severe fluctuations under the influence of the waves of the 2014 economic crisis. It was also considered how the economic crisis that emerged in the fall of the national currency proved quite a painful impact on the social well-being of broad layers of Russian society. This fact indicates that in the context of a lasting disorientation and supplemented by state of anomie in which a large part of the population exists, the middle strata — the way western scientists understand it, i.e. as the actor and regulator of social processes — cannot perform the functions assigned to them. To the present day, the dominating macro-trends erode the middle class which is accompanied by a decrease in the welfare of this group. Finally, the paper concludes that there are significant differences in the tools applied by Russian sociological services, first of all concerning the criteria and indicators used for identifying the middle class.

Keywords: middle class, social stratification, crisis, social mobility, education, income, identification.

Рост численности среднего класса в России как формально, так и риторически артикулируется в качестве основных приоритетов социально-экономического развития страны. Однако оценки численности среднего класса в России существенно разнятся, более того, некоторые исследователи скептически относятся к данному явлению, ссылаясь на недостаточную оформленность среднего класса как некоего полноценного социального субъекта. Данное сомнение вынуждает акцентироваться на теоретико-методологических проблемах анализа среднего класса, поскольку становится очевидным, что без ясного понимания специфики данного социального субъекта, его генезиса, типологических черт по отношению к прочим классам общества невозможно выработать критерии и показатели его эмпирического исследования. В свою очередь, на основании данных средств измерения необходимо оценить его численность и выявить связь между изменениями в положении среднего класса и социоструктурными процессами в российском обществе.

В современном социологическом знании можно выделить несколько подходов, используемых для выделения среднего класса.

1. Представление, согласно которому средний класс является социальным субъектом, отличающимся достаточно высокими жизненными стандартами и уровнем потребления. В качестве стратификационных критериев в рамках данного подхода используются уровень душевого дохода и наличие в собственности некоторых дорогостоящих товаров длительного пользования. Данный «экономический» подход характерен для прикладных, «методологически не нагруженных» маркетинговых исследований и социологических исследований, не претендующих на выявление полного профиля социальной стратификации.

2. «Политический подход» акцентируется на социально-политическом аспекте выделения среднего класса, связанном с идентичностью, самоидентификацией индивида, а не с экономическим критерием стратификации. Именно совокупная идентичность представителей среднего класса, или «классовое сознание» в марксистской терминологии, в наибольшей степени влияет на социальную самоидентификацию и, как следствие, на политические представления и соответствующее им поведение. В

данном подходе средний класс выделяется на основе идентификационных критериев, самосознании себя как представителя среднего класса, некоторых самооценок социального статуса индивида, что позволяет определить этот подход как условно субъективный. «Экономический» и «политический» подходы не позволяют выделить однородные социальные общности, которые могли бы рассматриваться как реальные, а не номинальные элементы социальной структуры современного российского общества.

3. Также существует подход, утверждающий деление среднего класса на так называемый «новый» средний класс, включающий менеджеров и специалистов, и «старый» средний класс, представляющий малый бизнес, занятый в основном в торговле, общественном питании и прочих традиционных для индустриального общества услугах. Именно специфика этих активов и, как следствие, классовая позиция определяют структурные позиции настоящих социальных групп в рамках одного среднего класса. Основная методологическая проблема изучения среднего класса в рамках этого подхода заключается в том, что средний класс начинает все более дробиться на различные социально-экономические общности, различающиеся типом получаемой ренты в зависимости от принадлежности им определенного типа социального капитала. Вначале средний класс распадается на новый и старый, затем «новый» средний класс подразделяется на профессионалов и полупрофессионалов, различающихся возможностью получения вознаграждения (rentы) за обладание специфическим социальным капиталом. Впоследствии происходит дальнейшая дифференциация профессионалов в зависимости от области экономики, в которой они заняты. Настоящий метод связан с использованием классического неовеберовского подхода к выделению среднего класса. Несмотря на большую распространенность этого метода среди исследователей социальной стратификации, возникают трудности с определением видов профессиональной деятельности, уровня образования как критериев отнесения к среднему классу в современной России. Помимо этого, список этих критериев зачастую расширяется относительно принятой на Западе концепции среднего класса. Данная тенденция определяется во

многим использованием структурно-функционального аналитического метода, который позволяет выявить ассоциирующиеся со средним классом функции. В первую очередь, это функции стабилизатора общественно-политической жизни, носителя инноваций и ценных социально-экономических практик и т. п. Также одним из критериев выделения среднего класса является более высокий (относительно большинства других слоев общества) культурный уровень, наличие специфических ментальных и поведенческих характеристик. Однако в научном сообществе не утихают споры, связанные с представлением о том, что российский средний класс (с позиции функционального подхода) в недостаточной степени соответствует той структурно-функциональной нагрузке, которая на него возлагается в обществе. Данная тенденция достаточно выпукло проявилась в истории становления среднего класса в современной России.

История формирования среднего класса в постсоветской России неразрывно связана с теми социальными группами позднесоветского общества, которые во многом и были акторами «демократических преобразований» и социальной опорой «перестройки». Т. И. Заславская, видный советский и российский социолог, советник последнего президента СССР М. С. Горбачева, следующим образом характеризует данный период: «Движущей силой поднимавшейся революционной волны был „средний класс“ советского общества, представленный хорошо образованной, квалифицированной, но социально и политически ущемленной и не удовлетворенной своим положением интеллигенцией. Ее лозунгом было совершенствование социализма, придание ему демократического лица, расширение прав и свобод человека, повышение благосостояния народа» [Заславская 2004]. Однако демократическим чаяниям представителей среднего класса, в особенности массовых слоев советской интеллигенции, не суждено было сбыться. Массовое обнищание в первой половине 1990-х гг., порожденное «шоковыми реформами» правительства Е. Т. Гайдара, фактически нивелировало эти экспектации. Начавшаяся нисходящая социальная мобильность представителей так называемых массовых слоев позднесоветской интеллигенции дополнилась крушением социальной структуры советского обще-

ства, которое, однако, продолжало транслировать отблеск социокультурных ценностей того периода. В данном контексте массовые слои интеллигенции по-прежнему воспринимались как полноправные средние слои общества, хотя по критерию реальных доходов эту социальную группу следовало бы отнести к бедным слоям.

Сформировавшийся в результате реформ слой частных собственников и предпринимателей не мог занять место социального стабилизатора, которое в западной социологии приписывают среднему классу, как по причине своей относительной малочисленности, так и в силу перманентно нарастающей динамики социальных трансформаций. Примечательно, что экономический кризис 1998 г. и последовавший за ним дефолт подвели итог первого периода формирования среднего класса в современной России. Средний класс в той нежизнеспособной и несколько парадоксальной форме, в которой он существовал в докризисной России, действительно находился на грани уничтожения. При распаде СССР обнищание по большей части коснулось людей, не занятых в сфере частного капитала, и было связано с многомерными процессами социальной дезорганизации и аномии. Данные процессы проявились в дезориентации, демобилизации и социальной атомизации большей части населения страны, что привело к тому, что «жертвой» оказались средние слои, занятые в бизнесе и частном предпринимательстве.

Похожая ситуация сложилась в Аргентине, где в результате экономического кризиса 2001 г. многие представители среднего класса лишились существенной части своих доходов. В своей статье «Обнищание среднего класса в Аргентине: новые бедные в Латинской Америке» Габриэль Кесслер и Мария Мерседес ди Вирхилио следующим образом описывают субъективное восприятие трансформации своего статуса в результате массового обнищания средних слоев: «Отнесение себя к этому классу связывалось с реальным или потенциальным доступом к благам и услугам за пределами простого выживания (определенные типы одежды, досуга, отпуска, бытовых электроприборов и автомобилей). Уровень образования играл важную роль, но решающим фактором оказалось потребление. С одной стороны, к среднему классу можно было принадлежать, и не имея диплома, а с дру-

гой — с наступлением кризиса жизненных укладов даже очень высокая образовательная квалификация не позволяла избежать вопроса об идентичности. На вышеуказанный вопрос давались ответы двух типов: одни настаивали на неизменности своего статуса, другие ощущали себя изгнанными» [Кесслер, ди Вирхилио 2010].

Медленный процесс регенерации средних слоев российского общества, как мы уже отмечали выше, начался в период 2001–2005 гг., который маркируется первым президентским сроком Владимира Путина. В данный период относительной социально-экономической стабильности средний класс осуществлял медленную социальную регенерацию, которая позволила ему обрести большую структурную оформленность приблизительно к 2008 г.

Процессы морфогенезиса, порожденные ослаблением динамики регресса социальных структур, начали преобладать над процессами социальной дезорганизации, что способствовало росту средних слоев общества. Данное событие требует более под-

робного теоретического анализа. Так, по данным опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2009 г., в котором исследовалось восприятие гражданами РФ последствий мирового экономического кризиса, затронувшего в том числе и Россию, 54 % опрошенных отметили, что ощутили на себе его последствия в виде ухудшения материального положения своей семьи, потери работы и т. п. Однако при сравнении последствий дефолта 1998 г. с ситуацией 2008 г. почти 75 % респондентов указали на то, что пострадали от первого кризиса гораздо сильнее, чем от второго [Дефолт 1998 года и нынешний кризис 2009].

В лонгитюдном исследовании, проведенном Фондом «Общественное мнение» [Климова 2004], были получены данные о субъективной самоидентификации респондентов со средним классом. Зачастую данный показатель становится решающим для определения слоевой и классовой принадлежности респондентов, поскольку даже уровень доходов не оказывает такого влияния на классовую самоидентификацию.

Таблица 1. *Субъективное отнесение себя к среднему классу*

К среднему классу себя...	Октябрь 1998 г.	Июль 1999 г.	Февраль 2004 г.
...относят	20 %	22 %	43 %
...не относят	75 %	72 %	49 %
Затрудняются ответить	4 %	6 %	8 %

Результаты исследования показывают, что доля граждан, относивших себя к среднему классу, в 1998–1999 гг. практически не менялась, составляя примерно пятую часть населения. К 2004 г. ситуация существенно изменилась, и этот показатель увеличился до 49 %, т. е. практически в два раза. Значение данной динамики раскрывается в анализе групп, которые относили себя к среднему классу в разные периоды времени. Чаще ассоциировали себя со средним классом молодые люди, обладающие относительно лучшей ресурсообеспеченностью по таким показателям стратификации, как образование, доход, тип поселенческой общности. 61 % граждан в 2004 г. в возрасте от 18 до 36 лет относили себя к среднему классу, тогда как в 1998 г. этот показатель был равен 33 %. Средним классом в 2004 г. считали себя 49 % опрошенных с неполным высшим

или высшим образованием, в 1998 г. этот показатель составил 29 %. В группе с высоким доходом в 2004 г. себя относили к среднему классу 55 % (было — 29 %). Относящие себя к среднему классу по данным опроса 2004 г. чаще живут в крупных городах — 49 %.

Таким образом, в наиболее «кризисном» 1998 г. число граждан, относящих себя к среднему классу, достигало минимальных значений. Стабилизация социально-экономической и социально-политической ситуации вновь «вернула к жизни» средний класс как макросоциальную общность с маркированной социальной позицией.

Рассмотрим на примере данных упомянутого выше опроса уровень образованности представителей среднего класса, поскольку образование является одним из основных критериев стратификации и факторов отнесения к среднему классу.

Таблица 2. *Субъективная оценка качества образования и уровня профессионализма*

	Все	Себя к среднему классу...		
		отношу	не отношу	затрудняюсь ответить
<i>Вопрос «Вы можете или не можете сказать о себе, что у Вас хорошее образование?»</i>				
Могу	42 %	49 %	42 %	41 %
Не могу	55 %	49 %	55 %	52 %
Затрудняюсь ответить	3 %	2 %	3 %	6 %
<i>Вопрос «Вы считаете или не считаете себя специалистом, профессионалом в своей работе?»</i>				
Считаю	38 %	45 %	38 %	30 %
Не считаю	2 %	13 %	10 %	10 %
Затрудняюсь ответить	11 %	1 %	2 %	5 %
Не работаю	49 %	40 %	50 %	55 %

Приведенные данные свидетельствуют о том, что респонденты, относящие себя к среднему классу, более других убеждены в своем хорошем образовании. При этом среди относящих себя к среднему классу довольных и недовольных уровнем своей образованности оказалось поровну. Следовательно, закономерен вывод о том, что субъективно оцениваемое качество образования не является базовым критерием самоотнесения к среднему классу.

Из данных рассматриваемой таблицы видно, что существенная доля идентифицирующих себя со средним классом склонны считать себя профессиональными специалистами в своей сфере деятельности. Однако доли считающих и не считающих себя профессионалами не обнаруживают резкой дифференциации, что также ставит под сомнение особую значимость рассматриваемого критерия для выделения среднего класса,

хотя для обществ Запада и западной теории среднего класса место индивида в системе общественного разделения труда и уровень владения профессиональными навыками являются одними из основных стратификационных факторов. Возможно, для современных российских реалий ключевым условием самоопределения представителя среднего класса является некая интегральная удовлетворенность своим трудом. Как видно из представленной ниже таблицы, различие долей более существенно, чем в рассмотренных выше случаях, когда уровень образования и субъективная оценка профессионализма были практически одинаковыми как у относящих себя к среднему классу, так и у тех, кто не ассоциирует себя со средними слоями общества. Среди условных «профессионалов» в полтора раза больше довольных работой, чем среди тех, кто не относит себя к профессионалам в своем деле.

Таблица 3. *Степень удовлетворенности своей работой*

	Все	Себя к среднему классу...		
		отношу	не отношу	затрудняюсь ответить
<i>Вопрос «Скажите, пожалуйста, в целом Вы удовлетворены или не удовлетворены своей работой?»</i>				
Я не работаю	49 %	40 %	50 %	55 %
Удовлетворен(-а)	32 %	43 %	27 %	27 %
Не удовлетворен(-а)	19 %	17 %	22 %	18 %
Не удовлетворен(-а)	1 %	1 %	1 %	0 %

Поскольку к средним слоям относят себя люди, социальные практики поведения которых оказались относительно успешными, рассмотрим данный критерий как фактор адаптации и самоидентификации представителей средних слоев. Как видно из представленной ниже таблицы 4, более половины из тех, кто субъективно ассоциировал себя со средними слоями российского общества, считают, что за прошедшие несколько лет им удалось улучшить свое положение благодаря личным достижениям и успехам, тогда как у других типологиче-

ских групп данный показатель не столь высок. Взгляд в будущее относительно перспектив улучшения своего уровня жизни и уровня благосостояния своей семьи у субъективно относящих себя к среднему классу существенно отличается. В ответе на вопрос «Как Вы думаете, в какой степени изменение Вашего положения зависит от Ваших собственных усилий» относящие себя к среднему классу вновь демонстрируют определенный социальный оптимизм. 41 % опрошенных из этой группы ответили, что их положение зависит от них самих.

Таблица 4. *Субъективная оценка успешности и благополучия*

	Все	Себя к среднему классу...		
		отношу	не отношу	затрудняюсь ответить
<i>Вопрос «За последние два-три года Вам удалось улучшить свое положение, добиться каких-то успехов?»</i>				
Удалось	37 %	52 %	30 %	40 %
Не удалось	57 %	42 %	66 %	39 %
Затрудняюсь ответить	6 %	5 %	5 %	20 %
<i>Вопрос: «Как Вы думаете, Вы (Ваша семья) сможете или не сможете в ближайшие год-два повысить свой уровень жизни, жить лучше, богаче, чем сегодня?»</i>				
Смогу	28%	45%	14%	17%
Не смогу	58%	41%	73%	59%
Затрудняюсь ответить	14%	14%	13%	25%
<i>Вопрос «Как Вы думаете, в какой степени изменение Вашего положения зависит от Ваших собственных усилий?»</i>				
Смогу	28 %	45 %	14 %	17 %
Не смогу	58 %	41 %	73 %	59 %
Затрудняюсь ответить	14 %	14 %	13 %	25 %
Совсем не зависит	30 %	17 %	37 %	24 %
Зависит в определенной степени	36 %	41 %	36 %	33 %
Полностью зависит только от меня	29 %	36 %	24 %	33 %
Затрудняюсь ответить	5 %	5 %	3 %	11 %

Таким образом, при всей «размытости» самоотнесения к среднему классу люди, добровольно включающие себя в данную группу, обладают более развитыми адаптивными навыками, позволяющими им поддерживать приемлемый уровень материального благосостояния и потребления.

В опросе, проведенном Фондом «Общественное мнение» 17 апреля 2014 г. [Средний класс 2014], ставилась задача определить субъективные и социально-экономиче-

ские критерии, в соответствии с которыми граждане РФ относят или не относят себя к среднему классу. По данным исследования, 41 % опрошенных идентифицировали себя со средним классом. Заметим, что примерно такая же доля опрошенных причисляла себя к среднему классу и 10 лет назад (опросы 2004 г.). Таким образом, на уровне самоидентификации тренд численности среднего класса в это десятилетие был устойчив, несмотря на периоды резкого колебания под

воздействием волн экономического кризиса.

Однако чаще относят себя к среднему классу люди с большими доходами, при этом более трети людей с низкими доходами (не выше 4 000 рублей) также причислили себя к среднему классу, т. е. «бедные»

по стратификационному критерию дохода причисляли себя к средним слоям. Данный факт можно частично объяснить делящейся трансляцией идей и представлений, воспроизводившихся в структуре советского общества.

Таблица 5. *Самоотнесение к среднему классу в зависимости от уровня дохода респондента*

Вы лично относите или не относите себя к среднему классу?	Ежемесячный доход			
	Не выше 4 000 рублей	4 001–9 000 руб.	9 001–20 000 рублей	Свыше 20 000 руб.
Отношу	36 %	20 %	40 %	56 %
Не отношу	26 %	38 %	30 %	26 %
Затрудняюсь ответить	12 %	7 %	7 %	9 %

Уровень образования выступает в качестве устойчивого фактора принадлежности к средним слоям. 43 % опрошенных с высшим образованием считали себя средним классом, тогда как среди лиц со средним и средним специальным образованием такой же ответ дали 20 % и 29 %. При этом половина опрошенных с высшим образованием не относят себя к среднему классу. Таким образом, как мы отмечали раньше, наличие

высшего образования как в 2004 г., так и в 2014 г. по-прежнему не является основным стратификационным критерием для определения классовой принадлежности индивида. Это может быть связано с недостаточной капитализацией уровня образования в современном российском обществе, поскольку данный компонент человеческого капитала сам по себе не гарантирует высокий уровень материального благосостояния.

Таблица 6. *Самоотнесение к среднему классу в зависимости от уровня образования респондента*

Вы лично относите или не относите себя к среднему классу?	Уровень образования		
	Среднее, общее и ниже	Среднее специальное	Высшее
Отношу	20 %	29 %	43 %
Не отношу	44 %	51 %	50 %
Затрудняюсь ответить	28 %	13 %	5 %
Нет ответа	8 %	6 %	2 %

Вышеизложенный анализ позволяет сделать ряд выводов относительно выделения критериев и показателей среднего класса в России в период до кризиса 2014 г. Во-первых, проведенные российскими социологическими службами эмпирические исследования демонстрируют существен-

ные различия в инструментарии. В первую очередь это касается критериев и показателей, по которым выделяется средний класс. Следует также констатировать отсутствие устойчивого конвенционального инструментария и показателей измерения среднего класса в России. Во-вторых, методология

ряда исследований среднего класса акцентируется лишь на субъективных критериях самоотнесения к средним слоям общества как наиболее «удобных» с точки зрения простоты измерения. Зачастую непонятны критерии типологизации и основания выделения объективных статусных характеристик, присущих среднему классу. В-третьих, принадлежность к среднему классу зачастую маркируется лишь субъективным восприятием собственного благополучия респондентом, его семьи, что также не может служить структурной характеристикой принадлежности к средним слоям. Исходя из вышесказанного, не находит разрешения и методологическая дилемма, согласно которой при использовании объективных социально-экономических критериев и показателей можно выделить не более 20 % экономически состоятельного среднего класса, тогда как доля идентифицирующих себя со средним классом в различных исследованиях колеблется от 40 % до 60 %. Анализ данных социологических исследований свидетельствует также о том, что по мере роста уровня образования и дохода возрастает тенденция самоотнесения респондентов со средними слоями общества. Данное утверждение справедливо и для жителей крупных городов, где средний класс структурирован как макросоциальная общность. С другой стороны, погружение общества в ситуацию социально-экономического кризиса актуализирует и продуцирует процессы, размывающие средние слои, что дает социологу-исследователю методологическую и эмпирическую возможность перепроверки, фальсификации набора критериев и показателей выделения среднего класса.

Литература

- Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
- Кесслер Габриэль, ди Вирхилио Мария Мерседес. Обнищание среднего класса в Аргентине: «новые бедные» в Латинской Америке. Резюме // *Laboratorium*. 2010. № 2 [электронный ресурс] // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obnischanie-srednego-klassa-v-argentine-novye-bednye-v-latinskoy-amerike-rezyume> (дата обращения: 07.10.2016).
- Климова С. Российский средний класс: критерии отнесения и самоидентификации [электронный ресурс] // URL: http://bd.fom.ru/report/cat/soc_gr/middle_class/d040733 (дата обращения: 07.10.2016).
- Дефолт 1998 года и нынешний кризис // Фонд «Общественное мнение» [электронный ресурс] // URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d32defolt.pdf> (дата обращения: 07.10.2016).
- Средний класс: «люди на среднем уровне». Кого можно причислить к среднему классу? // Фонд «Общественное мнение» [электронный ресурс] // URL: <http://fom.ru/Obrazzhizni/11462> (дата обращения: 07.10.2016)

References

- Zaslavskaya T. *Sovremennoe rossijskoe obshchestvo. Social'nyj mehanizm transformacii* [Modern Russian society. The social mechanism of transformation]. Moscow, Delo Publ., 2004, 174 p. (In Russ.).
- Gabriel Kessler, di Virgilio M. Mercedes *Obnischanie srednego klassa v Argentine: «novye bednye» v Latinskoj Amerike. Rezjume* [Impoverishment of the middle class in Argentina: the “new poor” in Latin America. Summary]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2010, No. 2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/obnischanie-srednego-klassa-v-argentine-novye-bednye-v-latinskoy-amerike-rezyume> (accessed: 7 October 2016) (In Russ.).
- Klimova S. *Rossijskij srednij klass: kriterii otnesenija i samoidentifikacii* [The Russian middle class: criteria for inclusion and self-identity]. Available at: http://bd.fom.ru/report/cat/soc_gr/middle_class/d040733 (accessed: 7 October 2016) (In Russ.).
- Defolt 1998 goda i nyneshnij krizis* [The 1998 Russian financial default and the present-day crisis]. *Fond “Obshhestvennoe mnenie”* [Public Opinion Foundation]. Available at: <http://bd.fom.ru/pdf/d32defolt.pdf> (accessed: 7 October 2016) (In Russ.).
- Srednij klass: «ljudi na srednem urovne». Kogo mozžno prichislit' k srednemu klassu?* [The middle class: “people in the middle”. Who can be identified as the middle class?]. *Fond “Obshhestvennoe mnenie”* [Public Opinion Foundation]. Available at: <http://fom.ru/Obrazzhizni/11462> (accessed: 7 October 2016) (In Russ.).

УДК 316.343.65

**ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ ВЫДЕЛЕНИЯ
СРЕДНЕГО КЛАССА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(в период до социально-экономического кризиса 2014 г.)**

Дмитрий Александрович Лушников¹, Артем Владимирович Волчинский²

¹ доктор социологических наук, профессор, заведующий, кафедра социологии, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Российская Федерация). E-mail: keremet2000@mail.ru.

² аспирант, ассистент, кафедра социологии, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Российская Федерация). E-mail: volchin@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы выделения средних слоев в ситуации социально-экономического кризиса. В исследовании дается оценка нескольким наиболее распространенным методологиям, которые применяются для обоснования критериев, определяющих место представителей средних слоев в структуре современного российского общества, а также соотносению различий в социальном положении среднего класса как критерии изменения стратификации общества в целом. Поскольку позиция средних слоев в системе общественного неравенства является достаточно уязвимой, кризисные явления в экономике оказывают довольно ощутимое воздействие на средний класс, меняя его структуру. Российский средний класс на протяжении последних двадцати пяти лет претерпел ряд трансформаций, вызванных погружением в очередную волну социально-экономического кризиса. В 1998 г. вследствие объявленного Россией суверенного дефолта средние слои в результате массовой нисходящей мобильности сжались до наименьшей численности. Последовавший подъем в экономике, сопровождавшийся социально-политической стабилизацией, привел к увеличению численности среднего класса вплоть до 2008 г., когда очередная волна экономического кризиса оказала существенное воздействие на средние слои российского общества. В конце статьи делается вывод о наличии существенных расхождений в инструментарии, который используют российские социологические службы. В первую очередь, это касается критериев и показателей, по которым выделяется средний класс.

Ключевые слова: средний класс, социальная стратификация, кризис, социальная мобильность, образование, доход, идентификация.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 201–215, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-201-215
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 29(297)

Radical Islamic Groups in Contemporary Russia: State Policy and Inner Processes in Muslim Communities

Leila I. Almazova¹

¹ Ph. D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Islamic and Oriental Studies, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: leila_almazova@mail.ru.

Abstract

The article deals with the problem of Islamic political organizations in the contemporary Russian Federation. Present-day social development does not actually mean that religiosity is vanishing. It simply takes other forms. Moreover, in the early 21st century it is religion that attracts those who tend to join protest movements. So quite often it is Islam in particular that becomes a source of inspiration for such individuals, where they find answers to the most pressing questions of their lives. And unlike traditional forms of religion, Islamic global nets are more mobile, active, modern, and, thus, more attractive to the youth which usually tend to be closer to strong leaders, while the latter are usually formatted within protest religious communities.

The Russian state has usually chosen two forms of combating such groups, namely: 1) banning of radical organizations, their literature and a subsequent criminal prosecution and 2) support for official Islamic clergy represented by central and local muftiyats and development of national Islamic educational system.

The paper provides certain recommendations on the subject. It concludes the necessity of establishing social and civil platforms where Islamic agenda could be openly discussed. It is as important to create opportunities for broader involvement of Muslims into social life in such spheres as charity, social service and economics. Emphasis should be laid upon the universal aspects that would unite people irrespective of their beliefs and attitudes, e.g. ecology, social order and welfare, morality, intellectual and spiritual development, scientific progress with due account of spiritual values.

At the same time, it is important for the society to be open in the sphere of religious debates, provide for broad discussions on key topics, such as Khalifate, Jihad, Taqfir, life of Muslims in secular society, raise more possibilities for initial Islamic education development for those seeking answers in Islam, provide special psychological training for religious leaders who should pay more attention to ordinary Muslims and their daily concerns, relate more information about lives of those who decided to turn from the way of religious radicalism and, thus, apply their experience to prevent further radicalization.

Keywords: Islam, radicalism, Hizb ut-Tahrir, extremism, Islamic movements.

Говоря об участии исламских движений в российских политических процессах, следует иметь в виду законодательную базу, согласно которой¹ «не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности» [ФЗ О политических партиях]. Данное положение исторически обусловлено целым комплексом факторов, среди которых главными являются многонациональный и многоконфессиональный состав населения государства и социалистическое атеистическое прошлое. Последнее повлияло на разрыв преемственности религиозных традиций. Таким образом, открытая артикуляция политических целей для мусульман в условиях РФ является незаконной. В связи с этим наблюдается некоторое противоречие с религиозной доктриной ислама: согласно представлениям мусульман, ислам — это всеобъемлющая система, влияющая на все стороны человеческой жизни, включая и политику². Данное неразрешимое на настоящий момент в правовом поле противоречие накладывает свой отпечаток на государственно-конфессиональные отношения в РФ. Любое исламское движение, целью которого является построение исламского общества на основе правовой системы шариата, объявляется вне закона. Вместе с тем совершенно очевидно, что мусульманин априори не может не желать построения государства, в котором он живет, на основе законов, заложенных в Коране, просто некоторые не артикулируют эту цель в своих программных документах, а другие исламские движения, возникнув в

иных исторических и географических реалиях, заявляют об этом открыто.

Для борьбы с последними в РФ существует ряд законов, в частности «О противодействии экстремистской деятельности» [ФЗ О противодействии экстремистской деятельности], «О противодействии терроризму» [ФЗ О противодействии терроризму], «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» [ФЗ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма] и другие. Также в Уголовном Кодексе Российской Федерации [УК РФ] имеется ряд положений, предусматривающих наказание по статьям: 205 «Террористический акт», 208 «Организация незаконного вооруженного формирования и участие в нем», 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», 282.1 «Организация экстремистского сообщества», 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации», 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности».

С 2003 г. был запущен процесс запрета отдельных религиозных и общественных организаций, деятельность которых по решениям судов признавалась либо экстремистской, либо террористической. Информация о запрещенных в РФ организациях публикуется на сайте Министерства юстиции³. В настоящее время к экстремистским причислены 48 организаций, из которых 7 являются исламскими:

№	Год запрета	Название организации
1	2007	Группа «Джамаат мувахидов»
2	2008	Международное религиозное объединение «Нурджулар»
3	2009	Международное религиозное объединение «Таблиги Джамаат»
4	2010	«Объединенный Вилаят Кабарды, Балкарии и Карачая»

¹ В отличие от РФ в мире существует значительное количество стран, которые допускают существование партий, имеющих либо в своем названии, либо в программных документах упоминание о конфессиональной принадлежности, например, Пакистанская мусульманская лига, Национальный исламский фронт Афганистана, Союз строителей исламского Ирана, Христианско-демократическая народная партия (Венгрия), Христианско-демократическая и фламандская [партия] (Бель-

гия), Христианско-демократический союз Германии и др.

² В качестве аргумента, подтверждающего всеохватность религии ислам, мусульмане апеллируют к аяту: «Мы ничего не упустили в Писании» (Коран, 6 сура, 38 аят). Более того, исследователи отмечают, что самый первый век существования ислама воспринимался как эра торжества политики [Anjum 2012: 266].

³ Сайт Министерства юстиции располагается по адресу: <http://minjust.ru/>.

5	2010	Международное религиозное объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра»
6	2013	Религиозная группа «Файзрахманисты»
7	2014	Местная религиозная организация «Мусульманская религиозная организация п. Боровский Тюменского района Тюменской области» ¹

Террористическими в Российской Федерации признаны 24 организации, исламских среди них — уже 21:

№	Год	Название организации
1–15	2003	1) «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа»; 2) «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»; 3) «База» («Аль-Каида»); 4) «Асбат аль-Ансар»; 5) «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»); 6) «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»), 7) «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»), 8) «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»); 9) «Лашкар-И-Тайба»; 10) «Исламская группа» («Джамаат-и-Ислами»); 11) «Движение Талибан»; 12) «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); 13) «Общество социальных реформ» («Джамият аль-Ислах аль-Иджтимаи»); 14) «Общество возрождения исламского наследия» («Джамият Ихья ат-Тураз аль-Ислами»); 15) «Дом двух святых» («Аль-Харамейн»)
16–17	2006	16) «Джунд аш-Шам» (Войско Великой Сирии); 17) «Исламский джихад — Джамаат моджахедов»
18	2008	«Аль-Каида в странах исламского Магриба»
19	2010	«Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»)
20–21	2015	20) «Исламское государство» (другие названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама»); 21) Джебхат ан-Нусра (Фронт победы) (другие названия: «Джабха аль-Нусра ли-Ахль аш-Шам» (Фронт поддержки Великой Сирии))

Помимо запрета определенных исламских организаций, российская судебная система начиная с 2002 г. выработала список запрещенных материалов. В настоящее время в данном списке содержится 3 827² наименований материалов, признанных судами экстремистскими. Среди них не менее 815 материалов (или около 20 %) ³ так или ина-

че затрагивают исламскую проблематику, остальные представлены преимущественно антикавказскими, антимигрантскими, антиеврейскими, антирусскими призывами / сайтами или русскими националистическими текстами / сайтами. Проблемы с исламскими текстами, в особенности на раннем этапе распространения запретов, были связаны с тем, что на сайте Министерства юстиции РФ, где публикуется данный список, нередко отсутствует точное указание издания, например, под пунктом 64 идет название: «Книга «Основы исламского вероучения (*Усус аль-акида*)» или пункт 78 «Книга «Основы ислама», опять же без указания автора, издательства и года издания. Как известно, работ с таким названием — огромное количество, отсутствие же указания автора, издательства и года издания лишает смысла данный запрет. То же самое можно сказать и о целом ряде других пунктов запретов. Проблема с судебными решениями по запрету религиозной литературы связана с тем, что экспертами зачастую

¹ Была запрещена община при мечети поселка Боровское Тюменской области, в которой в течение года дважды правоохранительными органами выявлялась экстремистская литература [Кривобок 2015].

² Около 100 запретов были сняты по результатам судебных разбирательств, однако нумерация на сайте, по-видимому, для удобства пользователей сохранена без учета ныне разрешенных изданий.

³ Подсчет производился автором данной статьи. Некоторую сложность представляет тот факт, что ряд запретов, например, за номером 2626 включает в себя сразу 7 книг, а за номером 2808 — 4 книги, однако подобные случаи немногочисленны.

выступают религиоведы, не специализирующиеся на исламе и не знающие специфики развития мусульманской религии, в связи с этим суды могут запретить даже классические труды по исламу, как была в свое время запрещена работа Ибн Хишама «Жизнеописание пророка Мухаммада», входившая в федеральный список экстремистских материалов под номером 1303, однако позже изъятая из Федерального списка, вместе с целым рядом других изданий, включавших также комментарии к 40 хадисам ан-Навави, «Весы деяний» ал-Газали, книгу Э. Кулиева «На пути к Корану», работу Ш. Аляутдинова «Путь к вере и совершенству».

Анализ списка запрещенных книг свидетельствует о том, что значительное место в нем занимают работы основателей запрещенных в России движений «Хизб ат-Тахрир», «Нурджулар», «Файзрахманистов» и др. Так, запрещены книги Такиаддина Набхани «Система ислама», «Исламское государство», «Политическая концепция Хизб ат-Тахрир» и др., журнал «Ал-Ваъй», являющийся партийным изданием этой организации. Запрещены книги эпонима братства Нурджулар — Саида Нурси, книги саудовских салафитских авторов — Шейха Усаймина, Шейха Фаузана и мн. др.

Характерным примером соотношения антиэкстремистского законодательства и соблюдения принципа свободы совести в РФ является случай с запретом книги «Смысловой перевод священного Корана на русский язык», которая 17 сентября 2013 г. была признана Октябрьским районным судом Новороссийска экстремистским материалом. Также суд принял решение об уничтожении данной книги. Ряд мусульман по всей стране устраивали акции и пикеты в знак протеста против решения о запрете перевода Корана, в результате чего 17 декабря 2013 г. Краснодарский краевой суд отменил решение Октябрьского райсуда Новороссийска.

Другой случай, повлекший за собой пересмотр федерального законодательства, произошел в 2015 г., когда Ново-Сахалинским судом была запрещена книга «Мольба (дуа) к Богу: ее значение и место в исламе». Основываясь на психологической экспертизе, суд пришел к выводу, что в книге «Аллах противопоставляется неопределенному огромному количеству богов, существующих в иных религиях и являющихся ложными, а мусульмане, поклоняющиеся Аллаху,

характеризуются как настоящие и противопоставляются многобожникам, принадлежащим другим конфессиям и также являющимся ложными» [О спорах вокруг книги «Мольба к Богу» 2015]. С критикой данного решения выступил глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, заявивший в Инстаграмме: «Я требую строгого наказания для провокаторов, принявших данное судебное решение и пытающихся взорвать ситуацию в нашей стране. Если же должным законным образом с ними не разберутся, то в первую очередь из меня сделают преступника. Я лично ПРИЗОВУ их к ответу, ибо для меня в этой жизни нет ничего выше Корана. И я готов защищать его до конца. Я осознаю всю ответственность за свое требование и готов ее нести» [Кадыров 2015]. После инцидента с участием президента Чечни Рамзана Кадырова было вынесено решение о запрете рассматривать священные тексты с точки зрения антиэкстремистского и антитеррористического законодательства. 23 ноября 2015 г. в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» была внесена поправка 3.1 «Особенности применения законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов», согласно которой «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами» [ФЗ О противодействии экстремистской деятельности].

Между тем проблема с запретом религиозной литературы исламского содержания не снята полностью, поскольку состоит в противоречии между тем, что считается проявлением экстремизма (Статья 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности «Пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности»), и тем, что любой верующий так или иначе считает свою религию более истинной. Адвокат Матей Цзен комментирует следующим образом: «Просто существует глубинное противоречие между экстремистским законодательством и любыми религиозными взглядами. В нашем законодательстве экстремизмом считается превосходство одного человека над другим по признаку его отношения к религии и превосходства одной религии над другой. То есть, если че-

ловец заявляет, что моя религия — истинна, а твоя ложна — это уже экстремистская деятельность. Поэтому любой верующий, высказывающий свои взгляды, с точки зрения этого закона уже является экстремистом. Кроме тех, кто говорит, что все религии верны» [Запрет Корана 2015]. Таким образом, наличие в вышеупомянутом законе об экстремизме пункта о запрете «пропаганды превосходства собственной религии» подводит под данный закон любую проповедь.

Одной из особенностей постсоветской России 1990-х гг. стала небывалая свобода в сфере религии, партий и различных объединений. Страна была открыта для многочисленных миссионеров из арабских стран, Турции и государств Средней Азии. Однако после утверждения нового закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.) и пункта о регистрации религиозных организаций, которая разрешалась либо по согласованию с Централизованной религиозной организацией, либо после 15 лет существования в форме религиозной группы, открытие нежелательных религиозных организаций стало затруднено¹, однако уже имевшихся на тот момент времени эмиссаров было немало.

Другим фактором проникновения зарубежного влияния в 1990-е гг. стала российская мусульманская молодежь — татары, башкиры, ингуши, аварцы и многие другие, возвращавшиеся с учебы из стран Ближнего Востока. Проведя вне родины несколько лет (от 1 года до 10–12 лет) и овладев языком священных текстов ислама, они априори были более религиозно образованны, чем подавляющее большинство местных имамов, не имевших, как правило, религиозного образования. Окунувшись в традиционную исламскую среду, представители российской мусульманской молодежи по возвращении зачастую проповедовали ценности страны своего обучения, не учитывая иных

¹ Данная статья действовала до поправок 2015 г., когда ограничение в 15 лет существования в виде религиозной группы было заменено запретом на участие в религиозной организации при регистрации лиц, в отношении которых было вынесено решение суда о причастности к запрещенной в РФ организации либо к экстремистской деятельности, а также запрет на регистрацию организаций, в отношении которых было принято решение о приостановке их деятельности [ФЗ О Свободе совести и о религиозных объединениях].

исторических и культурных реалий своей родины.

Также в числе факторов, ставших причиной массового распространения радикальных исламских движений на территории Российской Федерации, нельзя не назвать первую (1994–1996) и вторую (1999–2000/2009 (режим контртеррористической операции)) Чеченские войны. Жертвы среди местного населения и ужасы войны породили среди определенной части жителей не только Чечни, но и других мусульманских республик Северного Кавказа ответную реакцию в виде противостояния, оформившегося в 2007 г. в виде создания виртуального образования «Имарат Кавказ» (запрещенного в 2010 г.). Эта дата ознаменовала новую фазу в развитии ситуации на Северном Кавказе: из национально-освободительной борьбы противостояние превратилось в противостояние по религиозному принципу за создание уже не свободной Чеченской республики Ичкерия, а Кавказского Эмирата, провозгласившего себя исламским государством, на территории которого действуют законы шариата [Имарат Кавказ 2016].

Еще одна важная проблема, связанная с усилением религиозного радикализма — это участие российских граждан в ИГИЛ (запрещенная в РФ религиозная организация). Различные источники дают самые разные сведения о численности воюющих на территории Сирии и Ирака — от 2 400 до 5 000 человек. Наибольшее количество сторонников ИГИЛ (запрещенная в РФ религиозная организация) зафиксировано в республиках Северного Кавказа, прежде всего, в Дагестане².

21 июня 2015 года руководители Имарата Кавказ, в который входят ряд региональных организаций (Джамаат Шариат / Дагестан, Дербентский Джамаат / Дагестан, Джамаат Галгайче / Ингушетия, Джамаат

² Из разных источников удалось собрать данные по количеству воюющих на стороне ИГИЛ российских граждан: Дагестан — 900 участников, 105 погибших; Чечня — 485 участников, 104 погибших, 44 вернувшихся; Кабардино-Балкария — 128 участников; Татарстан — 70 участников, 6 вернувшихся (сведения из отчета главы МВД по РТ А. Хохорина); Ингушетия — 30 участников, 17 убитых, 6 вернувшихся (по словам президента Ю.-Б. Евкурова). Остальные сведения взяты из статьи «Выходцы с Кавказа в рядах ИГ (ИГИЛ) (запрещенная в РФ религиозная организация)» [Выходцы с Кавказа 2016].

Катаиб аль-Хоул / Осетия, Кабардино-Балкарский Джамаат, Батальон Ногай / Ставропольский край, Карачаевский Джамаат / Карачаево-Черкесия, Адыгский Сектор, Краснодарский Сектор) объявили о своей присяге Исламскому Государству (далее — ИГ). Главой ИГ на Северном Кавказе был объявлен Абу Мухаммад аль-Кадари (Рустам Асильдеров). При этом сложно сказать, все ли полевые командиры примкнули к данному решению. Между тем начиная с сентября 2015 г. боевики под руководством аль-Кадари совершили ряд нападений на казармы и посты ГИБДД, а также на военнослужащих в Дагестане [Абу-Мухаммад аль-Кадари 2016]. Проблемой джихадистских организаций, подобных «Имарату Кавказ» или ИГИЛ (запрещенная в РФ религиозная организация), является то, что борьба ведется не за определенную территорию, что может так или иначе находить политическое решение, а представляет собой тотальную войну мусульман против неверующих [Lav 2012: 202]. При этом важно отличать те движения, что имеют в своем арсенале джихадистскую риторику, от тех, кто выступает против вооруженной борьбы.

Среди запрещенных организаций наибольшее количество судебных дел представлены в РФ в 2015 г. участниками следующих религиозных организаций: осуждены за участие в ИГИЛ (запрещенная в РФ религиозная организация) 150 человек; за участие в деятельности организации Хизб ат-Тахрир ал-Ислами — 49 человек; за участие в деятельности организации Нурджилар — 15 человек, за участие в деятельности организации Таблиг-и Джамаат — 1 человек¹.

В качестве примера того, как строятся отношения исламских групп, открыто артикулирующих политические цели и власти в Российской Федерации, наиболее репрезентативна группа Хизб ат-Тахрир ал-Ислами.

Эта организация, возникшая в 50-х годах XX в. в Палестине, провозглашает себя исламской политической партией, призывающей к установлению халифата, т. е. единого исламского государства, посредством

¹ Данные предоставлены информационно-аналитическим центром «Сова». Следует с осторожностью относиться к приведенным цифрам, поскольку учтены лишь те судебные прецеденты, которые известны данной правозащитной организации. Сайт центра располагается по адресу: <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2016/03/d33946/>.

идеологической работы среди мусульман, которая должна вызвать сначала идеологический, а затем и политический переворот в обществе, т. е. переход от неисламской формы правления к исламской системе [Шагавиев 2015: 212]. Первоначально основатель организации Хизб ат-Тахрир Такиаддин Набхани находился в хороших отношениях с представителями иорданских «Братьев мусульман», однако позже, несмотря на личную встречу с лидером «Братьев» Саидом Кутбом, который уговаривал его выступить единым фронтом, решительно порвал с ними из-за отношения «Братьев» к вооруженной борьбе. Последние допускали ее применение, в то время как ан-Набхани и его сторонники утверждали возможность вооруженного выступления только после построения Халифата на отдельно взятой территории.

Деятельность партии официально запрещена в ряде стран: Египет, Саудовская Аравия, Тунис, Пакистан, Турция, Узбекистан, Таджикистан. С 2003 г. Хизб ат-Тахрир запрещен Верховным Судом Российской Федерации со следующей формулировкой: «Партия имеет целью устранение неисламских правительств и установление исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания „Всемирного исламского Халифата“ первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и страны СНГ; основные формы деятельности организации — воинствующая исламистская пропаганда, сочетаемая с нетерпимостью к другим религиям; активная вербовка сторонников, целенаправленная работа по внесению раскола в общество (прежде всего пропагандистская, с мощным финансовым подкреплением)»².

Первое дело в отношении членов Хизб ат-Тахрир было открыто в России в 2004 г., фигурантами которого стали гражданин Узбекистана Юсуп Касымахунов и его гражданская жена Анна Дроздовская. Ю. Касымахунов был осужден на 8 лет в колонии строгого режима, его супруга получила 4,5 года лишения свободы [Хизб ат-Тахрир аль-Ислами 2016]. Преследование членов Хизб ат-Тахрир приобрело массовый характер после теракта в Беслане, произошедшего 1 сентября 2004 г. К концу 2005 г.

² Формулировка взята с официального сайта ФСБ: http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.htm!_print%3Dtrue%26id%3D10314936@fsbComment.html.

за участие в работе этой организации были осуждены 46 человек. По мнению экспертов, вторая волна арестов членов Хизб ат-Тахрир была связана с убийством первого заместителя муфтия РТ Валиуллы Якупова и покушением на убийство муфтия РТ Ильдуса Файзова.

Члены Хизб ат-Тахрир первоначально обвинялись по статье 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации», наказание по которой может варьироваться от штрафа в 300 тыс. рублей или принудительных работ до лишения свободы сроком до 8 лет. С 2009 г. (так называемое Казанское дело) статьи обвинения пополнились следующими статьями: 205.1 «Содействие террористической деятельности», где наказанием было лишение свободы от 5 до 20 лет, и 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» с наказанием в виде лишения свободы от 12 до 20 лет. Таким образом, сроки наказания за членство в организации значительно увеличились, после чего многие руководители организации покинули пределы Российской Федерации.

Кроме того, в среде защитников прав и свобод человека в Российской Федерации существует движение в защиту членов запрещенных в России религиозных групп, таких, как Хизб ат-Тахрир, Таблиг и Джамаат, Нурджылар. Александр Верховенский, директор информационно-аналитического центра «Сова», пишет: «Хизб ат-Тахрир» — бесспорно, радикальная исламистская партия, но не вовлеченная никак в насильственные действия. А вот последователи Нурси — люди и вовсе мирные, но их относят к запрещенной организации «Нурджулар», само существование которой в России сомнительно» [Верховенский 2015]. Еще более категорично мнение правозащитницы Светланы Ганнушкиной, председателя комитета «Гражданское содействие»: «По моему убеждению, превращение деятелей этой партии в мучеников только увеличивает ее ряды. Судить их за подготовку свержения строя так же безосновательно, как судить коммунистов за идею построения коммунизма во всем мире или теорию отмирания государства. Мне крайне несимпатична идеология тех и других. Но много опасней суд, отвергающий принцип субъективного вменения обвинения, согласно которому „лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия

(бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина“ (ч. 1 ст. 5 УК РФ)» [Ганнушкина 2013].

Что же представляет эта организация сама по себе и что происходит с теми, кто оказывается вовлеченным в ее деятельность? Для того чтобы ответить на эти вопросы, автор данной статьи провела небольшое полевое исследование среди бывших членов Хизб ат-Тахрир г. Казани. Чтобы не привлекать лишнего внимания к персоналиям, мы не будем приводить здесь их фамилии, назовем лишь имена: Фариды, Гульнара и Алмаз. Кроме того, в работе над статьей были использованы интервью бывших членов этой организации, опубликованные в сети Интернет [Джалдинов 2007].

Вопросы к респондентам концентрировались вокруг 4 основных блоков:

1. Что побудило примкнуть к движению Хизб ат-Тахрир?

2. Что испытывал респондент во время своего членства в организации?

3. Что побудило покинуть группу?

4. Какие рекомендации обществу мог бы дать респондент в отношении предотвращения вовлечения мусульман в различные секты?

Основной причиной, по которой мусульмане становятся членами тех или иных групп в исламе, является неудовлетворенность теми знаниями или информацией, которые они могут почерпнуть в обычных мечетях. Современные имамы, 50 % из которых не имеют религиозного образования¹, как правило, не способны объединить вокруг себя молодежь. То же можно сказать и о преподавателях религиозных учебных заведений:

«Имамы в мечетях — когда ты приходишь к ним с вопросами, они всегда куда-то спешат, и говорят: «Приходи ко мне позже». Или преподаватели Исламского университета — они говорят, что то время, за которое мне тут платят, уже закончи-

¹ Рафик Мухаметшин, ректор Российского исламского института и заместитель муфтия по вопросам исламского образования ДУМ РТ, на круглом столе по проблемам религиозной безграмотности «Стоп: экстремизм!» 8 сентября 2016 г. сказал, что 800 имамов из 1 600 татарстанских мечетей не имеют религиозного образования, 50 мечетей не имеют имамов, 15 % имамов — старше 80 лет и 60 % имамов — старше 60 лет.

лось, и я не могу тратить на тебя свое собственное время» [Интервью: Фариды].

Этим пользуются харизматичные, увлеченные и энергичные представители различных исламских движений. Именно вокруг них после пятничных намазов собирается молодежь, и именно они ведут с ними разговоры на религиозную проблематику и дают убедительные ответы на главные вопросы мусульман:

«Когда я пришла в Хизб, я почувствовала, что как будто до этого у меня был полный хаос в голове, и вдруг кто-то принес книжный шкаф и аккуратно расставил в нем книги в определенном порядке, все стало систематизировано, доказано и логически обосновано. Больше нигде мне не предлагали столь ясного знания» [Интервью: Гульнара].

«Есть три самых важных вопроса: откуда я, что я должна здесь делать и куда я иду. Конечно, ответы для члена Хизба и для обычного мусульманина одинаковые: мы созданы Аллахом, мы должны жить для довольства Аллаха, и будет День Суда. Различия лишь в осознанности, четких доказательствах из Корана и сунны и личной готовности следовать этим принципам» [Интервью: Гульнара].

Бывшие члены Хизб ат-Тахрир отмечают отличную подготовку своих собратьев в сфере коммуникативных технологий. Саму организацию они между собой нередко называют «фирмой»¹, подчеркивая ее структурную организацию по типу сетевого маркетинга. При вербовке сторонников они, как правило, обращают внимание на два типа людей: имеющих яркие лидерские способности, которых привлекают открывающиеся после вхождения в группу возможности влияния на людей; и обладающих психотипом пассивной жертвы, склонной к подчинению и покорности влиянию извне.

По словам Алмаза, в эту организацию приходят только те, кто недавно перешел в ислам. Крайне редко можно встретить тех, кто в исламе уже давно. После прохождения первоначального инструктажа новые члены группы начинают работать на улицах и мечетях, стараясь привлечь как можно больше сторонников. Деятельность членов организации концентрируется в трех сферах: 1) уроки, которые им дают наставники; 2) вер-

¹ По материалам беседы с исследователем Денисом Соколовым. Казань, 14 сентября 2016 г.

бовка новых членов; 3) уроки, которые они сами дают вновь завербованным. Время от времени от членов организации требуют выйти на какую-то акцию: например, в 2005 г. члены организации были задействованы в распространении листовок, в которых разъяснялось, что это организация не является террористической. За раздачу этих листовок ряд организаторов были осуждены². Также в 2012 г. во время небывалого снегопада в Махачкале члены Хизб ат-Тахрир вышли на флешмоб по уборке улиц города от снега. При этом они были раскритикованы салафитами за политизацию мусульман. По словам исследователя Дениса Соколова, один из салафитских лидеров сказал, что если бы Хизбы вышли просто как люди, это было бы правильно и хорошо, а то, что они политизируют в общем-то вполне обыкновенное действие помощи людям, неправильно.

Уроки, которые посещают члены Хизб ат-Тахрир, ведутся по книгам Набхани, Заллума и других идеологов организации. Арабский язык отдельно не изучается, нет уроков чтения Корана: учеников учат читать лишь те фрагменты Священной книги или сунны пророка Мухаммада, которые нужны для доказательства положений идеологии движения:

«Конечно, ты можешь учить Коран и арабский язык, но только самостоятельно. И обычно на это не остается времени, поскольку ты должен получить по три урока в неделю, ты должен дать сам как можно больше уроков другим. Требования очень жесткие, например, ты не можешь опаздывать на урок» [Интервью: Фариды].

Отличительной чертой новоиспеченных членов Хизб ат-Тахрир является резкий разрыв со старым окружением, прежде всего, с родителями, которые, как правило, не принимают новых убеждений своих детей. Отношения с людьми становятся более рациональными, чувства и эмоции отходят на второй план:

«Я стала женой Алмаза в результате рационального решения: в том городе, где ему было назначено работать, не было женщин — членов организации, которые могли бы вести работу среди женщин. В то время я тоже хотела выйти замуж только за члена организации, вот так мы и стали мужем и женой. И это была не семья лю-

² Из выступления Алмаза Хасанова на круглом столе с представителями ФСИН в 2015 г.

блящих мужа и жены, мы были больше как соратники» [Интервью: Гульнара].

Горячая убежденность в правильности новых воззрений делает представителей Хизб ат-Тахрир бесстрашными, готовыми страдать за «дело ислама». Им в этом помогают их жены, которые говорят сидящим в местах лишения свободы следующее:

«Я люблю тебя и верю в наше общее дело. Будь непреклонен, я буду ждать тебя вечно» [Интервью: Фарида].

После таких слов мужчина, имеющий такую поддержку, обретает еще большую убежденность в своей правоте и готов и дальше страдать за веру. Вообще, члены организации испытывают постоянный стресс и необходимость жертвовать своими интересами, интересами детей, родных ради дела организации:

«Когда я была в Хизбе, это был постоянный бег — взять урок, дать урок, завербовать нового члена, продумать, с кем оставить детей (у меня уже было трое к тому времени), кому оставить ключ от квартиры, оставить еду для детей и т. п.» [Интервью: Гульнара].

Между тем время от времени случается и так, что члены Хизб ат-Тахрир выходят из организации. Разочаровавшись, уходят двое–трое из пяти новых адептов [Экс-член Хизб ат-Тахрир 2014]. Алмаз, достигший высокой степени в иерархии партии, так описывает свой процесс понимания ложности их идеологии:

«Осознание произошло в местах лишения свободы. Мы должны были создать правозащитную организацию, но «Хизб ат-Тахрир» выступает против такого понятия, как демократия, что противоречило ее убеждениям. Я попросил свое руководство разъяснить мне причину нарушения своих же «правил», но внятного ответа не получил. После ряда событий и разногласий с руководителями по России я связался с центральным руководством в Лондоне. В результате беседы выяснилось, что в рядах партии (так называли группировку «Хизб ат-Тахрир» ее члены) произошел раскол и руководителем одной из ячеек стал Абдуль-Кадим Залюм, которого исключили из партии. После его смерти руководителем стал шейх Ата ибн Халиль Абу Ар-Раиша, который уже не имел никакого отношения к партии. Также я узнал от лондонских руководителей о таком понятии, как «маджаль» — регионы, в которых, по мнению

партии, должна распространяться идеология «Хизб ат-Тахрир». Россия в маджаль не входила, то есть ее идеи не должны распространяться. После услышанного я начал анализировать деятельность партии и правильность тех идей, которых придерживался в течение десяти лет. В результате я покинул ряды «Хизб ат-Тахрир». На данный момент в партии меня объявили умалишенным и запретили ее членам общаться со мной» [Интервью: Алмаз].

Бывшие члены организации также отмечают нежелание высшего руководства отвечать на сложные вопросы, возникающие у простых членов организации — так называемых *дарисов*, поскольку ответы на многие вопросы, полученные от более образованных мусульман в лице *факихов* ‘правоведов’ противоречат учению Хизб ат-Тахрир. Именно поэтому среди членов организации крайне редко можно встретить по-настоящему образованных мусульман. С этим же связано и пренебрежение в процессе обучения классическими исламскими науками, такими, как *илм ал-Куран* ‘Коранистика’, *илм ал-Хадис* ‘Хадисоведение’, *фикх* ‘право’, арабский язык. Постепенно в сознании респондентов, являвшихся членами организации, росло понимание того, что их используют для каких-то целей, которые чужды собственно исламу. Однако выход из организации дался им нелегко:

«Когда я покинула организацию, женщины перестали давать мне Салам (здороваться на мусульманский манер. — Л. А.)! И ведь это один из больших грехов с точки зрения ислама! Эти женщины были готовы пренебречь главными предписаниями ислама только потому, что им так сказали их лидеры!» [Интервью: Фарида].

Свое пребывание в организации и выход из нее Гульнара описывает следующим образом:

«Когда я вышла из организации, я как будто проснулась, вновь начала видеть окружающий мир. Я стала отдавать отчет, что происходит: вот смотрю и как будто впервые вижу — вот падает снег, это так красиво!» [Интервью: Гульнара].

Покинувшие организацию члены Хизб ат-Тахрир негативно отзываются о том, что в ней происходит с людьми, и предлагают свои методы борьбы против религиозного сектантства. Во-первых, в связи с тем, что вербовка в организацию людей с основной религиозной подготовкой весьма

безуспешна, необходимо вести среди мусульман просветительскую работу: обучать арабскому языку, читать основные источники ислама — Коран и аутентичную сунну. Кроме того, следует прорабатывать и предлагать обоснованные шариатом ответы на ключевые вопросы, по которым ведется идеологическая обработка в организации Хизб ат-Тахрир: проблема халифата, джихада и такфира.

Алмаз, приглашенный Казанским федеральным университетом для проведения занятий для сотрудников ФСИН, ведущих воспитательную работу в местах лишения свободы, а также спецкурса для имамов, ведущих работу в местах лишения свободы, по заказу Ресурсного центра по развитию исламского и исламоведческого образования при Институте международных отношений, истории и востоковедения КФУ написал специальную работу «Работа имама с мусульманами в местах лишения свободы», где рассматривается широкий круг вопросов: от проблем, с которыми сталкиваются мусульмане в тюрьмах, например, сохранение религиозной идентичности и ценностных ориентиров, до тем сектантства и трактовки ключевых понятий, составляющих убеждения мусульман.

Он предлагает свою достаточно стройную концепцию, в которой обосновывает мирный, бесконфликтный и созидательный характер построения взаимоотношений между мусульманами и немусульманами в условиях современного светского государства. Аппелируя к Корану и сунне, Алмаз предлагает следующую трактовку отношения к построению халифата в современных условиях:

«Всевышний Аллах создал такое обстоятельство, как Халифат при жизни Посланника (да благословит его Аллах и приветствует), и дал законы, как жить в эти времена. Далее Аллах забрал это обстоятельство, и что бы мусульмане ни делали, его не вернуть собственными силами. Аллах забрал Халифат, расколол мусульман на секты, возможно, как наказание за грехи... Что же должны делать мусульмане в отсутствие Халифата? То, что сказано в вышеприведенных хадисах: сидеть дома, держать язык за зубами, плакать над своей душой, поступать так, как знаешь, т. е. не следовать за кем-либо, держаться основ религии и ее столпов, т. е. заниматься больше индивидуальным поклонением и не вмешиваться в политику» [Интервью: Алмаз].

Это означает, что мусульмане после того как эпоха исламского халифата закончилась не должны стремиться к его восстановлению, их долг заключается в том, чтобы быть верными своей религии.

О джихаде в брошюре Алмаза говорится: «Существуют аяты и хадисы, где упоминается джихад. Джихад — это борьба, приложение максимума усилий в призыве, поклонении, борьба со своими недостатками, а не применение силы. Применение силы, будь то наступательный или оборонительный джихад, связано с условием Халифата. Если его нет, то нет необходимости подобной борьбы».

И, наконец, в вопросе о такфире автор пишет: «В хадисе, переданном Хузайфой ибн Ямани и Абдаллахом ибн Амр, сказано: сидите дома, плачьте над своей душой и занимайтесь собой. Простым мусульманам, не поддерживающим сектантские воззрения, нет нужды копаться в вере других мусульман, их должна беспокоить своя вера, а не чужая».

По сути, Алмаз повторяет мусульманскую концепцию *ирджа* 'откладывание', согласно которой решение о вере того или иного человека откладывается до времени его смерти, когда сам Аллах решает, куда поместить человека в его загробном существовании в соответствии со степенью его веры.

В вопросе о том, как должен поступать мусульманин, живущий в современном светском государстве, Алмаз считает, что поскольку время халифата прошло, в современном мире нет и не может быть исламского государства, значит, надо жить праведно и придерживаться ценностных принципов ислама. Одним из главных ценностных ориентиров мусульманской религии является совершение благих дел: «Если мусульманин видит, как люди вокруг него делают хорошее дело, которое любит Аллах, например, помогают сиротам, инвалидам, используя свое положение в этом государстве, он, конечно же, не должен упускать возможности участвовать в этом и получить свою награду у Аллаха, если будет угодно Ему. Если же он посчитает, что «это не исламское государство, это не наши сироты и инвалиды, я не буду им помогать», или «я занят более важным делом — я строю Халифат, мне некогда спасать каждого, всех не спасешь» — это будет неестественно, не милосердно и не по Исламу».

Таким образом, в своей небольшой брошюре автор призывает к тому, что мусульмане не должны дистанцироваться от общества, в котором они живут, по мере сил делать добрые дела и решать вопросы религии исключительно в рамках своей личной жизни.

Помимо этого, бывшие члены Хизб ат-Тахрир считают, что в борьбе с религиозным сектантством может помочь поддержка знающих, авторитетных имамов в мечетях. Также возможно снимать и выкладывать в медиа-пространстве интервью с бывшими членами сект, боевиками ИГИЛ, вернувшимися из зон боевых действий, и распространение «традиционного» ислама.

По вопросу о поиске «традиционного ислама» уже не первый год идет дискуссия: что именно считать традиционным исламом, ведь очевидно, что для каждого региона традиция будет своей. В чем же тогда заключается универсальность и единство ислама, о которых говорят в своих проповедях адепты «глобалистского» [Roy 2002] ислама? Рустам Батров, идеолог Татарстанского муфтията, предложил в своей статье «Традиционный ислам в России — это Ахлю суна валь-джамаа» [Батров 2013] четыре трактовки этого понятия: российский ислам, признающий российскую государственность; народный ислам, представленный местной обрядовой традицией, или так называемый бабайский ислам; ислам, признающий важность этнокультурного компонента, т. е. «татарский», «аварский», «башкирский» ислам; исламская традиция *ахл ас-сунна ва-л-джамаа*, основывающаяся на догматическом вероучении (ашаритская или матуридитская акида), каноническом праве (четыре суннитских мазхаба) и духовной этике, иногда принимающей формы суфийской традиции¹.

В свою очередь, одна из респонденток Фарида так сформулировала понятие «традиционный ислам»: *«Традиционный ислам — это тот, который нацелен на семейные ценности, процветание того общества, где ты живешь, развитие этого общества. Ни одна [радикальная] секта не нацелена на это — на то, что лучше для той территории, на которой она существует»* [Интервью: Фарида].

¹ В дни написания данной статьи в медийном пространстве вновь была поднята тема «правоверия» в российском исламе. См. подробнее [Муфтий Чечни 2016].

По мере развития общества религиозность не исчезает, а приобретает иные формы, при этом в условиях конца XX — начала XXI вв. именно религия начинает привлекать тех, кто склонен к протестным формам движений. Зачастую ислам становится для них полем, где они ищут ответы на волнующие их вопросы и находят таковые. В отличие от традиционных форм бытования религии глобализированные сети исламских движений более мобильны, активны и современны, а потому более привлекательны для молодежи, которая тянется к сильным личностям, чаще всего формирующимся именно в протестных религиозных сообществах.

Государство в условиях Российской Федерации, как правило, избирает две формы борьбы с ними: а) запрет и уголовное преследование религиозных организаций и выпускаемой литературы; б) поддержка официального духовенства, представленного чаще всего региональными и центральными духовными управлениями мусульман, а также содействие развитию отечественного религиозного образования.

Из истории движения «Братьев Мусульман» известно, что преследование относительно умеренных лидеров «Братьев Мусульман» привело к появлению гораздо более радикальных движений [Esposito & Voll 1996: 198–199; Eickelman 1999: 302]. С другой стороны, поддержка официального духовенства со стороны государства лишает религиозных деятелей необходимого для духовного лица авторитета, поскольку исторически в исламе не сложилось общепринятой во всех регионах богословской школы².

Очевидно, что, когда определенная часть общества по тем или иным причинам объявляется вне закона, она криминализируется и начинает действительно представлять собой угрозу. Полный запрет на инакомыслие в исламе чреват тем, что будут появляться

² Станислав Прозоров в статье «„Правоверие“ и „заблуждение“ в раннем исламе» пишет: «Формированием общественного мнения занимались частные лица „улама“, авторитет которых основывался исключительно на их знаниях в области религиозных наук. Мнение „неформального лидера“ и его школы, которое принимал халиф, становилось „официальным“ лишь на ограниченный отрезок времени, не будучи общепризнанным и обязательным для всего мусульманского мира. Отсюда потенциальная возможность различного толкования религиозных вопросов» [Прозоров 2004: 11].

самые разные по названию движения, которые будут пытаться дать альтернативу официальной точке зрения. Не стоит также забывать и об исламизации криминалитета, которая активно происходит в местах лишения свободы¹ в условиях, когда в тюрьмы попадают и боевики ИГИЛ (запрещенная в РФ религиозная организация), и члены других запрещенных в Российской Федерации исламских организаций.

Необходимо создавать общественные и гражданские площадки, на которых открыто могут обсуждаться вопросы ислама, мусульман, законодательства в области религии, следует создавать возможности для участия религиозных организаций в жизни общества в целом — в сфере благотворительности, социального служения, экономике. Следует находить то общее, что объединяет людей вне зависимости от их убеждений, — экологию, общественный порядок и благополучие, нравственность, интеллектуальное и духовное развитие, научный прогресс, учитывающий духовные ценности.

Кроме того, важно помнить и о рекомендациях, которые дали бывшие члены Хизб ат-Тахрир. Это большая открытость дискуссий в сфере ислама в самом мусульманском сообществе, широкое обсуждение ключевых вопросов, вызывающих разногласия, таких, как джихад, халифат, жизнь мусульманина в светском обществе, а также большие возможности для развития начального религиозного образования для тех, кто ищет ответов в исламе, особая психологическая подготовка мусульманских религиозных деятелей, которые должны проявлять внимание и интерес к рядовым мусульманам, открытая информация о том, что пережили те, кто решил вернуться из горячих точек, и учет их рекомендаций в профилактике религиозного радикализма.

Благодарности

Данная работа была апробирована на международной конференции “Islam and Politics: Illusion of the Islamic State”, прошедшей 27–28 мая 2016 г. в Венском Университете, Вена, Австрия. Сборник тезисов опубликован на сайте: https://islamandpolitics.univie.ac.at/uploads/media/Book_of_Abstracts_Islam_and_Politics_01.pdf.

¹ Если раньше тюрьмы отчетливо разделялись на «красные» и «черные» зоны, то теперь появляются «зеленые» — как раз представляющие общины мусульман за решеткой, отстаивающие свое понимание справедливости в условиях несвободы.

Источники

Законы

- Федеральный закон «О политических партиях» статья 9 [электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/44c2a6e6715de265e1b3fbc0c1fc58f30cb9f378/ (дата обращения: 20.10.2016).
- Федеральный закон от 25 июля 2012 года N-114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в редакции 2014 года [электронный ресурс] // URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/zakony/federalnyy-zakon-ot-25-iyulya-2002-g-n-114-fz-o.html> (дата обращения: 20.10.2016).
- Федеральный закон от 6 марта 2006 года N-35 ФЗ «О противодействии терроризму» в редакции 2014 года [электронный ресурс] // URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/zakony/federalnyy-zakon-ot-6-marta-2006-g-n-35-fz-o.html> (дата обращения: 20.10.2016).
- Федеральный закон от 7 августа 2001 г. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» в редакции 2016 года [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200073&rnd=228224.36044326&from=200224-0#0> (дата обращения: 20.10.2016).
- Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. N-125 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в редакции 2016 года [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201193&fld=134&dst=100078,0&rnd=0.9909813073133822> (дата обращения: 20.10.2016).
- Уголовный Кодекс Российской Федерации 1996 года с последними поправками от 3 июля 2016 года [электронный ресурс] // URL: <http://www.uk-rf.com/> (дата обращения: 20.10.2016).

Интервью

- Интервью от 10 мая 2015 года с бывшим членом организации «Хизб ат-Тахрир» (Алмаз)
- Интервью от 10 апреля 2016 года с бывшим членом организации «Хизб ат-Тахрир» (Фарида)
- Интервью от 21 апреля 2016 года с бывшим членом организации «Хизб ат-Тахрир» (Гульнара)

Литература

- Абу-Мухаммад аль-Кадари (Рустам Магомедович Асильдеров). 2016 [электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/277719> (дата обращения: 20.10.2016).

- Батров Р. Традиционный Ислам в России — это Ахлю сунна валь-джамаа. 2013 [электронный ресурс] // URL: <http://golosislama.com/news.php?id=20054> (дата обращения: 20.10.2016).
- Верховенский А. Тюрьма за слово. 2015 [электронный ресурс] // URL: <http://www.sova-center.ru/racism- xenophobia/publications/2015/09/d32859/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Выходцы с Кавказа в рядах ИГ (ИГИЛ). 2016 [электронный ресурс] // URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/251513/#note_link_33 (дата обращения: 20.10.2016).
- Ганнушкина С. Бездоказательные обвинения и сфабрикованные судебные решения опаснее чуждых идеологий. 2013 [электронный ресурс] // URL: <http://hro.org/node/18105> (дата обращения: 20.10.2016).
- Громов Н. Исламские радикалы в Крыму. Исповедь отрекшегося. 2015 [электронный ресурс] // URL: <http://politika-crimea.ru/islam-radikaly/2640-ispoved-khizba> (дата обращения: 20.10.2016).
- Джалдинов А. Исповедь отрекшегося. 2007. [электронный ресурс] // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1175832780> (дата обращения: 20.10.2016).
- Запрет Корана судом Южно-Сахалинска: недомыслие или провокация? 2015 [электронный ресурс] // URL: <http://jpgazeta.ru/zapret-korana-sudom-yuzhno-sahalinska-nedomyslie-ili-provokatsiya/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Имарат Кавказ (Кавказский эмират). 2016 [электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/158730/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Кадыров потребовал наказать российского судью за запрет цитат из Корана. 2015. [электронный ресурс] // URL: <https://slon.ru/posts/56206> (дата обращения: 20.10.2016).
- Кривобок Р. Генпрокуратура РФ содействовала закрытию 8 экстремистских организаций в 2014 году. 2015. URL: http://rapsinews.ru/incident_news/20150428/273631661.html (дата обращения: 20.10.2016).
- Муфтий Чечни сделал заявление в адрес Равиля Гайнутдина. 2016 [электронный ресурс] // URL: <http://dum-spb.ru/news/muftij-chechni-sdelal-zayavlenie-v-adres-ravilya-gajnutdina.html> (дата обращения: 20.10.2016).
- О спорах вокруг книги «Мольба к Богу». 2015. [электронный ресурс] // URL: <http://pravorf.org/index.php/news/1811-o-sporakh-vokrug-knigi-molba-k-bogu> (дата обращения: 20.10.2016).
- Прозоров С. Ислам как идеологическая система. Москва: Вост. лит., 2004. 471 с.
- Работа имамов с мусульманами в местах лишения свободы (закрытый доступ). Казань, 2015. 30 с. (в электронной версии рукописи)
- Туманов Г. Зеленая зона. 2015 [электронный ресурс] // URL: <http://kommersant.ru/doc/2901612> (дата обращения: 20.10.2016).
- Хизб ут-Тахрир аль-Ислами. 2016 [электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/235276/> (дата обращения: 20.10.2016).
- Anjum O. Politics, Law, and Community in Islamic Thought. New York: Cambridge University Press, 2012. 294 p.
- Eikelman F. The Middle East and Central Asia. An Anthropological Approach. 3-rd Edition. New Jersey: Prentice Hall, 1997. 338 p.
- Esposito J., Voll J. Islam and Democracy. New York: Oxford University Press, 1996. 232 p.
- Lav D. Radical Islam and the Revival of Medieval Theology. New York: Cambridge University Press, 2012. 238 p.
- Roy O. Globalized Islam: in the Search of New Ummah. New Delhi: Rupha and Co, 2005, 348 p.

Sources

- Federal'nyi zakon 'O politicheskikh partiyah'. Stat'ya 9* [Federal Law of 11 July 2001 No. 95-ФЗ “On Political Parties”. Article 9]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/44c2a6e6715de265e1b3fbc0c1fc58f30cb9f378/ (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Federal'nyi zakon ot 25 iyulya 2012 goda N 114-FZ 'O protivodeistvii ekstremistskoi deyatel'nosti' v redakcii 2014 goda* [Federal Law of 25 July 2012 No. 114-ФЗ “On Countering Extremist Activities”. As in force in 2014]. Available at: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/zakony/federalnyy-zakon-ot-25-iyulya-2002-g-n-114-fz-o.html> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Federal'nyi zakon ot 6 marta 2006 goda N 35-FZ 'O protivodeistvii terrorizmu v redakcii 2014 goda* [Federal Law of 6 March 2006 No. 35-ФЗ “On Countering Terrorism”. As in force in 2014]. Available at: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/zakony/federalnyy-zakon-ot-6-marta-2006-g-n-35-fz-o.html> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Federal'nyi zakon 'O protivodeistvii legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putem i finansirovaniyu terrorizma' ot 7 avgusta 2001 g. v redakcii 2016 goda* [Federal Law of 7 August 2001 No. 115-ФЗ “On Countering Legalization (Laundering) of Proceeds of Crime and Financing of Terrorism”. As in force in 2016]. Available at: <http://www.>

- consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200073&rnd=228224.36044326&from=200224-0#0 (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Federal'nyi zakon 'O Svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh' ot 26 sentyabrya 1997 g. N 125-FZ v redakcii 2016 goda* [Federal Law of 26 September 1997 No. 125-ФЗ "On the Freedom of Conscience and Religious Organizations". As in force in 2016]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201193&fld=134&dst=100078,0&rnd=0.9909813073133822> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Ugolovnyi Kodeks Rossiiskoi Federacii 1996 goda s poslednimi popravkami ot 3 iyulya 2016 goda* [The 1996 Criminal Code of the Russian Federation with the latest Amendments of 3 July 2016]. Available at: <http://www.uk-rf.com/> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- ### Interviews
- Interview of 10 May 2015 with an ex-member of Hizb ut-Tahrir (Almaz)
- Interview of 10 April 2016 with an ex-member of Hizb ut-Tahrir (Farida)
- Interview of 21 April 2016 with an ex-member of Hizb ut-Tahrir (Gulnara)
- ### References
- Anjum O. Politics, Law, and Community in Islamic Thought. New York, Cambridge University Press, 2012, 294 p. (In Eng.).
- Eikelman F. The Middle East and Central Asia. An Anthropological Approach. 3rd Edition. New Jersey, Prentice Hall (Publ.), 1997, 338 p. (In Eng.).
- Esposito J., Voll J. Islam and Democracy. New York, Oxford University Press, 1996, 232 p. (In Eng.).
- Lav D. Radical Islam and the Revival of Medieval Theology. New York, Cambridge University Press, 2012, 238 p. (In Eng.).
- Roy O. Globalized Islam: in the Search of New Ummah. New Delhi, Rupa and Co. (Publ.), 2005, 348 p. (In Eng.).
- Abu-Muhammad al'-Kadari (Rustam Magomedovich Asil'derov)* [An informative article about Rustam M. Asilderov, an Islamic extremist]. 2016. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/277719> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Batrov R. *Tradicionnyi Islam v Rossii - eto Ahlyu sunna val'-dzhamaa* [The traditional Islam in Russia is ahl as-sunnah wa l-jamā'ah]. 2013. Available at: <http://golosislama.com/news.php?id=20054> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Verhovenskii A. *Tyur'ma za slovo* [Imprisonment for a word]. 2015. Available at: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2015/09/d32859/> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Vyhodcy s Kavkaza v ryadah IG (IGIL)* [Caucasus natives in the ranks of ISIL]. 2016. Available at: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/251513/#note_link_33 (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Gannushkina C. *Bez dokazatel'nykh obvineniya i sfabrikovannye sudebnye resheniya opasnee chuzhdykh ideologii* [Evidence-free accusations and trumped-up cases are more dangerous than alien ideologies]. 2013. Available at: <http://hro.org/node/18105> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Gromov N. *Islamskie radikaly v Krymu. Ispoved' otrekshegosya* [Islamic radicals in the Crimea. Confessions of an abjurer]. 2015. Available at: <http://politika-crimea.ru/islam-radikaly/2640-ispoved-khizba> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Dzhaldinov A. *Ispoved' otrekshegosya* [Confessions of an abjurer]. 2007. Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1175832780> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Zapret Korana sudom Yuzhno-Sahalinska: nedomyслиe ili provokatsiya?* [A prohibitory injunction against the Quran to be issued in Yuzhno-Sakhalinsk: an unimaginable thing or a provocation?]. 2015. Available at: <http://jpgazeta.ru/zapret-korana-sudom-yuzhno-sahalinska-nedomyслиe-ili-provokatsiya/> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Imarat Kavkaz (Kavkazskii emirat)* [The Caucasus Emirate]. 2016. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/158730/> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Kadyrov potreboval nakazat' rossiiskogo sud'yu za zapret citat iz Korana* [Kadyrov demanded that the Russian judge to have prohibited Quran quotations be punished]. 2015. Available at: <https://slon.ru/posts/56206> (accessed: 20.10.2016) (In Russ.).
- Krivobok R. *Genprokuratura RF sodeistvovala zakrytiyu 8 ekstremistskikh organizacii v 2014 godu* [In 2014 the Prosecutor General's Office assisted in the closure of 8 extremist organizations]. 2015. Available at: http://rapsinews.ru/incident_news/20150428/273631661.html (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Muftii Chechni sdela zayavlenie v adres Ravilya Gainutdina* [The Mufti of Chechnya made a statement to Rawil Gaynetdin]. 2016. Available at: <http://dum-spb.ru/news/muftij-chechni-sdelal-zayavlenie-v-adres-ravilya-gajnutdina.html> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).

- O sporah vokrug knigi "Mol'ba k Bogu"* [Regarding debates on the book "A Prayer to the God"]. 2015. Available at: <http://pravorf.org/index.php/news/1811-o-sporakh-vokrug-knigi-molba-k-bogu> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Prozorov S. *Islam kak ideologicheskaya sistema* [Islam as an ideological system]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2004, 471 p. (In Russ.).
- Rabota imamov s musul'manami v mestah lisheniya svobody (Zakrytyi dostup)* [Work of imams with Muslims in places of deprivation of liberty (Restricted access)]. Kazan, 2015, 30 p. (In Russ.).
- Tumanov G. *Zelenaya zona* [The green zone]. 2015. Available at: <http://kommersant.ru/doc/2901612> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).
- Hizb ut-Tahrir al'-Islami* [An informative article about Hizb ut-Tahrir al-Islami]. 2016. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/235276/> (accessed: 20 October 2016) (In Russ.).

УДК 29(297)

ИСЛАМСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ГРУППЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ВНУТРЕННИЕ ПРОЦЕССЫ В МУСУЛЬМАНСКИХ СООБЩЕСТВАХ (кейс Хизб Ат-Тахрир)

Лейла Ильдусовна Алмазова¹

¹ кандидат философских наук, доцент, кафедра исламоведения и востоковедения, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация). E-mail: leila_almazova@mail.ru.

Аннотация. За прошедшие три десятилетия российское исламское сообщество прошло в своем развитии несколько этапов: быстрый количественный рост мусульманских общин в 90-е гг. XX столетия позже сменился этапом выстраивания религиозных институтов, таких, как духовные управления мусульман, медресе, исламские университеты, благотворительные организации. В этом процессе отчетливо заметны две основные тенденции: с одной стороны, возрождаются местные исламские традиции, такие, как суфизм на Северо-Восточном Кавказе и Урале и ислам ханафитского толка на Северо-Западном Кавказе и в Поволжье, а с другой стороны, имеется тенденция к распространению универсалистских версий ислама самого разного толка. Среди последних зачастую встречаются течения, имеющие политическую программу по построению государства на основе законов ислама (шариата), что предполагается достигать либо мирным способом через проповедь и политический активизм, либо при помощи силы и оружия.

В статье рассматриваются процессы реализации религиозной политики современного Российского государства в отношении исламских организаций, открыто артикулирующих политические цели. Кроме того, часть исследования посвящена описанию организации Хизб ат-Тахрир. Проведены интервью с бывшими членами, которые раскрывают причины популярности религиозного радикализма в современном обществе и предлагают свои варианты решения проблемы религиозного сектантства.

В качестве решения проблемы религиозного радикализма предлагается создание общественных и гражданских площадок, на которых открыто могут обсуждаться вопросы ислама, мусульман, законодательства в области религии; следует создавать возможности для участия религиозных организаций в жизни общества в целом — в сфере благотворительности, социального служения, экономике. Следует находить то общее, что объединяет людей вне зависимости от их убеждений, — экологию, общественный порядок и благополучие, нравственность, интеллектуальное и духовное развитие, научный прогресс, учитывающий духовные ценности. Кроме того, несомненную пользу принесет большая открытость дискуссий в сфере ислама в самом мусульманском сообществе, широкое обсуждение ключевых вопросов, вызывающих разногласия, таких, как джихад, халифат, жизнь мусульманина в светском обществе, а также большие возможности для развития начального религиозного образования для тех, кто ищет ответов в исламе, особая психологическая подготовка мусульманских религиозных деятелей, которые должны проявлять внимание и интерес к рядовым мусульманам.

Ключевые слова: ислам, политические религиозные организации, радикализм, государственно-конфессиональные отношения.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 216–225, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-216-225
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestniknik>

UDC 316.4

Everyday Life and Gender: General and Special Aspects in Assessments of Social Justice by Contemporary Students

Nadezhda V. Dulina ¹, Evgenia V. Anufrieva ²

¹ Ph. D. in Sociology (Doct. of Sociological Sc.), Professor, Department of Sociology; Head of Department of History, Culture and Social Studies, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: nv-dulina@yandex.ru.

² Ph. D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, History and Social Studies; Associate Professor, Department of History, Culture and Social Studies, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: ev_anufrieva@mail.ru.

Abstract

The article is based on the results of an empirical sociological survey conducted among university students in Russia. The research was initiated by the Russian Society of Sociologists (RSS) and was independent. In other words, it had no ordering customer. The creative team was joined by those regional researchers, RSS members, who found this problem interesting and important. The study focused on the attitudes of present-day students to issues of social inequality and social injustice in the country. The independent research task was to figure out to what extent the assessments regarding the problems of social justice made by boys and girls – match / mismatch. To answer this question, one was to first define such concepts as “gender” and “justice”. The paper provides corresponding definitions of the author. Gender can be described in terms of both statics and dynamics. Within a static picture of the world, it implies a conscious value of gender characteristics, socio-cultural manifestation of the fact of being a man or a woman. But in terms of the dynamics of the process, gender is continually produced, reproduced and changes as a result of certain activities of individuals that declare their identity.

Modern society has its certain requirements for role performances by men and women, insists that gender units be reconsidered. Women have to “try on” men's social roles while men, at times, have to demonstrate features of femininity to succeed in society. The results of the applied research revealed no significant differences in gender assessments regarding the problems of social justice made by boys and girls.

The results of the study showed that in the opinion of the youth, a fair society is the one where citizens observe laws even if those are incorrect. Within this society the most required personal features are vitality, proactivity, high qualification and readiness to accept responsibility. Such people are stimulated by society for further activities with decent wages. The order of priorities and ranked assessments of almost all the respondents coincide which could indicate both the proximity of social positions of both the groups within the community (in this case the boys and girls are primarily students) and the reduction of differences in gender attitudes of modern society. However, minor differences revealed in the opinions of both the boys and girls once again confirm the fact that gender as a social phenomenon is formed under the conditions of everyday life of the society.

Keywords: everyday life, gender, gender attitudes, students, social justice.

Повседневность, или повседневная жизнь, — это соотношение человеческих забот и потребностей с путями и методами их решения или удовлетворения при учете непосредственных возможностей, обусловленных экономико-географическими, политическими, социальными и культурными факторами [Бушуев 2013: 18]. Факторы, связанные с организацией внутреннего пространства страны в настоящее время, осложняющие повседневное существование жителей, можно, как нам представляется, выделить в отдельную категорию «жизненных неудобств». Понятно, что многие из этих «неудобств» напрямую зависят от погодных и климатических условий, а некоторые создаются самими жителями. В социологическом исследовании, результаты которого будут представлены ниже, респондентам был задан вопрос: «В российском обществе весомую его долю составляют бедняки, которым не хватает денег даже на полноценное питание, не говоря обо всем остальном. Как Вы думаете, как часто их бедность вызвана следующими причинами?». Более половины опрошенных (57,0 % среди юношей и 60,5 % среди девушек) уверены, что именно плохие условия воспитания, взросления становятся причиной бедности человека. Иначе говоря, это та самая повседневность, которая определяет будущее.

Приметой нашего времени стали определенные «неудобства», связанные с полом самого человека. Динамика изменений во всех основных сферах общественной жизни такова, что зачастую требует отказываться от установок, традиционно предписываемых обществом женскому и мужскому гендерным типам. Как замечает В. Н. Серебрянская, «женщины вынуждены маскулинизировать свои гендерные установки, мужчины зачастую должны демонстрировать черты феминности, чтобы добиться значимых результатов. Причем общественные потребности вариативны и социальным субъектам приходится не один раз менять свои гендерные характеристики, видоизменять их в угоду ситуационных ситуаций» [Серебрянская 2013: 3]. Э. Г. Баландина замечает, что «вброшенный в 1994 г. с легкой руки журналиста Марка Симпсона термин „метросексуал“ через десять лет стал одним из самых популярных

понятий, обозначающих достаточно определенный круг жителей больших городов, преимущественно мужчин. Были попытки наметить и женский вариант метросексуальности, но особого успеха они не имели» [Баландина 2010: 74]. Полагаем, что это истоки тех маленьких тенденций, которые, с одной стороны, не заметны в повседневной жизни, но, с другой стороны, приводят к большим переменам в социуме [см. Пенн 2009; Талей 2010; и др.].

В этой связи было бы интересно понять, как современные студенты — социальная группа, ориентированная на будущее, — видят перспективы справедливого общества, как понимают и проявляют свою идентичность, реализуют гендерные роли в повседневных практиках. Совпадают ли оценки проблем справедливого общества девушками и юношами либо, напротив, расходятся, подчеркивая специфику женского и мужского взгляда на проблемы общества?

Ответы, хотя бы частичные, на многие вопросы можно получить, если обратиться к результатам всероссийского исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», выполненного в преддверии V Всероссийского социологического Конгресса (Екатеринбург, 19–22 октября 2016 г.) под эгидой Российского общества социологов (далее — РОС). Технические параметры выполненного исследования в полном объеме представлены на официальном сайте РОС. Руководители полевого этапа проекта — Ю. Р. Вишневский, доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург), Н. В. Дулина, доктор социологических наук, профессор (г. Волгоград), Е. Н. Икингрин, кандидат социологических наук, доцент (г. Уфа).

Технические параметры выполненного исследования могут быть кратко представлены следующим образом. Всего в ходе исследования опрошено в 26 городах России 3 964 респондента. Респонденты данного исследования — это представители 71 вуза страны. Объект исследования — студенты высших учебных заведений России. Предмет исследования — отношение студентов к социальному неравенству и социальной несправедливости. Метод сбора информации — анкетирование. Дизайн выборки представлен в табл. 1.

Таблица 1. *Дизайн выборки всероссийского исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости», %*

Пол респондентов		Возраст респондентов	
Мужской	31,7	До 18 лет	3,8
Женский	68,3	18 лет	19,7
Курс, на котором обучаются респонденты		19 лет	30,1
1–2 курс	63,8	20 лет	21,4
3 курс	18,1	21 год	15,4
4–5–6 курс	14,6	22 года	5,1
Магистратура (аспирантура, интернатура, ординатура...)	2,7	23 — 29 лет	3,6
Не являюсь студентом	0,7	30 лет и старше	0,8
Специальность, на которой обучаются респонденты			
Техническая		28,7	
Естественнонаучная (биология, география, химия и т. д.)		5,5	
Гуманитарная (психология, социология, литературоведение и т. д.)		39,3	
Экономическая (менеджер, экономист, финансист)		20,5	
Медицинская		1,7	
Военная		0,4	
Другая специальность		3,8	
Вы — верующий человек?			
Да		69,2	
Нет		30,8	

Задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты не могут быть распространены на всю студенческую молодежь страны, а только на исследованную совокупность, либо использоваться как справочные. Однако большой объем «поля» позволяет, как нам представляется, не только предложить достаточный объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы.

Предваряя изложение полученных результатов, заметим, что по меньшей мере две категории — гендер и справедливость — требуют краткого рассмотрения. Наиболее часто встречающееся в работах отечественных авторов определение гендера звучит следующим образом: гендер — это «осознанное значение пола, социокультурная манифестация факта пребывания мужчиной или женщиной, освоенные характеристики, ожидания и модели поведения» [Новейший... 2001: 228]. Развивая данное определение, исследователи пришли к выводам о том, что «признание культурной обусловленности пола, его институциональности и ритуализированного характера ведет и к признанию его конвенциональности, неодинаково проявляющейся в различных культурных и языковых сообществах на различных этапах развития. Все это позволяет подойти к феноменам

мужественность и женственность не как к неизменной природной данности, а как к динамическим, изменчивым продуктам развития человеческого общества, поддающимся социальному манипулированию и моделированию» [Кирилина]. «Гендер, — замечает Е. С. Гриценко, — это не то, что индивид имеет, а то, что он / она делает. С этой точки зрения гендер не просто существует, а постоянно производится, воспроизводится, а также меняется в результате конкретных действий индивидов, заявляющих свою идентичность» [Гриценко 2005]. Для студентов основной социальный статус в настоящее время — это «студент», а группа, с которой они идентифицируют себя в первую очередь, — студенчество. Но вряд ли стоит особо доказывать, что у студентов-юношей и студенток-девушек есть своя собственная картина мира, отличающаяся от общей тонами и полутонами красок, игрой света и тени, в том числе в оценках и понимании сути справедливости.

В инструментарии исследования не было специального вопроса о том, как именно студенты понимают, что такое справедливость: каждый из них вкладывал в это понятие собственные смыслы и содержание. Мы полагаем, что, скорее всего, они исходили из общепринятого понимания данного термина, выставляя критерии оценки и гра-

ницы применения. Тем не менее мы считаем необходимым напомнить, что проблема справедливости для общественных наук не нова и ведет свой отсчет еще со времен Платона, который заложил основы дальнейших подходов к анализу данной категории. Со студенческой скамьи все, кто посещал занятия по обществоведческим дисциплинам, помнят, что в «Утопии» Томаса Мора, «Городе солнца» Томаззо Кампанеллы желаемое социальное устройство рассматривалось как антитеза социальному порядку, наблюдаемому в реальной жизни. В обоих случаях идеальное общество должно было базироваться на идее равенства.

В современных обществах необходимость справедливости и ее формы обсуждаются с начала XVIII в., когда впервые в качестве политической повестки дня встал вопрос об отмене сословных привилегий, равенства и участия граждан в управлении обществом. За последние два столетия понятие справедливости, его определения неоднократно уточнялись и расширялись, включая в себя представления о роли государства, социальных правах и правах меньшинств, социальной мобильности и пр. Уже Адам Смит, один из основателей либеральной экономики, как и многие другие мыслители его эпохи, понимал, что неравенство становится одной из важных проблем развивающегося общества. В раннем марксизме идея справедливости как всеобщего равенства достигла наивысшего развития, но при этом оказалась больше теоретической, чем практической.

Полагаем, что для российского общества проблема справедливости, являясь особенно актуальной, воспринимается весьма остро. Ведь советская политика равенства, переходившая зачастую за грань разумного, сменилась ее полной противоположностью, и за довольно короткий исторический промежуток времени по уровню неравенства российское общество встало в один ряд со странами так называемого третьего мира, многие из которых находятся еще в доиндустриальной эпохе. В работах российских социологов все чаще стала звучать мысль о том, что Россия вернулась на полтора века назад, превратившись в сословное общество, что подобный переход был обусловлен скрытыми механизмами воспроизводства, свойственными ее культуре.

Долгая жизнь понятий как справедливости, так и социальной справедливости не де-

лает эти термины более прозрачными даже в настоящее время. Как замечает Т. В. Шипунова, «ставя в центр внимания социальную справедливость, мы, с одной стороны, задаем ориентиры должного — должного устройства общества, должного отношения к человеку, должной морали, призванной крепить солидарность между людьми, должного государственного правления и т. д. Эти ориентиры представляют собой идеальное видение реальности, некую недостижимую цель, которая, однако, каким-то образом выполняет функцию гуманизации общества. С другой стороны, понятие „социальная справедливость“ является не разработанным, нечетким, полным внутренних противоречий, создающих условия для манипулирования им в самых разных ситуациях: предвыборных кампаниях, оправданиях коммунистической идеологии, создания карательных уголовно-правовых систем, проведения мероприятий по преследованию разных маргинальных групп населения и т. д.» [Шипунова 2005: 227].

Мы полагаем, что в своих ответах на вопросы анкеты студенты исходили из общепринятого определения справедливости в отношении к отдельному человеку как в его взаимоотношениях с другими людьми, так и обществом в целом. Справедливость в отношении к отдельному человеку — это мера воздаяния по заслугам (в идеале) при равенстве прав всех граждан, а «социальная справедливость — это не равенство всех людей, а мера общественной пользы (социальной адекватности) законов и других нормативных предписаний (формальных / неформальных), устанавливающих и поддерживающих на основе соглашения такой порядок жизнедеятельности людей и организаций, физических и юридических лиц, который способствует выживанию и развитию социума, а также обеспечивает интеграцию и достойное существование членов общества» [Шипунова 2005: 235].

Итак, как, по мнению студентов, должна быть устроена жизнь в справедливом обществе? Есть ли различия в оценках между девушками и юношами? Известно, что для справедливого общества характерно соблюдение принципа равной оплаты за труд равной ценности. Иначе говоря, результатом воплощения требований справедливости в оплате труда, в механизме ее регулирования должна быть справедливая заработная плата. С данным тезисом студенты соглас-

ны, поддерживая необходимость оплаты по труду (см. табл. 2). Для более удобного представления полученных результатов и сравнения оценок, выставленных юношами и девушками, наибольшие значения по столбцу в таблицах выделены рамками.

Таблица 2. *Мнение респондентов о том, что в справедливом обществе все люди получают по труду, %*

В справедливом обществе все люди получают по труду.	Пол респондента		
	Мужской	Женский	Итого:
Полностью согласен (+1)	36,1	39,7	38,6
В основном согласен (+0,5)	33,1	30,2	31,1
В чем-то да, в чем-то нет (0)	20,1	18,9	19,3
В основном не согласен (-0,5)	6,7	7,1	7,0
Совсем не согласен (-1)	3,8	4,1	4,0
Среднее	0,455	0,471	0,465

Ответы студентов на этот вопрос представлены не только процентным распределением, но и обобщены в итоговый индекс, минимальное значение которого равно «-1», максимальное — «+1». Отрицательное значение индекса означает, что в ответах студентов преобладают варианты «получает значительно меньше, чем заслуживает» и «получает меньше, чем заслуживает». Положительное значение индекса — «получает значительно больше, чем заслуживает» и «получает больше, чем заслуживает».

Девушки (индекс 0,471) в большей степени, чем юноши (0,455) уверены в том, что в справедливом обществе все люди получают по труду. Считают ли по заданному критерию (справедливая оплата труда) студенты современное общество справедливым? Насколько справедливо, по их мнению, в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров? По мнению студентов, только хозяин небольшого продуктового магазина получает за свой труд столько, сколько заслуживает: такое мнение разделили 72,1 % опрошенных юношей и 71,8 % девушек. По отношению к другим отдельным профессиям, предложенным для оценки, студенты считают оплату труда либо завышенной, либо, напротив, заниженной. Явно завышенной назвали студенты оплату труда министра федерального правительства, рядового чиновника в местной администрации и чуть завышенной — руководителя большого завода. В перечень профессий, где оплата труда явно занижена, попали рядовой инженер на большом заводе, врач в поликлинике, хирург высокой квалификации в городской больнице, профессор университета, рабочий на заводе, дворник,

убирающий улицы города, пенсионер, имеющий сорокалетний рабочий стаж.

Как должна быть устроена жизнь в справедливом обществе? Вполне ожидаемо, что специалисты, имеющие высокую квалификацию, должны зарабатывать больше и, соответственно, жить лучше (см. табл. 3). Поддержка обеими гендерными группами довольно высокая (в целом по массиву индекс 0,479). Однако нельзя не заметить, что девушки с меньшей долей уверенности и категоричности поддержали утверждение о более высокой зарплате специалистов. Если среди юношей полностью уверенных в правоте того, что специалисты, имеющие высокую квалификацию, должны зарабатывать больше, оказалось более трети (38,0 %), то среди девушек — только 30,8 %. Еще более ярко разница в ответах юношей и девушек проявляется, если сравнить средние оценки (условные индексы), сделанные респондентами при ответе на этот вопрос. Среднее значение оценки у юношей составило 0,536, у девушек — только 0,455.

Расхождение в оценках проявилось и в ответах респондентов на вопрос: «В справедливом обществе предприимчивые, энергичные люди живут лучше, чем люди пассивные?». Юноши в большей степени уверены в том, что энергичные люди должны жить лучше, чем пассивные (среднее значение оценки — 0,401). Девушки же сомневаются: среднее значение оценки заметно ниже, чем у юношей — только 0,295. Ответы респондентов на вопрос о том, что в справедливом обществе руководители имеют существенно больший доход, чем рядовые работники, только подтверждают выявленную тенденцию: среднее значение оцен-

ки у юношей — 0,226, у девушек — 0,154. То, что юноши более активно поддерживали утверждение о целесообразности более высокого дохода у руководителя, видимо, можно объяснить тем, что в настоящее время среди руководителей разного уровня и ранга мужчину можно встретить значительно чаще, чем женщину.

Таблица 3. *Оценка респондентами отдельных характеристик людей, востребованных в справедливом обществе, %*

В какой степени Вы согласны со следующими утверждениями?	Пол респондента		
	Мужской	Женский	Итого:
В СО специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией?			
Полностью согласен (+1)	38,0	30,8	33,1
В основном согласен (+0,5)	38,7	39,6	39,3
В чем-то да, в чем-то нет (0)	17,5	21,6	20,3
В основном не согласен (-0,5)	4,0	5,7	5,1
Совсем не согласен (-1)	1,8	2,3	2,1
Среднее	0,536	0,455	0,479
В СО предприимчивые, энергичные люди живут лучше, чем люди пассивные?			
Полностью согласен (+1)	28,7	24,1	25,6
В основном согласен (+0,5)	35,4	30,7	32,2
В чем-то да, в чем-то нет (0)	26,7	29,6	28,7
В основном не согласен (-0,5)	5,7	10,9	9,3
Совсем не согласен (-1)	3,5	4,6	4,2
Среднее	0,401	0,295	0,327
В СО руководители имеют существенно больший доход, чем рядовые работники?			
Полностью согласен (+1)	18,0	14,4	15,5
В основном согласен (+0,5)	31,7	28,9	29,8
В чем-то да, в чем-то нет (0)	32,6	35,0	34,2
В основном не согласен (-0,5)	13,0	16,5	15,4
Совсем не согласен (-1)	4,7	5,2	5,1
Среднее	0,226	0,154	0,176

Современное общество выстроено мужчинами под себя. Власть в нем, как известно, принадлежит мужчинам. И женщинам об этом постоянно напоминают, например, устами В. В. Жириновского: «Женщина должна сидеть дома, плакать, штопать и готовить. Я говорю о реальности — о том, что иначе гибнет общество...». Соответственно, такая система воспроизводит мужскую власть и структуры гендерной идентичности, при которой женщины оцениваются как биологические существа и должны быть заняты в большей степени в семейной сфере, чем в общественной.

Можно заключить, что из всех предложенных к оценке характеристик наиболее поддержана студентами необходимость в справедливом обществе иметь высокую квалификацию (среднее значение по всему массиву — 0,479), и для того чтобы жить

лучше надо быть предприимчивым, энергичным человеком, (среднее значение по всему массиву — 0,327). Согласие с тем, что в справедливом обществе руководитель имеет существенно больший доход, чем рядовые работники (среднее значение по всему массиву — 0,176), заметно уступает двум первым характеристикам. Иначе говоря, личностные характеристики более высоко оцениваются студентами, чем статусные, подтверждая мысль Д. Белла о том, что «если доиндустриальное общество — это „игра против природы“, индустриальное общество — „игра против искусственной природы“, то постиндустриальное общество — это уже „игра между личностями“» [Белл 1999]. Современные студенты — это поколение «Y», взрослевшее в условиях «преодоления посттравматического синдрома», поколение, уверенное, что побеждают и выигрывают энергичные

и предприимчивые, имеющие высокую квалификацию специалисты. Неслучайно среди ценностей, которые разделяют студенты, «свобода» (74,2 % у юношей и 83,1 % у девушек) и «предпринимательство» оказались на одной из самых верхних позиций (62,9 % среди юношей и 61,0 % среди девушек). На верхних позициях студенческого рейтинга оказались еще такие ценности, как «справедливость» (77,2 % у юношей и 86,0 % у девушек), «модернизация» (68,6 % и 67,5 % соответственно) и «порядок» (75,7 % и 83,2 % соответственно).

Право на исключительность и успех должно подтверждаться справедливой оплатой труда. Данное утверждение отчасти подтверждается и неготовностью студентов признать как целесообразную «уравниловку» (см. табл. 4), они, как мы уже упоминали выше, за то, что в справедливом обществе все люди должны получать по труду. Обратим внимание, что именно в ответе на вопрос о распределении доходов поровну

между всеми гражданами, зафиксированы максимально отрицательные коэффициенты средних значений оценки (у юношей — -0,271, у девушек — -0,259).

Обратим внимание на ответы респондентов на вопрос: «В справедливом обществе люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения?» (см. табл. 3). Разница, проявившаяся в ответах юношей и девушек на этот вопрос, не может быть объяснена только погрешностью выборки. Она может рассматриваться как протест девушек, их желание заявить о необходимости равенства возможностей в трудовой карьере. Это только кажется, что цифры сами по себе молчат, и задача исследователя наполнить их смыслом и содержанием. Разница в средних значениях оценок юношей и девушек красноречиво подтверждает, что девушки хотели бы иметь равные возможности в продвижении: среднее значение оценки у юношей – 0,499, у девушек — 0,563.

Таблица 4. *Мнение респондентов о распределении доходов и уплате налогов в справедливом обществе, %*

В какой степени Вы согласны со следующими утверждениями?	Пол респондента		
	Мужской	Женский	Итого:
В справедливом обществе люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения?			
Полностью согласен (+1)	40,4	48,5	45,9
В основном согласен (+0,5)	31,2	26,7	28,1
В чем-то да, в чем-то нет (0)	19,1	16,4	17,3
В основном не согласен (-0,5)	6,7	5,7	6,0
Совсем не согласен (-1)	2,7	2,7	2,7
Среднее	0,499	0,563	0,541
В справедливом обществе все доходы распределяются поровну между всеми гражданами?			
Полностью согласен (+1)	8,1	8,6	8,4
В основном согласен (+0,5)	10,5	10,9	10,8
В чем-то да, в чем-то нет (0)	27,0	25,5	26,0
В основном не согласен (-0,5)	28,1	30,1	29,5
Совсем не согласен (-1)	26,3	24,9	25,4
Среднее	-0,271	-0,259	-0,261
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо, чтобы богатые платили налоги больше, чем бедные?			
Полностью согласен (+1)	30,3	31,7	31,2
В основном согласен (+0,5)	27,4	25,7	26,2
В чем-то да, в чем-то нет (0)	25,2	26,9	26,3
В основном не согласен (-0,5)	9,4	9,8	9,7
Совсем не согласен (-1)	7,8	6,0	6,6
Среднее	0,315	0,336	0,326

В рамках отдельной статьи невозможно представить все результаты, полученные в ходе социологического исследования всероссийского масштаба. Однако, подводя итог выше сказанному, можно заключить, что, по мнению студенчества, справедливое общество — то, в котором люди соблюдают законы, даже если эти законы и неправильные. В таком обществе наиболее востребованы энергичные, предприимчивые, имеющие высокую квалификацию люди, готовые принять на себя ответственность. Таких людей общество стимулирует к дальнейшей работе достойной (справедливой) оплатой их труда. Доходы в справедливом обществе не распределяются поровну между всеми гражданами, а все люди получают по труду. Богатые в справедливом обществе платят налоги больше, чем бедные. В справедливом обществе вовсе не обязательно, чтобы все предприятия принадлежали государству.

Заметим, что в ходе проведенного социологического исследования значимых различий в гендерных оценках справедливого общества у студентов не выявлено. Порядок приоритетов и ранжированные ряды оценок у юношей и девушек совпадают, что может свидетельствовать о близости социальных позиций тех и других в социуме: и юноши, и девушки в данном случае в первую очередь — студенты. Но если присмотреться к «портретам», написанным женской и мужской рукой, то можно заметить и различия, лишней раз подтверждающие, что гендер как социальный феномен формируется в условиях повседневности самого социума.

Литература

- Бушув И. А. Взаимоотношения центра и провинции в контексте изучения вопросов повседневной жизни // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 3. С. 17–21.
- Серебрянская В. Н. Гендерная репрезентация в коммуникации: социально-философский анализ: автореф. дис... канд. филос. наук. Волгоград, 2013. 22 с.
- Баландина Э. Г. Метросексуал в городе: явление, стиль, альтернативы // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2010. № 7 (67). С. 74–82.
- Пенн М. Дж., Залесн К. Э. Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М.: АСТ, 2009. 510 с.
- Талев Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова; под ред. М. Тюнькиной. М.: Азбука–Аттикус, 2010. 456 с.
- Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов; науч. ред. М. А. Можейко, Т. Г. Румянцева. Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. 1280 с.
- Кирилина А. В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации [электронный ресурс] // URL: <http://www.gender-cent.guazan.ru/kirilinal.htm> (дата обращения: 20.03.2015).
- Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т, 2005. 48 с.
- Шутинова Т. В. Социальная справедливость: понятие, виды, критерии оценки // Проблемы теоретической социологии: межвуз. сб. Вып. 5. СПб.: Астерион, 2005. С. 227–247.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 783 с.

References

- Bushuev I. A. *Vzaimootnoshenija centra i provincii v kontekste izuchenija voprosov povsednevnoj zhizni* [Mutual relations between center and provinces in the context of exploring the issues of daily routine]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of Nekrasov Kostroma State University], 2013, vol. 19, No. 3, pp. 17–21 (In Russ.).
- Serebryanskaya V. N. *Gendernaja reprezentacija v kommunikacii: social'no-filosofskij analiz: avtoref. diss... kand. filos. nauk* [The gender representation in communication: a social and philosophical analysis. A Ph. D. thesis abstract]. Volgograd, 2013, 22 p. (In Russ.).
- Balandina E. G. *Metroseksual v gorode: javlenie, stil', al'ternativy* [Metrosexual in the city: phenomenon, style, alternatives]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State Technical University], 2010, No. 7 (67), pp. 74–82 (In Russ.).
- Penn M. J., Zalesne E. K. *Mikrotendencii. Malen'kie izmenenija, privodjashhie k bol'shim peremenam* [Microtrends: The Small Forces Behind Tomorrow's Big Changes]. Moscow, AST Publ., 2009, 510 p. (In Russ.).
- Taleb N. *Chernyj lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti / per. s angl. V. Son'kina, A. Berdichevskogo, M. Kostionovoj, O. Popova*; pod red. M. Tjun'kinoj. M.: Azbuka–Attikus, 2010. 456 s.

- dichevskogo, M. Kostionovoj, O. Popova: pod red. M. Tjun'kinoj* [The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. Transl. by V. Sonkin, A. Berdichevsky, M. Kostionova; edit. by M. Tyunkina]. Moscow, Azbuka–Attikus Publ., 2010, 456 p. (In Russ.).
- Novejšij filozofskij slovar' / sost. i gl. nauch. red. A. A. Gricanov; nauch. red. M. A. Mozhejko, T. G. Rumjanceva* [Up-to-date Philosophical Dictionary. Comp. and edit. by A. Gritsanov. Science editors M. Mozheyko, T. Romyantseva]. Minsk, Interpresservis Book Publ. House, 2001, 1280 p. (In Russ.).
- Kirilina A. V. *Vozmožnosti gendernogo podhoda v antropoorientirovannom izuchenii jazyka i komunikacii* [Opportunities of the gender approach for anthropo-oriented studies of language and communication]. Available at: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/kirilina1.htm> (accessed: 20 March 2015) (In Russ.).
- Gritsenko E. S. *Jazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Language as a means for delineation of gender. A Sc.D. thesis abstract]. Tambov, Tambov State Univ. Press, 2005, 48 p. (In Russ.).
- Shipunova T. V. *Social'naja spravedlivost': ponjatie, vidy, kriterii ocenki* [Social justice: the concept, types, assessment criteria]. *Problemy teoreticheskoj sociologii* [Problems of Theoretical Sociology journal]. Inter-univ. collection of articles. Iss. 5. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2005, pp. 227–247 (In Russ.).
- Bell D. *Grjadushhee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society]. Moscow, Academia Publ., 1999, 783 p. (In Russ.).

УДК 316.4

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ГЕНДЕР: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ОЦЕНКАХ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ СОВРЕМЕННЫМИ СТУДЕНТАМИ

Надежда Васильевна Дулина¹, Евгения Владимировна Ануфриева²

¹ доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии; заведующий, кафедра истории, культуры и социологии, Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, Российская Федерация). E-mail: nv-dulina@yandex.ru.

² кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, истории и социологии; доцент, кафедра истории, культуры и социологии, Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, Российская Федерация). E-mail: ev_anufrieva@mail.ru

Аннотация. Статья основана на результатах эмпирического социологического исследования, которое было проведено среди студентов вузов России. Исследование, инициированное Российским обществом социологов (РОС), носило инициативный характер. В состав творческого коллектива вошли те региональные исследователи, члены РОС, которым данная проблематика показалась интересной и важной. Исследование было посвящено изучению отношения современных студентов к вопросам социального неравенства и социальной справедливости в стране. Самостоятельная исследовательская задача заключалась в том, чтобы выяснить, насколько совпадают / не совпадают оценки проблем справедливого общества, высказанные девушками и юношами. Чтобы ответить на этот вопрос, предварительно необходимо было рассмотреть такие понятия, как «гендер» и «справедливость». Гендер может быть описан как в координатах статичности, так и динамики. В статичной картине мира — это осознанное значение пола, социокультурная манифестация факта пребывания мужчиной или женщиной, а с точки зрения динамики процесса гендер производится, воспроизводится, а также меняется в результате конкретных действий индивидов, заявляющих свою идентичность.

Современное общество предъявляет свои требования к исполнению социальных ролей мужчинами и женщинами, настаивая на пересмотре гендерных установок. Женщины вынуждены «примерять» на себя мужские роли и, соответственно, маскулинизировать свои гендерные установки. Мужчины порой, чтобы преуспеть в обществе, должны демонстрировать черты феминности. Результаты прикладного исследования не выявили значимых различий в гендерных оценках справедливого общества у юношей и девушек.

Результаты исследования показали, что, по мнению молодежи, справедливым можно назвать общество, в котором люди соблюдают законы, даже если эти законы и неправильные. В этом обществе наиболее востребованы энергичные, предприимчивые, имеющие высокую квалификацию люди, готовые принять на себя ответственность, которых общество стимулирует к дальнейшей работе достойной (справедливой) оплатой их труда. В целом порядок приоритетов и ранжированные ряды оценок практически совпадают, что может свидетельствовать как о близости социальных позиций тех и других в социуме (и юноши, и девушки в данном случае в первую очередь — студенты), так и об уменьшении различий в гендерных установках современного социума. Однако незначительные различия, выявленные в позициях юношей и девушек, лишней раз убеждают, что гендер как социальный феномен формируется в условиях повседневности самого социума.

Ключевые слова: повседневность, гендер, гендерные установки, студенты, социальная справедливость.

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 226–233, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-226-233
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 316.35

The Image of a University Teacher in Public Conscience

Anna P. Istomina¹, Anastasiya S. Samoylova²

¹ Ph. D. in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: annaistom@yandex.ru.

² Graduate Student (M. A.), Department of Sociology, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: nas.samojlova2012@yandex.ru.

Abstract

The article discusses the higher education system reforms in Russia which entail changes in attitudes towards knowledge and higher education that are no longer perceived as something good and valuable as such but rather — as services to be purchased. Higher education is becoming a social norm which dramatically reduces its value. Nowadays for many citizens of Russia a Diploma of Higher Education merely acts as a guarantee of employment and it is “the status (that) guarantees a certain material welfare”.

Under the influence of the reforms and information delivered by the media concerning corruption and other negative processes in the educational system, public opinions change as well. And just like in the case of higher education in general, public opinions regarding the teaching staff of universities as the main performers whose work is more accessible and open to public criticism than that of administrative or branch departments — change and vary.

In view of the aforesaid, the hypothesis of the present study is that in the minds of representatives of various social groups — the image of a Russian university teacher is negative or close to it. The sampling frame of the research included 160 respondents who graduated from institutions of higher education at different times. The selection of respondents was based on quota sampling. The main indicator for sample selection was “the graduation year”: before 1991, 1992–2003, 2004–2008, 2009 — till present.

Applying the method of questionnaire surveys, the authors identified the respondents’ opinions regarding the prestige of the profession of a teacher, its complexity, assessments of their attitudes towards the professional group of teachers and, thus, depicted the image of a teacher that has emerged in modern Russian society. The survey study resulted in the conclusions (unified opinions) as follows:

1. A university teacher is a specialist engaged in professional education of young people who also acts as mentor that provides knowledge on the subject and shares experiences students might benefit from in future.

2. The occupational prestige ranking of a university teacher is estimated as average, the degree of complexity being high.

3. In general, the respondents show positive attitudes towards the professional group of teachers.

Keywords: higher education, university teacher, public conscience.

Утверждение, что современная система высшего образования претерпевает изменения, не вызывает сомнений и не требует доказательств. Высшей школе брошен вызов: способна ли она обеспечить доступное, качественное и непрерывное образование всем слоям населения. И от того, каким будет ответ, во многом зависит конкурентоспособность государства на международной арене.

Таким образом, в получении качественного высшего образования как мощнейшего рычага повышения качества жизни как на уровне индивида, так и на уровне социума сходятся интересы граждан и государства, т. е. общества в целом. Поэтому неслучайно вопросу качества высшего образования уделяется столь большое внимание в государстве и обществе, находящее свое отражение в многочисленных выступлениях руководителей страны, образовательной отрасли, академической общественности и СМИ.

Происходящая реформа высшего образования, которая началась с присоединения России к Болонскому процессу в сентябре 2003 г., призвана модернизировать отечественное образование [Болонский процесс и качество образования 2005]. Подписание Болонской декларации явилось стимулирующим фактором в процессе изменений в образовании в соответствии с требованиями рынка, инновационной экономики и в связи с глобализацией во всех сферах жизнедеятельности людей [Сорокина 2013].

В первую очередь меняется ценность высшего образования. До сих пор в российском обществе существует мнение о том, что советское образование было одним из лучших в мире в силу фундаментальности подготовки [Бордовский 2012; Советское образование 2016; и др.]. Переставая быть транслятором знания, опыта, прежних культурных образцов и не создавая более новые нормы и ценности, высшее образование выступает лишь в качестве некоторой гарантии трудоустройства и материального достатка [Не бунтари 2014] и уже не выполняет в должной мере своего предназначения, основы которого были заложены в советскую эпоху.

Под влиянием реформ изменяется не только сама система высшего образования, но и общественное мнение о ней. По данным исследования ФОМ «Зачем нужно высшее образование?», на вопрос «Как Вы считаете, сегодня большая часть российских государственных вузов дают хорошее,

качественное или плохое, некачественное образование?» 25 % респондентов в 2012 г. ответили «плохое», а вот в 2014 г. процент ответивших «плохое» составил уже 29 %. Другие исследования ФОМ также говорят о снижении качества высшего образования. Так, 25 % ответивших считают, что в России оно плохое и 48 % считают его удовлетворительным [Зачем нужно высшее образование 2014]. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, около трети россиян считают, что отечественное высшее образование ниже мирового уровня [Высшее образование в России 2011].

Трансформации общественного мнения в отношении института высшего образования способствует политика Министерства образования и науки Российской Федерации, проводимые им реформы, а также информация, поступающая из СМИ о коррупции и других негативных процессах, протекающих в образовании.

Одной из наиболее тревожных тенденций для высшей школы в последнее время называют снижение показателя соотношения числа профессорско-преподавательского состава на 100 студентов. Так, в среднем этот показатель снизился на 3,4 %. Если по итогам рейтинга 2014 г. на 100 студентов в среднем приходилось 8,33 преподавателя, то теперь — 8,05. Кроме того, вузы начали терять научные кадры: если в 2014 г. число штатных научных работников в научно-исследовательских университетах составляло в среднем 196 человек, по итогам же новых измерений — 179 человек, т. е. оно сократилось на 8,7 % [Число профессоров 2015].

Так же, как в отношении высшего образования в целом, общественное мнение изменяется и в отношении преподавателей вузов. Исследование образа преподавателя высшей школы в общественном сознании современных россиян проводилось с целью выяснения отношения индивидов к профессии, статусу, престижности профессии, а также оценки ее сложности со стороны общественности. В выборочную совокупность исследования вошли 160 респондентов, которые получили высшее образование в разное время. Отбор респондентов проводился на основе выборочной совокупности квотного типа. Показатель «год получения высшего образования» стал основной квотой отбора, которая формировалась следующим образом.

1. До 1991 г. — развитие образовательной системы России рассматривалось в кон-

тексте единой концепции развития образования в СССР.

2. 1992–2003 гг. — Россия присоединилась к Болонскому процессу, подписав Болонскую декларацию.

3. 2004–2008 гг. — стали приниматься государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования второго поколения, ориентированные на получение студентами знаний, умений и навыков.

4. 2009–по настоящее время — были введены два уровня высшего образования: бакалавриат, специалитет; магистратура.

Другими квотами выборочной совокупности явились:

1) наличие / отсутствие опыта преподавательской деятельности, наставничества, обучения;

2) наличие / отсутствие опыта работы по полученной специальности;

3) пол респондента.

Основным методом проведения социологического исследования был выбран анкетный опрос. Первичные эмпирические результаты исследования обработаны с помощью прикладного статистического пакета SPSS 22.0.

Перейдем непосредственно к освещению результатов исследования.

В опросе приняли участие 52 % респондентов женского пола и 48 % мужского пола.

На рисунке 1 представлены данные о том, был ли у опрошенных опыт преподавательской деятельности или опыт наставничества, обучения. Как мы видим, только у 21 % опрошенных был опыт преподавательской деятельности или опыт наставничества, обучения. У остальных 79 % такой опыт отсутствует.

Рисунок 1. *Распределение ответов на вопрос «Был ли у Вас опыт преподавательской деятельности или опыт наставничества, обучения?»*

В таблице 1 представлены данные о наличии / отсутствии опыта работы по полученной специальности.

Таблица 1. *Распределение ответов на вопрос «Работаете/работали ли Вы по полученной специальности?»*

Когда Вы получили высшее образование?	Работаете / работали ли Вы по полученной специальности?	
	Да	Нет
До 1991 г.	67,5 %	32,5 %
1992–2003 гг.	42,5 %	57,5 %
2004–2008 гг.	27,5 %	72,5 %
2009–по настоящее время	25,5 %	74,5 %

Как видно из таблицы 1, к сожалению, наблюдается тенденция снижения доли выпускников вузов, хотя бы когда-то работавших по специальности, полученной

в вузе. Только четверть современных выпускников имеет опыт профессиональной деятельности, а по сравнению с выпускниками 1991 и более ранних годов, данный

показатель снизился на 37,7 %. Это может свидетельствовать о том, что существует дисфункция института высшего образования — обеспечение страны профессиональными кадрами.

В следующем вопросе респондентам необходимо было выбрать наиболее подхо-

дящее определение преподавателя высшей школы из предложенных вариантов. В данном случае мы сравнили ответы респондентов, которые получили высшее образование до 1991 г., в 1992–2003 гг., в 2004–2008 гг. и в 2009 г. – по настоящее время. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. *Характеристика преподавателя вуза*

Преподаватель высшей школы — это	Когда Вы получили высшее образование?			
	до 1991 г.	1992–2003 гг.	2004–2008 гг.	2009–по настоящее время
профессионал, осуществляющий подготовку молодежи к профессиональной деятельности	77,5 %	27,5 %	40 %	32 %
специалист, предоставляющий образовательные услуги в сфере высшего образования	2,5 %	22,5 %	25 %	25 %
наставник, дающий знания не только по предмету, но и опыт, который пригодится в жизни	20 %	47,5 %	30 %	42,5 %
коррупционер, бездельник, угнетатель студентов	0 %	2,5 %	5 %	0 %

Как видно из сводной таблицы 2, респонденты, получившие высшее образование до 1991 г., и выпускники 2004–2008 гг. считают, что преподаватель высшей школы — это профессионал, осуществляющий подготовку молодежи к профессиональной деятельности. Так считают 77,5 % и 40 % соответственно. Те, кто получил высшее образование в 1992–2004 гг. (47,5 %) и в 2009 г.–по настоящее время (42,5 %), считают, что преподаватель высшей школы — это наставник, дающий знания не только по предмету, но и опыт, который пригодится в жизни. Особое внимание привлекает резкое увеличение (на 20 %) и последующая стабилизация числа тех, кто считает, что преподаватель вуза предоставляет образовательные услуги, что связано с переходом высшего

образования в систему рыночных отношений и трансформацией ценности высшего образования.

Как уже было сказано выше, в современной высшей школе число профессорско-преподавательского состава сокращается, кроме этого, статистика показывает, что наблюдаются такие процессы, как старение и гендерный дисбаланс в профессии. Но в общественном сознании уход мужчин из преподавательской профессии еще не зафиксирован: на вопрос «Для Вас преподаватель вуза — это» 53,1 % респондентов ответили, что это мужчина; 46,9 % — женщина (см. рис. 2). В ответах респондентов разных категорий по полу, году получения высшего образования и других критериев различий не выявлено.

Рисунок 2. *Распределение ответов на вопрос: «Для Вас преподаватель вуза — это»*

Начиная с 1960–1970-х гг. в социологии разрабатываются шкалы профессионального престижа. Теоретически шкалы профессионального престижа основаны на структурном анализе последствий разделения труда в обществе. Разделение труда приводит к существованию профессий, которые требуют разной квалификации и предпо-

лагают различный контроль над ресурсами. Профессии по-разному вознаграждаются как материально, так и символически, и поэтому одни занятия более престижны, нежели другие. На рисунке 3 представлены данные об оценке уровня престижности профессии преподавателя в современном обществе.

Рисунок 3. *Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили уровень престижности профессии преподавателя?»*

Как видим, большинство респондентов (41 %) считают уровень престижности профессии преподавателя высшей школы средним; 26 % — выше среднего; 16 % отмечают высокий уровень престижности профессии преподавателя. В ответах респондентов

разных категорий по полу, году получения высшего образования и других критериев различий не выявлено.

На рисунке 4 показан уровень сложности профессии преподавателя.

Рисунок 4. *Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили уровень сложности профессии преподавателя?»*

Как видно из рисунка, 46 % опрошенных считают, что уровень сложности профессии преподавателя вуза — высокий; 27 % — выше среднего, и 17 % опрошенных считают, что уровень сложности профессии преподавателя — средний. В ответах респондентов разных категорий по полу, году получения высшего образова-

ния и других критериев различий не выявлено.

Далее респондентам необходимо было оценить свое отношение к профессиональной группе преподавателей вузов по шкале от «0» до «10», где «0» — очень негативно, «10» — очень позитивно. Полученные результаты представлены на рисунке 5.

Рисунок 5. *Распределение ответов на вопрос «Оцените Ваше отношение к профессиональной группе преподавателей по шкале от «0» до «10»»*

Как видно из рисунка, большинство респондентов — 95 % — относится к профессиональной группе преподавателей позитивно (дают оценку от «6» до «10»). Те же, кто давал негативную оценку (от «0» до «5»), объясняли свой выбор тем, что преподавателей, которые действительно чему-то учат, мало; у преподавателей нет должной подготовки и знаний. В ответах респондентов разных категорий по полу, году получения высшего образования и других критериев различий не выявлено.

Согласно результатам проведенного исследования, можно сделать следующие выводы: во-первых, преподаватель высшей школы — это профессионал, осуществляющий подготовку молодежи к профессиональной деятельности, а также наставник, дающий не только знания по предмету, но и опыт, который пригодится в жизни. Во-вторых, уровень престижности профессии преподавателя вуза — средний, а уровень сложности — высокий. В целом респонденты позитивно относятся к профессиональной группе преподавателей. По мнению респондентов, преподавателем высшей школы должен быть мужчина. Кроме того, проведенный анализ парных распределений не

выявил существенных различий в установлении образа преподавателя высшей школы и таких переменных, как пол, год получения высшего образования и т. д., за исключением вопроса о выборе наиболее подходящего определения, кем является преподаватель высшей школы.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-33-01350/15 «Коммуникативная солидарность в виртуальной сфере: проблемы информационного противоборства в современных локальных конфликтах».

Литература

- Андреев А. А. Роль и проблемы преподавателя в среде e-Learning // Высшее образование в России. № 8–9. 2010. С. 41–45.
- Барсукова Т. И. Девиации в студенческой среде вузовских второкурсников и пути их преодоления // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. № 4. 2012. С. 137–139.
- Белоцерковский А. В. Российское высшее образование: о вызовах и рисках // Высшее образование в России. № 7. 2012. С. 3–9.

- Бордовский Г. А. Современное образование: какое оно? // *Universum: Вестник Герценовского университета*. № 1. 2012. С. 10–15.
- Вербицкий А. А. Преподаватель — главный субъект реформы образования // *Высшее образование в России*. № 4. 2014. С. 13–20.
- Высшее образование в России: качество, ценность, востребованность [электронный ресурс] // URL: http://www.old.wciom.ru/fileadmin/news/2011/obrazovanie_12.12.11.pdf (дата обращения: 07.10.2016).
- Ганич А. Э. Влияние виртуальных медиа на коммуникативную сплоченность в современном обществе // *Социально-гуманитарные знания*. № 9. 2012. С. 138–142.
- Зачем нужно высшее образование? [электронный ресурс] // URL: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11596> (дата обращения: 07.10.2016).
- Не бунтари, а приспособленцы [электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/2014/05/05/ne-buntari-a-prisposoblentsy> (дата обращения: 07.10.2016).
- Петров А. В., Грудзинский А. О., Щербань М. Ю., Машина И. А. Болонский процесс и качество образования. Ч. 3. Опыт вузов. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. 122 с.
- Сенашенко В. С., Ткач Г. Ф. О тенденциях формирования российской высшей школы // *Высшее образование в России*. № 10. 2010. С. 29–42.
- Серякова С. Б., Красинская Л. Ф. Реформа высшего образования глазами преподавателей: результаты исследования // *Высшее образование в России*. № 11. 2013. С. 22–30.
- Советское образование, в отличие от современного, шло навстречу ребенку [электронный ресурс] // URL: <http://mel.fm/2016/08/08/arbatoва#!> (дата обращения: 07.10.2016).
- Сорокина Н. Д. Модернизация образования и вызовы современности // IV Очередной Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие». КС 15. Высшая школа в новых социальных реалиях [электронный ресурс] // URL: <https://docs.google.com/viewer?docx=1&url=http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part70.pdf> (дата обращения: 07.10.2016).
- Число профессоров в вузах уменьшается, а обучение дорожает [электронный ресурс] // URL: <http://izvestia.ru/news/587296> (дата обращения: 07.10.2016).
- Шановалов В. К. Социологическая интерпретация карьеры как социального процесса // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. № 3. 2011. С. 151–156.
- References**
- Andreev A. A. *Rol' i problemy prepodavatelja v srede e-Learning* [The role and problems of the teacher in e-Learning environment]. *Vyshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia journal], No. 8–9, 2010, pp. 41–45 (In Russ.).
- Barsukova T. I. *Deviacii v studencheskoj srede vuzovskih vtorokursnikov i puti ih preodolenija* [Deviations among 2nd-year university students and ways to overcome them]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Newsletter of North-Caucasus Federal University], No. 4, 2012, pp. 137–139 (In Russ.).
- Belotserkovskii A. V. *Rossijskoe vysshee obrazovanie: o vyzovah i riskah* [On the challenges and risks to Russian higher professional education]. *Vyshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia journal], No. 7, 2012, pp. 3–9 (In Russ.).
- Bordovskiy G. A. *Sovremennoe obrazovanie: kakoe ono?* [Modern education: what is it?]. *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta* [Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia], No. 1, 2012, pp. 10–15 (In Russ.).
- Verbitsky A. A. *Prepodavatel' — glavnyj sub'ekt reformy obrazovaniya* [Teacher as a main subject of the educational reform]. *Vyshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia journal], No. 4, 2014, pp. 13–20 (In Russ.).
- Vyshee obrazovanie v Rossii: kachestvo, cennost', vostrebovannost'* [Higher education in Russia: quality, value, demand]. Available at: http://www.old.wciom.ru/fileadmin/news/2011/obrazovanie_12.12.11.pdf (accessed: 7 October 2016) (In Russ.).
- Gapich A. E. *Vlijanie virtual'nyh media na kommunikativnuju splochnost' v sovremennom obshchestve* [The influence of virtual media in communicative cohesion in society]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-Humanitarian Knowledge journal], No. 9, 2012, pp. 138–142 (In Russ.).
- Zachem nuzhno vysshee obrazovanie?* [Why do we need higher education?]. Available at: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11596> (accessed: 7 October 2016) (In Russ.).
- Ne buntari, a prisposoblency* [Not rebels but trimmers]. Available at: <http://www.levada.ru/2014/05/05/ne-buntari-a-prisposoblentsy> (accessed: 7 October 2016) (In Russ.).
- Petrov A. V., Grudzinski A. O., Shcherban M. U., Mashina I. A. *Boloniskij process i kachestvo obrazovaniya. Ch. 3. Opyt vuzov* [The Bologna

- process and quality of education. Part 3. Experience of universities]. Nizhny Novgorod, Lobachevsky University Press, 2005, 122 p. (In Russ.).
- Sovetskoe obrazovanie, v otlichie ot sovremennogo, shlo navstrechu rebenku* [The Soviet educational system — as distinguished from the modern one — would tend to meet the needs of a child]. Available at: <http://mel.fm/2016/08/08/arbatoва> (accessed: 7 October 2016) (In Russ.).
- Senashenko V. S., Tkach G. F. *O tendencijah reformirovanija rossijskoj vysshej shkoly* [Some trends in Russian higher school reforming]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia journal], No. 10, 2010, pp. 29–42 (In Russ.).
- Seryakov S. B., Krasinskaya L. F. *Reforma vysshego obrazovanija glazami prepodavatelej: rezul'taty issledovanija* [Reorganization of higher education through the eyes (of) lecturers: study results]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia journal], No. 11, 2013, pp. 22–30 (In Russ.).
- Sorokina N. D. *Modernizacija obrazovanija i vyzovy sovremennosti* [Modernization of education and challenges of contemporaneity]. *IV Ocherednoj Vserossijskij sociologicheskij kongress Sociologija i obshhestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie. KS 15. Vysshaja shkola v novyh social'nyh realijah* [The 4th All-Russia Sociological Congress — Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development. Higher education in new social realities]. Available at: <https://docs.google.com/viewer?docex=1&url=http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part70.pdf> (accessed: 7 October 2016) (In Russ.).
- Chislo professorov v vuzah umen'shaetsja, a obuchenie dorozhaet* [The decline in the number of university professors is accompanied by a rise in tuition fees]. Available at: <http://izvestia.ru/news/587296> (accessed: 7 October 2016) (In Russ.).
- Shapovalov V. K. *Sociologicheskaja interpretacija kar'ery kak social'nogo processa* [A sociological interpretation of a career in the form of a social process]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Newsletter of North-Caucasus Federal University], No. 3, 2011, pp. 151–156 (In Russ.).

УДК 316.35

ОБРАЗ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Анна Петровна Истомина¹, Анастасия Сергеевна Самойлова²

¹ кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Российская Федерация). E-mail: annaistom@yandex.ru.

² магистрант, кафедра социологии, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Российская Федерация). E-mail: nas.samojlova2012@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена изучению образа преподавателя высшей школы, сложившегося в сознании различных категорий населения. В связи с непрекращающимися реформами, высшее образование для многих россиян выступает лишь в качестве некоторой гарантии трудоустройства материального достатка и уже не выполняет в должной мере своего предназначения, основы которого были заложены в советскую эпоху. Под влиянием реформ изменяется не только сама система высшего образования, но и общественное мнение о ней. Трансформации общественного мнения в отношении института высшего образования способствует политика Министерства образования и науки Российской Федерации, проводимые им реформы, а также информация, поступающая из СМИ о коррупции и других негативных процессах, протекающих в образовании. Так же, как и в отношении высшего образования в целом, общественное мнение изменяется и в отношении преподавателей вузов. Через ответы респондентов об уровне престижности профессии преподавателя, ее сложности, оценке своего отношения к профессиональной группе преподавателей, через выбор определений «преподаватель высшей школы — это» описывается образ преподавателя, сложившийся в современном российском обществе.

Ключевые слова: высшее образование, преподаватель вуза, общественное сознание.

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 234–241, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-234-241
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 316.334.55/56

Sociocultural Resources of the Region as a Factor in the Development of Rural Tourism

Nadezhda N. Zykova¹, Iraida D. Tumbaeva², Vera P. Rukomojnikova³

¹ Ph. D. in Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences and Technologies, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: ZykovaNN@volgategch.net.

² Associate Professor, Department of Social Sciences and Technologies, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: TumbaevaID@volgategch.net.

³ Ph. D. in Philology, Associate Professor, Department of Social Sciences and Technologies, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: RukomojnikovaVP@volgategch.net.

Abstract

The article analyzes the programs of social and economic development of Russia's regions. It actually focuses on the main directions for the development of domestic tourism in the Mari El Republic. Ethno-tourism is a priority direction of tourism development in the region. Special attention is paid to the forms of the organization of rural tourism.

The region under study has low current socio-cultural indicators. The Mari El Republic is located on an average level of modernization: low rates of economic development, negative dynamics of demographic processes, low level of incomes of the population, high level of poverty. At the same time, the social survey shows a low level of migratory moods, a positive attitude of rural residents to the region, high rates of social stability, protection from various social and political risks and dangers. The values of well-being, work, and traditions are of great importance for the rural population. The traditionalism is based on a high level of religiosity. The entrepreneurial potential of the rural population is low enough and is limited both by the shortage of funds for initial investment and by low motivation. The employment of people by state-owned organizations contributes to the fact that people retain exploded attitudes and inclinations to the stability of incomes. Currently, 7% of respondents are engaged in entrepreneurial activity. 14% of the respondents expressed a desire to "have a business of their own". The study revealed no negative attitude towards entrepreneurs.

The article presents the results of the investigation of three case studies of rural tourism in the region. The authors of the article conducted three informal interviews with entrepreneurs that own small tourist businesses. The interviews revealed some specific features of motivation of the entrepreneurs and their interaction with the population. The informants had had considerable experience in other business areas before they turned to rural tourism. And those were social motives that the entrepreneurs were guided by. This resulted in their positive attitudes towards local communities. They are enthusiasts of local tourism development. However, their efforts are not enough to form a market for rural tourism services. It is necessary that the state should support and establish target programs in order to create a supportive institutional environment.

Keywords: rural tourism, socio-cultural resources, tourism and recreation cluster, modernization, value system of the rural population.

Глубокое понимание специфики социокультурных характеристик региональных территориальных общностей является необходимой предпосылкой разработки адекватных механизмов модернизации российских регионов. Реализуемая Центром изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук исследовательская программа «Проблемы социокультурного развития России и ее регионов» позволяет получить объективную картину уровня модернизации и потенциала развития региона. В рамках исследования проблемы оценки эффективности стратегических программ развития территории в аспекте внутреннего туризма авторами было проведено социологическое исследование с использованием методики «Социокультурный портрет региона» [Лапин, Беяева 2010].

Эмпирическую базу исследования составили данные государственной статистики и результаты социологического опроса сельского населения ($N = 225$ человек), а также результаты опроса предпринимателей в сфере сельского туризма. Выборочная совокупность формировалась как гнездовая, проведен сплошной опрос взрослого населения трех населенных пунктов республики Марий Эл: деревни Малый Кугунур, Алешкино, Ошутьял в Оршанском, Килемарском и Звениговском районах республики.

Марий Эл — небольшой по численности населения (687 435 чел.) регион с пониженной долей городского населения (65,19 %), основные типы поселений — сельские и малые города. В республике проживают представители более 120 национальностей: 45,1 % русских, 41,8 % мари, 5,5 % татар, 7,6 % других [Куклина 2015]. В 2012 г. республика занимала 71-е место среди 83 субъектов Российской Федерации по интегрированным показателям социально-экономического развития, а в 2014 г. — 66 место [рассчитано авторами по: Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ 2014]. Среднегодовой темп прироста валового регионального продукта по Республике Марий Эл за 12 лет (2001–2012 гг.) составил 5,7 %, объем валового регионального продукта на душу населения вырос в 11,2 раза (в РФ — в 8,8 раза, в Приволжском Федеральном округе (далее — ПФО) — в 8,1 раза). В структуре валового регионального продукта наибольшую долю занимают обрабатывающие производства (29,8 %) и

сельское хозяйство (13,4 %) [Социально-экономическое... 2015]. Отраслевая специализация экономики региона — агропромышленная.

Демографические процессы в республике соответствуют общероссийским тенденциям. В 2014 г. коэффициент рождаемости составил 14,8 на 1 000 человек, уровень рождаемости превысил уровень смертности, однако продолжается снижение численности населения региона. Среднедушевые денежные доходы в 2013 г. составили 14 517 руб., а среднемесячная номинальная начисленная заработная плата — 18 360 руб. [Социально-экономическое... 2015]. Каждый пятый житель республики (19,5 %) имеет доходы ниже прожиточного минимума.

В республике действует 6 учреждений высшего профессионального образования, где обучаются 20,4 тыс. человек [Регионы России 2014] или 313 студентов в пересчете на 10 000 населения, что примерно на 20 % ниже среднероссийского показателя. Исследователи считают, что регион «уже длительное время находится в состоянии модернизированности 2-го типа. Для него характерен застой (рост без развития), одной из причин которого является несбалансированность параметров модернизации ввиду заметного отставания компонентов экономического и когнитивного индикаторов» [Тарасов и др. 2015: 16]. В республике до настоящего времени не преодолены последствия промышленного обвала 90-х гг. XX в., хотя осуществляются меры по диверсификации экономики, в частности, принята целевая программа «Развитие туризма в Республике Марий Эл на 2011–2016 гг.».

Республика обладает неплохим туристским потенциалом, а также объективными предпосылками для его развития [Полухина, Талалаев 2014: 68]. В Марий Эл остались самобытная культура и традиции, марийский народ сохранил обычаи, религию, обряды финно-угров. Это единственный в Европе народ, имеющий язычество как официальную религию. В республике есть немало священных рощ, некоторые из которых охраняются государством. Природно-рекреационный комплекс республики включает большое количество малых рек и озер и 2 природных заповедника.

В Марий Эл работают 66 туроператорских и турагентских фирм, инфраструктура включает 40 гостиниц и гостевых домов, 30 объектов санаторно-оздоровительной отрас-

ли, 27 туристических комплексов и баз отдыха. Большинство туркомплексов и баз отдыха расположено в живописных сельских местах и предоставляет комплекс услуг, соответствующих содержанию сельского туризма. Сегодня на территории республики уже реализуется ряд проектов этнокультурного туризма: марийская туристическая деревня «Шоруньжа», «Визимбирь», этнотуристический комплекс «Чодыраял» и другие. В республике проводятся этнические праздники. Так, автором фестиваля «Земля предков» стал руководитель гостевого комплекса «Околица», расположенного в дер. Алешкино. Кроме того, функционируют туристические комплексы при фермах и предприятиях, перерабатывающих сельхозпродукцию: ферма «Кумыс(ру)» и ферма «Лукоз».

В 2014 г. внутренний и въездной туристские потоки (с учетом экскурсантов) составили 422,3 тыс. человек [Информация о деятельности.. 2014]. В перспективе на территории республики с участием частных инвесторов предусматривается создание туристско-рекреационных кластеров «Царьград» в Йошкар-Оле и «Волгыдо» в Горномарийском районе и г. Козьмодемьянске в рамках мероприятий федеральной программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ» с объемом инвестиций более 4 млрд руб.

Авторы считают, что необходимо больше уделять внимания развитию сельского туризма, включающего все виды времяпровождения городских жителей в сельской местности, т. е. элементы отдыха и оздоровительных мероприятий, этнографические экскурсии и т. д. [Здоров 2009: 149]. В настоящее время развитие данного вида туризма трактуется как одно из направлений инновационного развития агропромышленного комплекса, которое способствует решению социально-экономических проблем сельского населения, повышению его культурно-образовательного уровня, стимулирует сохранение местных обычаев, народных промыслов [Трибунская 2012: 198]. С учетом потенциала рекреационных ресурсов региона в качестве приоритетного направления выбрано развитие экологического, этнографического, сельского туризма, ориентированного в основном на внутренних российских потребителей.

Сельский туризм как вид бизнеса является сравнительно новым направлением в

туристской индустрии России, хотя «отдых в деревне» является совершенно традиционной для городского населения культурно-досуговой практикой, которая ранее осуществлялась преимущественно в рамках неформальных связей (отдых у родственников, друзей). В современных условиях эта практика коммерциализируется и становится более современной и разнообразной по содержанию и способам организации. Появились теоретические разработки содержания понятия, анализ организационных моделей, региональной специфики. Т. Е. Гварлиани обосновывает важное отличие аграрного туризма: исключительная особенность его, по мнению исследователя, заключается в материальной выгоде от участия туриста в сельском труде: получение туристом в виде вознаграждения части собираемого урожая или возможность приобретения продуктов (экологически чистых) по сниженным ценам, компенсация трудовым участием стоимости проживания [Гварлиани и др. 2011: 63]. На наш взгляд, это повышает доступность сельского туризма для малообеспеченных слоев городского населения.

Субъектами оказания услуг сельского туризма, как правило, являются: предприятия малого бизнеса, оказывающие услуги размещения, питания, экскурсионного обслуживания; крестьянское (фермерское) хозяйство, личное подсобное хозяйство, фермеры; пищевые перерабатывающие предприятия; администрации особо охраняемых природных территорий; учреждения культуры и спорта на селе, в некоторых случаях — школьные учреждения; религиозные объекты; сельские жители и дачники. Сельский туризм ориентирован на широкое использование природных, исторических, социокультурных объектов и других ресурсов сельской местности для создания комплексного регионального туристского продукта.

На основании исследования зарубежного опыта в развитии сельского туризма выделяются несколько моделей. Первая модель предполагает развитие бизнеса на базе малого семейного гостиничного хозяйства. Вторая предусматривает строительство крупных и средних частных объектов в сельской местности: специализированные частные отели в форме стилизованных деревень, культурно-этнографических центров и т. п. Третья модель предполагает создание государственных (реже частных) сельскохозяйственных парков [Жукова и др. 2013: 153].

С целью изучения социокультурных характеристик населения и отношения к развитию предпринимательской деятельности в республике (в том числе и в сфере сельского туризма) был проведен опрос сельского населения. Для большинства респондентов это их малая родина: 61,2 % родились в этих деревнях, еще четверть респондентов «приехали по своему желанию из другого населенного пункта республики». Только каждый десятый житель приехал из другого региона. Социально-демографические характеристики в целом соответствуют показателям сельского населения. Национальный состав респондентов следующий: 56 % — мари, 39 % — русские и 5 % — татары, удмурты, чуваша. Среди респондентов 21,7 % — люди пенсионного возраста, 19 % — молодежь в возрасте до 25 лет.

Республика Марий Эл по показателям экономического развития находится в нижней части списка регионов ПФО, тем не менее среди ответов на вопросы о социальном самочувствии оптимистичные и критические оценки практически уравниваются друг друга: 28,3 % опрошенных считают, что «в нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах», большинство (60 %) согласны с мнением, что по сравнению с одними регионами люди живут лучше, а по сравнению с другими — хуже. Среди привлекательных черт региона большинство (86,4 %) отметили красивую природу. Это единственный значимый позитивный фактор наряду с хорошей экологией. Среди непривлекательных черт региона относительное большинство (44 %) отмечают, что «жизнь здесь заглохла», однако 95 % респондентов не намерены менять место жительства. Свое отношение к региону позитивно оценили 68,4 %. Все опрошенные сельчане согласны с тем, что необходимо предпринимать усилия для развития республики и улучшения жизни населения.

Приведем рейтинг актуальности социальных проблем республики и, соответственно, задач, требующих решения: создавать новые рабочие места (61,9 %); улучшить медицинское обслуживание (39,9 %); развивать малый и средний бизнес (39 %); быстрее строить новые дороги (27,8 %); строить доступное жилье (26,9 %); решительнее отстаивать интересы региона в центре (23,3 %); усилить государственный контроль за экономикой (18,4 %); навести порядок, бороться с криминалом и коррупцией

(17,5 %). На итоговый вопрос о социальном самочувствии «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» 66,1 % респондентов ответили положительно. Каждый десятый не удовлетворен своей жизнью в настоящее время. В будущее сельчане смотрят с оптимизмом: 56,5 % уверены в своем будущем, 7,6 % не уверены.

В сельской местности остро стоит проблема трудоустройства. Около половины респондентов (46,9 %) на момент опроса не работали. Из тех, кто имеет оплачиваемую занятость, 40,5 % работают в государственных или муниципальных организациях и 36,7 % — на частных предприятиях. Для 5,6 % респондентов источником дохода являются индивидуальная трудовая деятельность и крестьянское хозяйство, а 15,6 % заняты на временных работах. Довольно широкое распространение имеет практика неформальной занятости. Письменный трудовой договор на основной работе имеют 65,1 % респондентов. Безусловно, это влияет на предпочтения респондентов в выборе сферы занятости: 61,4 % хотели бы работать на государственном, муниципальном, предприятии и иметь «пусть небольшой, но твердый заработок, уверенность в завтрашнем дне». Только 20 % респондентов предпочитают работать на частном предприятии. Самостоятельную занятость, связанную как с сельским хозяйством, так и с другими сферами деятельности, хотели бы иметь 16,3 %. Уровень жизни населения в республике характеризуется довольно низкими показателями. Согласно самооценке, 46,8 % бедны или имеют доходы на уровне малообеспеченности, каждая третья семья относится к «обеспеченным», и 18,8 % считают себя «зжиточными». Но в динамике уровня жизни наблюдаются позитивные тенденции: 47,3 % опрошенных ответили, что по сравнению с прошлым годом их семья стала жить лучше, у 13,8 % материальное положение ухудшилось. Несмотря на объективно низкие доходы, самооценка социального статуса у сельских жителей довольно высокая. Большинство (63,3 %) отнесли себя к среднему слою, 13,6 % — к слою выше среднего, 21,2 % причислили себя к слою ниже среднего и нижнему. При этом образ жизни сельчан нельзя назвать архаичным. Большинство сельских жителей использует современные средства связи. 95,7 % респондентов пользуются мобильным телефоном, 55,5 % — компьютером и 57,8 % — Интер-

нетом. Основными источниками информации о жизни республики и страны для большинства остаются газеты (63,3 %) и телевидение (86,2 %). Уровень религиозности среди сельского населения высокий: 88,9 % признают себя верующими людьми. Преобладают сторонники православия (90,4 %); 5 % придерживаются традиционных языческих верований, 3,2 % исповедуют ислам. Распространено своеобразное «двоеверие», когда заметная часть православных мари соблюдает некоторые языческие обряды.

В ПФО «сложилась две модели ценностного сознания: первая связана с индивидуалистической структурой ценностей, вторая, традиционная, — с характерными для нее верой в преэминентность власти, уважением к традициям, ориентацией на семью, воспитание детей» [Тарасов и др. 2015: 14]. Наше исследование подтверждает эти выводы. Интегрирующее ядро включает три базовые ценности: «жизнь» — средневзвешенный балл по 5-балльной шкале — 4,68 балла; «семья» — 4,6 балла; «нравственность» — 4,4 балла; непосредственно примыкает к ядру «порядок» — 4,37 балла. В отличие от среднероссийской структуры, в которой «нравственность» входит в оппозирующий дифференциал, в республике эту ценность поддерживают 82,3 % сельских жителей. В интегрирующий резерв входят 6 ценностей: «благополучие» — 4,33 балла, «работа» и «общительность» — 4,09 балла, «независимость» — 4,08 балла, «традиция» — 4,03 балла, «свобода» — 3,97 балла. Дифференцирующий кластер включает ценности «инициативность» (3,8 балла) и «жертвенность» (3,75 балла). Перспективы эволюции «инициативности», как отмечает Н. И. Лапин, «амбивалентны и в регионах, и в целом в России» [Лапин 2010], что в полной мере относится и к Республике Марий Эл. Это означает, что государственные структуры, а не гражданское общество в обозримой перспективе будут аттракторами модернизации региона. На периферии находятся «власть» (2,62 балла) и традиционное «своеволие» (2,31 балла). В целом при общем совпадении структуры ценностных ориентаций сельское население несколько больше поддерживает традиционные ценности.

Стабильная ситуация характерна для разных аспектов жизни республики, что ассоциируется с довольно высоким уровнем защищенности от различных рисков и опасностей. Средний индекс защищенности

составил 0,71, что выше среднероссийского показателя. Наиболее защищенными сельские жители чувствуют себя от дискриминации по национальному и религиозному признакам, полу, возрасту, политическим убеждениям. Самое низкое значение имеет индекс защищенности от произвола чиновников (0,63), но и этот показатель имеет значение, превышающее среднероссийское.

Итак, можно сделать следующие выводы. Сельское население постепенно адаптировалось к новой социально-экономической реальности. Критически оценивая возможности трудоустройства, медицинское обслуживание, транспортную инфраструктуру, жители деревень не проявляют миграционных намерений, постепенно сокращаются процессы маргинализации. Осознаются преимущества сельского образа жизни: хорошая экология, стабильность социальных связей. Традиционализм ценностей опирается на высокий уровень религиозности.

Предпринимательский потенциал сельского населения низок и ограничен как недостатком средств для первоначальных инвестиций, так и низкой мотивацией, преобладанием установки на стабильные доходы, которые обеспечивает занятость в государственных организациях. Вместе с тем не выявлено негативного отношения к предпринимателям. Во всех населенных пунктах, выступавших объектами исследования, функционируют туристские комплексы. Все предприятия квалифицируются как «малый бизнес», устойчиво работают на рынке более трех лет, активно позиционируя свои услуги как сельский туризм и служа типичными примерами существующей практики в данной сфере. Неформализованные интервью с предпринимателями позволили выявить некоторые особенности их мотивации и взаимодействия с населением. Информанты пришли в сферу сельского туризма, имея за плечами значительный опыт деятельности в других сферах бизнеса. Один из мотивов — желание «уйти от городской суеты», но при этом сохранить активный образ жизни, «поддержать движение по возрождению деревень России», «развивать и поддерживать национальную культуру марийского народа». Наличие социальной составляющей в мотивации предпринимателей обуславливает их позитивное отношение к местному сообществу. Жители отметили положительные результаты деятельности предпринимателей для местного

населения (в одном случае была отремонтирована дорога, в другом — открыт магазин). Деятельность энтузиастов типична для начального этапа развития новых направлений, таких, как сельский туризм. Однако усилий энтузиастов недостаточно для того, чтобы сформировался развитый рынок услуг сельского туризма (Италия, Греция, Кипр). За рубежом развитие сельского туризма прошло две стадии: 1) становление за счет активности сельских предпринимателей; 2) целенаправленное развитие вследствие внешних инвестиций. Развитие сельского туризма в Республике Марий Эл находится на первой стадии. Для перехода на вторую необходима поддержка со стороны государства в виде разработки целевых программ и создания благоприятной институциональной среды.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России согласно заданию № 2014/82 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного проекта № 1378 «Социально-культурные ресурсы модернизации в оценке эффективности стратегических программ развития территории в аспекте внутреннего туризма».

Литература

- Гварлиани Т. Е., Бородин А. Н. Сельский и аграрный туризм как специфические виды туризма // *Terra Economicus*. 2011. Т. 9. № 4. С. 61–65.
- Жукова М. А., Чудновский А. Д., Курбакова О. А. Методика выбора модели развития сельского туризма в российских регионах // *Известия Сочинского государственного университета*. 2013. № 1–2 (24). С. 152–161.
- Здоров А. В. Комплексное развитие туризма в сельской местности // *Проблемы прогнозирования*. 2009. № 4. С. 149–153.
- Информация о деятельности Комитета Республики Марий Эл по туризму за 2014 год [электронный ресурс] // URL: <http://mari-el.gov.ru/komtut/Pages/plans.aspx> (дата обращения: 08.07.2015).
- Кужлина Э. В Уфе на Культурный форум собрались представители разных народов [электронный ресурс] // URL: <http://mari-arслан.ru/node/1639> (дата обращения: 08.07.2015).
- Латин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация–2010). М.: ИФРАН, 2010. 111 с.

Полухина А. Н., Талалаев М. В. Проблемы развития предпринимательства в сфере туризма в регионах России. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2014. 232 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели — 2014 г. [электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/Main.htm (дата обращения: 23.07.2015).

Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2014 года [электронный ресурс] // URL: <http://riarating.ru/infografika/20150616/610658857.html> (дата обращения: 10.07.2015).

Социально-экономическое положение Республики Марий Эл в январе–декабре 2014 года: дополнение к докладу (официальное издание). Йошкар-Ола: Тер. орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл (Маристат), 2015. 64 с.

Тарасов В. Т., Бойко И. И., Харитонова В. Г. Неравномерность модернизации регионов Приволжского федерального округа // *Социологические исследования*. 2015. № 1. С. 11–19.

Трибунская У. Г. Роль сельского туризма в развитии региона // *Направления повышения стратегической конкурентоспособности аграрного сектора экономики: Мат-лы Межд. науч.-практ. конф.* Тамбов, 2012. С. 198–201.

References

- Gvarliani T. E., Borodin A. N. *Sel'skiy i agrarnyy turizm kak spetsificheskie vidy turizma* [Rural and agricultural tourism as specific types of tourism]. *Terra Economicus* (journal), 2011, vol. 9, No. 4, pp. 61–65 (In Russ.).
- Zhukova M. A., Chudnovskiy A. D., Kurbakova O. A. *Metodika vybora modeli razvitiya sel'skogo turizma v rossiyskikh regionakh* [Selection of rural tourism development model in Russia's regions]. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Sochi Journal of Economy], 2013, No. 1–2 (24), pp. 152–161 (In Russ.).
- Zdorov A. V. *Kompleksnoe razvitie turizma v sel'skoy mestnosti* [Comprehensive development of tourism in rural areas]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development journal], 2009, No. 4, pp. 149–153 (In Russ.).
- Informatsiya o deyatel'nosti Komiteta Respubliki Mariy El po turizmu za 2014 god* [Information on the activities of the Mari El Republican Committee for tourism as of 2014]. Available at: <http://mari-el.gov.ru/komtut/Pages/plans.aspx> (accessed: 8 July 2015) (In Russ.).

- Kuklina E. V. *Ufe na Kul'turnyy forum sobralis' predstaviteli raznykh narodov* [Ufa-based Cultural Forum has been attended by representatives of different peoples]. Available at: <http://mari-arслан.ru/ru/node/1639> (accessed: 8 July 2015) (In Russ.).
- Lapin N. I., Belyaeva L. A. *Programma i tipovoy instrumentariy "Sotsiokul'turnyy portret regiona Rossii" (Modifikatsiya–2010)* [The program and standard range of tools "Socio-cultural portrait of a region of Russia" (2010 Modification)]. Moscow, Inst. of Philosophy of the RAS, 2010, 111 p. (In Russ.).
- Polukhina A. N., Talalaev M. V. *Problemy razvitiya predprinimatel'stva v sfere turizma v regionakh Rossii* [Problems of entrepreneurial development in the sphere of tourism in Russia's regions]. Yoshkar-Ola, Volga State Univ. of Technology Press, 2014, 232 p. (In Russ.).
- Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli — 2014 g.* [Regions of Russia: socio-economic indicators]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/Main.htm (accessed: 23 July 2015) (In Russ.).
- Reyting sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya sub'ektov RF po itogam 2014 goda* [Socio-economic ratings of Russia's federal subjects as of 2014]. Available at: <http://riarating.ru/info-grafika/20150616/610658857.html> (accessed: 10 July 2015) (In Russ.).
- Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Mariy El v yanvare–dekabre 2014 goda: dopolnenie k dokladu (ofitsial'noe izdanie)* [Socio-economic conditions in the Mari El Republic as of January–December 2014: a supplement to the Report (official edition)]. Yoshkar-Ola, Mari El (Republican) Ter. Office of Russian Federal State Statistics Service (Maristat), 2015, 64 p. (In Russ.).
- Tarasov V. T., Boyko I. I., Kharitonova V. G. *Neravnomernost' modernizatsii regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga* [Unevenness of modernization of the regions within the Volga Federal District]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* (journal), 2015, No. 1, pp. 11–19 (In Russ.).
- Tribunskaya U. G. *Rol' sel'skogo turizma v razvitiy regiona* [The role of rural tourism in the development of a region]. *Napravleniya povysheniya strategicheskoy konkurentosposobnosti agrarnogo sektora ekonomiki: mat-ly Mezhd. nauch.-praktich. konf.* [Proc. of the Internat. Conference — Directions for Further Competitive Recovery of the Agricultural Sector of the Economy]. Tambov, 2012, pp. 198–201 (In Russ.).

УДК 316.334.55/56

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ РЕГИОНА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА

Надежда Николаевна Зыкова¹, Ираида Дмитриевна Тумбаева², Вера Павловна Рукомойникова³

¹ кандидат социологических наук, доцент, кафедра социальных наук и технологий, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация). E-mail: ZykovaNN@volgatech.net.

² доцент, кафедра социальных наук и технологий, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация). E-mail: TumbaevaID@volgatech.net.

³ кандидат филологических наук, доцент, кафедра социальных наук и технологий, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация). E-mail: RukomojnikovaVP@volgatech.net.

Аннотация. Рассматриваются объективные и субъективные факторы развития сельского туризма: природно-рекреационные ресурсы, инфраструктура сферы туризма в Республике Марий Эл. Проанализированы основные направления, развития внутреннего и въездного туризма в Республике Марий Эл на основе программы социально-экономического развития региона. Приоритетным направлением развития туризма в регионе является этно-туризм. В связи с этим реализуются проекты по созданию объектов и инфраструктуры этно-туризма: «Царьград», «Волгыдо», «Чодырьял» и другие. Показатели социокультурного состояния Республики Марий Эл свидетель-

ствуют о среднем уровне модернизованности региона: низкие темпы экономического развития, отрицательная динамика демографических процессов, низкий уровень доходов населения, высокий уровень бедности. Вместе с тем, опрос населения показал невысокий уровень миграционных настроений, позитивное отношение сельских жителей к своему региону, высокие показатели социальной стабильности, защищенности от различных социальных и политических рисков и опасностей (дискриминации по национальному и религиозному признакам, полу, возрасту, политическим убеждениям), прочность социальных связей. Представлены результаты изучения трех кейсов практики организации сельского туризма в регионе, предприятий малого бизнеса, для которых туризм является основной сферой деятельности.

Ключевые слова: сельский туризм, социокультурные ресурсы, туристско-рекреационные кластеры, модернизация, ценностные ориентации сельского населения.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Археология

Столяров А. А. Археологические и эпиграфические источники по истории Бенгалии и Бихара VIII–XII вв. 3

Отечественная история

Тепкеев В. Т., Санчилов В. П. Калмыцко-тибетские отношения на рубеже XVII–XVIII вв. 12

Оконова Л. В. Сводные годовые отчеты Калмыцкого управления: источниковедческая эвристика 21

Очилов У. Б. Аннотированные списки участников Великой Отечественной войны, призванных из Калмыкии: историографический обзор 29

Цыпилова С. С. Женские неправительственные организации в современной Монголии 41

Этнология и Антропология

Бакаева Э. П. К вопросу о цветовой символике костюма ойратов 48

Шараева Т. И. К вопросу о происхождении этнической группы *улдчнр*. 59

ЛИНГВИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Лингвистика

Мушаев В. Н. Исследование этнического языкового сознания и ассоциативный эксперимент (на материале калмыцкого языка) 68

Трегубова Д. Д. Бурятский язык в глобальной языковой системе. 75

Сагидолда Г., Ескеева М., Абдуалиулы Б. К вопросу о сравнительном изучении аффиксов именного словообразования в сарыг-уйгурском языке 83

Абаева Ю. Д. Звуковой облик нижеудинского говора бурятского языка: современное состояние 95

Баянова А. Т. Особенности перевода безэквивалентной лексики на немецкий язык (на примере текстов калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом) 103

Бембеев Е. В. Буддийская устаревшая лексика (на материале Национального корпуса калмыцкого языка) 112

Куканова В. В. Опыт реконструкций значений лексических единиц, употребляющихся в эпосе «Джангар» 121

Рассадин В. И., Трофимова С. М. Лексика некоторых продуктов традиционного мясного, мучного и растительного питания в халхаском, бурятском и калмыцком языках 132

Бурькин А. А. Сравнение монгольской графики и «ясного письма» Зая-пандиты в свете общей теории письма и истории письменностей народов Центральной Азии XVII в. 137

Литературоведение

Дарибазарон Д. Э. «Вспахивать золу vs. вспахивать поле»: изучение текстов *ламрим* в буддийских монастырях 146

Хохмандал Х. Значение и степень влияния, оказанная романом «Прозрачный тамир» на литературу Внутренней Монголии 154

Фольклористика

Биткеев П. Ц., Биткеева Г. С. Сакральные ценности эпоса «Джангар» 160

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тхамокова Ж. Г.</i> К вопросу о взаимодействии сказок народов Кавказа (на материале бытовых сказок)	168
<i>Алиева Ф. А.</i> Поэтический мир любовной поэзии в фольклоре даргинцев	177

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Гапич А. Э., Истомина А. П.</i> Методологические особенности исследования коммуникативной солидарности в социальных медиа. . .	185
<i>Лушников Д., Волчинский А.</i> Проблема критериев и показателей выделения среднего класса в современном российском обществе (в период до социально-экономического кризиса 2014 года)	192
<i>Алмазова Л. И.</i> Исламские политические движения и группы в современной России	201
<i>Дулина Н. В., Ануфриева Е. В.</i> Повседневность и гендер: общее и особенное в оценках социальной справедливости современными студентами	216
<i>Истомина А. П., Самойлова А. С.</i> Образ преподавателя высшей школы в общественном сознании	226
<i>Зыкова Н. Н., Тумбаева И. Д., Рукомойникова В. П.</i> Социокультурные ресурсы региона как фактор развития сельского туризма	234

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН
2016. № 4 (26)

Сдано в набор 18.11.2016. Подписано в печать 26.11.2016.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 28,4.
Тираж 300 экз. Заказ 24-16.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр
Российской академии наук»

Отпечатано в ФГБУН «Калмыцкий научный центр РАН»
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.
ISSN 2410-7670 (online)
ISSN 2075-7794 (print)

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

2016. № 4 (26)
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
канд. филол. наук *В. В. Куканова*

Заместитель главного редактора:
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*

Редакционный совет:
акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),
акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р юрид. наук *Д. М. Демичев* (Беларусь),
д-р экон. наук *О. В. Иншаков* (Россия, г. Волгоград), д-р филол. наук *М. И. Магомедов* (Россия, г. Махачкала),
д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р филол. наук *Чао Геджин* (Китай),
д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия), акад. РАО, д-р пед. наук *П. М. Эрдниева* (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),
канд. юрид. наук *Л. В. Батиев* (г. Ростов-на-Дону), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р ист. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева* (отв. секретарь),
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, д-р филол. наук *Т. Г. Басангова*, канд. филол. наук *Е. В. Бембеев*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, канд. филол. наук *Б. А. Кичикова*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*,
канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*, канд. филол. наук *Э. У. Омакаева*,
канд. полит. наук *Н. Г. Очирова*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев*, канд. ист. наук *В. П. Санчилов* (г. Элиста)

Адрес редакции и издателя:
Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8.
Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; факс: (84722) 2-37-84.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

